«Я точно не образец добродетели»

МИК ДЖАГГЕР

ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ

КРИСТОФЕР АНДЕРСЕН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мик Джаггер – живая легенда, один из столпов современной культуры. Более полувека он – с *Rolling Stones* и без них – продолжает завораживать, восхищать и шокировать публику. Хотя о Мике писали и пишут чрезвычайно много, до сих пор ему удавалось сохранить в тайне целый ряд эпизодов своей жизни. Несмотря на огромный интерес к своей персоне, легендарный рокер поклялся, что никогда не напишет историю своей жизни. За него это сделал Кристофер Андерсен.

Журналист-биограф раскрыл в своей книге все тайны одной из самых противоречивых и загадочных фигур рок-эпохи. Основанная на многочисленных интервью с членами группы, друзьями, коллегами-музыкантами, персонажами тусовки, женами и бесчисленными подружками, наполненная уникальными фактами и потрясающими откровениями, эта книга – наиболее яркий и полный портрет артиста, само имя которого символизирует рок-н-ролл.

- Кристофер Андерсен
  - Предисловие
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Благодарности
  - Источники
    -
    - Главы 1-3
    - Главы 4-6
    - Главы 7-10
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

○ 5
○ 6

Кристофер Андерсен
Мик Джаггер. Великий и ужасный

Моей жене Валери

«Понятно, что я не буду заниматься этим вечно!»

Мик Джаггер,

Ноябрь 1969 года

Предисловие

В 2002 году Лиззи Джаггер показала своему 59-летнему отцу клип Джастина Тимберлейка *Cry Me a River*, в котором кумир девочек-подростков пел о своей несчастной любви к Бритни Спирс. «Видишь эту сцену, пап? – спросила Лиззи. – Все так и было». Мик Джаггер скептически промычал – он всегда понимал, что правила, применимые к другим звездам, не работают в его случае. «Если бы я о себе написал, о своей жизни, как оно все было, без балды, – ответил он, – люди бы содрогнулись».

Но это вряд ли отпугнуло бы миллионы его поклонников, составляющих уже не одно поколение, для которых понятие «кураж Джаггера» всегда было идеалом крутости, всего передового, причем не только пятьдесят лет назад, когда Мик впервые вышел на сцену в составе *The Rolling Stones*, но и в наши дни. Сейчас, когда группа перешагнула полувековой рубеж, многие современные исполнители – в их числе *Ke$ha*, Канье Уэст и *Black Eyed Peas* – называют их своими учителями, и самой яркой данью уважения можно считать клип Адама Левайна из группы *Maroon 5* и Кристины Агилеры, *Moves Like Jagger* («Двигается как Джаггер»). Впервые он был показан по каналу *NBC* на реалити-шоу *The Voice* в июне 2011 года и сразу же стал хитом. Видеоряд, в котором кадры поющего долговязого Левайна с татуировками по всему телу и соблазнительной Кристины чередовались с бесподобными фрагментами старых записей Джаггера (настоящей звезды клипа), скачущего по сцене в своей неповторимой манере, оставался ключевым событием музыкальной сцены вплоть до конца года.

Кто он? «Джек-попрыгунчик»? «Уличный боец»? «Полуночный гуляка»? «Мужчина состоятельный и со вкусом»? Оказывается, что и то, и другое, и третье, и множество других личин в придачу. Мик Джаггер оригинален и неповторим, это один из столпов современной культуры. Элегантный, куражистый, порой зловещий, гипнотизирующий… он схватил нас за горло, проник в наше коллективное бессознательное и не отпускает уже более полувека, чего не скажешь о многих других его одаренных ровесниках.

Многие называют его последним титаном рок-музыки, хотя и это определение слишком мало для него. Едва ли кто-то, кроме него, сумел так глубоко впитать в себя музыкальное разнообразие стольких десятилетий – бурных шестидесятых, гедонистических семидесятых, деловых восьмидесятых, всеядных девяностых и требовательных двухтысячных.

Начиная с поколения бэби-бумеров в Мике причудливым образом преломлялось любое популярное увлечение, любой писк моды, любой тренд, любое направление. Не успели «Битлы» создать образ «приглаженных бунтарей», как на сцену вышли грязные, непричесанные, нахальные и грубые «Роллинги». Студенты выбегали на улицы в знак протеста против войны во Вьетнаме, и Мик предлагал им преисполненные гнева песни.

Никакая другая группа настолько полно не воплотила в своей жизни знаменитый лозунг психоделической эпохи: «Секс, наркотики и рок-н-ролл». А когда все вдруг заинтересовались оккультизмом, Мик не просто постарался изобразить из себя мистика, а надел алый плащ самого Люцифера.

Имея за плечами славу мачо и уличного задиры, Мик внезапно сделался воплощением двуполого красавчика, знающего толк в макияже и помаде и исследующего свою бисексуальность. А затем совершенно безболезненно перешел в эпоху диско, облачившись в атласные комбинезоны, обсыпав себя блестками и выдавая танцевальные хиты в перерывах между вечеринками с кокаином.

Рейгановские восьмидесятые с их лозунгом «Просто скажи нет!» заставили Мика в очередной раз сменить образ. Теперь он был семейным человеком, сурово порицающим наркотики. «На самом деле я ничем таким не занимался», – заявлял он уверенным тоном, как будто предыдущих тридцати лет вовсе не существовало.

И в этом весь Мик, дерзкий, нахальный, не знающий границ. Все, чем он занимался по жизни, как на сцене, так и вне ее, становилось больше, ярче, громче. Будучи главным исполнителем «Роллингов», он пропел, протанцевал, проскакал и конечно же выдал бездну куража, больше любого исполнителя рок-музыки. В списке самых прибыльных концертных туров за всю историю их проведения концерты *Rolling Stones* заняли первое, третье, четвертое, пятое и девятое места.

Ну и конечно же поражает количество проданных записей – целых 250 миллионов альбомов. В ежегодных чартах группу неизменно признавали величайшей рок-группой всех времен. Само собой разумеется, что Мик автоматически становился рок-вокалистом номер один.

Не подводил Мик жадных до сенсаций журналистов и за пределами сцены, поддерживая образ надменного, эгоистичного сибарита, отрицающего любые нормы, как и положено рок-звезде. Авторы статей смаковали мельчайшие подробности связанных с ним скандалов, обсуждали детали личной жизни; предметом их расследований становились роскошные дома и лимузины,

частные самолеты и яхты, наркотики, женщины и иногда мужчины. Но прежде всего женщины.

Попутно Мик использовал знания, полученные в Лондонской школе экономики, чтобы помочь группе заработать миллиарды, благодаря чему все ее члены разбогатели до полного неприличия. В случае с самим Миком речь идет о состоянии в 400 миллионов долларов. Вместе с тем он упорно пытался проникнуть в высшие круги британского общества, и это стремление было вознаграждено, когда его удостоили рыцарского звания.

Несмотря на то что всю свою сознательную жизнь он поет песни, направленные против элиты, его связывает немало общего с английской аристократией, и это лишь один пример тех противоречий, клубок которых представляет собой Джаггер как человек. Школьник из английского пригорода, впервые выступивший на сцене с американским блюзом; сын преподавателя физкультуры, ставший образцом законченного гедониста; уличный хулиган с утонченными вкусами джентльмена; откровенный бисексуал, обожающий женщин сверх всякой меры; рыцарь королевства, против которого бунтовал целых полвека; легкомысленный повеса, имевший длительные и серьезные отношения с человеком, утверждающим, что совершенно не понимает его, – Китом Ричардсом.

Сейчас, когда группа отметила пятидесятилетний юбилей, о Мике Джаггере говорят чаще, чем о любом другом человеке на планете, – о нем пишут книги, обсуждают его похождения и высказывания, а его личная жизнь становится предметом домыслов. Однако он продолжает оставаться загадкой, как это свойственно всем гениальным личностям.

В конце концов, в этом весь он – неповторимый сгусток энергии, образец стихийной природной силы, харизматическая личность, обреченная на успех, не важно, в составе «Роллингов» или без них, – вот уже полвека он удивляет, восхищает и очаровывает нас. Скандалы, драмы, деньги, музыка, слава, наркотики, секс и гениальность – все это и многое другое слилось в одной личности, чье имя стало символом целой эпохи. Это Мик Джаггер.

«Я из лучшего, что есть в Англии. Я и еще королева».

Мик

Позвольте представиться,
Я мужчина состоятельный и со вкусом…

Sympathy for the Devil

«Пронырливый сукин сын, мать его, в этом ему не откажешь».

Кит Ричардс

Глава первая
«Пусть засунут этот титул себе в задницу»

Букингемский дворец
Пятница, 12 декабря 2003 года

Принц Чарльз одернул рукава своей адмиральской формы, прокашлялся и пробежался глазами по списку гостей. Он искал среди них одно имя.

– Ага, – сказал он, остановив указательный палец примерно на середине листа. – Сэр Майкл Джаггер. Значит, на этот раз он будет.

– Да, сэр, – отозвался лорд-гофмейстер, отвечавший за то, чтобы церемония проходила строго по плану. – Даже представить себе не могу, что он не придет.

До сих пор Мик слишком демонстративно пренебрегал посвящением в рыцари. Он откладывал дату раз десять и в последний раз отказался, когда кроме него должны были посвящать Джонни «Уилко» Уилкинсона, знаменитого регбиста, обеспечившего Англии первое место на Кубке мира. Очевидно, шестидесятилетнему Мику не хотелось делить внимание публики с двадцатичетырехлетним спортсменом.

– Да, в это непросто поверить, – сказал принц Уэльский, покачав головой. – Мик Джаггер – рыцарь. Невероятно.

Затем, повернувшись к старшему церемониймейстеру, добавил:

– Моя мать решила поберечь свои нервы.

В том, что Чарльз замещал королеву на такой церемонии, ничего необычного не было. Такое иногда случалось, когда она болела или не могла присутствовать в силу иных обстоятельств. Но в данном случае она удивила не только сына, но и распорядителей, выбрав именно этот день для небольшой операции на своем левом колене, которую доктор советовал ей уже на протяжении года. Всего лишь пару дней назад, принимая в Букингемском дворце Уилкинсона и других членов сборной, да еще после устроенного в честь победы парада в центральном Лондоне, она казалась совершенно здоровой.

«Когда королева увидела в списке Мика Джаггера, она решила провести этот день в другом месте, – позже делился своими наблюдениями старший придворный. – Ничто в мире не заставило бы ее присутствовать на этом мероприятии».

Королева долго противилась попыткам премьер-министра Тони Блэра включить Джаггера в число людей искусства, ученых, дипломатов, артистов, академиков, государственных служащих, спортсменов и бизнесменов, которых дважды в год награждают за выдающиеся заслуги членством в Превосходнейшем ордене Британской империи. Большинство удостаивается более скромных званий кавалера, офицера или командора ордена; каждый год их набирается около двух с половиной тысяч, и хотя для награждения формально требуется согласие монарха, редко кто из них удостаивается личного внимания королевы.

Но титул рыцаря – другое дело. Это вторая после пэрства наивысшая награда, которую имеет право пожаловать королева, поэтому ко всем кандидатам на титул «рыцаря» или «дамы» она относится с особенным вниманием. И все же, после того как правительство составило список, королева лишь в исключительных случаях высказывает сомнения, пусть даже в частной беседе.

Как раз таким исключением стал Мик Джаггер. Тони Блэр, по собственному признанию, большой фанат рока и любитель поиграть на воображаемой гитаре, предложил сделать Джаггера рыцарем в 1997 году, едва лишь став премьер-министром. Впервые он встретился со своим кумиром на званом обеде у лорда Мандельсона, еще будучи молодым членом парламента. «Тони набрался храбрости и подошел к Мику, – вспоминал Мандельсон. – Глядя тому прямо в глаза, он произнес: „Я всегда хотел сказать, как много вы для меня значили“. При этом у него на лице застыло подобострастное выражение. Я даже думал, что он вот-вот попросит у него автограф».

К сожалению Блэра, его предложение вызвало решительный отпор со стороны королевы. Целых пять лет Блэр упорно включал имя Джаггера в список кандидатов на рыцарский титул, и каждый раз королева заявляла, что он «недостоин».

И дело тут было отнюдь не в его профессии. Королева не возражала против других звезд рок– и поп-музыки – вспомнить хотя бы посвящение в рыцари Пола Маккартни и Элтона Джона. Но Джаггер – случай особый. В отличие от большинства кандидатов, несмотря на свое немалое состояние, он редко занимался благотворительностью, да и патриотичностью тоже не отличался. Если другие британские звезды оставались в Англии и в обмен на такую привилегию платили непомерные налоги, то Джаггер, желая избежать лишних расходов, еще в начале 1970-х официально поселился за границей.

Главное же было в том, что королева испытывала личную неприязнь к Джаггеру и ко всему, что он олицетворял начиная с

1960-х годов. Как никто другой, Мик был воплощением бесшабашного образа жизни той эпохи: секс, наркотики, эгоистичная погоня за удовольствиями. Его ранний имидж – всклокоченные волосы, неопрятная одежда, хмурый вид, грубость – был намеренным вызовом социальному порядку, во главе которого она стояла.

Что касается личной жизни, то Мик произвел на свет семь детей от четырех разных женщин, но все прекрасно знали, что это лишь крошечная вершина огромного сексуального айсберга. Что до наркотиков, то он неоднократно подвергался арестам, был дважды судим и один раз ненадолго оказался за решеткой. Какое-то время казалось даже, что он серьезно «встал на темную сторону», когда исполнил песню *Sympathy for the Devil* («Симпатия к дьяволу») и нанял банду мотоциклистов «Ангелы ада» для охраны печально известного рок-фестиваля в Алтамонте в Калифорнии, который закончился поножовщиной и жестоким убийством.

Мик на протяжении многих лет регулярно высмеивал королевскую семью, а саму королеву называл не иначе как «главная ведьма Англии». Неоднократно он выступал с призывами к революции. Однажды без всякой иронии или сарказма он заявил, что «анархия – это единственный проблеск надежды. Такого понятия, как частная собственность, вообще не должно существовать».

Помимо всего этого ужасного позерства, королеву, очевидно, раздражали вещи и более личного плана. Ее всегда волновала слишком близкая и потенциально взрывоопасная связь Джаггера с ее покойной сестрой, принцессой Маргарет, известной своим вольным нравом. Раз за разом королеве приходилось вмешиваться, чтобы замять очередной скандал, в который оказывались вовлечены Джаггер и принцесса Маргарет – в частности, если бы их участие в одной сексуально-наркотической вечеринке в свое время стало достоянием гласности, то это угрожало бы, по крайней мере, отставкой правительства, если не дискредитацией самого института монархии.

Королеве было неприятно и то, что Мик, несмотря на внешнюю позу бунтаря, в глубине души питал весьма честолюбивые мечты. «Мик всегда хотел стать одним из них, – признавался давний друг Джаггера и автор биографических статей Кит Олтхэм. – Он с самого начала мечтал попасть в аристократы. Какой там рыцарь? Принц, не меньше!»

Так что Мик в глазах королевы представал двуличным негодяем, пытавшимся подняться по социальной лестнице, играя на слабостях ее сестры. «Королева очень любила свою сестру и

переживала за нее. Джаггер был другом принцессы Маргарет более сорока лет, и все это время королева считала, что он оказывает на нее разлагающее влияние».

Неудивительно, что утром того самого дня, когда Мик должен был удостоиться титула, королева без лишней шумихи отправилась в больницу Короля Эдуарда VII. Операция по удалению коленного хряща прошла успешно, но доктора решили также удалить некоторые образования на королевском лице, в результате чего остались шрамы в области левого глаза и на носу. Когда через два дня королева вышла из больницы, опираясь на трость, наблюдатели были шокированы ее видом. «Казалось, что королева как-то сразу превратилась в хрупкую, ранимую старушку», – писал журналист из газеты *Daily Mail*.

Саму королеву, впрочем, это мало волновало. Одному из врачей она заявила: «Я скорее останусь здесь, чем отправлюсь в Букингемский дворец на это посвящение».

Вот так и получилось, что участвовать в церемонии пришлось принцу Чарльзу. Несколькими годами ранее, на одном из концертов, проводимых его благотворительным фондом, принц в разговоре с Джаггером удивился, что тот ни разу не попадал в список награждаемых. Но позже Чарльз признался помощнику, что не имел в виду рыцарский титул – «разве что командора».

К рок-музыканту у принца Чарльза имелись свои претензии. Горячей поклонницей *Rolling Stones* и Мика Джаггера в частности была принцесса Диана. В 1981 году, вскоре после свадьбы, Диана, тогда всего лишь двадцатилетняя девушка, захотела пригласить Джаггера на чаепитие в Кенсингтонский дворец. Несмотря на то что сам принц был влюблен в Камиллу Паркер, в нем взыграла ревность. Он прекрасно знал о сомнительной репутации ловеласа и поспешил отменить приглашение. Последовала ссора, и в качестве компромисса Диана согласилась принять в Кенсингтонском дворце другого рок-музыканта, которым оказался менее угрожающий Фил Коллинз, в то время состоявший в браке, преждевременно облысевший и далеко не в лучшей форме.

Почти так же сильно, как и репутация Джаггера, принца Чарльза раздражало демонстративное пренебрежение правилами приличия. На одном из званых обедов благотворительного фонда, который проходил в Виндзорском замке в июне 1991 года, Мика сфотографировали пожимающим руку принцу Чарльзу, притом что другую свою руку он держал в кармане – вопиющее нарушение придворного этикета. На следующий день газеты вышли с кричащими заголовками «Невиданное оскорбление королевского семейства». Принц с королевой всегда остро

реагировали на подобные случаи, тем более что фотографии появились в газетах по всему миру. «Чарльза это рассердило не на шутку, – однажды сказала Диана про тот инцидент. – Это одна из глупостей, о которых они никогда не забывают».

Единственный человек, мнение которого хоть что-нибудь значило для Мика, никогда не скрывал своего презрительного отношения ко всей этой мишуре. За два года до церемонии Джаггер позвонил Киту Ричардсу, чтобы сообщить потрясающую, по его мнению, новость.

– Кит, послушай, что скажу. Тони Блэр настаивает, чтобы я принял рыцарский титул.

– Да ладно тебе, – неодобрительно отозвался Ричардс. – Херня какая-то! Рыцарский титул. На хрена он тебе? Это как-то не по-нашему.

– Ну, Пол – рыцарь, и Элтон тоже, – неуверенно сказал Мик. – От таких вещей ведь не отказываются?

Последовала пауза. Незадолго до этого Мик присутствовал на церемонии открытия Центра Мика Джаггера в Дартфордской грамматической школе, в той самой подготовительной школе, где в конце 1950-х он получал нагоняи за длинные волосы и узкие джинсы. Неужели старый приятель Кита так сильно изменился? Неужели за сорок лет борец с системой превратился в респектабельного буржуа?

– Отказаться можно от чего угодно, старина, – ответил Кит скептически. – Скажи им, пусть засунут этот титул себе в задницу.

Черный «Бентли» проследовал по Бёрдкейдж-Уок, свернул на Бакингем-Гейт, а потом, миновав ворота, подъехал ко Входу послов. Лакей поспешил открыть дверь автомобиля, но худощавый мужчина со знакомым лицом вышел с другой стороны и, не говоря ни слова, взбежал по покрытым красным ковром ступеням.

Оказавшись внутри, он прошел к подковообразной Большой лестнице, откуда его провели в зал ожидания. Прохаживаясь вдоль стен, Мик рассматривал картины Рембрандта, Вермеера, Ван Дейка и Рубенса. Здесь же стояли его коллеги-кандидаты, некоторые в своих национальных одеждах: шотландцы в килтах, буддисты в шафрановых одеяниях, женщины в ярких сари. Иногда виднелись военная форма или сюртук для утренних визитов, но больше всего было строгих костюмов. Многие женщины также были в строгих костюмах или коктейльных платьях, и почти у всех на голове красовался классический атрибут британской моды – шляпка.

Слуги, должно быть, вздохнули с облегчением, увидев, как

Джаггер снял свой кожаный плащ и красный кашемировый шарф длиной почти в два метра. Под верхней одеждой оказались полосатый пиджак с кожаными отворотами, а также галстук. Выбор обуви, впрочем, не радовал: кроссовки *Adidas* стоимостью 55 долларов.

Сама церемония посвящения должна была проходить в бело-золотом бальном зале, построенном при королеве Виктории в 1854 году, самом просторном во всем дворце. Несколько сотен гостей – каждый из сотни награждаемых имел право пригласить трех человек – расселись с программками в руках, взволнованно ожидая, когда же объявят имена их знакомых или близких. Мик пригласил своего отца Джо, которому на тот момент исполнилось девяносто два года, и двух дочерей: тридцатитрехлетнюю Карис и девятнадцатилетнюю Элизабет. «Прийти хотелось всем, но больше трех не разрешили, – сказал Мик. – Я выбрал их в порядке старшинства и доступности».

Ровно в одиннадцать оркестр на балконе заиграл, и по центральному проходу торжественно промаршировали пять солдат королевской гвардии, сформированной в 1485 году королем Генрихом VII, известные всему миру «бифитеры».

Затем вошел принц Чарльз в сопровождении двух дежурных офицеров-гуркхов, согласно традиции, заложенной королевой Викторией в 1876 году. Пока оркестр играл «Боже, храни королеву!», Чарльз стоял по стойке смирно между двумя тронами на помосте, под бархатным дурбарским балдахином, под которым в 1911 году король Георг V был объявлен императором Индии.

– Прошу вас, садитесь! – обратился Чарльз к собравшимся и остался стоять в ожидании, когда лорд-гофмейстер объявит имя первого почетного гостя. Рядом с принцем стоял шталмейстер, в обязанности которого входило шепотом сообщать монаршей особе сведения об очередном награждаемом.

Мик нетерпеливо переминался с ноги на ногу в зале ожидания, жуя жвачку и позвякивая мелочью в карманах. Когда один из королевских «привратников-джентльменов» – в данном случае контр-адмирал Королевского флота – сообщил Мику, что он должен присоединиться к следующей группе из десяти человек, Мик быстро избавился от жвачки и встал позади священника и пожилого мужчины, которого награждали за вклад в овцеводство. Из нескольких десятков мужчин и женщин рыцарский титул в тот день Мик получал один.

– Сэр Майкл Филипп Джаггер, за вклад в популярную музыку! – торжественно провозгласил Мастер двора Ее королевского величества вице-адмирал Том Блэкберн.

Джаггер вышел вперед, улыбаясь, и шталмейстер протянул

принцу меч, принадлежавший отцу королевы, королю Георгу VI, в бытность его герцогом Йоркским и полковником шотландских гвардейцев. Другой лакей поставил у дорожки традиционный табурет, обитый красно-золотистым бархатом. Мик поклонился Чарльзу, сделал шаг вперед и, взявшись правой рукой за деревянный поручень табурета, встал на колено и склонил голову.

– Посвящаю тебя в рыцари, сэр Майкл Джаггер, – сказал Чарльз, слегка коснувшись мечом сначала левого плеча Мика, затем правого. После этого Мик встал, а принц передал меч помощнику. Тем временем другой помощник подал принцу бархатную подушку, на которой лежала медаль, символизирующая новый титул Мика. Чарльз приколол ее на лацкан Джаггеру. После краткого рукопожатия и обмена любезностями Мик снова поклонился и сделал пять больших шагов назад, прежде чем повернуться и уйти.

– Я ну прямо озверел, когда услышал, – говорил Ричардс, все еще кипя от ярости. – Мне казалось, это бред – брать какую-то побрякушку из рук тех, кто когда-то бросал нас за решетку, кто хотел нас уничтожить. «Роллинги» совсем не про это, или я не прав? Я бы никогда не стал стоять на сцене с каким-то чуваком в короне на башке и с дохлым горностаем на плечах. Так и сказал Мику: „Я охреневаю – какая честь!“

Кит добавил, что Мик, наверное, расстраивается, ведь его посвятил в рыцари принц Чарльз, а не королева.

– Наверное, теперь он не столько «сэр», сколько «хер».

Старая подружка Мика, Марианна Фейтфул, которую однажды он спас от попытки самоубийства, была более снисходительной.

– Мик ужасный сноб, – сказала она о посвящении в рыцари. – Он всегда этого хотел. Так что я даже рада за него.

Когда Мик вышел из дворца в сопровождении гордых отца и дочерей, его обступила толпа журналистов. «Каково это, получить награду из рук истеблишмента, против которого вы так долго выступали?» – интересовались они.

– Мне кажется, того истеблишмента, каким мы его знали, больше не существует, – отвечал Мик.

И он добавил:

– Приятно, когда тебе оказывают честь, если только не воспринимать это слишком серьезно. Эти награды нужно носить легко, не напрягаясь, не раздуваясь от собственной важности.

Когда ему сообщили о негодовании Кита Ричардса, на лице Мика отразилось заметное раздражение.

– Прямо как капризный ребенок, которому не досталось мороженое. Дали одному – и хотят все. Ничего необычного. Я думаю, он и сам был бы не прочь удостоиться такой чести.

Потом он сказал:

– Кит любит поднять шум… Он не особо счастливый человек.

Ричардс же вовсе не питал иллюзий по поводу рыцарства. «Они прекрасно знают, куда я предложу им это засунуть, – говорил он о членах королевской фамилии. – Я бы их к себе и с острой палкой не подпустил, не то что с мечом».

Джаггер пребывал в прекрасном состоянии духа, испортить которое не мог никто, даже Кит.

– Думаю, люди будут называть меня «сэр Мик», – произнес он мечтательно, а затем задумался и добавил: – Но «сэр Майкл» тоже звучит неплохо…

Из своего коннектикутского поместья Ричардс позвонил Чарли Уоттсу, ударнику «Роллингов».

– Что за дерьмо? – только и спросил он.

– Ну ты же знаешь, он всегда хотел стать рыцарем, – ответил Уоттс, в свою очередь недоумевая, что Кит, похоже, не знал о заветном желании своего закадычного друга.

– Нет, нет, – пробормотал Кит задумчиво, вспоминая Мика, с которым вырос и которого, как ему казалось, понимает лучше всякого другого человека. – Я не знал, не знал…

«Дело в том, что Мик не любит женщин. Никогда не любил».

Крисси Шримптон

«Еще во время первой встречи с ним я увидела, что Мик влюблен в Кита. Так оно и есть до сих пор».

Анита Палленберг

«Пока мое лицо печатают на первой странице, мне плевать на то, что обо мне пишут на семнадцатой».

Мик

«Мы с Миком знали друг друга, потому что жили близко, в нескольких домах друг от друга… но потом он переехал „за дорогу“».

Кит Ричардс

«Он всегда говорил, что больше всего на свете хочет

стать богатым».

Крис Джаггер, брат Мика

Глава вторая
В соседних домах, но в разных мирах

Дартфорд, графство Кент

Они родились в одной больнице, только с разницей в 145 дней: Мик – 26 июля 1943 года, Кит – 18 декабря. Встретились в возрасте семи лет. Тогда Мик (Майк, как звали его родные и друзья) был примерным учеником, любимцем учителей и заодно самым высоким в классе. Кит же, напротив, был коротышкой, который постоянно прятался от хулиганов, преследовавших его по дороге из школы домой.

Через несколько лет они подружились, и дружба эта коренным образом изменила популярную музыку. А пока они сами росли и вырабатывали характер, окруженные звуками, видами и запахами Дартфорда, лондонского пригорода, в котором прошло их детство.

«Едкая смесь конского дерьма и угольного дыма» – вот что запомнилось Киту из своего детства больше всего. Для него послевоенный Дартфорд был «местом, откуда лучше побыстрее слинять». Но и Кит, и Мик позже признавали, что эта малоприятная атмосфера сыграла важную роль в раскрытии их талантов.

Джо Джаггер отметил первые признаки будущей гениальности в первые минуты жизни Мика, как и медсестры, дежурившие в тот день в Дартфордской больнице имени Ливингстона. Они единодушно согласились, что из всех новорожденных Майкл Филипп Джаггер не только кричит громче всех, но даже перекрывает изматывающий нервы вой воздушных сирен.

Ураган, в «перекрестном огне» которого появился маленький Майк, был делом рук человеческих. Основной удар во время бомбардировок 1940–1941 годов, в ходе которых погибли семьдесят тысяч мирных жителей, пришелся на центральный Лондон, но Джаггерам выпала незавидная участь поселиться в районе, известном как Кладбище, – узком промышленном коридоре между юго-восточным побережьем Кента и Большим Лондоном. Именно по нему пролетали безжалостные бомбардировщики гитлеровских люфтваффе.

Новый член семейства Джаггеров был слишком мал, чтобы в его памяти остались сознательные воспоминания об ужасах

войны и даже о разрушенном соседнем доме, в котором погибли восемь человек. Но нет никаких сомнений, что глубоко в его подсознании оставили свои следы кошмарные звуки войны: угрожающий вой беспилотных ракет «Фау-1», отрывистые выстрелы британских зениток, оглушающие взрывы немецких бомб. Всю свою последующую жизнь Джаггер неизменно содрогался, услышав вой сирены – любой сирены, и по спине его пробегал холодок.

Город Мика также был известен своей фабрикой фейерверков, основанной Джозефом Уэллсом в 1837 году, и лечебницами для душевнобольных в духе Диккенса. Какое-то время там располагалось целых пять подобных заведений, которыми заведовал драконовский Попечительский совет метрополии. Фабрику фейерверков сровняли с землей в 1953 году с помощью взрывчатки, погубив при этом четырех рабочих и выбив стекла в сотнях домов по всему Дартфорду, но психиатрические больницы сохранились до наших дней. Даже после войны, когда налеты прекратились, сирены здесь завывали по меньшей мере раз в неделю, оповещая местных жителей о том, что из дурдома сбежал очередной опасный пациент.

В таком немного сюрреалистическом окружении Ева Скаттс Джаггер пыталась поддерживать образ типичной британской домохозяйки. Она любила принимать гостей с очаровательной улыбкой, но, как вспоминал один друг семьи, «была немного снобом и задирала нос».

По всей видимости, она старалась преодолеть комплекс неполноценности, доставшийся ей от австралийских родственников. Как и многие эмигранты из Австралии, обосновавшиеся в Англии, Ева была убеждена, что ее гнусавый выговор и простые манеры выдают в ней выходца из грубой среды бывших каторжников.

Этот страх перешел к ней от матери, коренной жительницы Лондона, переехавшей в Сидней вскоре после замужества. Бабушка Мика – несостоявшаяся певица, питавшая особую страсть к Гилберту и Салливану, – постоянно сокрушалась по поводу этого своего решения. В 1913 году у нее родилась дочка, и, вместо того чтобы усваивать правила этикета и манеры, девочка проводила много времени с отцом и братьями в доках Сиднея.

Желая избавить дочь от незавидной судьбы и вернуть ее в более «цивилизованное» окружение, мать Евы поставила мужа перед выбором – собрать как можно скорее вещи и переехать в Англию либо оставаться в Австралии одному.

Поселившись в Дартфорде, миссис Скаттс не ленилась регулярно преодолевать тридцать пять миль на поезде, чтобы

побывать на представлениях в театре «Палладиум» или спектаклях в Вест-Энде. Часто мать с дочерью посещали и дартфордский кинотеатр «Риальто», где смотрели фильмы с участием Греты Гарбо, Гэри Купера, Рональда Колмана, Бетт Дэвис и других известных актеров того времени.

Великая депрессия ударила по лондонскому рабочему классу особенно тяжело. Еве было двадцать два года, и ей повезло устроиться работать парикмахером. В первую же неделю она допустила оплошность, поймав по радио кумира молодежи, крунера Бинга Кросби. Пожилой хозяин парикмахерской был в ярости и принялся распекать ее на глазах посетителей. «Это не музыка! – кричал он. – Даже не смей называть это пением!» Несколько десятилетий спустя, когда все вокруг упрекали Элвиса, *Beatles* и ее собственного сына в том, что их музыка – это всего лишь шум и какофония, Ева всегда вспоминала тот случай.

Это произошло в 1935 году, когда родился свинг и началась эпоха биг-бэндов, – жизнерадостная красавица Ева не упускала возможности повеселиться и, как стали потом выражаться, «оттянуться на полную катушку». По выходным она в буквальном смысле оттаптывала себе пятки в барах и ночных клубах Дартфорда, где охотно принимала знаки внимания со стороны самых шальных парней.

Но когда встал вопрос о замужестве, она предпочла выбрать молодого человека совсем иного склада. Тут на сцену выходит Бейзил Фэншоу Джаггер по прозвищу Джо – долговязый, немного неуверенный в себе преподаватель физкультуры в местной средней школе. По всем меркам это был мужчина, которого мать Евы хотела видеть своим зятем: образованный, с хорошими манерами, уважаемый коллегами. И, что самое важное, выходец из семьи, занимающей более высокое положение на социальной лестнице.

«Моя мать из рабочих, а отец – буржуа, – говорил Мик Джаггер. – А я, как бы получается, посередине. Ни то и ни другое».

Ева вышла замуж за Джо 7 декабря 1940 года – точно за год до нападения японцев на Перл-Харбор. Обоим было по двадцать семь, а стоит отметить, что в то время большинство девушек выходили замуж гораздо раньше. Неудивительно, что Ева поспешила оставить работу и превратиться в настоящую английскую домохозяйку из пригорода.

Тем временем Джо тоже не собирался останавливаться на достигнутом. Не довольствуясь обычной работой преподавателя физкультуры, он усердно изучал спортивную физиологию и в итоге добился приглашения читать лекции в Колледже святой

Марии – известном католическом учебном заведении, расположенном на Земляничном холме в соседнем Туикенеме.

Со временем Джо стал одним из ведущих экспертов Великобритании в своей области и прославился тем, что среди первых начал пропагандировать американский бейсбол с точки зрения специалиста по физиологии. Джаггер-старший написал книгу, посвященную этому виду спорта, благодаря чему вошел в престижный Спортивный совет Великобритании.

Своего первого ребенка Ева родила 26 июля 1943 года – как раз в ту неделю, когда британцы толпами устремлялись в кинотеатры, чтобы посмотреть на Хамфри Богарта и Ингрид Бергман в «Касабланке», а англичане отомстили за бомбардировки Лондона, превратив Гамбург в руины. На церемонии крещения в англиканской церкви, где собрались бабушки, дедушки и другие родственники, Джаггеры назвали своего сына Майклом Филиппом. Тот, кто в будущем войдет в историю под именем Мик, первые двадцать лет жизни отзывался на более типичное обращение Майк. Для родителей он всегда будет Майком.

До четырех лет Мик пользовался исключительным вниманием родителей, но позже ему пришлось делить его с братом. 19 декабря 1947 года родился Кристофер Джаггер, а летом следующего года в характере прежде послушного Мика обнаружились неизвестные ранее черты. Как вспоминала Ева, они отдыхали на морском берегу, когда Мик неожиданно «вырвался из моих рук и побежал по пляжу, сшибая по дороге песочные замки других детей. Он выглядел очень сердитым».

Мику крайне не хотелось делить внимание окружающих с кем-то еще, особенно с младшим братом, которого он не очень-то жаловал. «Насколько помню, он был для меня просто боксерской грушей, и я регулярно его поколачивал», – вспоминал Мик о брате.

Несмотря на последствия бомбардировок и психиатрические лечебницы, послевоенный Дартфорд отличался от соседних пригородов Лондона в лучшую сторону. В оживленном городском центре построили новый супермаркет, который вскоре приобрела американская торговая сеть *Safeway*. Были здесь также чайные лавки, бары и пабы с названиями вроде «Лиса и гончие», «Веселый мельник» и «Дротик».

Джаггеры жили в доме номер 39 по Денвер-роуд, расположенном за углом от «Дротика» и прачечной. Двухэтажный дом на два хозяина (Джаггеры обитали в правой его половине) находился в обширном районе, построенном в 1928 году для рабочих семей.

Спальня Мика на втором этаже выходила окнами на тесный задний двор, где с трехлетнего возраста он под руководством отца выполнял физические упражнения, поднимал гантели и делал отжимания. Это была часть серьезного воспитательного процесса, разработанного требовательным преподавателем физкультуры. Кроме этого, Мик с Крисом должны были помогать родителям по хозяйству, по очереди читать молитву перед обедом и соблюдать правила, тщательно составленные Евой и Джо. Даже малейшее нарушение влекло за собой шлепок по мягкому месту – а то и пощечину. Понятно, что мальчишки Джаггеры старались не сердить своих родителей.

Еще до рождения брата Мик проявлял интерес к музыке, но еще больше – к выступлениям. На семейных вечерах, когда детей просили прочитать стишок или спеть песенку, Мик всегда становился центром внимания. «Я громче всех кричал песни, – вспоминал он. – И даже если забывал слова, все равно продолжал орать. Наверное, я был шумным ребенком…»

В доме не было проигрывателя пластинок – Джо хотел, чтобы мальчики занимались физкультурой, а не дурачились под музыку, но Мику разрешалось слушать популярные и классические произведения, которые передавала правительственная радиостанция Би-би-си, и джаз на коммерческом радио «Люксембург», предвестнике пиратских радиостанций, на то время самом популярном радио в Европе. Знаменитый танцевальный стиль Джаггера формировался не под рок-н-ролл, который в то время еще не добрался до Англии, а под композиции Бенни Гудмена и Гленна Миллера. «Он прыгал и вилял бедрами, – вспоминала Ева. – Ничего подобного я раньше не видела. Мы смеялись, конечно, потому что ему было лет пять, и прыгал он с улыбкой до ушей. Как будто музыка включала в нем моторчик».

Впрочем, мальчик рос энергичным и без музыки. Несмотря на довольно тяжелую утреннюю зарядку, он целый день лазал по деревьям и заборам, швырял камни и бегал по району с друзьями. Все это заканчивалось неизбежными синяками и царапинами, а однажды даже привело его в медпункт. Гоняясь за каким-то мальчишкой во дворе, Мик споткнулся, вытянул перед собой руку, и острый прут забора пронзил ладонь насквозь. «Ужасный случай, – сказала Ева, – но, думаю, он даже гордился своей повязкой».

Мик был воспитан в строгости, и на него возлагались большие надежды, которые он вполне оправдал, поступив в пятилетнем возрасте в Мэйпоулскую начальную школу и показав себя примерным учеником. Кирпичное здание школы

располагалось через дорогу от больницы Бексли, одной из дартфордских психиатрических лечебниц, и представляло собой архитектурный кошмар, словно сошедший со страниц «Оливера Твиста».

Учиться Мику понравилось, и за два года он успел завоевать признание всех учителей своей широкой улыбкой и готовностью угождать. «Это был веселый, жизнерадостный ребенок, всегда готовый помочь в классе, – вспоминал Кен Ллюэлин, один из учителей Мика в Мэйпоуле. – Может, даже слишком хороший…»

В семь лет Мика перевели в Вентуортскую начальную школу – современное одноэтажное здание из желтого кирпича и стекла, всего в двух кварталах от дома Джаггеров. Там судьба свела его с увлекавшимся ковбоями мальчиком по имени Кит Ричардс.

Несмотря на то что Ричардсы жили всего в двух кварталах от Джаггеров, в доме номер 33 по Частилиан-роуд, обитали они чуть ли не в разных мирах. Карьера Джо шла вверх, а с нею росло и благосостояние семьи. Берт Ричардс же, мастер на заводе *General Electric* в Хаммерсмите, едва сводил концы с концами. Не имея в отличие от отца Мика образования и серьезной цели в жизни, старший Ричардс, по признанию Кита, был «самым непритязательным человеком в мире». Мать Кита, Дорис, старалась увеличить семейный бюджет, демонстрируя стиральные машины «Хотпойнт» местным домохозяйкам, но этого было недостаточно, чтобы позволить себе телефон или холодильник.

«Тогда мы не были особыми друзьями, – говорил Джаггер о Ричардсе, – но знали друг друга. Кит одевался как ковбой, с кобурой и шляпой, и еще у него были оттопыренные уши. Я спросил его, кем он хочет стать, когда вырастет, и он ответил, что хочет быть как Рой Роджерс и играть на гитаре».

Увлечение американским актером не нашло отклика в душе Мика, но «та часть про гитару заинтриговала», – вспоминал он. Во время отпуска в Испании Ева купила Мику гитару, и он тут же увлекся испанскими мелодиями. Мальчик часами сидел в своей комнате, перебирая струны и стараясь петь баллады, удивительно походившие на настоящие, притом что испанского языка он не знал.

Поскольку Кит был единственным ребенком в семье, ему часто приходилось петь и развлекать родственников. Дорис Ричардс утверждала, что еще в возрасте двух лет он мог в точности повторить мелодию, пропетую по радио Сарой Воэн, Луи Армстронгом, Нэтом Кингом Коулом или Эллой Фицджеральд. Когда ему исполнилось семь лет, она подарила ему саксофон. Пока Мик расхаживал повсюду с гитарой, Киту приходилось волочить инструмент едва ли не больше себя

самого. И только когда ему исполнилось десять лет, его эксцентричный дедушка, Гас Дюпре, разрешил ему играть на своей классической гитаре с жильными струнами.

Ранний интерес к музыке – не единственное, что было общего у Мика и Кита. В Вентуорте оба они считались образцовыми учениками – пожалуй, даже «слишком хорошими», по выражению учителей. Другие ребята к Мику не цеплялись из-за его высокого роста, но Киту, вытянувшемуся только в отрочестве, не было проходу от задир. Поэтому он держался особняком и чаще играл один на заднем дворе.

Разрыв между Миком и Китом увеличился в 1954 году, когда обе семьи переехали из своего района и во всех отношениях разошлись в совершенно разных направлениях. Семья Джо, ставшего к тому времени ведущим экспертом графства по физической культуре, поселилась в зеленом районе Дартфорда, да к тому же еще и в самом престижном квартале – Клоуз. Новый дом Джаггеров с подъездной дорогой, арочными окнами и ухоженной лужайкой имел даже свое собственное имя, «Ньюлендс», вырезанное на знаке, свисавшем с яблони у парадного крыльца.

Киту повезло меньше. Теперь его семья жила на улице Спилман-роуд, в буквальном смысле по другую сторону дороги – железной дороги, пересекавшей весь Дартфорд. Самый известный из бывших обитателей жилого комплекса «Темпл-Хилл» охарактеризовал его как «гребаный, депрессивный микрорайон».

Пока Кита, прозванного за торчавшие уши «мартышкой», дразнили и задирали одноклассники («я весь день жил в страхе»), дела Мика в школе шли очень неплохо. По окончании начальной школы ученики должны были сдавать внушающий ужас экзамен «Одиннадцать плюс», от результатов которого зависела их дальнейшая судьба – порой не только академическое будущее, но и карьера. Сдавшие успешно поступали в одну из элитных «грамматических школ», а там было недолго и до университета с возможностью приобрести прибыльную профессию. Остальным приходилось довольствоваться «профессиональными школами» и карьерой рабочего.

Мик сдал экзамены блестяще и вскоре уже щеголял в малиновой куртке одной из грамматических школ Дартфорда. («А-а-а, это те, в красной форме!» – ехидно заметил Кит много лет спустя.) Тюдоровская архитектура XVI века, готические окна, увитые плющом, спортивные площадки, как в Итоне, – все это было скрыто за элегантной кирпичной стеной, отделявшей привилегированный школьный мирок от рабочих кварталов послевоенного Дартфорда.

Послушный сын и прилежный ученик, Мик получал хорошие оценки, помогал учителям и играл в регби и крикет. Поскольку тогда еще действовала всеобщая воинская обязанность, предполагалось, что ученики Дартфордской грамматической школы будут служить в армии в качестве офицеров. Мик записался в Объединенный кадетский корпус и, как ко всему, за что брался, относился к военной подготовке очень серьезно. Один из учителей, Уильям Уилкинсон, вспоминал, что Мик «был очень усердным во всем, из сил выбивался, лишь бы достичь успеха… старался быть полезным. На всех нас это производило большое впечатление».

Но вместе с тем Мик держался обособленно. Он не вступал ни в клубы, ни в ученические организации, не участвовал в выборах на какую-нибудь должность в классе, не пел в хоре, не играл в ансамбле или в школьном театре. Чтобы порадовать отца, он записался в баскетбольную команду и даже стал ее капитаном, хотя не столько благодаря спортивным способностям («Игроком он был посредственным», – вспоминал его бывший одноклассник Кит Хоукинс), сколько благодаря своим качествам лидера. «Ему явно нравилось руководить», – добавлял Хоукинс.

На другом конце города жил Кит, и судьба толкала его в совершенно ином направлении. Он сдал экзамены через год после Мика, и полученных оценок хватило, только чтобы поступить в Дартфордскую среднюю техническую школу. Здесь ему опять пришлось столкнуться с насмешками и оскорблениями. Ситуацию ухудшало то, что он пел в школьном хоре и даже оказался в числе тех, кто исполнял «Аллилуйя» Генделя перед королевой Елизаветой в Вестминстерском аббатстве. К сожалению, о лаврах певца пришлось забыть, когда у него началась ломка голоса прямо посреди очередного выступления.

Дороги Кита и Мика разошлись настолько, что в последующие шесть лет они ни разу не заговорили друг с другом. Джаггер, впрочем, иногда видел, как этот мальчишка бежит домой, преследуемый парочкой хулиганов.

Пока Кит был занят исключительно выживанием, Джаггер впервые вкусил славы, выступив на телевидении. Его отца пригласили вести передачу «Смотрим спорт» на Би-би-си, и там юный Джаггер демонстрировал некоторые движения, используемые в скалолазании и гребле на каноэ.

Мику понравилось находиться в центре внимания. «Я уже тогда был звездой, – вспоминал он позже. – Я думал: „Какое на хрен каноэ? Как там моя прическа?“» Может, и так, но отец Мика относился к передаче очень серьезно, как и к участию в ней сына. Под его наблюдением Мик каждое утро раз сто приседал и

отжимался, а потом пробегал двадцать-тридцать кругов по двору.

«Больше всего он старался угодить родителям, особенно отцу, – говорил одноклассник Мика Дик Тэйлор. – Мне кажется, он его боялся». Тэйлор вспоминал, что несколько раз Мик «уже выходил из дома, как из двери доносился крик отца: „Никуда не пойдешь, пока не сделаешь упражнения!“»

Вскоре Мик решил, что полученной физической подготовки ему будет достаточно, чтобы обучать детей американских военных, проживающих на расположенной поблизости военной базе США. Заодно он освоил такие американские виды спорта, как бейсбол и американский футбол. От армейского повара, афроамериканца по имени Хосе, он узнал кое-что об американской музыке, особенно о ритм-энд-блюзе.

После занятий с учениками, большинство которых были его ровесниками, Мик часами сидел, слушая пластинки легендарных исполнителей блюза, таких как Ледбелли, Роберт Джонсон, Хаулин Вулф и Мадди Уотерс. «Я тогда впервые услышал черную музыку, – вспоминал Мик. – По сути, это было мое первое знакомство с американской культурой».

Вскоре у Мика набралась внушительная коллекция пластинок, на приобретение которых он тратил большую часть дополнительных заработков. Зимой разносил рождественские открытки, а летом, облачившись в белый халат и бумажную шляпу, продавал мороженое с тележки. Однажды у здания дартфордского городского совета перед тележкой возник Кит. «Я ясно помню, как будто во мне что-то щелкнуло, – говорил Кит. – Я купил у него шоколадное мороженое, а потом он снова пропал».

Впервые в жизни Мик рисковал разозлить отца, слушая дни напролет Чака Берри, Фэтса Домино и Литтла Ричарда – тем более что Джо называл все это «музыкой джунглей».

«Ну да, верно, – отвечал на его упреки Мик. – Это и есть музыка джунглей. Отличное название».

Бунтарский дух Мика проявлялся не только в этом. Его знакомый по Дартфорду, Клайв Робсон, вспоминал, что Джаггер придумал срезать путь во время еженедельного пятимильного кросса по пересеченной местности. «Джаггер выяснил, что если свернуть в одной точке, то можно спрятаться за дюнами, покурить, а через полчаса присоединиться к остальным».

По какому-то странному совпадению, словно сама судьба намекала, что этим двоим еще предстоит встретиться, в Дартфордской технической школе тоже проводили еженедельные кроссы, и Кит Ричардс тоже сокращал путь, успевая покурить по дороге. В конце концов его поймали и наказали. Мик же так ни разу и не попался.

Неудивительно, что, став подростком, Джаггер перестал носить строгую форму Дартфордской грамматической школы. «Он уже тогда ходил в плотно облегающих брюках, а его волосы закрывали уши», – вспоминал его классный руководитель. Когда же он явился на совместную с девочками вечеринку не в обычной малиновой куртке, а «в ярко-синем пиджаке с блестящими нитями, это произвело настоящий фурор. Девочки так и вились вокруг него».

Строгий директор Дартфордской грамматической школы, Рональд Лофтус Хадсон по прозвищу Лофти, относился к узким брюкам крайне неодобрительно. Он даже распорядился провести особое собрание, посвященное этому вопросу. Как вспоминает бывший ученик Дэвид Херрингтон, посреди долгой и нудной речи «открылась дверь и вошел Джаггер в самых узких брюках, какие я видел». Хадсон побагровел от гнева, наорал на него и отослал домой. Мик же, по словам Херрингтона, «просто улыбнулся».

В какой-то степени этим преображением Мик обязан своим гормонам. «Когда мне было тринадцать, я только и хотел, что заниматься сексом, – признавался он. – Но ничего об этом не знал. Я был подавлен. Никто со мной не говорил на эту тему». Взрослея и испытывая сексуальное томление в исключительно мужском окружении, Джаггер следовал по стопам нескольких поколений типичных (и столь же подавленных) английских школьников. «Первые сексуальные опыты у меня были с мальчиками в школе, – вспоминал Мик. – Мне кажется, это верно в отношении почти любого мальчишки». И если это неверно в случае с Китом, то только потому, что Кит рос совсем в другой среде, не в закрытой школе пансионного типа. Дартфордская техническая, в которую он ездил каждое утро из дома в рабочем районе, совсем не походила на классическое английское учебное заведение.

Какими бы банальными ни казались незначительные гомоэротические эпизоды, они оказали серьезное влияние на жизнь и творчество Мика. Они определили характер одного из самых сложных и двусмысленных в эротическом плане представителей современной поп-культуры.

Но что касается музыкальных вкусов, то никаких сомнений тут быть не могло. В пятнадцать лет Мик со своим товарищем Диком Тэйлором, так же страстно увлекавшимся блюзом, посетил концерт Бадди Холли в театре «Одеон» в Вуличе. «Мик был заворожен», – вспоминает Тэйлор. Особенно его поразил хит *Not Fade Away* («Не увянет»), который впоследствии стал едва ли не обязательным в репертуаре «Роллингов». «Было видно, как в голове у него завертелись шестеренки, как он впитывал все, что

видит и слышит».

В то время, вспоминал Тэйлор, британские фанаты делились на два лагеря – «Либо Элвис, либо Бадди». Джаггер, который почему-то считал двадцатитрехлетнего Элвиса «древним», был ревностным приверженцем Холли.

И все же сильнее всего он любил блюз. «Всем нам, конечно, нравился рок, – говорил Дик Тэйлор, – поэтому меня так удивляло, что Джаггер интересовался блюзом. В Англии тогда мало кто знал о нем, а тут перед тобой парень, который знает все про Мадди Уотерса и Бо Диддли».

Вскоре Джаггер и Тэйлор вместе с двумя другими одноклассниками, Бобом Беквитом и Алленом Этерингтоном, создали группу *Little Boy Blue and the Blue Boys*, в которой Мик стал главным вокалистом. Родителям Мика его попытки выговаривать слова так, как будто он вырос в дельте Миссисипи, по словам Евы, казались «ужасно смешными. Мы изо всех сил старались не расхохотаться».

Но прическа сына смешной им не казалась. Несмотря на то что его кумир Бадди Холли носил очки в толстой оправе и строгие черные костюмы, благодаря чему выглядел как занудный антагонист Элвиса Пресли, Джаггер решил во что бы то ни стало отрастить волосы.

«Он меня просто шокировал, – вспоминала Ева. – Пусть даже по современным стандартам его волосы и не были особенно длинными. Но когда я увидела, что они уже закрыли уши, то пришла в ужас». В конце концов она настояла, чтобы Мик позволил ей слегка подровнять свою челку. Не выдержав этой процедуры, Мик расплакался и убежал.

Узкие джинсы и длинные волосы были далеко не единственными атрибутами нового образа бунтаря. Словно решив, что внешнего вида мало, чтобы разозлить директора Хадсона, он принялся ставить под сомнение капиталистическую систему в целом и антикоммунистическую риторику британского правительства эпохи холодной войны. Когда парламент голосовал за отмену всеобщего призыва, Мик подговорил товарищей выйти из Объединенного кадетского корпуса Дартфордской грамматической школы.

Баскетбольная команда его тоже больше не интересовала. «Джаггер был средним игроком, – говорил тренер команды Артур Пейдж. – И вообще, если Мик в чем-то не добивался успеха сразу, то он сдавался и переходил к чему-то другому».

Но перед тем как он окончательно забросил баскетбол, с ним произошел случай, повлиявший не только на всю его последующую жизнь, но и, возможно, на историю современной

музыки. Во время особо бурного матча Джаггер столкнулся с игроком из команды соперников и откусил себе кончик языка. Кровь брызнула на футболку; не успел Мик прийти в себя, как он проглотил откушенный кончик.

Целую неделю после этого он не разговаривал. «Все мы думали, неужели он никогда больше не запоет», – сказал Дик Тэйлор, вспоминая о волнении, которое охватило членов его группы. Когда же он наконец открыл рот и запел, все ахнули от удивления. Вместе с кончиком языка исчез и внешний лоск среднего класса. Теперь его голос звучал как грубый и шероховатый голос парня с улицы.

«Он звучал так странно – ну, то есть как звучит сейчас, – сказал Тэйлор. – Этот случай полностью изменил его произношение. Откусить кончик языка – наверное, это было лучшее, что случилось с Миком Джаггером за всю его жизнь».

Несмотря на новый акцент и образ бунтаря, Мик не утратил увлечений настоящего интеллектуала. Он продолжал интересоваться классической литературой – любимыми его поэтами были Блейк, Бодлер и Рембо; читал он и биографии политических деятелей девятнадцатого века, таких как Бенджамин Дизраэли, Уильям Гладстон и Авраам Линкольн.

Эту сторону своей личности он старался скрывать от окружающих. Вместо этого он хвастался перед товарищами своими победами над представительницами прекрасного пола. Он наконец-то вступил в один из школьных клубов – фотографический, исключительно с целью лапать девочек в темной комнате, судя по его заверениям. Также он утверждал, что после школы заманивал девчонок на пустырь, чтобы тискаться и целоваться. Как вспоминал его друг Клайв Робсон: «У Мика была та еще репутация».

Бахвальство, бесстыдное бахвальство. Никаким ловеласом Мик не был, и девчонки по нему не сохли. «Было несколько мальчишек, по которым мы сходили с ума, – вспоминала одна из них, – но Джаггер точно к ним не относился. Вообще-то мы считали его страшненьким».

Но вскоре Джаггер нащупал стопроцентный способ привлечь к себе женское внимание. Ева решила подзаработать, распространяя косметику *Avon*, и когда родители уходили из дома, Мик приглашал какую-нибудь знакомую, чтобы показать коллекцию матери.

Сидя за туалетным столиком Евы, Мик и очередная знакомая дружно хихикали, разрисовывая друг друга. «Ему очень нравилось, когда я красила ему губы помадой или подводила глаза, – вспоминала одна из его тогдашних платонических

подружек. – Тогда мне это казалось странным, но нам было весело». Потом она призналась, что, по крайней мере для нее, встречаться с Миком было все равно что «проводить время с одной из подружек».

Несмотря на косматую шевелюру и довольно нетрадиционный способ знакомиться, Мик не терял надежду разбогатеть – причем не как артист, а как бизнесмен. Приняв решение поступать в престижную Лондонскую школу экономики, из стен которой вышли такие выдающиеся выпускники, как Дэвид Рокфеллер, Джордж Сорос и Джон Фицджеральд Кеннеди, Джаггер последние месяцы в школе усердно занимался и готовился к экзаменам. Среди двадцати пяти учеников в классе ему удалось занять двенадцатое место, и это, по всей видимости, убедило строгого директора написать ему рекомендательное письмо, что тот сделал с крайней неохотой.

«Джаггер в целом неплохой юноша, – писал мистер Хадсон, – но незрелый и медленно взрослеет. Хорошее его качество заключается в настойчивости, с какой он преследует поставленную цель… он может добиться некоторого успеха в выбранной деятельности, хотя маловероятно, чтобы он достиг особых высот». Несколько лет спустя Хадсон жалел, что написал даже такую сомнительную рекомендацию. «Чем более знаменитыми становились «Роллинги», тем сильнее Хадсон ненавидел его», – вспоминал учитель Уильям Уилкинсон.

И все же экзаменационных баллов и рекомендации Хадсона хватило Мику, чтобы получить государственную стипендию для обучения в Лондонской школе экономики. Впервые он всерьез поверил, что ему удастся покинуть столь ненавистный Дартфорд. «Для жизни в пригороде характерны зависть, слухи и мелочность, – сказал он однажды. – Я все это ненавидел и был рад сбежать, хотя бы на несколько часов в день».

Родителям, конечно, он ничего такого не говорил. Он продолжал помогать Еве по хозяйству и выполнять приказы отца. «Он все еще не смел выйти из дома, когда отец кричал ему, что он не сделал отжимания или не поднял столько-то раз гантели, – вспоминал Дик Тэйлор. – И он падал на колени и начинал отжиматься! Вроде бы уже взрослый человек, но я ни разу не видел, чтобы он подумал ослушаться своих родителей».

Помимо прочего, они настаивали, чтобы Мик сам оплачивал свои расходы. В то лето Джаггер зарабатывал примерно 15 долларов в неделю в психиатрической лечебнице Бексли. Позже он говорил, что Бексли был рассадником «медсестер-нимфоманок и таких же пациенток», которые пытались соблазнить молодых медбратьев. Похоже, Мик больше опасался медсестер, чем

пациенток, потому что одной из них, темноволосой итальянке, только недавно перебравшейся в Англию, удалось затащить его в кладовку, где, в окружении простынь, швабр и уток, Мик потерял невинность стоя.

Как и везде, первокурсники Лондонской школы экономики с головой погружались в бурную студенческую жизнь. Но не Мик, который поначалу держался поодаль и как будто стеснялся развлечений. «Почти как отшельник, – сказал один из них. – Те, кто приезжал из пригорода, часто договаривались переночевать у друзей в городе, но он всегда отказывался от таких приглашений».

Только через месяц Мик стал по-настоящему проявлять независимость. Он познакомился поближе со студентами, увлекавшимися искусством и творчеством, в частности с актерами студенческого театра, и стал принимать их приглашения остаться на ночь в городе. За вечерней пинтой пива (и не одной) они обсуждали достоинства маститых актеров, таких как сэр Джон Гилгуд или сэр Лоуренс Оливье.

Этот период стал поворотным в его жизни. Среди новых знакомых, в новом окружении худощавый молодой человек с пухлыми губами мог оставить прошлое позади и придумать себе новый образ. С этих пор для всех, кроме самых близких родственников, он стал Миком.

Свой новый образ и новое имя он дополнял рассказами о сексуальных подвигах – как в прошлом, так и в настоящем. «Все это было враньем, – вспоминала Джилли, одна из бывших студенток Лондонского университета и красавица, вращавшаяся в том же окружении. – Когда мы оставались наедине, он всякий раз замыкался, уходил в себя… Мне кажется, у него было ужасно мало опыта, и он комплексовал».

Со временем Джаггер преодолел неуверенность, но не с одной из своих лондонских знакомых, а с помощью пухленькой молодой продавщицы из Дартфорда по имени Бриджет. Пусть в девятнадцать лет он отставал в амурных делах от большинства своих сверстников, в будущем он сполна компенсирует это.

Пока Джаггер осваивался в новом, более свободном окружении под именем Мик, его школьный знакомый Кит Ричардс наслаждался вкусом свободы в Сидкапском художественном колледже под прозвищем Рики. Занятия в Дартфордской технической школе он постоянно прогуливал, вплоть до того, что умудрился быть отчисленным за полчаса до окончания учебного заведения, не явившись на выпускную церемонию. («Это был последний гвоздь в крышку гроба», – вспоминал он позже.)

Но это его нисколько не расстраивало. В послевоенной Британии как грибы после дождя множились так называемые художественные школы, предоставлявшие альтернативу высшему образованию всем, кто имел хотя бы зачатки таланта. По какой-то странной причине из стен таких школ вышло гораздо меньше известных художников и скульпторов, чем рок-звезд первой величины, включая Джона Леннона, Дэвида Боуи, Эрика Клэптона, Джимми Пейджа и Пита Таунсенда.

К этому времени мать Кита купила ему за семь фунтов акустическую гитару *Rosetti* – его первую собственную гитару. С тех пор как Кит впервые услышал *Heartbreak Hotel* («Отель разбитых сердец») Элвиса, он старался играть все на слух, не обучаясь нотной грамоте («прямо от сердца к пальцам»), бесконечно прослушивая записи Ли Хукера, Мадди Уотерса, Чака Берри и Бадди Холли.

В Ситкапе Кит познакомился с еще одним музыкантом-самоучкой и другом Мика по Дартфордской грамматической школе – Диком Тэйлором. Общий язык они нашли сразу же. Хотя Тэйлор в то время увлекся ударными, он разделял интерес Ричардса к легендарным блюзменам и тоже пытался подражать Уотерсу и Хукеру.

Как и Мик, Кит в старших классах поддерживал образ «плохого парня» и не намерен был это прекращать. «Он всегда, при любой погоде, носил узкие джинсы, лиловые рубашки и джинсовую куртку, – вспоминал Тэйлор. – Ничего другого он не надевал».

Какое-то время Тэйлора можно было назвать более способным музыкантом, и Ричардс жадно впитывал все советы своего однокурсника. Чтобы хватало сил и на вечерние посиделки, и на утренние занятия, они начали употреблять различные медицинские препараты – таблетки для похудения, назальные спреи и даже британский аналог Мидола[1]. «Тогда все это казалось вполне безобидным, – вспоминал Тэйлор, – пока в итоге ты не видел, до чего дошел Кит».

Кит знал, что его новый друг играет в группе *Little Boy Blue and the Blue Boys*, но Тэйлор никогда не звал его с собой. «Кит был настоящим „школьным рокером“, – сказал однажды Тэйлор. – Мне и в голову не приходило, что наша группа будет интересна ему… а Кит стеснялся спросить».

Все изменила одна судьбоносная встреча декабрьским утром 1961 года, когда Мик и Кит встретились на Дартфордской железнодорожной станции по пути в свои учебные заведения.

Кит с гитарой на плече заметил, что Джаггер держит под мышкой какие-то пластинки. Но первым подошел Мик. «Мы сразу

узнали друг друга, – вспоминал Ричардс. – „Привет, чувак!“ – сказал я. „Куда едешь?“ – спросил он. А в руках у него были записи Чака Берри, Литтла Уолтера и Мадди Уотерса».

«Ух ты, Чак Берри!» – воскликнул Ричардс, разглядев название самой последней на тот момент композиции *Rockin' at the Hops* («Пляски до упаду»). До сих пор Кит думал, что был единственным в Дартфорде, если не считать Тэйлора и еще пары знакомых, кто вообще слышал имя Чака Берри. «Ты тоже от него балдеешь? Правда?» – спросил Ричардс.

Выяснилось, что это не просто Чак Берри – это его альбом, который еще даже не вышел в Великобритании. Мик написал письмо в чикагскую студию «Чесс-Рекордз» с просьбой выслать ему копии последних записей, и они только что пришли по почте. «Скорефанились ли мы после этого? – вспоминал Ричардс. – Да у этого парня были Чак Берри и Мадди Уотерс под мышкой! Как же иначе?!»

В поезде Ричардс показал Джаггеру свою гитару и спросил, играет ли он сам. Мик скромно ответил, что играет иногда в местной группе, просто для интереса. Выходя на станции в Ситкапе, Ричардс обернулся и пригласил Джаггера в гости. «И пластинки приноси!» – крикнул он, когда двери вагона закрылись. Как вспоминал Тэйлор, в тот же день «Кит пришел ко мне и говорит: „А я встретился с твоим Миком“». Тут Тэйлор наконец-то спросил, не хочет ли он играть в *Blue Boys*. «Просто мне показалось логичным, чтобы мы все объединились, – сказал Тэйлор. – И мы действительно объединились».

Мик Джаггер и Кит Ричардс сошлись на удивление быстро, и дело тут не только в музыке. «Мы были братьями, просто случайно родившимися в разных семьях», – говорил Кит. И все же, несмотря на соседство, их многое разделяло. Не считая того, что Джаггер был выходцем из более обеспеченной семьи, он еще отличался послушанием и прилежанием. Если для достижения какой-то цели требовалось играть по правилам, то он играл по правилам и не спорил. Кит же был неисправимым нарушителем законов – «настоящий оболтус», как выразился Тэйлор, – и одиночкой.

С самого начала Кит проникся уважением к Мику. «Кита привлекали его ум, его утонченные вкусы, честолюбие», – вспоминал Тэйлор. Но своей репутацией величайшей группы всех времен *Rolling Stones* обязана именно тому живому интересу, который Мик проявил к Киту.

«Кит – человек гораздо более свободный, чем Мик, – сказал Тэйлор. – Единственное, что его увлекало по-настоящему, – это гитара и музыка. Мик ценил это и поощрял такие его чувства».

Или, если говорить по существу: «У Кита хватало духа наорать на всех и послать куда подальше, когда он занимался тем, чем хотел. Мик же для этого был слишком расчетливым».

Фил Мэй, еще один из студентов Сидкапского колледжа и основатель группы *Pretty Things*, иногда посещал выступления *Blue Boys* и вспоминал: «В то время они играли по-любительски, но в Мике уже тогда было заметно что-то свое, особенное. Ему удавалось проникнуться духом блюза и выразить его по-своему. Он старался вжиться в образ, а не просто пропеть слова песни».

Ранней весной 1962 года Мик уже был готов выступать и демонстрировать свой стиль за деньги. Пролистывая популярный британский журнал *New Musical Express*, он наткнулся на объявление о том, что 17 марта в расположенном неподалеку Илинге открывается джаз-клуб. Владелец клуба Алексис Корнер более шестнадцати лет играл на банджо и на гитаре в джаз-бэнде Криса Барбера и в свои тридцать три года уже считался отцом-основателем британского ритм-энд-блюза.

«Стоило только зайти в этот клуб, как сразу же казалось, что ты в чикагском Саут-Сайде – по крайней мере, как мы себе тогда это представляли», – вспоминал Дик Тэйлор. Сырой, с покрытыми плесенью стенами клуб располагался через дорогу от железнодорожной станции, в подвале булочной и ювелирного магазина. Из труб на потолке постоянно капала вода, и потому над сценой подвешивали «ужасно грязное и вонючее полотнище». Несмотря на такие меры предосторожности, почти каждый вечер вода выводила из строя усилители, посылавшие снопы искр в толпу. Электрические провода, идущие по мокрой сцене, раскалялись добела и трещали.

Перспектива погибнуть от разряда тока мало волновала Мика и его товарищей. Три недели подряд они слушали игру местных музыкантов: Корнера на гитаре, Дика Хекстолла-Смита с козлиной бородкой на саксофоне, здоровяка Сирила Дэвиса по прозвищу Белка на губной гармошке и угрюмого студента художественной школы из Харроу, Чарли Уоттса, на ударных. «На третью неделю мы сказали: „Мы и сами так сможем. А то и получше“», – вспоминал Тэйлор.

Среди других поклонников ритм-энд-блюза – Эрика Бердона, Джеффа Бека и Эрика Клэптона – можно было разглядеть и низкого, краснощекого и светловолосого парня, игравшего на альт-саксофоне в рок-группе *Ramrods*. Его звали Брайан Джонс, и, подобно Мику, вырос он в относительно благополучном лондонском пригороде. Но в отличие от Джаггера послушным сыном назвать его было никак нельзя. В шестнадцать лет он уже успел обрюхатить свою четырнадцатилетнюю подружку, из-за

чего и вылетел из школы.

Покинув дом в семнадцать лет, Джонс сменил ряд работ (водитель грузовика, помощник окулиста, кондуктор двухэтажного автобуса) и подхалтуривал тем, что выступал с традиционными джаз-бэндами в различных лондонских клубах. В девятнадцать лет он бросил свою подружку Пэт Эндрюс, родившую ему в 1961 году сына Джулиана. Эндрюс в конце концов нашла Брайана и, невзирая на возражения, стала жить вместе с ним.

Тем временем в Илинге каждую субботу проходило прослушивание певцов для группы Корнера *Blues Incorporated.* На этот раз Мик поглощал одну пинту за другой, набираясь смелости впервые в жизни выступить перед посторонней публикой.

К тому времени, как он взобрался на сцену и вцепился в микрофон, он, по собственному признанию, «был уже довольно пьян». Но это не помешало ему выступить. При поддержке Ричардса, Корнера и Уоттса Мик исполнил *Around and Around* («Вокруг да около») Чака Берри и вызвал восторг у обычно неприветливых слушателей.

Корнер и другие музыканты клуба не смогли по достоинству оценить виртуозную гитарную игру Ричардса, сочтя это просто шумом, и поспешили поздравить Мика с удачным выступлением – и это была первая из долгого ряда реальных и вымышленных обид, которым предстояло омрачать отношения двух друзей на протяжении более чем полувека.

Мику тут же предложили заменить на следующей неделе обычного вокалиста *Blues Incorporated*, долговязого Джона Болдри по прозвищу Длинный Джон. Это были первые оплачиваемые выступления Джаггера – всего лишь несколько шиллингов и бесплатное пиво, но этого оказалось достаточно, чтобы он в мае покинул свою группу и подписал контракт, согласившись стать запасным вокалистом. Кит, Дик Тэйлор и другие члены *Blue Boys* понимали, что их товарищу выпал неплохой шанс, но все равно их поразила легкость, с какой Мик «кинул» своих старых друзей.

На самом деле Корнер еще долго думал, брать ему Мика или нет. Несмотря на хорошие вокальные данные, знание материала и умение держаться на сцене, движения и жесты нового певца могли показаться завсегдатаям клуба, выходцам из рабочей среды, слишком манерными. Конечно, юному Мику было еще далеко до скандального рокера, бросающего вызов всем общепринятым представлениям, но он уже начал нарочито вызывающе передвигать ногами, раскачивать тазом и выставлять руку в сторону. «Честно говоря, когда я это увидел впервые, то даже немного смутился, – вспоминал Корнер. – Представьте, как

должна была воспринимать Мика тогдашняя публика, еще не привычная к подобным выходкам».

Любители блюза, собиравшиеся по субботним вечерам в Илинге, были бы еще больше шокированы, узнай они о том, кому на самом деле пытался подражать Мик на сцене. В этом его вдохновляли не столько Чак Берри или даже Литтл Ричард, сколько Мэрилин Монро. Он предлагал вниманию публики карикатурную пародию на Мэрилин, сознательно подражая ее стилю: походка от бедра, надутые губки, изящный взмах руки, поправляющей упавшую на лицо прядь волос.

«Не знаю почему, но я отождествляю себя с Монро», – признался Джаггер Корнеру. Смерть Монро в августе 1962 года – всего лишь за несколько месяцев до первых профессиональных выступлений Мика – очень сильно потрясла его. «Монро была соблазнительницей, – сказал Конрад, – и Мику чрезвычайно нравилась роль соблазнителя. Благодаря этому его представление о том, что значит быть мужчиной, в корне изменилось».

И все же Мику чего-то не хватало до тех пор, пока однажды вечером на сцену не вышел некий П. П. Понд и не начал исполнять знаменитую композицию Роберта Джонсона *Dust My Broom* («Стряхни пыль»). Внимание Джаггера и Ричардса приковал не столько главный исполнитель, сколько аккомпанирующий ему на слайд-гитаре светловолосый молодой человек в прекрасно скроенном костюме, которого Понд представил как Элмо Льюиса.

Мастерское владение инструментом, особенно техника игры пальцами и напористая манера исполнения, поразили Кита, которому оставалось только качать головой в изумлении. Мику же особенно понравилось, как Льюис наклонялся к зрителям, словно дразня их, а потом резко разворачивался и уходил обратно на сцену. Джаггер почуял в этом Элмо Льюисе скрытую жестокость, одновременно и чувственную, и возбуждающую. Этим же вечером Мик решил во что бы то ни стало перенять манеру выступления молодого человека и его хмурый образ.

Как только выступление закончилось, Мик поспешил к сцене и предложил Льюису выпить за свой счет. Загадочный незнакомец согласился, но только если Джаггер будет называть его настоящим именем – Брайан Джонс.

За несколько недель Джонсу удалось собрать под своим началом музыкантов из собственной группы и из группы *Blue Boys*. И он же в одностороннем порядке решил назвать новую группу *Rolling Stones* – в честь одной из песен Мадди Уотерса *Rollin' Stone* («Бродяга», «Перекати-поле»). Остальным участникам это название ужасно не нравилось, особенно Мику. Главный аргумент против заключался в том, что Джаггер считал себя

исполнителем ритм-энд-блюза, а слово *rollin'* порождало ассоциации с рок-н-роллом. Но никто не настаивал на смене названия, потому что главным из них, по крайней мере в то время, был Джонс.

Однако когда 11 июля газета *Jazz News* опубликовала объявление о том, что на следующий вечер в популярном лондонском клубе «Марки» будет выступать группа *Rolling Stones*, на передний план вышел Мик, который выразил свои сомнения. «Надеюсь, никто не подумает, будто мы играем рок-н-ролл», – сказал он журналистам.

Но именно это и пришло в голову завсегдатаям клуба, когда на сцене появился Мик в своем обычном голубом свитере и начал, подскакивая, расхаживать по сцене, пока Кит с Брайаном (все еще называвшим себя Элмо Льюисом) с остервенением стучали по струнам своих гитар. «Публике мы сразу не понравились, – вспоминал Дик Тэйлор, тогдашний басист «Роллингов». – Их ужасно раздражал наш внешний вид, особенно вид Мика».

Тем не менее в зале нашлось несколько человек, не разделявших строгие вкусы истинных ценителей джаза, и они постарались высказать свое одобрение громкими криками, пока остальные недовольно свистели и шикали. Менеджер клуба «Марки» Гарольд Пендлтон сказал, что ни за что в жизни не пригласил бы Мика, если бы заранее знал, как он будет петь, но все же признал, что в его манере есть самобытность. Пендлтон сообщил Мику и его товарищам, что лично ему такая музыка кажется «помойной», но он не против, чтобы они выступали у него вечером по четвергам.

Так *Rolling Stones* постепенно обретали слушателей и поклонников, даже несмотря на отсутствие постоянного барабанщика – им еще только предстояло завлечь к себе Чарли Уоттса. Пендлтон вовремя распознал смену музыкальных настроений и пригласил к себе еще одну набиравшую популярность группу под названием *High Numbers*, которая должна была играть по вторникам. Позже эта группа стала называться *The Who*.

Впрочем, сам Мик, несмотря на первые успехи и на поклонников, стекавшихся в клуб «Марки», еще не был уверен до конца, что ему следует всю жизнь посвятить музыке. Он продолжал учиться в Лондонской школе экономики и какое-то время размышлял, стать ли ему журналистом или политиком, хотя вскоре решил отказаться от обоих вариантов, потому что «там нужно реально вкалывать». Но все же ему не хотелось рисковать и вызывать гнев родителей или терять стипендию, покрывавшую его расходы на обучение.

Серьезным шагом на пути к независимости стал переезд из родительского дома в двухкомнатную квартиру, которую снимали Брайан с Китом в доме номер 102 по Эдит-гроув в Челси. Грязное и сырое жилье, с ванной на кухне, со свисавшими с проводов голыми лампочками, с отслаивающейся краской на стенах и общественным туалетом двумя пролетами выше разительным образом отличалось от комфортабельного дартфордского дома Джаггеров, представителей высшего среднего класса.

Удивительно, но Джаггер почувствовал себя здесь как рыба в воде. Вскоре пол был сплошь усеян окурками, заплесневелыми недоеденными бутербродами и пустыми бутылками из-под пива. То и дело по полу пробегали крысы. В довершение картины Мик, Кит и Брайан размазывали экскременты по стенам и ставили свои подписи.

Какое-то время с ними жил странный тип по имени Джимми Фелдж. В безалаберности и неряшливости он мог дать фору любому из своих соседей. Когда Мик возвращался из школы, Фелдж встречал его у двери совершенно голым, натянув на голову пропахшие мочой и испачканные дерьмом трусы. Но поскольку он совершенно не платил за проживание, то продержался в квартире не больше месяца.

«Я часто задавал себе вопрос: “Неужели люди так живут на самом деле?” – вспоминал Дик Тэйлор, который до этого считал, что Мик отличается чрезмерной аккуратностью. – Он явно бунтовал против родителей. Было просто смешно наблюдать, как Мик живет в этом хлеву… барахтается в полнейшей грязи». Время от времени к парням заходили и наводили у них порядок две женщины среднего возраста, жившие этажом ниже (Кит называл их «старыми кошелками»). В качестве оплаты за услуги Брайан, Кит и Мик по очереди занимались с ними сексом. «Похоже, их устраивало такое соглашение», – вспоминал Кит.

Вырвавшись из буржуазной среды, Мик постарался избавиться и от своего акцента. За одну ночь он сменил четкое произношение среднего класса на выговор кокни. Кит же тем временем все больше старался, чтобы его речь походила на речь образованного человека. «Мы с Миком поменялись акцентами», – вспоминал он.

Холодной зимой 1962 года их заботили не столько музыкальные дела, сколько более насущные проблемы. У них не было денег, чтобы включать автоматический электрообогреватель, работавший на монетах, так что Кит, Брайан и Мик каждую ночь забирались вместе в двуспальную кровать и прижимались друг к другу, стараясь согреться.

Такая любопытная манера спать только усилила подспудную

гомоэротическую связь «Роллингов». К удивлению своих соседей, Мик – по-видимому, все еще вдохновляясь творчеством недавно скончавшейся Мэрилин, – выбрал для себя женскую роль в их «домашнем хозяйстве». Вместо свитера он теперь носил бирюзовый льняной халат, бледно-лиловую сеточку для волос, чулки и туфли на каблуках.

«Мик повсюду размахивал руками, – вспоминал Кит. – Ах! Не надо! – прямо как трансуха с Кингс-роуд. Мы же с Брайаном сразу стали изображать суровых активов, типа смеялись над Миком. Такая вот клоунада, мешанина разных ролей, которая продолжается до сих пор. Мик увлекался этим хабальством где-то полгода».

Джаггер не просто исследовал бисексуальные стороны своей личности, но и пытался понять, какую власть они дают ему над другими. Сбросив маску грубого мужлана, он заставил и Брайана с Китом усомниться в своих предпочтениях. Если он вызвал такую сильную реакцию в своих друзьях, то каково будет воздействие на аудиторию?

Вообще-то Мику не нравилось, что Брайан похитил у него Кита. Пока он продолжал занятия и посещал лекции, его товарищи сидели все время в квартире, целый день играли и выходили, только чтобы раздобыть денег на сигареты. Когда становилось слишком холодно, Брайан с Китом забирались в кровать без Мика, рассказывали друг другу грязные анекдоты и строили рожи. Особо Джонсу удавалась рожа под названием «китаеза» – нос оттянут вверх, веки вниз, – и каждый раз Ричардс заходился в истерическом смехе.

Не шло на пользу и то, что Мик не мог уделять столько времени музыке, сколько его друзья. Он все еще не хотел бросать высшее учебное заведение, и, хотя помимо стипендии получал немалые суммы от своих родителей, с друзьями он делиться деньгами не спешил. Пока Мик один обедал в ресторанах, Кит и Брайан ходили по вечеринкам в надежде что-нибудь перекусить на халяву или вламывались в квартиры соседей и обшаривали тумбочки в поисках лишней мелочи.

Когда Мик узнал о том, что Брайан хочет взять вместо него прежнего вокалиста П. П. Понда (он же Пол Джонс, который скоро станет ведущим вокалистом группы *Manfred Mann*), он постарался раз и навсегда разрушить слишком тесную, по его мнению, связь между Джонсом и Ричардсом. Джаггер пустился в первую его сексуальную авантюру и начал игру, в которой вскоре станет настоящим профессионалом. Он постарался соблазнить Пэт Эндрюс, подружку Брайана, от которого у той родился сын. И хотя Брайан уже не любил Пэт и в открытую ей изменял, сама

весть о том, что рога ему наставила «трансуха с Кингс-роуд», задела Джонса не на шутку. «Мне кажется, он переспал с Пэт только по одной-единственной причине – хотел разозлить Брайана», – говорил Иэн Стюарт, дородный экспедитор, который к тому времени уже подписался на роль клавишника в группе.

Не удовлетворившись тем, что нанес своему товарищу удар в больное место, Мик постарался его добить. Чтобы окончательно испортить отношения между Китом и Брайаном, он решил соблазнить самого Брайана. И это у него получилось, как утверждала Анита Палленберг, длинноногая немецкая модель, у которой были небольшие интрижки с Брайаном, Китом и Миком. Именно от Брайана Палленберг узнала подробности их связи с Миком.

Но план Мика не сработал. Краткая сексуальная связь с Джонсом опустошила его психически и заставила усомниться в том, что главным соблазнителем был он. «Переспав с Миком, Брайан разрушил многое, – говорила Палленберг. – Мне кажется, Мик навсегда возненавидел Брайана за то, что тот поддался. В последующие годы постоянно ходили слухи о том, что Мик гей, но тогда казалось, что Брайан обманул его доверие и раскрыл его слабую сторону».

Эта история со странным любовным треугольником имела трагические последствия для Брайана. Но с профессиональной и эмоциональной стороны она пробудила в трех молодых людях такие творческие способности, которые никогда не проснулись бы в них, занимайся они музыкой поодиночке.

Тем временем внимание Мика привлекла другая недавно образовавшаяся и набиравшая популярность группа, название которой он ненавидел почти так же, как и *Rolling Stones*. Узнав о том, что *The Beatles* в ноябре 1962 года записали свой первый хит, *Love Me Do* («Люби же меня»), Джаггер побежал в туалет, где его вырвало. Он сомневался, что двум главным британским поп-группам хватит места на музыкальной сцене. А «Битлы», между тем, обходили «Роллингов» на полных парах.

То была эпоха, когда в Великобритании совершалась настоящая культурная революция, и дело касалось не только музыки. Мэри Куант обрела статус настоящей королевы моды в своем царстве на Карнаби-стрит. Униформой молодежи стали эдвардианские пиджаки, сапоги со скошенными каблуками, черные колготки и виниловые мини-юбки. На обложках модных журналов красовались модели вроде Твигги и Джин Шримптон с необычными прическами таких модных парикмахеров, как Видал Сассун. Короткие и аккуратные стрижки послевоенной эпохи считались кошмаром для модников начала шестидесятых – все

они старались походить на ливерпульскую четверку с их зачесанными на лоб и уши волосами.

В 1963 году на мировые экраны вышла английская комедия «Том Джонс», завоевавшая «Оскар», всеобщим героем был Джеймс Бонд, и всё большую популярность в США приобретали такие британские киноактеры, как Питер О'Тул, Альберт Финни, Ванесса и Линн Редгрейв, Алан Бейтс и Джули Кристи. По обе стороны Атлантики огромным успехом пользовалась сатирическая телепрограмма Дэвида Фроста *That Was the Week That Was* («Это была бывшая неделя»). Мюзиклы «Остановите Землю, я сойду» и «Оливер!» собирали толпы зрителей как в Вест-Энде, так и на Бродвее.

Все это было первыми признаками так называемого британского вторжения, в солдаты которого охотно записался бы и Мик Джаггер. Но он пока еще не решил, стоит ли ему зарабатывать на жизнь пением, а в группе тем временем постоянно менялся состав. Дик Тэйлор поступил в Королевский колледж искусств и покинул группу. (Позже он возобновил музыкальную карьеру в группе *Pretty Things*.) На смену ему пришел Билл Уаймэн (настоящее имя – Уильям Перкс) – кладовщик, подрабатывавший игрой на гитаре в лондонских барах. Ему уже было двадцать шесть лет, заметно больше, чем остальным, к тому же он был женат и имел сына. Взяли его по одной-единственной причине – он принес свои колонки и усилители.

Ударником на какое-то время согласился побыть ветеран ритм-энд-блюза Карло Литтл. «Они представляли собой жалкое зрелище, – вспоминал Литтл. – Совершенно не знали, где будут выступать в следующий раз, а их манеры – это было вообще нечто жуткое. От их одежд воняло, как будто их не стирали месяцами». Но особо его поразило честолюбие Мика. «Он хотел стать звездой сильнее всех. Это просто бросалось в глаза».

Было также заметно, что Мик привносит в музыку нечто свое, особенное. Он отличался от рядовых исполнителей, которых Литтл повидал немало. «Уже тогда в нем было что-то стремное, – утверждал Литтл, сыгравший с группой в нескольких заведениях, таких как клуб «Рики-Тик» в Виндзоре и паб «Красный лев» в Саттоне. – Вам становилось не по себе, когда вы видели, как он кривляется на сцене, но глаз было не оторвать. Он просто заводил вас, черт возьми!»

Мик же по-прежнему хотел видеть в группе Чарли Уоттса, и ближе к Новому 1963 году барабанщик в мешковатом костюме и с лицом таксы стал-таки ее членом. В своем новом составе – Джаггер, Ричардс, Джонс, Уаймэн, Уоттс и Иэн Стюарт на

клавишах – *Rolling Stones* впервые выступили 14 января 1963 года в Сохо, в джаз-клубе «Фламинго». Чернокожие патроны не поняли попыток Мика петь в их манере. Белые же завсегдатаи клуба, почти сплошь поклонники «истинного» джаза, сочли группу любительской.

Разочаровавшиеся и подавленные Мик, Кит и Брайан, перед которыми замаячила перспектива провести еще одну зиму на Эдит-гроув без отопления, совсем, как говорится, «слетели с катушек». Вместо того чтобы стирать белье, они через несколько месяцев просто выбрасывали его из окна, а потом закапывали на лужайке перед домом. Когда Кит потерял ключи, он разбил окно футляром от гитары и забрался внутрь. Окно так и оставалось разбитым, через него в квартиру проникали дождь и мокрый снег. Мик стал принимать гостей полностью раздетым и, проходя по коридору, выкрикивал ошарашенным соседям всякие гадости.

Самым ярким признаком того, что психическое состояние обитателей дома номер 102 по Эдит-гроув приближалось к безумию, было то, что клей, остававшийся после расклеивания по всему городу объявлений о предстоящих концертах в клубах, Мик и Кит сливали прямо в ванну. В качестве эксперимента Мик бросал туда старые носки, окурки, остатки еды, газеты и бутылки из-под пива. В результате в ванне образовалась загадочная пузырящаяся масса. «Казалось, что клей расползался из ванной в кухню и повсюду, – вспоминал Тэйлор. – Полное безумие».

Больше всего такой образ жизни ужасал Билла Уаймэна. «Они сидели в кровати, в которой валялись сотни покрытых плесенью бутылок. Жили прямо как крысы», – вспоминал он.

В качестве утешения Мик решил приударить за подающей надежды семнадцатилетней певицей Клео Сильвестр, дочерью эмигрантов из Тринидада. Она еще училась в школе, но старалась появляться на каждом вечернем представлении, которое «Роллинги» давали в клубах.

«В те дни Мик не был таким уж сердцеедом, – вспоминала Сильвестр, ставшая впоследствии известной актрисой на британском телевидении. – Мои подружки уж точно мне не завидовали». Поначалу она отвергала ухаживания Мика, говоря, что у нее уже есть парень. Мысль о том, что за право обладать человеком нужно состязаться с кем-то еще, только подогревала его сексуальный аппетит – черта, которая не раз проявится в последующие десятилетия в отношении представителей обоих полов.

«Я почти боялась встречаться с ним, – утверждала Сильвестр. – Я хотела, чтобы он просто целовал меня на прощание, но ему нужен был секс». Замашки «простого парня» на

нее не подействовали. «У меня был настоящий акцент кокни, и я сразу поняла, что он просто выпендривается». Но молоденькой чернокожей красавице хотелось побольше узнать об американской музыке, и она сразу поняла, что Мик был «невероятно хорошим исполнителем. Он отличался от других, сильно отличался. И когда пел, то пел как настоящий американец».

Последующие полтора года Мик забрасывал Сильвестр любовными письмами, которые даже тогда казались чересчур сентиментальными и подростковыми по стилю. «Мне хочется, чтобы было с кем поделиться чувствами, а не просто спать, – писал он в одном письме. – Клео, что ты со мной сделала?»

Открытка, которую Мик послал Клео Сильвестр на День святого Валентина, вдохновила «Роллингов» на один из ранних хитов «Давай проведем ночь вместе, пока я не развалился на куски», – говорилось в ней.

Тем временем Брайан думал, как бы не развалилась группа. В популярный клуб «Марки» их больше не приглашали, потому что пьяный Кит набросился с кулаками на его владельца, Гарольда Пендлтона. Спасение для Мика и его товарищей пришло в лице родившегося в Грузии Джорджио Гомельского, великолепного импресарио, который только что открыл блюз-клуб в привокзальном оте ле престижного лондонского района Ричмонд. Пока в его клубе не начались регулярные выступления, он даже находил «Роллингам» подработку в других клубах, чтобы им не приходилось воровать в магазинах.

На глазах изумленного Билла Уаймэна Мик оттачивал свою фирменную походку в таких злачных заведениях, как «Пирог из угря» в Суррее и клуб Кена Койлера. «Мне казалось, для этого нужна определенная смелость. Ну, то есть был бы я зрителем, подумал бы, что он слегка того».

Но Гомельского это не смущало. Он нисколько не сомневался в успехе группы и заказал рекламные объявления, в которых обещал посетителям показать «неподражаемых, несравненных, восхитительных *Rolling Stones!*»

Вскоре из центрального Лондона в Ричмонд, находящийся в получасе езды на поезде, потянулись сотни шумных фанатов, которые каждые выходные заполняли еще безымянный клуб. «Они просто сходили с ума, – вспоминал Гомельский, – разрывали на себе рубашки, танцевали на столах». Каждое свое сорокапятиминутное выступление «Роллинги» заканчивали песней Бо Дидли *Doing the Craw-Daddy* («Давайте про папашу-рака»), и, хотя Гомельский не имел ни малейшего представления, кто такой «папаша-рак», он решил, что это наиболее подходящее

имя для его клуба. С тех пор клуб стал называться «Кродэдди».

«Мик с самого начала был их секретным оружием, – говорил Фил Мэй, товарищ Ричардса по Сидкапскому художественному колледжу. – Невероятный, электризующий, настоящий оригинал. До Мика девчонки облепляли сцену, а парни кучковались у бара, стараясь сохранять как можно более равнодушный вид. Но тут впервые и многие парни стали толкаться у сцены; они буквально отпихивали девчонок и других парней, чтобы подобраться к Мику поближе. Джаггер был первым исполнителем, обращавшимся к представителям обоих полов: и к гетеросексуальным мужчинам, и к девушкам, и к геям. Он умел возбудить их всех, как никто другой до него или после».

Джаггер был не единственным секретным оружием «Роллингов». Пока Мик двигался на сцене в свете прожекторов, Брайан упорно пытался договориться с кем-нибудь о студийных записях. Его знакомый Глин Джонс, звукорежиссер в студии Ай-би-си, согласился сделать пятиминутную демонстрационную запись. Когда семь компаний одна за другой отвергли ее, Джонса это сильно расстроило.

Но было и приятное событие – 13 апреля 1963 года газета *Richmond and Twickenham Times* напечатала самую первую статью о *Rolling Stones*. «Музыкальный магнит притягивает джаз-битников в Ричмонд», – писал Барри Мэй. Мика он охарактеризовал как «движущую силу группы». Хотя с тем же успехом так можно было бы назвать и Джонса, сам Джонс тем не менее очень обрадовался и носил эту вырезку с собой повсюду.

Гомельский решил сделать следующий шаг. Он нанял специалистов для съемки документального фильма про ритм-энд-блюз, в котором должны были показать *Rolling Stones*, и осаждал Питера Джоунса, редактора влиятельного музыкального журнала *Record Mirror*, пока тот не согласился лично освещать съемки. «Я отправился туда под давлением, – признался позже Джоунс. – Но отправился. Потому что это был Джорджио».

Почти все, кому довелось работать с этим общительным и панибратским, похожим на медведя типом, немедленно начинали испытывать к нему глубочайшую симпатию. Но Мик, который за пределами сцены был едва ли не воплощением британской сдержанности, находил манеры Гомельского грубоватыми и «раздражающими». Тем не менее он охотно соглашался, чтобы Гомельский делал для группы все, что можно, – пока «Роллинги» не были обязаны ему что-то официально перечислять. Когда же Брайан предложил заключить договор, согласно которому Джорджио становился их менеджером, – Гомельский даже отказался от своей доли за выступления по выходным, чтобы

парни смогли пережить зиму, – Мик воспротивился. Он утверждал, что этот человек не только раздражает его, но что он – мелкая сошка в музыкальном бизнесе и не имеет нужных контактов, которые могли бы помочь группе двигаться дальше.

Самого Гомельского это нисколько не волновало. Он считал, что у них устная договоренность с Миком и Брайаном и этого вполне достаточно.

Когда Питер Джоунс приехал в «Кродэдди», зрителей там не было, только Мик с парнями на сцене, исполняющие песню *Pretty Thing* («Милая вещица») Бо Дидли, и Джорджио, поправляющий кинокамеру перед ними. Джоунс вспоминал, что даже без публики они звучали настолько потрясающе, настолько задорно, что «буквально заставляли вскочить с места».

Мик с Брайаном, знавшие, что *Record Mirror* принадлежит звукозаписывающей компании «Декка рекордз», тут же набросились на журналиста. Питер Джоунс вежливо их слушал, пока они постоянно перебивали друг друга, отчего становилось ясно, что Мик и Брайан схлестнулись в отчаянной борьбе за право считаться лидером.

В статье, опубликованной в *Record Mirror* в апреле, Мик сделал странное заявление, что группа должна играть только песни, написанные американцами. «В конце концов, разве можно представить себе ритм-энд-блюз, который сочинили в Великобритании? Такого просто не бывает». Не менее странно звучало и высказывание самого автора статьи, который утверждал, что музыка «Роллингов» «только внешне напоминает рок-н-ролл».

14 апреля 1963 года публика в «Кродэдди», как всегда, кричала и топала ногами, пока Мик во все горло распевал композицию *Road Runner* («Марафонец») Бо Дидли. Поначалу он не заметил четырех мужчин в одинаковых черных кожаных плащах, которых Джорджио подвел к столику. Пусть Джаггер и считал, что у Гомельского нет особых связей в музыкальном бизнесе и поэтому он не годится на роль их менеджера, но оказалось, что он знаком с Джоном, Полом, Джорджем и Ринго, которых пригласил в свой клуб на выступление *Rolling Stones*.

Предлагая Леннону стул, Джорджио поднял голову и подмигнул Мику, который внезапно побледнел. У Ричардса отвисла челюсть, а у Билла Уаймэна, как он вспоминал позже, в голове вертелась только одна мысль: «Черт, это же *Beatles!*»

«Битлы» пришли в восхищение от увиденного и услышанного. Во всем музыкальном мире не было второго такого худощавого белого англичанина, который пел как настоящий чернокожий певец из дельты Миссисипи и дергался на сцене, как страдающая

параличом марионетка. Кроме того, было ясно, что, несмотря на странную внешность и причудливые движения, от Джаггера исходила особая сексуальная аура, возбуждающая как женщин, так и мужчин.

После выступления Мик подошел к легендарной четверке у бара и пригласил их зайти на Эдит-гроув пропустить пару бокалов. Как и все, кого допускали в святая святых, «Битлы» назвали эту квартиру самым ужасным жилищем, в каком им довелось побывать за всю жизнь. Тем не менее они отважились провести здесь три часа и даже выпить пива. Девять молодых людей, которым предстояло изменить музыкальные вкусы целого поколения, смеялись, шутили, рассказывали забавные истории и обсуждали достоинства разных блюзменов и рокеров, как известных, так и позабытых.

Джон Леннон не побоялся сказать гостям, что считает музыку обожаемого ими Джимми Рида «дешевкой», но это не помешало Брайану попросить у «Битлов» фотографию с автографами. После того как гости ушли, Джонс прикрепил липкой лентой глянцевый снимок размером двадцать на двадцать пять сантиметров к грязной стене.

В последующие месяцы, пока «Роллинги» старались опередить «Битлов» в гонке за звание «группы номер один», фотография Джона, Пола, Джорджа и Ринго служила своего рода стимулом для Мика с товарищами.

И заодно мишенью для дротиков.

«Мик всегда знал свое место во Вселенной. Он всегда считал себя символом, и если нужно было проталкивать этот символ, он проталкивал».

Фил Мэй, музыкант

«Мику нужно все контролировать – отдавать приказы и распоряжаться».

Крисси Шримптон, бывшая любовница

«Он одновременно прекрасен и уродлив, женственен и мужественен – редчайший феномен».

Сесил Битон, фотограф

Глава третья
Грязные, грубые, угрюмые, отталкивающие… и великолепные

«Он часто хихикал, был таким вальяжным мальчиком», – вспоминала Крисси Шримптон, семнадцатилетняя студентка, работавшая секретаршей, которая увидела, как Мик взбирается на сцену клуба Алексиса Корнера в Илинге, и сразу же положила на него глаз. Она сидела в первых рядах, и хотя он часто встречался с ней взглядом, исполняя песни, формально они не были знакомы.

Но сегодня вечером все изменится. Поспорив с подружкой, что она поцелует Мика, Крисси между номерами выбежала на сцену и приложилась прямо к его губам. Сила ответного поцелуя ее поразила: его движения казались очень женственными, и она почти ожидала, что он от нее отшатнется. Но вместо этого она сама едва не лишилась дыхания, провалившись в его голубые глаза, с карим клинышком в одном зрачке – одной из многих черт, «делавших его особенным, не таким, как все».

Шагая по сцене в своей особой манере, Джаггер казался гигантом, но вблизи он был не таким уж большим: метр семьдесят шесть роста, пятьдесят девять килограммов веса, с непропорционально большой для такого телосложения головой. И еще много угрей на лице.

Но все это не имело значения для молоденькой красавицы с золотисто-каштановыми волосами, старшая сестра которой, Джин Шримптон, только что начала свое восхождение на вершину модельного бизнеса. Крисси распознала в Мике ту же притягательность, какую в нем нашел и дерзкий молодой агент по имени Эндрю Олдэм. «Едва я увидел Мика на сцене, сразу понял, про что все это: про секс, чистый и откровенный. Секс и волшебство».

Олдэм, бесцеремонный ловкач, который в девятнадцать лет вознамерился стать «тинейджером-магнатом», некоторое время писал статьи о *Beatles*. Что более важно, к мнению этого высокого розовощекого блондина прислушивался сам председатель «Декка Рекордз» сэр Эдвард Льюис. «В сэре Эдварде было некое гомосексуальное начало, – вспоминал Питер Джоунс. – И Эндрю этим умело пользовался. Председатель внимал каждому слову Эндрю».

Весной 1963 года Джорджио Гомельский был вынужден

уехать на похороны отца, и этим обстоятельством воспользовался Олдэм, явившийся к группе с контрактом в руках. Переговоры вел Брайан Джонс, который первым делом предложил исключить из группы Мика, своего главного соперника. Партнер Олдэма, Эрик Истон, согласился. «Этот парень, Джаггер, просто не умеет петь», – сказал Истон. Реакция Олдэма была незамедлительной и недвусмысленной: «Да вы оба рехнулись!»

Другое дело – клавишник «Роллингов» Иэн Стюарт. Этот здоровяк с квадратной челюстью и короткой стрижкой, по словам Олдэма, «выглядел неправильно и просто не подходил». Стюарта решили исключить, но не полностью – оставили администратором по гастролям и разрешили участвовать в записях.

Что до Гомельского, то он, разумеется, всему этому не обрадовался. Вернувшись с похорон и обнаружив, что «Роллинги» за его спиной заключили контракт с Эндрю Олдэмом, Джорджио «рассердился и очень обиделся, – вспоминал Питер Джоунс. – Он ведь делал для этих парней все». Джаггер, наблюдая со стороны, как оставляют за бортом их тогдашнего барабанщика Тони Чапмена, Стьюарта и Гомельского, очевидно, не испытывал ни малейших угрызений совести. «Мика это не волновало, – вспоминал Олдэм. – Подумаешь – переступить через кого-то на пути к вершине! Для него все были расходным материалом».

Олдэм решил времени зря не терять и пригласил менеджера «Декка Рекордз» Дика Роу прослушать выступление группы в «Кродэдди». Дик уже печально прославился как человек, отказавшийся в свое время от *Beatles*, и не хотел повторять ошибку. 14 мая 1963 года он заключил контракт с *Rolling Stones*, а через несколько дней они уже записывали кавер-версию *Come On* («Давай же») Чака Берри в лондонской «Олимпик-Студиоз».

Мик ненавидел эту песню и поначалу даже отказывался ее исполнять. После оживленной перепалки с Олдэмом он уступил. Но никто из «Роллингов» не намерен был уступать, когда речь зашла об их униформе: одинаковые черные водолазки, черные брюки, черные башмаки со скошенными каблуками или черные кожаные костюмы с черными рубашками и галстуками. Олдэм явно пытался навязать им внешнее сходство с «Битлами». Тем не менее Мик с товарищами согласились облачиться в одинаковые пиджаки с узором «гусиные лапки» и пропеть в таком виде под фонограмму *Come On* в музыкальной программе *Thank You Lucky Stars* («Спасибо, счастливые звезды»), которую транслировали по британской коммерческой сети *ITV*. Таким образом, 7 июня 1963 года *Rolling Stones* впервые выступили по телевидению. Сразу же после выступления Мик сорвал свой пиджак и выбросил его в

мусорный бак. Его примеру последовали и остальные музыканты.

Но одежда волновала зрителей меньше всего. Даже несмотря на относительно консервативное облачение, движения Мика выводили из себя взрослых подданных Соединенного Королевства и приводили в восторг их детей. Отец одного давнего приятеля Мика красноречиво выразил свои чувства, достав пистолет и выстрелив в свой телевизор.

Вскоре фотографии группы с ухмыляющимся Миком на переднем плане появились почти во всех музыкальных магазинах Великобритании. В июле хит *Come On* занял в чартах почетное, пусть и не совсем впечатляющее двадцать первое место.

Наконец-то Мик с Китом смогли перебраться из свинарника на Эдит-гроув в более престижное жилище на Мэйпсбери-роудз в Западном Хэмпстеде. К ним присоединились Эндрю Олдэм и Крисси Шримптон, которую по просьбе Мика устроили на канцелярскую работу в «Декка Рекордз».

Брайан, до сих пор считавший себя главным в группе, стал жить со своей подружкой Линдой Лоуренс в доме ее родителей в Виндзоре. Оставленное им место быстро занял Олдэм, по выражению Кита, одновременно «фантастический ловкач» и «немыслимый говнюк».

Очередным подарком Олдэма своим новым соседям в сентябре 1963 года стал их новый сингл. Как ни странно, написали его «Битлы». Однажды, когда Леннон и Маккартни выходили из такси, Олдэм подбежал к ним и сказал, что «Роллинги» отчаянно ищут что-нибудь новенькое для записи. Так получилось, что Джон с Полом только что закончили мелодию, которая, по их мнению, должна была идеально подойти для агрессивного звучания *Rolling Stones* и, в частности, для грубоватого голоса Мика.

Джон с Полом сели обратно в такси и отправились в студию, где репетировали «Роллинги». Там они вместе поработали над песней *I Wanna Be Your Man* («Я хочу быть твоим парнем»). После того как Брайан добавил партию слайд-гитары, а Мик подергался в своей манере, стало ясно, что группа обрела свой второй хит. (На следующий день *Beatles* поспешили записать собственный вариант для своего второго альбома. Главным вокалистом был Ринго.)

Неделю спустя «Роллинги» отплатили тем, что выступили на разогреве *Beatles* в концертном зале Альберт-холла, доведя публику до исступления еще до того, как на сцену вышла легендарная четверка. Не обошлось, конечно, и без помощи Олдэма, который на каждом выступлении пробирался в зал и издавал женские крики, пока за ним не начинали кричать и

настоящие девушки. Кроме того, он приплачивал парням, чтобы те создавали суматоху и расталкивали девушек у сцены. Все это было частью «ловкого надувательства», которое, по его словам, являлось неотъемлемой частью музыкальной игры.

К тому времени Джаггер и Леннон успели стать друзьями – Мик преклонялся перед его талантом сочинителя, а сам Леннон немного завидовал грубоватому голосу Мика и его смелому поведению на сцене. Эти отношения помогали двум группам работать в тандеме и создавать видимость жестокой конкуренции.

На пресс-конференции после выступления в Альберт-холле Мик поразил журналиста Кита Олтхэма поддельным акцентом кокни и хулиганской манерой поведения. «Они совершенно точно не были выходцами из рабочей среды, – сказал Олтхэм, который позже стал агентом *Rolling Stones* по печати. – Они определенно принадлежали к среднему классу. Особенно ловко получалось разыгрывать уличного заводилу у Мика».

Олдэм вскоре понял, что допустил ошибку, стараясь сделать из «Роллингов» некое шероховатое подобие чисто выбритых, вежливых и мягких «Битлов». «Роллинги» должны были довести свой образ до совершенной противоположности и позиционировать себя как «антиБитлы»: грязные, грубые, угрюмые, заядлые курильщики; как можно более отталкивающие. Он даже стал заставлять их (хотя особо стараться ему не пришлось) прилюдно плеваться, жевать резинку, рыгать, пить алкоголь и ругаться, а также по возможности дымить сигаретой в лицо журналистам. Заодно он придумал фразу, ставшую свое образным девизом группы: «А вы бы позволили своей дочери выйти замуж за *Rolling Stones*?» «Когда я закончил работать над их образом, все родители в Англии приходили в ужас от одного их названия», – вспоминал Олдэм.

Но Мику было недостаточно образа уличного заводилы. Во время первого тура по Англии в начале осени 1963-го – в афишах они шли четвертыми после Бо Дидли, братьев Эверли и Литтла Ричарда – Джаггер продолжил экспериментировать, и эксперименты эти неминуемо должны были вызвать недоумение у британской публики, пусть уже и немного раскрепощенной. Позаимствовав косметику у любящего произвести впечатление своим внешним видом Литтла Ричарда, Мик подкрашивал ресницы и губы, даже когда не выступал на сцене. Как выразился один из музыкантов, «Мик ходил расфуфыренный, словно трансвестит… Даже нас это немного шокировало».

Олдэм, который, как и «Роллинги», предпочитал джинсы в обтяжку, черные водолазки, ботинки и темные очки, не возражал против того, что внешний вид Мика становится все более

женственным. На самом деле он и сам иногда выглядел более манерно, чем исполнители, делами которых управлял, поэтому никто особо не удивился, когда он сам стал использовать тушь и пудру, даже занимаясь делами.

До Крисси Шримптон, у которой в то время была весьма бурная и порой изматывающая связь с Миком, доходили слухи о его сомнительной сексуальности. Она их понимала. «У Мика был очень мужской характер, напористый и агрессивный, – объясняла она. – Но по натуре он был женственным. Даже мне он казался ужасно манерным».

В этом с ней соглашались и другие. Крисси предпочитала верить, что Мик просто играет на публику, но начала подозревать, что дело здесь не совсем чистое, когда во время одного концерта подружка Олдэма, Шейла Клейн, отвела ее в сторону и спросила: «А правда, что Мик и Эндрю спят в одной кровати?»

Потрясенная Крисси ответила: «Ну, когда я тут, то нет, потому что с Миком сплю я». Вскоре выяснилось, что Джаггер и Олдэм действительно спят вместе, пока их подружек нет рядом. «Я видела, как Мик и Эндрю лежат в постели», – говорила Крисси. И даже притом, что они были голыми, Шримптон не увидела в этом ничего предосудительного и сказала, что в то время она «была очень наивной. Мне казалось, они выглядят так мило и невинно. Но, очевидно, Мик всегда был бисексуалом».

Крисси не единственная застукала Мика и Олдэма вместе в постели. Однажды парочку под одной простыней обнаружила мать Олдэма, и, как вспоминал Эндрю, «это ее не особо обрадовало». Впрочем, ей скорее всего просто не нравился Мик как человек. «Она предпочитала Кита, – говорил Эндрю, – потому что он хорошо относился к ее собакам».

Что же до их связи, то позже Олдэм попытался объяснить это так: «У нас с ним было общее чувство какого-то волшебства, трепета перед жизнью и ощущение своей особой, секретной миссии. Мы как бы пытались нащупать свой путь в этом мире».

В то же время Мик настаивал на том, чтобы все «Роллинги» поддерживали имидж закоренелых холостяков. У них тогда как раз складывалась «фанатская база» из покупателей пластинок и посетителей концертов – понятно, что молоденьким девушкам нравилось фантазировать о звездах, сердца которых еще не заняты, а это значило, что никто из музыкантов не должен был вступать в серьезные отношения.

Взяв на себя роль лидера, Мик заставил Чарли Уоттса и его давнюю невесту Ширли отложить свадьбу до лучших времен. Также он запретил Уаймэну упоминать о своей жене и ребенке в

разговорах с журналистами. Брайан должен был помалкивать о своей беременной подружке Линде Лоуренс, а также о своих незаконнорожденных детях и их матерях.

Как и другие девушки «Роллингов», Крисси оставалась в тени, пока Мик на публике с усмешкой отвергал все предположения о том, что у него есть подруга. Когда же они оставались наедине, то он уверял, что как только группа обретет имя по обеим берегам Атлантики, он будет кричать об их любви с крыш небоскребов. А между тем девушкам «Роллингов» даже не разрешалось приближаться к студии звукозаписи, и они прекрасно знали, что винить в этом должны Мика.

«Мик не уважает женщин, – сказала однажды Шримптон. – Он любит заниматься с ними сексом, но в целом настроен к ним враждебно». Всякий раз, как девушки «Роллингов» встречали Мика, они поднимали руку в нацистском приветствии и кричали «Хайль Мик!» Как сказала Крисси, «его это, естественно, бесило. Но мы на самом деле так к нему относились».

Крисси приходилось довольствоваться краткими встречами вдали от посторонних глаз. Нельзя было даже держаться за руки. Если кто-то узнавал Мика, он сразу выпускал ее руку и отходил подальше, словно и не знал ее. Терпения Крисси хватило на пару недель. Как-то раз они шли по лондонской улице, и тут перед ними возникли поклонницы, желавшие получить автограф. Мик оттолкнул Шримптон в сторону и принялся любезничать с фанатками. Когда был подписан последний автограф и они удалились, Мик подошел к Крисси и протянул руку, но она пнула его в промежность.

Строгие правила, навязанные Миком, только усложняли и без того напряженные отношения. «С самого начала между нами была страсть, – вспоминала Крисси. – Все в наших отношениях было сильным и глубоким». Несмотря на попытки Мика скрыть эту связь, между ними случались и шумные перебранки в ресторанах или отелях, они хлопали дверьми и били посуду. Крисси часто распускала руки, а Мик не всегда сдерживался, чтобы не ответить тем же. «Мы надевали темные очки, чтобы спрятать синяки под глазами, и пользовались косметикой».

В январе 1964 года *Rolling Stones* снова отправились на гастроли по Великобритании, на этот раз вместе с популярной в то время американской женской группой *Ronettes.* Ронни Беннет, которая спела ставшую классикой поп-музыки песню *Be My Baby* («Будь моей крошкой»), в то время была помолвлена с эксцентричным автором песен и продюсером Филом Спектором. Но для Мика это не имело значения. Ронни описывала его как «сексуального, провокационного и шикарного». Когда Джаггер

стал подкатываться к ней, Ронни дала ему отпор, тем не менее она закрутила интрижку с Китом, рискуя вызвать гнев известного своей ревностью Спектора. Мик, нисколько не обидевшись, решил приударить за сестрой Ронни, Эстель. Эта связь продлилась до конца гастролей.

Но несмотря на свои победы на гетеросексуальном фронте, все «Роллинги» часто становились объектом злобных насмешек. Однажды после концерта с *Ronettes* музыканты ужинали в кафетерии, и их принялись обзывать американские туристы. Сначала Мик игнорировал выкрики «Педик!» и «Гомик!», но потом вскочил и набросился на обидчиков. Через пару секунд Джаггер и Ричардс лежали распростертыми на полу.

В другой раз Джаггер и художник-оформитель Ник Халсэм обедали в ресторане на Кингс-роуд, когда пожилой мужчина за соседним столиком наклонился к Мику и громко спросил: «Вы мужчина или женщина?»

В ресторане повисла напряженная тишина, а Мик уставился на мужчину бесстрастным взглядом. Не говоря ни слова, он встал, расстегнул ширинку и продемонстрировал «доказательство» своей мужественности.

Но ничто не сравнится с тем хаосом, который «Роллинги» устраивали на концертах весной 1964 года. Доведенные до безумия фанаты рвались к сцене, откуда их отпихивали охранники. Начинались драки, летели стулья, а на улице дежурили автомобили «скорой помощи», увозившие каждый раз с десяток девушек, упавших в обморок.

Олдэму же этого казалось недостаточно. Для того чтобы состязаться со своими главными соперниками, «Битлами», «Роллингам» не хватало того, что делали Леннон с Маккартни, а именно песен собственного сочинения. Олдэм был уверен, что Джаггер и Ричардс обладают скрытым талантом, тем более что они так удачно переделали песню Бадди Холли *Not Fade Away* («Не увянет»). Эта композиция стала их третьим синглом и пока что их главным хитом в Великобритании.

До этого у Мика и Ричардса даже мыслей не появлялось о том, чтобы сочинять самим. После Мик признавался, что тогда идея соперничать с Ленноном и Маккартни показалась им «абсурдной».

Но Олдэм настаивал. Он запер Джаггера и Ричардса в отдельной комнате и отказывался открывать дверь, пока они не напишут песню. Они написали две, и Олдэм назвал их «сплошным кошмаром». Одна из них, *Tell Me* («Скажи мне»), была включена в их первый альбом, выпущенный компанией «Декка» 17 апреля 1964 года. По настоянию Олдэма на обложке британской версии

не было никаких надписей, лишь фотография группы, стоявшей вполоборота и смотревшей в кадр через плечо. (На американской версии альбома название группы было напечатано со словами: «Новейшие сочинители хитов в Англии».) За одну лишь ночь дебютный альбом «Роллингов» занял первое место.

Джаггер уже тогда отличался деловой хваткой и вместе с Олдэмом учредил компанию, куда переводились гонорары отдельных членов за каждую песню. Эту фирму они назвали «Нанкер Фелдж Мьюзик». «Нанкер», то есть «китаеза», – так называлась смешная рожа, которую Брайан строил всем на Эдит-гроув, а «Фелдж» была фамилией их бывшего соседа, Джимми Фелджа.

Олдэм решил не терять зря времени и заставил Джаггера с Ричардсом сочинить еще одну песню для некоей Адриенн Постер (впоследствии эта актриса и певица приняла псевдоним Поста). Для рекламы ее первого хита, *Shang a Doo Lang*, на ее пятнадцатый день рождения, 9 апреля (на Страстную пятницу), Олдэм устроил шумную вечеринку.

Этот вечер стал очередной вехой в жизни Джаггера, но Поста не имела к этому никакого отношения, как и Крисси Шримптон, хотя к тому времени Мик сделал ей предложение и она ответила согласием.

В сопровождении студента кембриджской школы искусств Джона Данбара вечеринку посетила семнадцатилетняя Марианна Фейтфул, тогда еще обучавшаяся в школе при женском монастыре. Они никого тут не знали, но их позвали с собой за компанию Пол Маккартни и его подружка Джейн Эшер.

Фейтфул родилась в семье бывшей балерины, баронессы Евы Захер-Мазох, и профессора лингвистики, бывшего офицера разведки Глина Фейтфула. Когда ей было семь лет, родители разошлись, и девочка осталась жить в пригороде Рединга с матерью, которая усердно трудилась, чтобы дать ей хорошее воспитание и оплатить обучение в католической школе. Учитывая, что впоследствии Марианна делала немало, чтобы разрушить свою жизнь, примечательно, что одним из ее предков по материнской линии был небезызвестный Леопольд фон Захер-Мазох, давший имя такому явлению, как мазохизм.

В детстве Марианна страдала от туберкулеза, что повлияло на ее отношение к жизни и наделило ее особой болезненной красотой. В любой, даже самой шумной компании она выделялась хрупким телосложением, большими синими глазами и аристократическими манерами.

Едва заметив ее, Олдэм устремился к ней через всю комнату, облаченный в цветастую блузку пастельных тонов и белые брюки.

«Она отличалась своеобразной красотой, одновременно неземной и очень современной», – вспоминал он впоследствии. И ему было неважно, умеет она петь или нет. «Меня заинтересовал ее взгляд, ее девственный, ангельский, чистый взгляд – настоящая драгоценность, по моему мнению». К тому же лучшего сценического имени[2] для такой изысканной красавицы придумать было нельзя.

Крисси тоже обратила на нее внимание, как и на то, что Мик поспешил представиться незнакомке. Он очень удачно пролил «Дом Периньон» на блузку Марианны, извинился и попытался вытереть пятно на ее груди рукой, после чего она убежала на кухню. В итоге она ушла с вечеринки, негодуя по поводу бесцеремонной выходки Джаггера.

«Поначалу они внушали Марианне лишь отвращение, – говорил Барри Майлз, друг Фейтфул, который позже познакомился с «Роллингами» ближе. – Она говорила мне: „Какие ужасные, безобразные, грязные и прыщавые люди“. Они казались ей неряшливыми и отталкивающими».

Но это не помешало ей подписать контракт с Олдэмом уже на следующий день. «Они воспринимали меня как средство, как расходный материал, которым можно воспользоваться и выбросить», – говорила Фейтфул, покинув первый сеанс звукозаписи, взбешенная грубыми манерами своих «коллег». Когда же летом того года написанная для нее Миком и Китом лирическая баллада *As Tears Go By* («А слезы льются») стала мировым хитом, она их простила.

Пусть баллада и была лирической, но настроение самих *Rolling Stones* было совсем не таким, как и влияние, которое они оказывали на молодых людей по всей Англии. Повсюду, куда бы они ни приезжали, сразу же появлялись шумные толпы поклонников, которые били стекла, закидывали камнями автобусы и переворачивали автомобили. «Фанаты вели себя как животные, – жаловался один шотландский промоутер. – А хуже всего – девушки».

Постепенно «Роллинги» начали теснить своих главных соперников. Их дебютный альбом скинул *Beatles* с пьедестала, и как минимум в одном чарте Мик был назван ведущим певцом Англии.

В Америке дела обстояли иначе. Они еще не прославились там своими хитами (композиция *Not Fade Wawy* заняла второе место в Великобритании, но на американцев не произвела особого впечатления), и Мик считал, что им еще рано отправляться за океан, хотя Олдэм был уверен, что любая шумиха с успехом заменит им рекламу и компенсирует отсутствие их

песен в эфире.

Сомнения Мика развеялись, когда 1 июня 1964 года группа прибыла в нью-йоркский аэропорт, только что переименованный в честь Джона Ф. Кеннеди (прошло лишь полгода после его убийства), где их осадили толпы восторженных поклонников.

Но через три дня их совсем по-другому приняли на рейтинговой программе канала *ABC* «Голливудский дворец». Ее ведущий Дин Мартин сделал все возможное, чтобы дискредитировать своих гостей. Он нисколько не скрывал своего пренебрежения к этим лохматым «вторженцам» и к тому, что они называли музыкой: он морщил нос, представляя их, закатывал глаза после каждой песни и даже призвал телезрителей не переключать программу, ибо не хочет оставаться наедине с *Rolling Stones*.

Тем не менее следующая остановка вновь вселила уверенность в их сердца. На первый американский концерт в Сан-Бернардино явились пять тысяч поклонников, которые размахивали плакатами, прорывались через полицейские заграждения и лезли на сцену. «Казалось, все как дома», – вспоминал Мик.

Но эйфория длилась недолго. Вдали от побережья публика встречала их холодно, и в залы, рассчитанные на пятнадцать тысяч человек, приходили едва лишь несколько сотен. В Нью-Йорке же их опять приветствовали тысячи молодых людей, заполнивших Седьмую авеню у Карнеги-холла. После концерта, на котором зрителей разогревала нанятая Олдэмом массовка (чтобы «расшевелить ситуацию»), полиция едва сдерживала толпу, помогая «Роллингам» безопасно покинуть зал. На следующий день администрация Карнеги-холла наспех приняла решение впредь не проводить концерты рок-групп.

Дебют в Карнеги-холле, едва не закончившийся погромом, вернул расположение духа Мику, но было уже слишком поздно рассчитывать на большую популярность в США. Как он и предсказывал, без хитов в местных чартах «Роллинги» не смогли освоить такой огромный и разнообразный рынок. Их первый тур по Америке обернулся явным провалом.

Не успел самолет коснуться земли в Хитроу, как Олдэм запланировал провести гастроли в Европе, чтобы вернуть музыкантам уверенность в себе. Пока менеджер рассчитывал каждый следующий шаг с тщательностью полевого командира, Мик, Крисси и Кит решили переехать с общей квартиры в более просторные апартаменты в доме 10А по Холли-Хилл в Хэмпстеде. На этот раз они не попросили Эндрю присоединиться к ним.

У Крисси больше не было причин беспокоиться по поводу

отношений Мика с менеджером, но нужно было что-то делать с фанатками, которые преследовали его буквально повсюду. Однажды ночью, когда они занимались любовью, они услышали чье-то хихиканье – оказалось, что в кладовке их спальни спрятались две девушки. Увидев Мика, они спросили, кто такая Крисси, и Мик сказал: «Никто», а затем вытолкал их. Шримптон дала ему пощечину, после чего они вернулись в постель.

Остаток лета «Роллинги» несли хаос по всей Великобритании и Европе. В Белфасте пришлось госпитализировать более пятисот фанатов. В Блэкпуле разбушевавшиеся зрители столкнули со сцены рояль *Steinway*, разнесли на куски барабаны Уоттса и порвали в клочки красный бархатный занавес. После концерта «Роллингов» в парижском театре «Олимпия» молодые люди бегали по улицам, нападали на посетителей уличных кафе и разбивали витрины.

Как говорил Олдэм, «Мик пробуждал необычайно сильные чувства во многих мужчинах. Секс, ярость, бунт – все это он вытаскивал на поверхность».

Никто, даже сам Мик, не отрицал, что во многих случаях катализатором насилия был он сам. «На сцене меня охватывает странное чувство. Как будто в меня вливается энергия всех зрителей, – объяснял он. – Им что-то нужно от жизни, и они стараются получить это от нас».

«То, что я делаю, это сексуально, – продолжал он, сказав, что на сцене устраивает своего рода стриптиз. – Что на самом деле смущает людей, так это то, что я мужчина, а не женщина». Но тут же поспешил добавить: «Конечно, я не тренируюсь перед зеркалом быть сексуальным, вы же понимаете».

Но именно этим Мик и занимался. Шримптон наблюдала, как Мик часами вертится перед зеркалом в ее спальне. Об этом он не разрешал ей рассказывать никому, и она не рассказывала, как не рассказывала многое и ему – например, что Чарли Уоттс нарушил правило не жениться и втайне обручился со своей давней подружкой Ширли.

Когда же Мик узнал, что Уоттс у него за спиной испортил навязанный образ сексуального «плохого парня», он разозлился не на шутку. Но это было ничто по сравнению со злостью, которую он испытывал к Брайану. «Мик ненавидел Брайана, и было за что», – говорил Фил Мэй. Брайан, казалось, стал питаться одними амфетаминами, запивая их виски «Джэк Дэниелс», регулярно пропускал выступления и, казалось, находил какое-то садистское наслаждение, оскорбляя своих подружек физически и эмоционально. «Брайан был блестящим музыкантом, – добавил Мэй. – Но полным засранцем по жизни».

Мику все чаще приходилось прикрывать «косяки» своего коллеги. Когда одна из бесчисленных любовниц Брайана заявила, что беременна его пятым незаконным ребенком, Мик и Эндрю заплатили ей две тысячи долларов, чтобы она отстала и не требовала отчислений от гонораров, – и ни слова не сказали самому Брайану.

Осенью, когда стало понятно, что их дебютный альбом и два новых сингла – *Time Is On My Side* («Время на моей стороне») и *It's All Over Now* («Теперь все кончено») – станут хитами в США, Мик согласился еще раз попытать удачи в Америке и решил, что настало время раскручивать их второй альбом, «12 × 5».

Главным событием второго тура по Америке стал не концерт на стадионе перед тысячами поклонников, а выступление на «Студио 50» телесети *CBS*, рассчитанной на четыреста мест. 25 октября 1964 года *Rolling Stones* дебютировали в программе «Шоу Эда Салливана», спев *Around and Around* («Вокруг да около») и *Time Is On My Side* («Время на моей стороне»). Эд Салливан уже вошел в историю современной музыки тем, что показал в своей программе Элвиса, а потом, восемь месяцев спустя, *Beatles*. Теперь он был в восторге от того, что открывал новые молодые таланты. За кулисами он тряс Мику руку и восхищался тем, что группа произвела большее впечатление на зрителей, чем все другие исполнители, включая Пресли и «Битлов».

На следующий день в *CBS* начали раздаваться звонки разгневанных родителей, и студию завалили тысячи писем с жалобами. Салливану пришлось как-то реагировать на общественное мнение, и он предпочел дать задний ход. «Я был шокирован, когда увидел их, – сказал он одному журналисту. – Обещаю, они больше никогда не появятся в программе… Я потратил семнадцать лет, чтобы добиться популярности программы, и я не собираюсь разрушить все за несколько недель». (Правда, когда «Роллингов» окончательно признали в Америке, Салливан снова сменил свое мнение и еще пять раз встречал их с распростертыми объятиями.)

Так или иначе, нью-йоркская «модная тусовка» нисколько не сомневалась в оригинальности англичан и сразу же приняла их как своих, едва только группа приземлилась в аэропорту имени Кеннеди. На «Балу модников и рокеров», устроенном в их честь фотографом и владельцем ночного клуба Джерри Шацбергом, Мик впервые встретился в Энди Уорхолом. Джаггер восхищался «Банками супа Кэмпбелл» этого странного блондина и был убежден, что тот станет одним из величайших представителей искусства двадцатого века. Уорхола же поразила уникальная смесь грубоватого, необработанного таланта и загадочного

обаяния Джаггера, в котором стирались грани между мужским и женским. Они поддерживали тесные дружеские и профессиональные отношения вплоть до самой смерти Уорхола двадцатью четырьмя годами спустя, и это знакомство Джаггер ценил как одно из самых важных в своей жизни.

Компания Уорхола предложила своим гостям не только гостеприимство. В Англии того времени, даже среди богатых рок-звезд, наркотики еще не были в таком широком употреблении. А тут впервые в жизни Мик с товарищами получили доступ к самым разным запрещенным препаратам. Куда бы «Роллинги» ни приходили, им повсюду щедро предлагали травку, кокаин, ЛСД, амфетамины и даже героин с морфием. Уоттс и Уаймэн, бывший в свои двадцать восемь самым старшим и предусмотрительным в группе, старались соблюдать осторожность. Но Ричардс, Джонс и Олдэм пустились во все тяжкие.

Мик же придерживался среднего пути, хотя временами и не отказывался от чего-нибудь «посильнее». Позже он утверждал, что всегда был кем-то большим, чем просто символом психоделических шестидесятых. Но в реальности наркотики стали важной составляющей его жизни, и это продолжалось несколько десятилетий.

Последнее большое выступление перед возвращением домой состоялось на концерте крупных звезд в зале «Сивик-Аудиториум» в Санта-Монике. Там название группы красовалось выше таких имен, как Марвин Гэй, Смоки Робинсон с группой *Miracles* и *Beach Boys*. Возражал один только Джеймс Браун, который вскоре выпустит свои первые крупные хиты: *Papa's Got a Brand New Bag* («У папаши новенькая сумка») и *I Got You (I feel Good)* («Ты моя (Мне хорошо)»). «Я бы пожелал, чтобы ни одна нога *Rolling Stones* никогда больше не ступала на американскую землю», – сказал «крестный отец соула».

Однако под конец его так восхитили движения Мика, что он поздравил того за кулисами. Мик в свою очередь перенял несколько фирменных «брауновских» па, хотя ему недоставало гибкости и выучки, чтобы повторить их достаточно точно.

Из Америки Мик привез не только увлечение наркотиками и движения Брауна. Каждый день он писал письма Крисси, но это не мешало ему спать с поклонницами, которые следовали за группой из города в город. В Англию «Роллинги» вернулись, как откровенно заметил Олдэм, «с трипаком – цена сексуальной неразборчивости».

К 1965 году Мик приобрел репутацию анархиста и совратителя молодежи уже в международном масштабе – по большей части благодаря Олдэму, который, помимо прочего,

сравнивал «Роллингов» с брутальными героями из скандального романа Энтони Берджесса «Заводной апельсин».

Все это, конечно, делало их только более привлекательными в глазах британской «культурной элиты». «Вдруг стало очень модным показываться в обществе рок-звезд, – вспоминал Брайан Моррис, владелец популярного ночного клуба «Ад-Либ». – Особенно в обществе «Битлов» или «Роллингов». Пожалуй, самой большой популярностью пользовался Мик, поскольку считался самым опасным».

Любопытно, что дверь в мир английской аристократии Мику помог открыть американский актер Дэннис Хоппер. Хоппер разделял увлечение кокаином с владельцем лондонской галереи Робертом Фрейзером, имевшим большие связи в обществе. Именно Хоппер познакомил Джаггера с Фрейзером.

Фрейзер в свою очередь познакомил Джаггера со своим товарищем по Итону Кристофером Гиббсом, антикваром из Челси. Именно Гиббс ввел моду на марокканские узоры, ковры, подушки, медные лампы и подставки, придавшие «хипповскому» стилю, ставшему впоследствии классическим, этнический антураж. Мик мечтал попасть в высшее общество еще со времен детства в Дартфорде, и Гиббс охотно сыграл роль Пигмалиона для этой Галатеи. «Я здесь, чтобы научиться быть джентльменом», – признался Мик шепотом Майклу Фишу, ведущему модельеру мужской одежды, на одном из элитных вечеров Гиббса.

Это было нелегко. Когда Мик не ужинал с нужными людьми в изысканно обставленной квартире Гиббса на Чейни-Уок, он играл роль неисправимого хулигана вместе со своими товарищами по группе. Однажды музыканты возвращались с поздно закончившегося концерта на черном «Даймлере» Джаггера и заехали на заправку в Восточном Лондоне, где захотели воспользоваться туалетом. Служащий заправки, узнав в них возмутителей спокойствия, отказался дать ключи, и, пока остальные ругались, Мик спокойно облегчился прямо на стену заправки. Увидев это, Кит с Биллом Уаймэном последовали его примеру. После этого случая в прессе целых три месяца выходили статьи с гневными заголовками, а «Роллингов» обвинили в оскорбительном поведении и приговорили каждого к выплате штрафа в пять фунтов стерлингов. Как вынес вердикт судья: «Вы повинны в поведении, не подобающем молодому джентльмену». Именно так, слово в слово.

К тому времени, когда группа, которую иногда на афишах указывали как «Мик Джаггер и „Роллинг стоунз“», решила провести очередной тур по Америке в апреле 1965 года, было

понятно, кого больше всего хочет видеть публика. Уж точно не Брайана Джонса. Мик, кстати сказать, ни разу не пропустил ни одного выступления, тогда как основатель группы уже серьезно пристрастился к амфетамину и все чаще исчезал с концертов.

«Брайан обладал трудным характером, был унылым, скверным в общении», – вспоминал фотограф Джеред Манковиц, который тогда оформлял альбом *Rolling Stones* и близко сошелся с музыкантами. Как утверждал Манковиц, Джонсу «нравилось смотреть, как страдают другие». И, скорее всего, доставлять им страдания. Брайан иногда избивал девушек, которых подбирал на улицах, и его жестокое поведение коробило даже Мика, который сам не отличался особой любезностью по отношению к женскому полу. Однажды Брайан жестоко поколотил одну шестнадцатилетнюю поклонницу из числа тех, что ездили за ними по концертам, и остальные «Роллинги» с разрешения Джаггера набросились на самого Брайана, в результате чего тот попал в больницу с двумя переломанными ребрами.

Если у Мика оставались сомнения по поводу их способности завоевать сложный американский рынок, то они развеялись после выхода хитов 1965 года, таких как *The Last Time* («Последний раз»), *Play with Fire* («Играешь с огнем»), *The Heart of Stone* («Каменное сердце») и *Get Off of My Cloud* («Слезай с моего облака»).

Но все они не шли ни в какое сравнение с композицией 1965 года, которую многие до сих пор считают величайшей рок-песней всех времен. Мелодию песни *Satisfaction* («Удовлетворение») Кит услышал во сне 9 мая, когда он спал в своей квартире на Карлтон-Хилл в Сент-Джонс-Вуд. Он проснулся, схватил гитару и записал рифф. Потом бросил медиатор и снова заснул.

На следующее утро Ричардс, который обильно поглощал кокаин с амфетаминами, чтобы подольше бодрствовать, проснулся и ничего не вспомнил. Но заметил, что в его портативном магнитофоне *Philips* торчит новая кассета, промотавшаяся до конца. «Я перемотал ее на начало, и там была записана *Satisfaction*», – вспоминал Кит. Песня и еще сорок минут храпа.

Через несколько дней «Роллинги» работали над новым материалом в Клируотере, во Флориде. Как тогда у них было принято, Ричардс дал Мику мелодию и предложил тему для импровизации. «Слова к мелодии такие: „Не приходит удовлетворение“, – вспоминал Кит. – Это было всего лишь рабочее название. С таким же успехом это могло быть и что-нибудь вроде „Тетя Милли прищемила левую сиську в гладилке“. Я думал, что это всего лишь песня, чтобы заполнить место на

альбоме. Я не думал, что она будет коммерчески успешной и станет синглом».

Мик сидел на кровати в гостиничном номере и изливал в музыке свои жалобы на дорогу. Несколько дней спустя группа записала акустическую версию *Satisfaction* в чикагской студии «Чесс-Студиос», а позже в Лос-Анджелесе, на студии RCA, где был использован классический фуззовый искажатель фирмы «Гибсон».

Мик и Кит все еще продолжали работать над песней и совершенствовать ее – по крайней мере, им так казалось, – когда они ехали по Миннесоте и вдруг услышали ее по радио. Оказалось, что Олдэм, никого не спросив, выпустил ее как сингл, и за десять дней он стал хитом номер один в США. «Сначала я обиделся, – сказал Ричардс. – Мне тогда казалось, что это просто набросок. Будь по-моему, *Satisfaction* так никогда бы и не выпустили». Но, к счастью для всех, песня увидела свет.

Satisfaction занимала первую строчку хит-парадов уже с месяц, когда кто-то вдруг разглядел в одной из строчек неприличный подтекст: *«Baby, better come back / may be next week / 'cause you see I'm on / a loosing streak»* («Детка, приходи лучше через недельку, потому что у меня, видишь ли, сейчас черная полоса»)[3]. Намека на менструацию оказалось достаточно, чтобы песню запретили проигрывать в некоторых районах страны, а в других эти слова просто заглушали. В любом случае Мик пришел в полный восторг от общественного негодования, к которому он как раз и стремился все это время.

Известие же о том, что Маргарита Фейтфул беременна и в мае вышла замуж за отца своего ребенка, Джона Данбара, порадовало его гораздо меньше – к тому времени в Мике уже успели пробудиться к ней кое-какие чувства. Он постарался отогнать от себя неприятные мысли, пригласив двух танцовщиц из популярного американского телешоу «Тусовка!» в свой номер отеля «Амбассадор», оформленный в розовых тонах. Своему давнему приятелю Родни Бингенхеймеру он рассказывал, что «вечеринка была буйной – матрасы валяются на полу, стены трясутся, невероятная ночь». Позже одна из женщин, с которыми в ту ночь спал Джаггер, стала ведущим хореографом и сама записала популярный хит. Другая подалась в киноактрисы и даже была претендентом на «Оскар».

Тем временем в Англии четверка «Битлов» попала в список лиц, которых должны были наградить по случаю дня рождения королевы, и все они стали кавалерами Превосходнейшего ордена Британской империи. Но если кто теперь и вращался легко и непринужденно среди титулованных аристократов, то это был Мик.

На вечере по случаю шестнадцатилетия леди Виктории Ормсби-Гор, дочери бывшего британского посла в США сэра Дэвида Ормсби-Гора, Мик познакомился с самой титулованной аристократкой страны. Когда принцесса Маргарет, облаченная в одно из своих типичных платьев с глубоким декольте, взмахом руки предложила ему подойти к ее столику, Мик тут же вскочил, оставив позади недовольную Крисси.

Шримптон волновалась не зря. Маргарет тогда еще не развелась с лордом Сноудоном, но уже печально прославилась своими связями с молодыми людьми. «Они определенно флиртовали, – вспоминала леди Эльза Боукер, жена сэра Джеймса Боукера, посла Великобритании в Австрии и Бирме. – Тогда принцессе Маргарет было слегка за тридцать, и она была довольно привлекательной. И, как всем известно, ее интересовали мужчины помоложе».

Перед смесью грубой сексуальности и поразительного умения сыграть идеального английского джентльмена – в обществе аристократов он забывал об акценте кокни и старался разговаривать в немного шепелявой манере представителей высшего класса – не могли устоять даже члены королевской фамилии. Принцесса Маргарет и Мик «постоянно беседовали по телефону, – говорил один из придворных, – и она приглашала его на светские мероприятия. Как и многие другие женщины, она находила его сексуальным и захватывающим. По тому, как они вместе смеялись, танцевали, как она клала руку на его колено и, словно школьница, хихикала, выслушивая его истории, можно было подумать, что между ними что-то есть».

Сестру принцессы Маргарет, то есть саму королеву, это, разумеется, нисколько не радовало. «Она терпела *Beatles*, потому что они были гладко выбриты и даже милы – по крайней мере, так они выглядели в то время, – говорил Гарольд Брукс-Бейкер, издатель справочника «Книга пэров Берка», посвященного членам королевской семьи и аристократам. Но Роллинги – это совсем другое дело. И принцесса Маргарет внесла свой немалый вклад в создание их скандальной репутации. Королеве еще не хватало, чтобы ее сестра сбежала с Миком Джаггером!»

У Крисси были примерно такие же мысли, и она дала понять об этом Мику. После очередной потасовки – Шримптон оставила заметный шрам на лице Мика одним из подаренных им обручальных колец с бриллиантом (всего их было пять) – они решили пожениться осенью 1965 года, после того как «Роллинги» вернутся из своего четвертого американского тура.

Но перед тем, как отправляться в Америку, предстояло еще принять несколько решений делового характера. На двадцать

второй день рождения Мика музыканты познакомились с нью-йоркским менеджером Алленом Клейном, решившим податься в шоу-бизнес из бухгалтеров и разработавшим план по выводу группы *Rolling Stones* на новый уровень. Помимо всего прочего, он подразумевал выбивание каждого пенни, который им задолжали звукозаписывающие компании и агенты.

Пухловатый Клейн действительно выглядел как человек, умеющий выполнять свои обещания. Как утверждала Стефани Блустоун, занимавшаяся финансовыми отчетами «Роллингов», Клейн всегда имел при себе пистолет и расхаживал по офису с бутылкой шотландского виски в руке. «Аллен Клейн был ужасным, ужасным человеком, – вспоминала она. – Грязным, толстым пошляком». Его также окружали «опасные люди, не брезговавшие нелегальными махинациями».

План, разработанный Клейном, стоил накачанному наркотиками Эндрю Олдэму группы, которую он с таким усердием вывел на международную сцену. «Клейн явно вознамерился вырвать у меня из рук «Роллингов», а я был слишком обдолбан, чтобы это замечать», – вспоминал Олдэм.

Возможно, и так. Но по сравнению с Брайаном, состояние которого ухудшалось с каждым днем, Олдэм был просто образцом трезвомыслия. Джонс считал, что Мик и Олдэм плетут против него интриги, и к тому же его пугала легкость, с какой Джаггер и Ричардс выдают хит за хитом, поэтому он все глубже и глубже погружался в наркотический дурман и паранойю. «Когда он приходил в студию и слышал песню, которую сочинили мы с Миком, это его обламывало, – говорил Ричардс о Брайане. – Для него это было словно открытая рана».

С ним стало трудно ладить – Джонс вел себя несносно и постоянно оскорблял друзей. Мик и Кит отвечали ему тем, что дразнили его – насмехались над его короткими ногами, над его челкой как у мальчика-пажа, над мешками под глазами. «Чтобы быть «Роллингом», нужна железная выдержка, – говорил Билл Уаймэн. – Малодушные или слишком чувствительные не вынесли бы насмешек Мика и Кита». Олдэм к этому добавил: «Временами мы вели себя по-детски жестоко с Брайаном, но он сам напрашивался».

Чаще же всего Брайан просто отсутствовал. «Мы уже изначально рассчитывали, что он не появится, – говорил Кит об отсутствии Джонса на сессиях звукозаписи и турах. – А когда он приходил, то это казалось чудом».

Джонс появился на выступлении *Rolling Stones* в Мюнхене в сентябре 1965 года, перед отлетом группы в США. Именно там длинноногая восемнадцатилетняя блондинка Анита Палленберг,

подающая надежды модель из Германии и Швейцарии, предложила Мику попробовать гашиш («О нет, мы не курим перед выступлением», – ответил Мик), и в итоге она сошлась с Джонсом. Ей предстояло не раз сыграть ключевую роль в судьбе группы в течение последующих пятнадцати лет, перед тем как окончательно сойти со сцены, погрузиться в мир безумия, наркотиков, оккультизма и смерти. «Анита была экзотичной, самолюбивой, сексуальной, декадентской и опасной женщиной. Короче говоря, сплошной ходячей неприятностью», – сказал Джеред Манковиц.

Ее влияние сразу же дало о себе знать. На следующий день, узнав, что в этом самом берлинском амфитеатре выступал Гитлер, обращаясь к толпам ликующих нацистов, Мик принялся расхаживать по сцене гусиной походкой прямо во время исполнения *Satisfaction.* В последующих беспорядках были ранены около ста человек. (Позже Палленберг уговорила Джонса сфотографироваться в нацистской форме, поставив ногу в сапоге на куклу, и эту фотографию в прессе назвали откровенно антисемитской.)

Той осенью крушащую все на своем пути колесницу «Роллингов» было уже не остановить. Со своим недвусмысленно наркотическим гимном *Get Off of My Cloud* («Слезай с моего облака»), занявшим первые строчки чартов, *Rolling Stones* снова вторглись в США и вызвали обычную реакцию фанатов. «Это было ужасно, – вспоминал Манковиц. – Фанаты били окна, раскачивали автомобили. Потом залезали на их крыши, которые ломались. И мы должны были признавать, что это наша вина».

Самым памятным моментом стал вечер 9 ноября 1965 года, когда в Нью-Йорке (и на большей части северо-запада США) отключилось электричество и все погрузилось во тьму. Манковиц с Уоттсом вернулись в свой номер отеля «Сити-Скуайр» на Манхэттене и нашли там Брайана с Бобом Диланом в окружении голых девиц: они пили, орали песни и конечно же курили траву, и все это при свечах.

Стоит признать, что Мик тоже был не прочь воспользоваться всем, что предлагали фанатки. Но к концу гастролей он был психически опустошен, истощен, одинок и отчаянно скучал по Крисси. Разговаривая с ней по телефону, он всхлипывал и каждый день писал ей любовные письма. (Всего у Шримптон скопилось более шестисот таких писем.)

Когда настало время покидать отель «Сити-Скуйар», Джаггер излил свое раздражение, подначив своих товарищей устроить дебош, что с тех пор стало чуть ли не традицией для рок-звезд. Они били лампы и телевизоры, переворачивали столы и стулья,

выкидывали простыни и полотенца из окон и, как вспоминал Манковиц, исполняли любимый прощальный ритуал Мика: мочились в раковины.

До той поры Мик не употреблял ЛСД; на вечеринке, устроенной в Лос-Анджелесе Кеном Кизи, автором книги «Пролетая над гнездом кукушки», Кит и Брайан попробовали кислоту, но Мик отказался. «Он боялся потерять над собой контроль, – говорила Крисси, – а это для него самое важное, важнее любви и даже денег: контроль».

Как бы Мик ни скучал по Крисси во время поездок, но как только они встретились, очень скоро снова вцепились друг другу в глотки, а наркотики только усугубили ситуацию. Теперь они курили траву более или менее регулярно; скоро Шримптон догадалась, что Мик экспериментирует и с ЛСД. «Он вел себя странно и нес какой-то бред, – вспоминала она. – Я не имела ни малейшего представления, о чем он говорит, но поскольку я курила траву, то думала, что это обо мне».

Вышедшая в 1966 году песня *19th Nervous Breakdown* («19-й нервный срыв») многое говорит о напряженных отношениях между Миком и Крисси. Она обрадовалась, когда он сообщил ей, что следующий хит, *Lady Jane* («Леди Джейн»), посвящен ей, а не несчастной жене Генриха VIII, Джейн Сеймур. Вообще-то Мик позаимствовал это имя из романа Дэвида Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей», где главный герой называет так – «леди Джейн» – влагалище леди Чаттерлей.

Крисси закатывала истерики и кипела от злости, но Мик мог направить свой гнев в плодотворное русло. Следующий альбом «Роллингов», под названием *Aftermath* («Последствия»), содержит много женоненавистнических мотивов, но откровеннее всего они заметны в песне *Under My Thumb* («У меня под каблуком»), где есть, например, такая строка: «Корчится собака, день ее прошел» *(Squirming dog who's just had her day)*. Даже в песне *Mother's Little Helper* («Мамин маленький помощник»), в которой демонстративно (и довольно лицемерно) осуждаются отпускаемые по рецепту препараты, есть строчка, которую Крисси восприняла в свой адрес: «До чего же противно стареть» *(What the drag it is getting old)*. В свои двадцать лет она уже боялась, что Мик променяет ее на модель помоложе.

Но в действительности возраст не имел к этому никакого отношения. Сначала Джаггеру предстояло самому пережить нервный срыв. Посреди очередных гастролей в Европе в июне 1966 года он испытал такую физическую и психологическую усталость, что его пришлось отослать домой отдыхать.

Более всего Мик был одержим идеей восхождения по

британской социальной лестнице, и потому он нуждался в женщине, уже стоявшей на пару ступенек выше, – такой как Марианна Фейтфул. «Джаггер любил ее, – говорил Манковиц, который непосредственно наблюдал за их романом. – А кто бы не полюбил? Она представляла собой эдакое опасное сочетание монастырской воспитанницы, английской красавицы и поп-звезды, и все это в очень сексуальном теле. Едва Марианна посмотрела на Мика, как он тут же растаял».

Со всем ее воспитанием Фейтфул обладала деловой хваткой. «Моим первым шагом было завести себе парня из «Роллингов», – признавалась она. – Я переспала с тремя, а потом решила, что лучший из них – вокалист». С такой же хладнокровной легкостью она приняла решение покинуть своего мужа, Джона Данбара. «Я ушла к тому, у кого было больше денег, – сказала она, пожав плечами. – И этим человеком оказался Мик».

Мик, который уже поднимался по чартам журнала «Билборд» с нехарактерно сдержанной для *Rolling Stones* версией песни *As Tears Go By* («А слезы льются»), не был первым, на кого пал ее выбор. Сначала она переспала с Брайаном во время совместного ЛСД-трипа. Но больше из «Роллингов» ей понравился Ричардс. Она надеялась, что у них будут долгие отношения, но, когда они переспали, Кит сказал, что Мик от нее без ума.

«И вот Кит лежит под простыней и объясняет, что никто не должен узнать о случившемся этой ночью, потому что Мик в меня влюблен… Я только и подумала: „Ну вот, какая жалость“», – вспоминала Фейтфул.

Но даже определившись с выбором «Роллинга», Фейтфул не переставала флиртовать на стороне. Когда *Rolling Stones* в сентябре 1966 года рекламировали в Нью-Йорке свой новый хит *Have You Seen Your Mother, Baby, Standing in the Shadow?* («Ты видела, детка, что твоя мать остается в тени?») – по настоянию Мика все пятеро позировали для обложки в женских одеждах, – у Фейтфул была интрижка с Джимми Хендриксом. (За два года до этого Хендрикс пришел на прослушивание, и Мик ему отказал. Хендрикс отомстил тем, что не только переспал с Фейтфул, но и увел подружку Кита, Линду Кит.)

Конечно, Мик тоже был далеко не образцом верности. Пока Джаггер скрывал свою связь с Марианной от опасно ревнивой Крисси, он несколько месяцев встречался еще и с Икетт П. П. Арнольд, одной из бэк-вокалисток дуэта Айка и Тины Тёрнер. Кстати сказать, именно во время английских гастролей Айка и Тины («Боже, кто этот парень с большими губами?» – спросила Тина Тёрнер, впервые увидев стоявшего за кулисами Джаггера) Мик пополнил свой репертуар несколькими позаимствованными

у них движениями. «Мик хотел быть Тиной Тёрнер, – говорил Аллен Клейн. – Он сказал мне, что таким воображает себя, когда выступает».

18 декабря 1966 года, когда Крисси собирала вещи перед запланированной рождественской поездкой на Багамы, Мик холодно сообщил ей, что сдал билеты и остаток дня проведет с Марианной. «Это ужасно шокировало меня и было очень грубо, – вспоминала Шримптон, которая «поражалась» тому, что Мик по-прежнему настаивал, будто их отношения с Фейтфул носят исключительно деловой характер. – Мик мог быть нежным и милым, – сказала Крисси, – но мог также и манипулировать людьми, которых считал своей собственностью… Он мастер оскорблений. У него очень, очень грязный язык».

Вернувшись ночью, Мик обнаружил, что Шримптон попыталась покончить с собой, приняв большую дозу барбитуратов, и это ей почти удалось. (По какой-то странной прихоти судьбы в тот же самый день погиб в автомобильной аварии товарищ Мика, светский повеса Тара Браун, наследник пивной империи «Гиннесс». Эта трагедия позже послужила основой для песни *Beatles – A Day in the Life* («День из жизни»).)

В рождественский вечер Мик выставил Крисси из их общей квартиры. «В конце концов Мик меня совершенно сломал, – вспоминала она с тоской о том времени. – Но до тех пор, пока это не случилось, я всегда была сильнее его».

Несколько недель спустя Мик в очередной раз выступил в «Шоу Эда Салливана», театрально отводя глаза всякий раз, когда по требованию Салливана вместо строчки «Давай проведем ночь вместе» пел «Давай проведем время вместе».

Мику нравилось играть роль нарушителя законов. Но когда 5 февраля 1967 года в британской газете *News of the World* было напечатано сфабрикованное интервью, в котором он якобы открыто признавался в том, что употребляет гашиш и амфетамины, Мик пришел в ярость. Как выяснилось, журналист думал, что берет интервью у Мика, тогда как на самом деле разговаривал с Брайаном. И неважно, что Мик тоже регулярно употреблял гашиш, амфетамины и, если уж на то пошло, ЛСД. На следующий же день Мик заявил по телевидению, что намерен подать иск о клевете против газеты *News of the World*, на тот момент самой читаемой в мире.

Вскоре после этого Мика предупредили, что из фургона без опознавательных знаков, припаркованного у дома Харли-Хауз по лондонской улице Марилебоун-роуд, где располагалась его квартира, за ним следят и что его телефон прослушивают. Более чем за сорок четыре года до грандиозного скандала с

прослушиванием звонков, который почти разрушил медиаимперию, нанес сокрушительный удар по правительству консерваторов и положил конец выходившему 168 лет таблоиду, *News of the World* уже вовсю занималась подобной практикой – и не без ведома властей.

Не считая тех случаев, когда пресса рекламировала собственные планы Джаггера, он не особо жаловал Флит-стрит. Но предположение его адвоката о том, что известное издание может заниматься незаконным прослушиванием, он назвал «бредовым». Отмахнувшись от предупреждений, он поехал на выходные в Редландс – загородное поместье Кита Ричардса, окруженное рвом, словно феодальный замок. Среди прочих к Джаггеру с Марианной присоединились повеса из высшего общества Ники Крамер, владелец художественной галереи Роберт Фрейзер, вездесущий Кристофер Гиббс, а также Джордж Харрисон со своей тогдашней женой Патти. Самым же почетным гостем был не «Битл» и не «Роллинг», а молодой калифорниец, который позже в материалах следствия проходил под именем «Доктор Икс» – Дэвид Шнайдерман. «Кислотный король Дэвид», как называли его друзья, привез с собой украшенный личным вензелем чемодан, полный запрещенных веществ, среди которых особо выделялся ДМТ (диметилтриптамин), мощный психоделик, который Мик и Кит еще ни разу не пробовали, но очень хотели.

В субботу «анонимный осведомитель» (бельгиец Патрик, шофер Кита) сообщил в *News of the World* о том, что в Редландсе проходит психоделическая вакханалия, которая должна продлиться все выходные. И только в воскресенье в восемь вечера, когда все были, по словам Ричардса, «в кислотном угаре и вусмерть обдолбанными», Киту сообщили, что кто-то стучится в парадную дверь. Выглянув из окна, Ричардс увидел «толпу гномов снаружи, и все в одних одеждах!» «Гномами» оказались девятнадцать полицейских с ордером на обыск.

Внутри глазам полицейских предстало сюрреалистическое зрелище. Марианна, едва прикрытая рыжим меховым одеялом, полулежала на диване, а Мик, положив голову ей между ног, кусал батончик «Марс», расположенный в весьма заманчивом месте. Как позже высказался Ричардс, у них всегда были наготове несколько батончиков «Марс», «потому что когда ты на кислоте, то не хватает сахара, и тут тебя пробивает на сладкое».

Обыскав комнаты, полиция каким-то образом не заметила пузырек с героином, незатейливо спрятанный под подушкой дивана в гостиной. Что же до переносной аптечки «Кислотного короля Дэвида», то, когда полицейские открыли чемоданчик и увидели завернутые в фольгу пакеты, Шнайдерман заявил, что

это фотопленки. «Пожалуйста, офицеры, закройте чемодан! Вы испортите мои фотографии!» Полицейские послушались, и Шнайдерман спокойно покинул здание, больше его никто никогда не видел. Несколько десятилетий спустя выяснилось, что Шнайдерман согласился помочь полиции в облаве в обмен на обещание снять с него обвинение по другому делу, связанному с наркотиками. Он уехал в Лос-Анджелес, где до самой смерти в 2004 году жил под именем Дэвид Джоув.

Главным уловом полиции в Редландсе оказался героин в подкладке пальто Роберта Фрейзера и четыре таблетки амфетамина в нагрудном кармане зеленого пиджака Мика. Джаггер сказал детективу-констеблю Джону Чаллену, что это «стимулирующие пилюли», которые ему прописал врач. На самом деле они принадлежали Фейтфул, и хотя она решила признаться в этом полиции, Мик благородно взял вину на себя.

На следующий день Кит узнал от своего поставщика наркотиков Санчеса, по прозвищу Испанец Тони, почему о рейде ничего не напечатали в газетах. Полицейские, по его словам, хотели получить взятку. Заявив, что об инциденте забудут за двенадцать тысяч долларов, Санчес взял деньги и отбыл с ними.

Когда прошел месяц, а обвинения так и не были предъявлены, Мик счел, что все улажено, и отправился на отдых в Марокко. В Марракеше они с Марианной (которую он почему-то называл «Мэриан») повстречались с Гиббсом, Фрейзером и легендарным фотографом и модельером Сесилом Битоном.

Мик сразу же очаровал Битона, которому в то время было шестьдесят три года. «Мы сидели рядом, – писал Битон в своем дневнике. – Он пил водку “Коллинз” и курил сигареты, отставив палец. Кожа у него белая, цвета куриной грудки, и восхитительного гладкая. Он обладает врожденной грацией».

Что же касается сексуальной привлекательности, то Битон назвал ее «уникальной». «Он сексуален, и сексуальность его андрогинная. Он вполне мог бы быть евнухом. Как модель он естественен». Особенно воображение Битона поразила одна анатомическая деталь Мика. Однажды сэр Сесил предложил Мику спустить штаны, чтобы сфотографировать Джаггера сзади, а потом запечатлел «портрет» задней части рок-звезды на холсте. Впоследствии эта картина была продана на аукционе «Сотбис» за внушительную по тем временам сумму в четыре тысячи долларов.

18 марта 1967 года Мик узнал из газет, что их с Китом все-таки обвиняют в хранении наркотиков, несмотря на то что Испанец Тони дал взятку в двенадцать тысяч долларов. Слушания должны были начаться не ранее чем через два месяца, а между тем у них были запланированы гастроли по девяти европейским

странам. Поскольку Мик с Китом были занесены в список Интерпола, то каждый раз на новом месте им приходилось подвергаться процедуре полного обыска.

Не смутившись неприятными известиями, Мик с «Роллингами» начали свой тур, совершив настоящее вторжение в Польшу. Когда в Варшаве более трех тысяч фанатов прорвались за полицейские заграждения и устремились к сцене, на улицы города вывели танки, чтобы усмирить буйную толпу слезоточивым газом и водой из водяных пушек. Примерно такая же картина повторилась в Милане и Цюрихе, где один безумный фанат взобрался на сцену и повалил Мика на пол, прежде чем полицейские скрутили нарушителя.

Вернувшись в Лондон, Джаггер снова с головой погрузился в другие свои склонности и принялся играть роль кокетливого завсегдатая интеллектуальных кафе. Среди новых поклонников Мика был и поэт-битник Аллен Гинзберг, который однажды в апреле 1967 года заявился к Джаггеру вместе со своим знакомым Томом Дрибергом, скандально известным членом парламента. Оба были открытыми геями, и когда Дриберг, которому тогда исполнился шестьдесят один год, положил руку на бедро Мика, сделав неприличное замечание по поводу его «достоинства», Гинзберг не поверил своим ушам.

«Я и сам положил глаз на Джаггера, – говорил Гинзберг, – но очень осторожно отзывался о его теле. А тут Дриберг выпалил все без обиняков». По всей видимости, самого Джаггера это нисколько не покоробило. Ходили слухи, будто он несколько раз сообщал своему другу Барри Майлзу о том, что провел ночь в одной кровати с Дрибергом и Гинзбергом.

Какие отношения связывали Джаггера и Дриберга в действительности, можно только догадываться, однако они оставались приятелями долгие годы. «Мик знал, что многие из его близких друзей мечтали переспать с ним, – говорил Тони Санчес. – Женская сторона его сложной личности, похоже, восхищалась, когда ему льстили и поклонялись».

Теперь же, когда Мику грозило серьезное обвинение в хранении наркотиков, у него появился влиятельный союзник, который мог выступить – и действительно выступил – с пламенной речью в Палате общин в его защиту. Дриберг восхищался месмерическим талантом Джаггера привлекать к себе молодежь и несколько лет убеждал его выставить свою кандидатуру на одну из должностей в лейбористской партии.

То, что Дриберг перед тем, как стать лейбористом, двадцать лет состоял в Компартии Великобритании, знали все, но только после его смерти стало известно, что он, помимо прочего, являлся

и шпионом. Вскоре после избрания Дриберга в парламент в 1942 году он стал двойным агентом, завербованным британской контрразведкой MI5 и грозным советским КГБ, чтобы докладывать о своих коллегах-законодателях. Когда же в 1974 году королева Елизавета удостоила его титула пэра, члены тесно спаянного разведывательного сообщества окрестили близкого друга и учителя Мика «лордом шпионов»[4].

Даже знай Мик, что его друг Том Дриберг войдет в историю Великобритании как предатель, он вряд ли отвернулся бы от него. В мае все обвинения были сняты – с него, Кита и с их знакомого Роберта Фрейзера, и Джаггер понял, что ему еще не раз пригодятся влиятельные друзья. После окончания «Редландского дела» прошли считаные часы, когда в квартиру Брайана Джонса в Челси ворвалась полиция, обвинив его в хранении гашиша, амфетаминов и кокаина, – репортеры без работы не остались. Заголовки вышедших на следующее утро газет не оставляли никаких сомнений: британские власти всерьез взялись за развратителей английской молодежи (а по большому счету, и молодежи всего мира) и решили наказать *Rolling Stones* в назидание остальным.

> *«Для Мика Джаггера есть только один авторитет: Мик Джаггер».*
>
> *Кит Олтхэм, журналист*
>
> *«Знаете, что для меня величайшая трагедия? То, что этот клоун – великий артист».*
>
> *Билл Грэм, организатор рок-концертов*

Глава четвертая
Ангелы и демоны

29 июня 1967 года

Ноги Мика подкашивались, кровь отлила от лица, и на мгновение ему показалось, что он вот-вот отключится. Кита только что приговорили к году тюремного заключения, а теперь судья Лесли Блок в мантии зачитывал приговор, согласно которому Джаггер должен провести за решеткой три месяца. «Я едва не умер, когда вынесли приговор», – вспоминал Мик. До его слуха доносились выкрики восьмисот поклонников, собравшихся у суда Западного Суссекса, в Чичестере, которые скандировали «Позор!» и «Отпустите их!». Мик добавил, что он ощущал себя «как в фильме с Джимом Кэгни. А затем все почернело».

Через несколько минут Марианну с Миком отвели в общую камеру, где они обнялись и заплакали. В ходе этого судебного разбирательства слезы у Мика лились еще не раз. Через два дня его, закованного в наручники, перевезли в тюрьму Льюис, где он должен был ожидать отправки к месту исполнения приговора. Когда у него брали отпечатки пальцев, фотографировали и выдавали тюремную одежду, Мик тоже плакал.

Теперь, когда ему вместе с другим заключенным предстояло целых три месяца делить камеру в лондонской тюрьме Брикстон, в мрачном здании девятнадцатого века, Мик был подавлен и угнетен. По его исхудалому лицу текли слезы, а сам он, дрожа, говорил посетителям, что вряд ли вытерпит пребывание в камере.

Мик и Кит, которого вместе с Фрейзером отправили в не менее устрашающую тюрьму Уормвуд-Скрабс, могли найти слабое утешение в том, что их приговор породил волну протестов по всему миру. В десятках стран у британских посольств собирались демонстранты, требовавшие немедленного освобождения Мика и Кита. Диджеи клялись круглосуточно крутить записи «Роллингов», пока рокеров не выпустят на свободу. А группа *The Who* в знак солидарности выпустила двойной сингл, записав песни «Роллингов» с соответствующими ситуации названиями – *The Last Time* («В последний раз») и *Under My Thumb* («У меня под каблуком»).

В Палате общин свое возмущение арестом Джаггера и Ричардса высказал друг Мика и его политический наставник Том Дриберг, утверждавший, что их наказывают «как убийц». Пылкая речь Дриберга не осталась незамеченной – уже на следующий день Мика и Кита выпустили под залог в семь тысяч фунтов

(примерно пятнадцать тысяч долларов по курсу того времени), и теперь они могли дожидаться решения по своей апелляции на свободе.

Но общественная кампания «Свободу Мику и Киту» на этом не закончилась. Во многих газетах печатались передовицы, в которых суровое наказание «Роллингов» называлось «очередным проявлением британского лицемерия» (лондонская *Evening News*) или «непропорционально чудовищным» *(Sunday Express)*. Но самый громкий резонанс вызвала статья Уильяма Риса-Могга, редактора консервативной лондонской *Times*. Ее название «Кто раздавит бабочку колесом?» Рис-Могг позаимствовал у английского поэта восемнадцатого века Александра Поупа, и этот заголовок стал одним из самых известных в истории британской журналистики.

31 июля лорд главный судья Паркер отменил вынесенный Киту приговор за недостаточностью улик, но приговор Мику оставил в силе, чем на пару мгновений заставил поволноваться осужденного и наблюдателей. Правда, через несколько секунд лорд Паркер заменил тюремное заключение годом условного осуждения.

Мик в ответ на это проглотил несколько таблеток валиума и отправился в «Роллс-ройсе» на телевизионную пресс-конференцию. Поотвечав пятнадцать минут на вопросы журналистов («Я против своей воли оказался в центре внимания… Я не стараюсь навязать свои взгляды людям, как некоторые другие поп-звезды»), Мик схватил Марианну под руку, и они сели в вертолет, который доставил их в поместье в Эссексе. После этого Джаггер появлялся перед объективами камер еще не раз, сидя с политическими деятелями, представителями церкви и журналистами и обсуждая такие серьезные вопросы, как законы относительно наркотиков, социальные волнения и будущее британской молодежи.

«Я не утверждал себя в качестве общественного лидера, – говорил он размеренными интонациями джентльмена, позабыв о фальшивом выговоре кокни, – это общество подталкивало меня занять такую позицию».

Буквально за ночь скандальное судебное разбирательство превратило Мика в публичную персону, мнением которой стали интересоваться по любой злободневной теме. Сидя перед камерами с умным видом и демонстрируя необычную для его двадцати четырех лет зрелость, Джаггер казался образцом добропорядочного гражданина. В глубине же души он восхищался своей победой над истеблишментом – теми социальными институтами, которые хотели сломить его, а теперь присылали

своих седовласых представителей, пытающихся всячески добиться его расположения.

Но очень скоро Мик вернулся к своей прежней манере поведения и образу мыслей, и не без веских оснований. Сила «Роллингов» заключалась не в умении вести интеллектуальные беседы или рассуждать на острые темы. Она заключалась в ничем не сдерживаемой энергии, в бунтарском духе молодежи, в анархии. Уже через несколько дней после освобождения Мик вновь припал к этим трем источникам.

«Сейчас как раз подходящее время – революция актуальна, – сообщил Джаггер на пресс-конференции журналистам, которые деловито записывали каждую его фразу и мысли вслух о политике и обществе. – Анархия – вот единственный проблеск надежды». На этом рок-идол, неплохо разбиравшийся в финансовых вопросах и уже тогда возмутительно богатый, не остановился: «Такого понятия, как частная собственность, вообще не должно существовать».

Хотя Мик и призывал своих фанатов выйти на баррикады, это не мешало ему обставлять дорогим антиквариатом свой новый особняк в стиле времен королевы Анны, расположенный по адресу Чейни-Уок, 48. Фламандские гобелены и персидские ковры подбирал для него Кристофер Гиббс, обладавший безупречно изысканным вкусом. В свою новую резиденцию на берегах Темзы Джаггер въехал на новеньком «Бентли» вместе с Марианной и ее малолетним сыном Николасом.

Всего лишь в нескольких шагах находился величавый каменно-кирпичный особняк самого Гиббса, прежде дом американского художника Джеймса Макнила Уистлера. Именно там, в скупо освещенных комнатах, украшенных в марокканском стиле и пропитанных благовониями, Гиббс принимал самых известных представителей музыки, изобразительного искусства, моды, кинематографа, бизнеса и политики.

Когда через Лондон по пути из Италии проезжал Аллен Гинзберг, Гиббс устроил вечеринку, на которую пригласил принцессу Маргарет и несколько ее титулованных кузин, пять членов кабинета министров, интеллектуалов из Оксфорда и Кембриджа, а также своих чрезвычайно богатых соседей – Пола Гетти II и его симпатичную жену Талиту. (Несколькими годами позже Талита Гетти, которая на той вечеринке, как обычно, была облачена в полупрозрачное платье без нижнего белья, скончается от передозировки героина.)

Но самыми яркими звездами стали Мик и Марианна: она – в плотно облегающей лиловой блузке без бюстгальтера, он – в малиновой рубашке с оборчатыми рукавами. Когда они

беседовали с сестрой королевы, дворецкий с серебряным подносом в руках принялся обносить гостей пирожными, испеченными по рецепту из «Поваренной книги Алисы Б. Токлас». Правда, в данном случае повар решил удвоить количество гашиша в рецепте, и, как вспоминал один из гостей того вечера, приятель Мика Джон Мичел, то, что поглощали гости, было «очень токсичным, очень опасным».

«Люди стали отрубаться, – продолжал Мичел. – Всех этих леди и лордов, кураторов Британского музея, членов парламента, относили в их автомобили с личными шоферами и увозили на прочищение желудка». В том числе и принцессу Маргарет. Спавшую в Букингемском дворце королеву незадолго до полуночи разбудили и сообщили, что ее сестру доставили в больницу с «тяжелым пищевым отравлением».

Даже Джаггер и Фейтфул, несмотря на свой опыт и устойчивость к наркотикам, «под большим кайфом и очень веселые», как Мик сказал Джону Мичелу, вышли наружу и принялись бегать вдоль по Чейни-Уок. К счастью для всех присутствовавших на вечеринке, этот инцидент не был упомянут в британской прессе. Если бы подробности происходившего попали на страницы газет, то, как сказал Мичел, «поднялся бы такой скандал, что досталось бы всем – и членам правительства, и королевскому семейству».

Но, несмотря на всю шумиху вокруг «Роллингов», ведущими исполнителями на британской музыкальной сцене оставались «Битлы», выпустившие летом 1967 года свой эпохальный альбом, *St. Pepper's Lonely Hearts Club Band* («Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера»). «Роллинги» даже приняли небольшое участие в записи альбома, подпевая с другими исполнителями в композиции *All You Need Is Love* («Все, что вам нужно, это любовь»). *Beatles* в ответ приняли участие в записи сингла «Роллингов» с похожим названием, *We Love You* («Мы любим вас»), но он не пользовался такой популярностью, как песня «Битлов». Джаггер постарался уделить внимание тому, что сделало «Сержанта Пеппера» таким эпохальным достижением в современной музыке.

Главным фактором конечно же были психоделические мотивы. Но, чтобы превзойти «Битлов», «Роллингам» недостаточно было просто предложить свою вариацию «Сержанта Пеппера» на тему мира, любви и ЛСД. Их концептуальный альбом требовал более зловещей и мрачной атмосферы. Перефразировав стандартную надпись на британском паспорте – «Государственный Секретарь Ее Величества королевы Великобритании по международным делам и делам Содружества

просит…», – Мик придумал название «Их сатанинские величества просят» *(Their Satanic Majesties Request)*.

Этот альбом, записанный в лондонской студии «Олимпик-Студиос», ознаменовал собой конец крайне плодотворного и очень тесного сотрудничества группы с Эндрю Олдэмом. К тому времени Олдэм промотал свое состояние на наркотики, его творческий запал иссяк, и он страдал от клинической депрессии. Несколько выходных он посвятил электрошоковой терапии, после чего появился в студии, собираясь, как всегда, предложить свои идеи.

Мик ясно и откровенно дал понять, что присутствие Олдэма больше не требуется. «Когда дело касалось внешнего вида, имиджа «Роллингов», то они всегда соглашались с Эндрю», – говорил фотограф «Роллингов» Джеред Манковиц. Но теперь они не собирались идти у него на поводу. «Не посоветовавшись с Эндрю по этому вопросу, Мик как бы говорил, что сотрудничество закончено. Я ясно помню выражение лица Эндрю».

Манковиц был «поражен бессердечием» Мика, как и типичной для него неблагодарностью к людям, которые помогли ему взойти на вершину. «Если кто-то вам открывает дверь, когда вы желаете только одного – оказаться по другую сторону этой двери, то нельзя относиться к этому человеку как к простому привратнику», – сказал Манковиц.

Джаггер настаивал на том, что группе больше не нужен отдельный менеджер. Повседневными финансовыми вопросами может заниматься Аллен Клейн, но важные решения по поводу финансов и творчества будут принимать сами «Роллинги» – точнее, Мик. Олдэм, понятное дело, вышел из себя и вознамерился даже преследовать Клейна в судебном порядке, чтобы тот дал ему откупные. В итоге Эндрю согласился отойти от дел за миллион долларов наличными – по сегодняшним меркам это примерно девять миллионов, но в свете того, что группе предстояло заработать миллиарды, эта сумма выглядит едва ли не скудной подачкой.

Если уж Джаггер без особых проблем отвернулся от Олдэма и Джорджио Гомельского, как и от многих других, то отвернуться от Брайана Джонса ему и вовсе не составляло труда. Через несколько дней после разрыва с Олдэмом Брайан был приговорен к шести месяцам заключения в тюрьме Уормвуд-Скрабс. Джонс давно страдал от респираторных заболеваний, и этот приговор вызвал у него тяжелый приступ астмы.

Хотя сказать, что Джонс заслуживал особенной заботы и внимания, было бы большим преувеличением. Не успел он выйти под залог, как на следующий день познакомился с двумя

девушками-подростками, привел их к себе в квартиру, где они все накачались ЛСД, а после так жестоко избил их, что они выбежали на улицу голые и в крови.

Позже приговор изменили и приговорили Джонса к трем годам условно, но только после того, как психиатр заявил в суде, что Джонс страдает от «эдиповой фиксации» и «суицидальных склонностей» и тюремное заключение для него может означать «полный уход от реальности, психологический срыв».

Что касается связи с реальностью самого Джаггера, то она казалась в лучшем случае сомнительной. Отгородившись от внешнего мира в стенах особняка на Чейни-роуд, они с Марианной курили гашиш, поглощали кислоту, занимались любовью и, как позже признались оба, играли в переодевание.

Кит и Брайан уже несколько лет менялись одеждами с Палленберг и другими своими подружками, а теперь этой игрой увлекся и худощавый Мик, надевая платья Марианны, пока та натягивала на себя его брюки-клеш и рубашки в оборках. По настроению Джаггер мог и полностью преобразиться, украсив себя драгоценностями Фейтфул и одним из ее боа из перьев, надев туфли на высоких каблуках и, виляя бедрами, танцевать под песню *River Deep – Mountain High* («Река глубока, гора высока») своего кумира Тины Тёрнер.

Игра в переодевание вообще была широко распространена среди представителей британского высшего общества и не обязательно свидетельствовала о гомосексуальных склонностях. В случае же с Джаггером и Марианной одной игрой дело не ограничивалось.

«У меня действительно бывали подружки, и у нас случался секс, – признавалась Марианна. – Мик знал о них». Иногда, когда Мик возвращался домой и обнаруживал Фейтфул в кровати с какой-нибудь девушкой, он охотно присоединялся к ним.

Марианне казалось разумным, что Мик не имеет ничего против ее лесбийских увлечений. Она говорила, что Джаггер ревновал бы, если бы ему пришлось бороться за ее сердце с другим мужчиной. «Он относился к этому так, что лучше бы у меня была подружка, чем парень, – объясняла она. – Также и я предпочитала застать его в постели с мужчиной, чем с женщиной».

Марианна сказала, что в той среде, где она росла, к гомосексуализму относились снисходительно, и она привыкла считать, что «в его основе лежит нарциссизм. Это просто желание, очень сильное желание, чтобы люди тебя любили. А мужчина это или женщина, не так уж важно».

Одним из тех мужчин, которым молва приписывала связь с

Джаггером, был молодой Эрик Клэптон, гитарист из группы *Cream*, которая тогда только что выпустила свой хит *Sunshine of Your Love* («Солнечный свет твоей любви»). Клэптон был знаком с Джаггером еще по джаз-клубу в Илинге, где Мик выступал с группой *Blue Boys*, а Эрик еще не присоединился к группе *Yardbirds*.

«Да, Эрика и Мика застукали вдвоем в постели, это правда, – говорил Джон Данбар. – В той среде был очень распространен нарциссизм. Бисексуальность и андрогиния не только считались допустимыми, но и поощрялись».

Не всем в близком окружении «Роллингов» было известно об интимных отношениях между Джаггером и Клэптоном, хотя почти все знали об их тесной дружбе. Однако бывший муж Марианны, похоже, действительно знал о том, кто с кем спит. На протяжении всего этого периода Данбар не только поддерживал близкие отношения с Фейтфул и Джаггером, но и, будучи совладельцем модной лондонской галереи «Индика», занимал поистине уникальное положение в самом центре «свингующего Лондона». Именно в «Индике» Данбар в ноябре 1966 года познакомил своего друга Джона Леннона с неизвестной художницей-авангардисткой Йоко Оно.

Знакомый Мика, американский журналист английского происхождения Виктор Бокрис, освещавший музыкальную жизнь Лондона того времени, знал, что многие сверстники Джаггера не чужды таким «шалостям». Их образ жизни был «крайне гедонистическим, спровоцированным употреблением наркотиков». Клэптон, который потом много лет боролся с пристрастием к героину, по выражению Бокриса, был «неотъемлемой частью всего этого. Ничто не считалось священным, и все стремились к чему-то запретному. В то время никому не приходило в голову тыкать в тебя пальцем, если ты бисексуал. Это не воспринималось как нечто такое, чего нужно стыдиться. Все экспериментировали, в том числе и гетеросексуальные рок-звезды».

Хотя впоследствии Эрик Клэптон культивировал совсем другой образ, в 1967 году он был, как вспоминал Джаред Манковиц, «довольно симпатичным андрогинным созданием». В рубашке с психоделическими рюшками, в цветастом кафтане и в башмаках на платформе, Клэптон одним из первых рокеров сделал завивку в стиле «афро» и стал красить ногти.

Тем, кто знал этих молодых людей в то время, казалось вполне естественным, что они сблизились. У Эрика был довольно большой опыт выступления с разными группами, такими как *Yardbirds, Bluesbreakers* Джона Мейолла и *Cream*, и в определенных

кругах его считали даже величайшим гитаристом. По всей Великобритании, от Лондона до Эдинбурга, на заборах красовались надписи «Эрик – Бог!». «Их обоих боготворили, и их обоих окружали подхалимы, – говорил Данбар. – Рок-звезды их величины начинают верить тому, что о них говорят и пишут. Они теряют связь с реальностью и обманываются, как обманывается и публика».

Возможно, была и более глубокая психологическая причина, по какой Мик находил интимные отношения с мужчинами особенно привлекательными. «Мне кажется, многое здесь связано с тем, что Мику все женщины казались не более чем пустоголовыми фанатками «Роллингов», – говорил Данбар. – С мужчинами отношения более равноправны, потому что они тебе ровня».

Что касается ровни, то больше всего Мик мечтал о том, чтобы сравняться с представителями высших слоев королевства. «Аристократы, правда, никогда бы не сочли его своим, – сказал Данбар. – Для них он оставался просто любопытной диковинкой».

Как убедил себя Джаггер, ему недоставало того, что было у всякого истинного английского джентльмена: загородной резиденции. Кит Ричардс владел поместьем Редландс, Билл Уаймэн – Геддин-Холлом в Саффолке, поэтому вполне понятно, что Мик принялся искать подходящий своему статусу представительный английский дом.

Его выбор пал на Старгроувз, великолепное поместье елизаветинской эпохи в беркширском городе Ньюбери. (Несколько десятилетий спустя это место наводнят папарацци и туристы, надеющиеся хотя бы одним глазком увидеть еще одного обитателя Беркшира, Кейт Мидлтон.)

Прошло одиннадцать месяцев с выхода последнего крупного альбома «Роллингов», *Between the Buttons* («Между пуговицами»), ознаменовавшего отход от блюзовых корней и увлечение психоделикой. Теперь Джаггер надеялся превзойти необычайный успех «Сержанта Пеппера» своим альбомом *Their Satanic Majesties Request* («Их сатанинские величества просят»).

Казалось вполне логичным, что так и должно быть. В конце концов, «Битлов» и «Роллингов» теперь связывали как никогда дружеские, творческие и финансовые связи. Они втайне помогали друг другу в работе над проектами и даже согласовывали время выхода своих синглов, чтобы не составлять друг другу конкуренцию, как раньше, – предполагалось, что такие популярные группы, как *Beatles* и *Rolling Stones*, должны выпускать свежие синглы каждые восемь-девять недель. Эта схема была разработана, чтобы «Роллинги» с «Битлами» не лишали друг

друга очередного суперхита.

С тех пор Леннон и Джаггер встречались каждые пять-шесть недель и сообщали друг другу о том, как движется работа над следующей записью. Между ними происходил примерно такой разговор:

– Не нравится мне пока наша. Возвращаемся в студию. А вы?

– Мы уже готовы выпускать.

– Ну, тогда ваш ход. Давайте.

«Это была необычайно хитрая стратегия», – вспоминал Аллен Клейн. Весь мир воспринимал их как заклятых соперников, но Мик смотрел на «Битлов», особенно на Джона и Пола, как на братьев «Роллингов» по музыке. В какой-то момент Джаггер даже вознамерился оформить их партнерство официально. За несколько месяцев до этого от передозировки снотворного скончался долговременный менеджер и наставник *Beatles* Брайан Эпстайн, что стало настоящим шоком для всего музыкального сообщества. Теперь же, избавившись от Олдэма, Мик предложил «Битлам» разделить студию и менеджерский офис в Лондоне. Джон и Пол сразу согласились, но в последний момент, уже когда студия была выбрана, не разделявший их энтузиазма Клейн отказался от объединения.

В ожидании выхода нового альбома Мик раздумывал, как бы поскандальнее обставить его, разозлить родителей фанатов и бросить вызов истеблишменту. Вскоре до него дошло, что если он хочет вызвать раздражение добропорядочных, ведущих размеренный образ жизни обывателей, то для этого как нельзя лучше подходит сатанизм. В нем, казалось, слились все необходимые компоненты: насилие, анархия, ересь, зрелищность, секс. От такого сочетания у Мика просто дух захватывало. Джаггера уже не прельщала роль посредственного антигероя. Он вознамерился стать самим Антихристом.

Мик забросил своих любимых писателей-битников – Берроуза, Джека Керуака, Гинзберга – и стал поглощать оккультные сочинения, такие как «Книга проклятых», «Манускрипт ведьмовства» и роман «Мастер и Маргарита», в котором идет речь о происках Люцифера в Москве после большевистской революции. Позже эта книга вдохновила Джаггера на хит *Sympathy for the Devil* («Симпатия к дьяволу»).

В качестве своего учителя Мик выбрал Кеннета Энгера, который с детства снимался в кино, а потом утверждал, что стал «магом», своего рода сатанинским Мерлином. Как и Том Дриберг, Энгер был учеником Алистера Кроули, «Великого зверя» и скандально известного отца-основателя современного британского оккультизма.

Энгер с удовольствием сыпал заклинаниями, насылал проклятия и вскоре нашел преданного приспешника в лице очень впечатлительной (и психически неадекватной) Аниты Палленберг. Однажды, когда они с Китом ехали в его «Бентли» из Феса в Марракеш, внимание Палленберг привлекла ужасная автомобильная авария. Она приказала шоферу остановиться, подбежала к одной из жертв аварии на обочине и обмакнула свой шелковый шарф в кровь. Энгер говорил, что кровь умирающего обладает магическими свойствами, и поэтому Палленберг с помощью этого шарфа насылала проклятия на своих врагов. Позже она попробует проклясть с его помощью и Мика.

Энгер обладал необычайным даром убеждения. Надеясь распространить свое учение посредством кинематографа, он воспользовался полученным в Голливуде опытом и создал несколько авангардных фильмов, в том числе ставшие классикой «Фейерверки» (1947) и «Восход Скорпиона» (1963). Но самым мрачным и демоническим фильмом должен был стать его шедевр, «Восход Люцифера».

Позже искусство найдет свое отражение в жизни. В главной роли Энгер хотел снять малоизвестного рокера по имени Бобби Босолей. После того как они поссорились на съемочной площадке, Босолей, который к тому времени близко сошелся с группой возглавляемых Чарльзом Мэнсоном маргиналов, сбежал и совершил жестокое убийство, оставив на стенах сатанинские надписи кровью жертвы.

Когда Босолей оказался в камере смертников, Энгер спросил Мика, не хочет ли он исполнить роль Люцифера. Джаггер некоторое время серьезно размышлял над этим, но затем вежливо отклонил предложение. При этом он пообещал Энгеру написать музыку для его фильма и помочь со звуковым сопровождением, но и это обещание он так и не выполнил.

12 декабря 1967 года – по стечению обстоятельств в тот же день, когда Брайан и Мик присутствовали в суде, где рассматривалась апелляция по обжалованию приговора о тюремном заключении Брайана, – на прилавках музыкальных магазинов появился альбом *Their Satanic Majesties Request*. Но ажиотажа не последовало. Критики обвинили «Роллингов» в неудачном подражании «Сержанту Пепперу», и хотя альбому как-то удалось занять вторую строчку в чартах США, большая часть из миллиона отправленных копий осталась непроданной. Позже этот альбом, содержавший только один запоминающийся хит, *She's a Rainbow* («Она радуга»), явный ответ «Роллингов» на битловскую *Lucy in the Sky with Diamonds* («Люси в небе с бриллиантами»), Мик и сам назвал «мусором».

Наступал 1968 год, который для Мика с «Роллингами» обещал стать переломным. После альбома *Their Satanic Majesties Request* их и так уже многие списали со счетов, а теперь им приходилось признавать тот факт, что со времен выхода *Paint It, Black* («Покрась это черным») двумя годами ранее они ни разу не возглавляли британские чарты. «Мы были просто обязаны выпустить хит номер один», – говорил Билл Уаймэн.

Источников вдохновения у них было хоть отбавляй. За всю послевоенную эру трудно найти такой же насыщенный в социально-политическом отношении год, как 1968-й. В США, где набирало силу движение против вой ны во Вьетнаме, газеты с громкими заголовками выходили каждый день: президент Линдон Джонсон принял решение не выдвигать свою кандидатуру на второй срок; убиты Мартин Лютер Кинг и Роберт Ф. Кеннеди; кровавая потасовка между протестующими и полицейскими на съезде демократической партии в Чикаго; волнения среди чернокожего населения в Вашингтоне, Канзас-Сити, Чикаго и Балтиморе.

Но главной темой была война во Вьетнаме. Во всех крупных городах мира проходили антивоенные демонстрации, выливавшиеся в столкновения с полицией. Весной, когда демонстранты осаждали посольство США в Лондоне, Мик решил, что не следует упускать возможность стать выразителем протеста молодежи. Без всякого смущения он доехал до посольства на своем лимузине с личным шофером, вышел и присоединился к протестующим, взявшись с ними за руки. Некоторое время все внимание было приковано к нему, к тому, как он раздает автографы и позирует для фотографий, после чего он сел в «Бентли» и покинул акцию протеста.

В результате родилась песня *Street Fighting Man* («Уличный боец»), настоящий гимн лета и осени того года, который распевали размахивающие плакатами и швыряющие камни демонстранты от Беркли до Парижа. Воспользовавшись моментом, Том Дриберг снова стал настаивать, чтобы Мик выдвинул свою кандидатуру на выборах в парламент.

Впервые Джаггер задумался над этим предложением серьезно. «Если в политику приходит человек с анархическими убеждениями, то к кому он примкнет?» – спрашивал Мик Дриберга. И Мик внимательно слушал будущего барона Брэдвелла, который рассуждал о том, что «старый порядок рушится» и что «когда это произойдет, то молодому человеку лучше оказаться в лейбористской партии».

Вскоре выяснилось, что Мик придерживается более радикальных взглядов. «Возможно, троцкисты правы, –

соглашался с ним Дриберг. – Революция может начаться в любой момент». Поначалу Дриберг просто надеялся, что Джаггер привлечет свежие, молодые силы в его партию, которая нуждалась в обновлении, но позже он признавался, что и его самого увлек дух времени. «Когда находишься в обществе такого человека, как Мик, то трудно не разделять его революционных идей», – вспоминал он.

Что же касается музыки, то новый толчок их пошатнувшейся карьере дал Билл Уаймэн. Как-то раз, когда Мик с Китом расхаживали по студии, они услышали, как Уаймэн проиграл рифф на клавишных, который подхватили Брайан с Чарли Уоттсом, и тут же замерли на месте. Кит иначе вспоминал этот эпизод и утверждал, что вдохновение пришло к нему примерно так же, как в случае с *Satisfaction*, и что он записал музыкальную фразу на свой кассетный плеер, который повсюду таскал с собой. «*„Jack Flash“* – это, по сути, *Satisfaction* наоборот», – объяснял Кит. Но по поводу слов разногласий не было. Однажды Мик гостил в поместье Кита Редландс и, едва проснувшись дождливым утром, услышал доносившиеся снаружи тяжелые шаги садовника Джека Дайера. Когда он спросил Кита, кто это, тот ответил: «А, это Джек. Попрыгунчик-Джек». Мик взял гитару и попробовал подобрать какую-нибудь мелодию под слова «Попрыгунчик-Джек», потом посмотрел на Кита и выпалил: *«Jack Flash!»*

Джаггеру потребовалось менее часа, чтобы написать весь текст песни. Исполняя ее, он играл главного персонажа, отчасти проворного Джека из английского детского стишка, но по большей части сатанинского бесенка. Хит *Jumpin' Jack Flash* тут же занял первое место в Англии и третье в Америке.

Тем летом, несмотря на непрекращающиеся увещевания Аллена Клейна навсегда избавиться от Брайана Джонса, Мик и Кит решили дать Брайану последний шанс. Это решение далось им нелегко. Джонс, которого в очередной раз обвинили в хранении наркотиков, был убежден, что Мик пытается выжить его из созданной им группы, и потому вел себя непредсказуемо. Другие «Роллинги» даже не пытались приглашать его на выступления. Во время звукозаписи они накладывали на композицию трек Брайана на цимбалах или ситаре, записанный в отдельной студии.

Пока Джонс с беспокойством ожидал очередного суда, Джаггер и Ричардс пригласили его на неделю отдохнуть в Редландсе. Но примириться им не удалось – напротив, они еще больше поссорились. Обвинив Мика в том, что тот хочет заменить его на Эрика Клэптона, Брайан завопил, что сейчас покончит с собой, и прыгнул вниз головой в ров с темной холодной водой.

Мик бросился на помощь, но обнаружил, что Джонс просто прячется от них и не собирается тонуть во рву, глубина которого была всего около метра. «Надеюсь, тебя посадят за решетку, и на этот раз надолго!» – в сердцах выпалил Мик.

Если бы Брайана и в самом деле посадили в тюрьму, то «Роллингам» пришлось бы отменять запланированный тур в честь выхода нового альбома *Beggars Banquet* («Пир нищих»), если только они действительно не решили бы, что в его услугах больше не нуждаются. Участники группы еще не были готовы к такому повороту, и Мик надеялся, что Брайан благополучно выпутается, как это получалось у него не раз. Конечно, если при этом он не вляпается в новую историю – и в газетные статьи о скандальных происшествиях.

Было решено, что Брайан должен провести остаток лета в Редландсе со своей новой подружкой, сногсшибательной моделью, блондинкой по имени Сьюки Пуатье. (Она выжила в автомобильной аварии, в которой погиб наследник состояния «Гиннесс», Тара Браун, но год спустя разбилась насмерть в другой аварии.)

Через неделю в поместье вернулся Мик, поддавшись на уговоры Марианны Фейтфул, которой казалось, что жизни Джонса угрожает опасность. Ведь Джонс, по ее словам, был Рыбами, водным знаком. Да и книга «И-Цзин» предупреждала: смерть от утопления. Но едва лишь Джаггер появился на пороге, как оба они снова вступили в перебранку. На этот раз Брайан попытался всадить нож в грудь Мика, а когда Джаггер отскочил, закричал, что хочет умереть, и снова прыгнул в ров. Джаггер опять кинулся спасать его – и так три раза. После третьего раза Мик с трудом дотащил мокрого, всхлипывающего и явно очень пьяного Брайана обратно в его комнату.

Если не считать параноидальных срывов Брайана, то не Мику было критиковать кого бы то ни было за пристрастие к наркотикам. Он подозревал, что власти только и ждут удобного случая, чтобы предъявить им новое обвинение, и потому они с Китом решили основать свой клуб, в котором могли бы до определенной степени поддерживать свои правила и контролировать ситуацию.

Торжественное открытие клуба «Везувио» состоялось в июле 1968 года, во время пышного празднования двадцатипятилетнего юбилея Мика, на котором присутствовали Джон с Йоко, Пол Маккартни и сливки британского общества. Поскольку совладельцем клуба был давний товарищ Кита и поставщик наркотиков Испанец Тони Санчес, повсюду на столах вместе со столовыми приборами стояли бокалы с приправленным

метедрином пуншем и лежали косяки. Мик с Марианной удалились в отдельную комнату, чтобы насладиться самым главным подарком на день рождения: трубкой, набитой чистейшим тайским опиумом.

Самым главным сюрпризом того лета стало известие, что Марианна ожидает ребенка. Марианна к тому времени уже стабильно сидела на своеобразной диете – алкоголь и наркотики, – принимая таблетки горстями, но, по всей видимости, забывая принять противозачаточные.

Как бы то ни было, от этой новости Мик пришел в восторг. Тогда еще не существовало ультразвуковой диагностики пола будущего ребенка, но почему-то будущие родители были уверены, что у них родится именно девочка. Они даже выбрали ей имя – Карена.

В то время Фейтфул все еще была замужем за Данбаром. И хотя Данбар соглашался дать ей развод, она не спешила становиться «миссис Джаггер». Она не хотела выходить замуж за Джаггера только затем, чтобы их ребенок родился в официальном браке. «Брак? Ну, это неплохо для тех, кто занят стиркой», – шутил сам Мик. Но в серьезном разговоре он утверждал, что не имеет ничего против того, чтобы жениться на любимой женщине, «если ей действительно это нужно… Но сейчас я живу не с такой женщиной».

Мика поражали обманчиво непорочная красота и царственные манеры Марианны, но в не меньшей степени он восхищался ее артистическим талантом. К тому времени она уже сыграла несколько ролей в театрах Вест-Энда и две небольшие роли в кино, а теперь настаивала, чтобы и Мик попробовал свои силы в этой области.

Недостатка в предложениях у него не было. Мик уже отклонил десятка два сценариев, поскольку, как заметил Данбар, он «боялся рисковать… Сама идея его пугала. Тут-то и вышла на сцену Марианна. Она играла на его самолюбии и придавала уверенности, убеждая хотя бы попробовать».

К сожалению, природная подозрительность Мика мешала ему принять сценарий, если его не написал кто-нибудь из тех, кого он знал лично, и неважно, насколько был известен этот человек. Когда же его американский знакомый Дональд Кэммелл, наследник судостроительной компании и художник-любитель, живущий в Париже, предложил ему одну из ролей в фильме «Представление», Мик с радостью согласился.

Принять решение ему помогло и то обстоятельство, что сценарий фильма о бандите с садистскими наклонностями, который начинает сомневаться в своей сексуальной ориентации

после встречи с бывшим рок-идолом, был будто специально написан для Мика. Заручившись поддержкой Джаггера и известного кинематографиста Николаса Роуга, который согласился стать сорежиссером, Кэммелл без труда договорился с компанией «Уорнер Бразерс».

Сыграть роль героя-бандита сначала подумывал Марлон Брандо, но когда он отклонил предложение, на эту роль взяли английского актера Джеймса Фокса, получившего образование в школе Харроу. Фокс и Джаггер были хорошо знакомы. Между ними завязался «своего рода роман», по выражению их общего приятеля Кэммелла, «и оба они были скрытыми геями».

Фокс охотно погрузился в роль громилы, а Мика попросили сыграть роль живущего затворником бисексуала Тёрнера. Это означало, что ему нужно облачиться в трико, блузку с оборками и в цветастый кафтан. Перед каждой сценой ему красили губы красной помадой а-ля Джоан Кроуфорд и наносили тени на веки, но в остальном режиссеры советовали ему быть «самим собой».

Но Марианна считала иначе. Она советовала Мику представить, что он «бедный, обдолбанный, разочарованный, двуполый торчок Брайан» с «прекрасной склонностью к преступлениям» Кита. Когда Мик впервые появляется перед камерой в черном трикотажном костюме и в поясе с огромной серебряной пряжкой, Фокс произносит многозначительную фразу. «А ты будешь смешно выглядеть в пятьдесят», – говорит гангстер рок-звезде.

Фейтфул и сама собиралась сыграть в фильме, но врачи сказали ей, что это может осложнить беременность. Поэтому роль секретарши-нимфоманки Мика досталась подружке Кита Аните Палленберг, которая в то время тоже ожидала ребенка. Но Анита, не задумываясь, сделала аборт и на следующее утро уже стояла перед камерами.

Кит не возражал против съемок Аниты в фильме, даже после того как прочитал в сценарии, что Мик, Анита и подстриженная под мальчика восемнадцатилетняя актриса Мишель Бретон по прозвищу Муш должны сыграть сексуальную сцену втроем. Но все изменилось, когда выяснилось, что Анита и Мик довольно серьезно отнеслись к сексу перед камерами и Палленберг даже не пыталась это скрывать. Хотя она скрыла, что спит также и со своим бывшим любовником Кэммеллом. Ричардс ненавидел Кэммелла, этого «гипнотизера, абсолютного предателя, манипулирующего женщинами», как писал он позже. «Самый опасный подонок, с каким мне доводилось иметь дело».

Поглощенный ревностью, Кит каждый день сидел в своем синем «Бентли» перед съемочным павильоном и кипел от ярости.

И не без оснований. Его подозрение в том, что Кэммелл на самом деле задумал снять «третьеразрядное порно», имели реальные основания. Полная версия «Представления» в конечном итоге была показана на порнографическом фестивале в Амстердаме и завоевала первый приз.

Палленберг пользовалась щекотливой обстановкой, чтобы дразнить Кита, утверждая, что все это время ее основной целью было затащить в постель Мика и что она спала с Китом и Брайаном, только чтобы добраться до Джаггера. Если она планировала вбить клин между двумя друзьями, то это ей удалось. В первый раз – но далеко не в последний – партнерство Джаггера и Ричардса дало трещину.

«Высокая драма» – так описывал настроение во время съемок фильма продюсер Сэнди Либерсон. Все на съемочной площадке были «ужасно капризными. Каждый раз начинались крики, споры, вспышки гнева. Мик был особенно взвинченным и несдержанным. У меня складывалось впечатление, что он ко всему относится слишком серьезно или далек от реальности».

В «Представлении» было с лихвой непристойностей, наркотиков и жестокостей, чтобы заслужить рейтинг X и шокировать зрителей. Фильм и в самом деле шокировал владельцев студии, которые почему-то считали, что подписались на съемку музыкального фильма, наподобие кассового «Вечера трудного дня» или «На помощь!», снятых с участием *Beatles*. На одном из первых просмотров некую даму, увидевшую слишком откровенную сексуальную сцену, вырвало прямо на ботинки руководителя студии, прежде чем она успела выбежать.

После двух лет судебных споров фильм наконец-то вышел в 1970 году, но был прохладно принят критиками. Правда, большинство отмечало поразительное мастерство Мика и особенно, как выразился Роджер Гринспан из *New York Times*, его «садизм, мазохизм, изысканное декадентство и небрежную всесексуальность».

И все же этот фильм так вымотал Роуга, что «почти разрушил» его. Фокса же кипевшие на съемочной площадки страсти – особенно то, что он называл «психологическими играми» Мика, – утомили настолько, что он совсем забросил актерскую деятельность и следующие двадцать лет провел в христианской секте «Штурманы», распространяя Благую весть. Кэммелл снял еще три незначительных фильма, после чего покончил с собой, выстрелив из пистолета в голову и с чувством долга засняв это на пленку, пока его жена находилась в соседней комнате.

Что касается «Роллингов», то интрига Мика с Палленберг, как

вспоминал Кит, «пожалуй, больше всего другого расширила пропасть между мной и Миком. Возможно, даже навсегда». Впрочем, впоследствии выяснилось, что и сам Кит изменял Мику с Марианной еще до ее беременности. Однажды, когда Мик вернулся на Чейни-Уок ранее условленного времени, Кит поспешно выскочил из окна, забыв надеть носки. «Я до сих пор ищу твои носки», – такова была шутка Марианны, понятная только Киту на протяжении последующих сорока лет.

22 ноября 1968 года, на восьмом месяце беременности, у Марианны случился выкидыш. По странному стечению обстоятельств выкидыш в тот же день произошел и у Йоко Оно, которая также находилась на восьмом месяце беременности и ожидала ребенка от Джона Леннона. Сама Марианна не питала никаких иллюзий на свой счет и винила во всем наркотики, которыми увлекалась уже несколько лет.

Марианна еще долго мучилась угрызениями совести, но Мик быстро оправился от этого удара – пожалуй, даже слишком быстро. Вскоре его поглотила работа над новым альбомом, который должен был выйти на той же неделе, что и новый двойной альбом *Beatles* с названием группы, но более известный как *White album* («Белый альбом»). В первый раз за несколько лет обе группы выпускали свои долгоиграющие пластинки практически одновременно, и после неудачи с альбомом *Their Satanic Majesties Request* Мик очень нервничал.

Но его волнения были напрасными, ведь на этот раз «Роллинги» постарались не просто обойти своих музыкальных соперников, а выпустили альбом, который многие считают их лучшим альбомом за всю историю группы. *Beggars Banquet* содержал такие смелые композиции, как *Sympathy for the Devil* («Симпатия к дьяволу»), *Stray Cat Blues* («Блюз бродячей кошки») и *Street Fighting Man* («Уличный боец»). Как писал Джон Ландау из журнала *Rolling Stone*: «В „Уличном бойце“ они первыми из групп сказали: „К стене, подонок, мать твою!“» В *New York Times* Мика просто назвали «демоническим… и дико возбуждающим».

Мик решил воспользоваться благоприятным моментом. За год до того *Beatles* сняли часовой фильм «Волшебное таинственное путешествие», выхода которого публика ожидала с большим нетерпением, но который был показан по Би-би-си без особого успеха. Джаггеру захотелось отличиться там, где потерпела поражение легендарная четверка.

Фильм «Рок-н-ролльный цирк Роллинг Стоунз» был снят за три дня, и помимо Мика с кнутом дрессировщика в нем фигурировали клоуны, пожиратели огня, дрессированные животные и гимнасты, не говоря уже о таких приглашенных

знаменитостях, как Джон Леннон, Эрик Клэптон и *The Who* в полном составе.

Леннон назвал съемку в этом фильме «вдохновляющим» занятием, и после многократных дублей даже Джаггер казался довольным. Но когда он посмотрел результат на экране, то его поразило, насколько он выглядел усталым и старым, особенно по сравнению с похожим на мальчишку вокалистом *The Who* Роджером Долтри. В итоге «Рок-н-ролльный цирк Роллинг Стоунз» положили на полку и показали лишь через двадцать восемь лет.

По крайней мере, на какое-то время Мику и Киту удалось забыть о разногласиях. В декабре они отправились путешествовать из Лиссабона в Рио-де-Жанейро вместе с Марианной и Анитой; эта поездка дала два хита: *HonkyTonk Women* («Кабацкие бабы») и *You Can't Always Get What You Want* («Нельзя всегда получать то, что хочешь»).

Заодно в этом путешествии дуэт обрел и новое прозвище. Когда Кит с Миком поглощали виски в баре на судне, одна пожилая дама никак не могла узнать их и постоянно спрашивала, кто они такие. «Ну ладно вам, скажите, кто вы? – повторяла она. – Может, хотя бы намекнете?»[5] С тех пор Мик и Кит называли себя «мерцающими близнецами» *(Glimmer Twins)*.

Джаггер не оставлял надежды стать звездой кинематографа и согласился сыграть главную роль в фильме «Нед Келли» Тони Ричардсона, посвященном известному австралийскому бандиту девятнадцатого века. Мик, конечно, не слишком походил на мужественного разбойника, но он имел все шансы попасть за решетку. В тот день, когда было официально объявлено о его участии в фильме, полицейские выбили парадную дверь и обыскали весь дом Джаггера. В результате его обвинили в хранении четверти унции марихуаны и приговорили к штрафу в 500 фунтов.

Приближалась весна 1969 года, и с каждым днем становилось все яснее, что Брайан не сможет отправиться на гастроли вместе с остальными членами группы. Мик сказал Алену Клейну, что, по его мнению, настало время окончательно порвать с Брайаном. Ему предложили навсегда покинуть группу в обмен на 100 тысяч фунтов стерлингов (примерно 200 тысяч долларов по курсу того времени) и право на авторские отчисления за каждый хит «Роллингов», записанный до того времени. «Мик упорно настаивал на этом, – сказал Иэн Стюарт. – Он сказал, что нам обязательно нужно избавиться от Брайана и заменить кем-нибудь, кто может выступать».

Незадолго до полуночи 1 июня Мик пригласил гитариста

Мика Тэйлора, которому тогда исполнился двадцать один год, заменить Джонса при исполнении песни *Honky Tonk Women*. Довольный тем, что Мик Тэйлор, который играл в группе Джона Мейолла *Bluesbreakers*, обладал всеми необходимыми для выступления качествами, Джаггер на следующей неделе отправился в Суссекс, взяв для поддержки Кита и Чарли Уоттса. Ему предстояла нелегкая задача сообщить человеку, который основал *Rolling Stones*, о том, что он должен покинуть группу.

К тому моменту Брайан наслаждался неким подобием размеренной жизни в живописном поместье Котчфорд-Фарм, некогда принадлежавшем создателю Винни-Пуха Алану Милну. Когда Мик пришел к нему и сказал, что «все кончено», Брайан вопреки всеобщим опасениям вовсе не вышел из себя, а просто кивнул в знак согласия. «Мы останемся друзьями, – заявил он на пресс-конференции, посвященной разрыву. – Мне нравятся эти парни». Когда Мик с другими поспешно покинули конференцию, чтобы заняться своими делами, Брайан вовсе не выглядел расстроенным. Но ночью он заперся у себя в спальне и прорыдал несколько часов.

После того как с неприятной задачей было покончено, Мик решил уделить внимание финансовым вопросам. «Ему явно нравилось заниматься деньгами, – говорила Стефани Блустоун. – Он заходил в зал заседаний, и все эти деловые люди в костюмах вскакивали со своих мест».

По расчетам Джаггера, «Роллинги» к тому времени получили валовую прибыль в 17 миллионов долларов. Но, судя по финансовым отчетам, группа находилась в долгах. Мик подозревал, что Клейн запускает руку в кассу, и пригласил в качестве финансового советника банкира с солидной внешностью, принца Руперта Левенштейна, которого в элитном кругу Кристофера Гиббса прозвали «немецкой клецкой». Левенштейн, потомок немецкого короля тринадцатого века Рудольфа I Габсбурга и партнер престижной лондонской фирмы Леопольда Джозефа, с самого начала произвел неизгладимое впечатление на Мика, заявив, что не имеет ни малейшего представления о том, кто такой Джаггер, и что никогда не слышал *Rolling Stones*.

Левенштейн открыл Джаггеру глаза на то, что американское отделение «Нанкер Фелдж» вовсе никакое не дочернее предприятие, а совершенно независимая компания, контроль над которой полностью принадлежит Клейну. Более того, Клейну принадлежали права на все оригиналы записей и на все произведения «Роллингов» – так продолжалось до тех пор, пока группа не разорвала отношения с «Декка Рекордз» в 1970 году.

Под руководством Мика и принца Руперта *Rolling Stones* в

конечном счете избавились от железной хватки Клейна, но это им стоило семи судебных разбирательств, растянутых на семнадцать лет. А тем временем Мик поручил Левенштейну упорядочить его личные финансы. Удивительно, но Мик так же погряз в долгах, как и все остальные «Роллинги».

Единственным из всей компании, кого не волновали эти разбирательства, был Брайан. После своего «увольнения» он пребывал в настоящей эйфории. Всего лишь через несколько дней он, помимо всего прочего, получил предложения о сотрудничестве от Джефа Бека, Джона Леннона и Джимми Хендрикса. «Похоже, темное облако, сгустившееся над головой Брайана, рассеялось, – говорил Стюарт. – Он уже не боялся, что Мик что-то замышляет против него. Он вдруг весь преисполнился энергией, новыми идеями и оптимизмом».

Джаггер тоже хотел попробовать что-нибудь новенькое. Эрик Клэптон и Стив Уинвуд, только что покинувшие группы *Cream* и *Traffi c*, основали новую «супергруппу» под названием *Blind Faith*, барабанщиком которой стал ударник *Cream* Джинджер Бейкер. На их концерт в лондонском Гайд-парке собралось 150 тысяч человек, что было невероятным достижением. Мик с Марианной, которые, как и многие другие зрители, на протяжении всего выступления балдели от ЛСД, дешевого разливного вина и травки, тут же пришли к мнению, что бесплатный концерт «Роллингов» соберет вдвое больше. Через три дня Аллен Клейн объявил дату предстоящего концерта: 5 июля.

Брайан узнал о бесплатном концерте из газет и в разговоре со своей новой подружкой из Швеции Анной Волин, пошутил, что единственным человеком, с которого Мик возьмет деньги, будет он. «Но это его совершенно не волновало, – говорила Волин. – Он планировал основать свою собственную группу. Для него это было временем новых начинаний».

Лето выдалось особенно сухим и пыльным, и 2 июля Брайан гораздо чаще обычного прибегал к помощи «пыхача», как он называл ингалятор с углекислым газом, которым пользовался во время приступов астмы. Тем днем в Котчфорд-Фарм работали строители, которых наняли обновить полуторавековое главное здание. Брайан предложил им после работы поплавать со своими подружками в бассейне.

Примерно в десять часов вечера, после просмотра их любимой телепередачи «Роуэн и Мартин высмеивают», Джонс с Волин решили присоединиться к рабочим в бассейне. Пребывая в приподнятом настроении от полбутылки виски и нескольких таблеток амфетамина, Брайан натянул разноцветные плавки, прыгнул в бассейн и принялся брызгаться с подружками рабочих.

Волин быстро надоели проказы Брайана, и она пошла в дом переодеться. Рабочих Брайан тоже порядком вывел из себя, и они принялись погружать его под воду и вытаскивать в последний момент, чтобы он успел вдохнуть, и так снова и снова.

Свидетелями этой сцены стали два приятеля Брайана, Ричард Кэдбери и Николас Фицджеральд, приехавшие в одиннадцать часов. Когда один из рабочих крикнул им: «Вы следующие!» – они поспешили скрыться.

Когда Волин вернулась, то обнаружила, что рабочие с подружками сбежали, а Брайан лежит на дне бассейна с распростертыми руками. Волин поразило, что временно проживающий в доме бригадир рабочих Фрэнк Торогуд и его подружка, которая, как оказалось, была медсестрой, «просто стоят» и смотрят на Брайана. Волин вытащила Брайана и стала делать искусственное дыхание, и только тогда медсестра ей помогла. Неожиданно Брайан схватил Волин за руку, «а потом перестал двигаться».

В заключении о вскрытии утверждалось, что смерть двадцатисемилетнего Брайана наступила в результате утопления и «серьезного поражения печени». Но в заключении коронера, описывавшем происшествие на Котчфорд-Фарм запутанным языком девятнадцатого века, говорилось, что смерть «наступила в результате несчастного случая». (Двадцать семь лет спустя, на смертном одре, Фрэнк Торогуд признался, что утопил Джонса. Кит ничуть не удивился этому. По его словам, Брайан «просто бесил строителей, занудный подонок».)

В два часа ночи третьего июля «Роллинги» находились в студии, работая над кавер-версией *I Don't Know Why* («Я не знаю почему») Стиви Уандера (которая появится на их альбоме *Metamorphosis* («Метаморфоза») год спустя), когда зазвонил телефон. Сидевший за контрольным пультом Мик поднял трубку и тут же побледнел, по его щекам потекли слезы. Тут в студию вошел Кит Олтхэм.

Когда Мик сообщил ему о гибели Брайана, Олтхэм подумал, что группа тут же закончит работу. «Нет! Мы продолжаем», – крикнул Мик, приказывая возвращаться по местам.

Шумиха, вызванная неожиданной смертью Брайана, не помешала «Роллингам» выпустить новый двойной сингл с песнями *Honky Tonk Women* («Кабацкие бабы») и *You Can't Always Get What You Want* («Нельзя всегда получать то, что хочешь»). По какому-то жутковатому совпадению выпуск пластинки был запланирован на этот же самый день.

Не видел Мик и причин отменять концерт в Гайд-парке, который планировалось транслировать по английскому

телевидению. А чтобы уйти от обвинений в безразличии к смерти друга, Мик заявил, что это выступление посвящается Брайану. На самом деле Мику было необходимо провести концерт 5 июля, потому что через четыре дня он собирался отбыть в Австралию на съемки фильма «Нед Келли».

В половине третьего в Гайд-парке собралось более трехсот тысяч человек: протянувшаяся почти до горизонта пестрая толпа с цветами, перьями, бусами и в цветастых футболках. Охранять сцену поручили «Ангелам ада» в кожаных жилетках со свастиками – слабому подобию скандально знаменитых калифорнийских байкеров.

Когда на сцену вышел Мик в белом «вечернем платье» эксцентричного модельера Майкла Фиша и в плотно облегающих штанах и принялся посылать воздушные поцелуи, по толпе пронесся вздох изумления. Его лицо украшали густо наложенные румяна, губная помада и тушь для ресниц; с шеи свисало деревянное распятие.

Мик призвал к тишине и стал читать строки из элегии Перси Биши Шелли «Адонаис»: «Не умер он; он только превозмог сон жизни». Так он продолжал читать несколько минут, а потом из коробок в толпу было выпущено четверть миллиона белых бабочек. Вскоре после этого под звон колокольчика началась песня *Honky Tonk Women.* Тогда для толпы это еще был новый звук, но вскоре его стали узнавать повсюду.

Остальное время концерт имел мало отношения к поэзии: Мик целый час прыгал, дергался, расхаживал по сцене и поправлял волосы, обливаясь потом под хиты *Rolling Stones*. Казалось, его нисколько не заботило, что выступление показывают по телевизору в прямом эфире: в какой-то момент он опустился на колени и начал двигать микрофоном возле рта, вызывая недвусмысленные ассоциации.

Но никакие гимнастические уловки не могли скрыть того, что музыканты играли скверно. Критики и фанаты открыто выражали свое разочарование; зрители выключали телевизоры. Концерт, объявленный музыкальным событием столетия, обернулся явным провалом.

Сидевшая на сцене вместе с женами и официальными подружками «Роллингов» Марианна Фейтфул была слишком под кайфом, чтобы замечать это. Похоже, ее больше всех из близкого окружения «Роллингов» шокировала смерть Брайана. И еще больше ее печалило то, что никто из самих «Роллингов», казалось, не придавал этому особого значения. Однажды она услышала, как Мик шмыгает носом в ванной, и подумала, что смерть товарища наконец-то проняла его, но оказалось, что это

просто приступ аллергии на пыльцу.

После концерта Мик сказал Марианне, что должен закончить кое-какие дела, а потом вернется к ней, в дом на Чейни-Уок. После этого он провел ночь со своей новой подружкой, чернокожей Маршей Хант, дочерью психиатра из Филадельфии. Марша уже блеснула в постановке мюзикла «Волосы» в Вест-Энде, но привлекла внимание Мика только после того, как из-за неполадок в прямом эфире «засветила» свою грудь по телевизору.

Джаггер хотел видеть ее на обложке «Кабацких баб» и на рекламных плакатах, но она отказалась. Поначалу Марша Хант отклоняла и его сексуальные домогательства, но он быстро растрогал ее рассказами о пристрастии Марианны к наркотикам и слезным признанием, что он очень одинок, несмотря на всеобщее обожание. На выступлении в Гайд-парке ее было трудно не заметить на помосте для специальных гостей, возведенном в девяти метрах над сценой. Из одежды на ней были белая кожаная куртка на голое тело и брюки с густой бахромой, но эффектнее всего смотрелась ее прическа «афро», из-за чего Мик прозвал ее «мисс Кудряшкой».

На следующий день под проливным дождем Мик попрощался с Маршей и улетел с Марианной в Австралию – но только после того, как сказал Хант, что работает над посвященной ей песней. Он собирался назвать ее *Brown Sugar* («Коричневый сахар»).

Поскольку в день похорон Брайана, проходивших в Лондоне, Джаггеру нужно было находиться на съемочной площадке «Неда Келли», ему не пришлось выдумывать отговорки, почему он не приехал отдать последнюю дань уважения старому другу. Посетить похоронную службу вместе с несколькими десятками других имевших отношение к *Rolling Stones* людей удосужились только Билл Уаймэн и Чарли Уоттс.

Едва Мик с Марианной оказались в отеле в Сиднее, они сразу же завалились спать, устав после суточного перелета. Но у Марианны, все еще переживавшей от безвременной кончины Брайана, заснуть не получалось. Пока Джаггер спал крепким сном, она повторяла свой обычный вечерний ритуал, размешивая в горячем шоколаде две таблетки снотворного – амитала натрия.

Но только на двух таблетках она на этот раз не остановилась, а проглотила целых сто пятьдесят, прежде чем лечь рядом с Миком и погрузиться в забытье на границе сна и реальности. В тяжелом бреду она летела с Брайаном в космосе, а ее сын и мать тянули ее назад, к жизни.

Час спустя Мик неожиданно проснулся и заметил, что коробка с пилюлями Марианны на столике пуста. Он схватил Марианну, принялся бить ее по щекам и изо всех сил трясти, но

безрезультатно – она не приходила в сознание. В ужасе он вызвал «скорую» и поехал вместе с ней в больницу. Даже после того как Марианне промыли желудок, сохранялись опасения, что ее организм не выдержит напряжения, поскольку она в то время испытывала жестокую ломку после употребления героина. Она вполне могла скончаться, не приходя в сознание.

Мик сидел рядом с Марианной, пока она не очнулась, за что Фейтфул была ему бесконечно благодарна – а также за то, что он своевременно вызвал «скорую помощь». Следующие два месяца она провела в больнице под Сиднеем. Так она потеряла небольшую роль, которую Мик обещал ей в «Неде Келли», но это было даже к лучшему. Разногласия в съемочной группе усиливались, Мик все чаще сердился на выдвигавшего различные требования режиссера, и становилось понятно, что на роль сурового разбойника, австралийского грубоватого аналога Робин Гуда он совершенно не подходит.

Поскольку главный герой родился и вырос в Ирландии, Мику сказали, что он должен говорить с ирландским акцентом. По какой-то причине именно этот выговор ему, обладавшему прекрасными способностями к подражанию, никак не давался. В сценах драк он выглядел жалко, несмотря на свой артистизм и на то, что на сцене постоянно демонстрировал эффектные движения. Вдобавок ко всему он единственный на съемочной площадке получил физическую травму: случайно выстрелившее реквизитное ружье едва не оторвало ему правую руку.

Вернувшись в сентябре в Лондон, Мик с Марианной обнаружили, что у них теперь новые соседи: Кит и Анита Палленберг переехали в дом номер 3 по Чейни-Уок. Это случилось за пять дней до рождения их сына. В честь любимого актера Ричардса его назвали Марлоном.

Переезд Кита на Чейни-Уок был вызван стратегическими соображениями. «Мерцающие близнецы» хотели находиться ближе друг к другу, чтобы работать над новым материалом и готовиться к предстоящему туру по восемнадцати городам в США – первому за три года. Не желая полагаться на волю случая, они договорились с легендой блюза, Би Би Кингом и с заводной Тиной Тёрнер о том, что те будут выступать у них на разогреве.

Мик с Китом прилетели в Лос-Анджелес 13 октября и сразу же поехали в поместье Лорел-Каньон, где жил их знакомый Стивен Стилз из группы *Crosby, Stills, Nash & Young*. Мик писал любовные послания Марше Хант и Марианне, развлекаясь в обществе постоянно сменявших друг друга фанаток-тинейджеров и таких «ветеранш», как Сьюзи Кримчиз, Сейбл Стар, Свит Кони и Сьюзи Сак.

В шестидесятые и семидесятые годы, когда две молодые женщины из известной чикагской студии *Plaster Casters* («Гипсовые формы») возвели в ранг искусства отливку копий интимных органов таких рок-идолов, как Джаггер, Хендрикс, Джим Моррисон и все члены (в буквальном смысле) группы *Led Zeppelin*, мало кто из «групи», как называли следовавших за своими кумирами фанаток, мог похвастаться настолько высоким признанием, как Памела Де Барр. Когда бойкая поклонница из Калифорнии впервые встретилась с Миком во время тура «Роллингов» в 1966 году, он почти не обратил на нее внимания. Но Джаггер славился тем, что едва ли не бредил идеей переспать с женами своих друзей и знакомых, и потому когда Де Барр (тогда еще Памела Миллер) стала официальной подружкой Джимми Пейджа из *Led Zeppelin*, Мик вознамерился соблазнить ее во что бы то ни стало.

Несколько недель Мик добивался признания «мисс Памелы», но безрезультатно. Перепробовав все традиционные приемы, он был готов встать на колени и умолять о снисхождении.

Недостатка в женском внимании он конечно же не испытывал. Родни Бингенхеймер, один из представителей музыкальной тусовки Лос-Анджелеса, вспоминал, как они вместе с Джаггером отправлялись куда-нибудь на вечеринку и останавливались под утро у ресторана *House of Pies* на Норт-Вермонт-авеню, чтобы «подобрать девчонок. Все эти фанатки при виде Мика говорили: „А ты похож на Мика Джаггера!“ – на что он отвечал: „Ага, все так говорят“. А потом забирал с собой парочку».

Но ситуация резко изменилась, когда после первого концерта в Далласе пришло сообщение о том, что Марианна бросает Джаггера и переезжает к итальянскому художнику-постмодернисту Марио Скифано, одному из многочисленных бывших любовников Палленберг. Мик почувствовал себя униженным и оскорбленным и начал волноваться о том, как этот эпизод отразится на его образе беспечного распутника и рок-звезды. Он названивал Марианне в Рим и сквозь слезы упрашивал ее вернуться.

В конечном счете она вернулась. А тем временем мисс Памела решила использовать возможность подняться на несколько ступенек выше в мире рок-музыки. Она наконец-то ответила на ухаживания Мика, и тот овладел ею прямо в кабинке клуба *Whisky a Go Go* на Сансет-стрип. «Ах, эти губы! Я вас умоляю! – вспоминала Де Барр. – Мы занимались любовью несколько часов».

Что же касается американской аудитории в целом, то здесь

его успехи были не столь внушительны. Отчасти это объяснялось «шероховатым» (по выражению самого Джаггера) исполнением группы, а отчасти и тем, что реальные музыканты на сцене казались бледным подобием своего идеального образа, который они так тщательно создавали на протяжении нескольких лет. После очередного выступления критики хором высказывали свои разочарования, и новость о приближении «Роллингов» уже не вызывала тех истерических восторгов, как раньше.

Но в День благодарения, когда «Роллинги» выступали в Нью-Йорке, им удалось завести зрителей по-настоящему. Свидетелями их успеха стали Джимми Хендрикс, Дженис Джоплин, давний приятель Мика Энди Уорхол и легендарный композитор и дирижер Леонард Бернстайн. Происходящее снова походило едва ли не на массовый припадок эпилепсии. Как вспоминал Уорхол, Бернстайна больше всего «впечатлило сексуальное обаяние Джаггера. Ленни буквально влюбился в Мика». Сам Бернстайн нисколько не постеснялся сообщить Джаггеру о своих чувствах. Мик был ужасно польщен, что такой великий человек удостоил его своим вниманием, но не принял предложение Бернстайна.

Поочередно изображая из себя то черноглазого скромника, то горделивого самца, Мик Джаггер, по выражению Кеннета Энгера, излучал «своего рода бисексуальное очарование», возбуждавшее американскую публику. «Роллинги» ставили один рекорд за другим по кассовым сборам и в итоге заработали крупнейшую по тем временам сумму в два миллиона долларов.

Не все, конечно, были довольны заоблачными ценами на билеты, самыми дорогими для любой рок-группы той поры. После того как «Роллингов» в прессе раскритиковали за то, что они едва ли не силой «выколачивают» деньги из своей аудитории, Мик провел конференцию, на которой заявил, что они собираются порадовать своих американских поклонников бесплатным концертом.

Правда, выступить перед журналистами Мик смог только после того, как один из них предложил ему валиум. Собравшись с духом, Джаггер сказал, что они давно раздумывали над этой идеей. «Мы еще когда прилетели в Лос-Анджелес, уже тогда решили сделать это под конец тура. Мы сразу выбрали Лос-Анджелес, потому что там погода лучше. Но там нет подходящего места, и нам сказали, что легче это устроить в Сан-Франциско».

В конце концов, это был весьма неплохой выбор. Район Хайт-Эшбери в Сан-Франциско прославился тем, что именно здесь зародилось движение «детей цветов», и, если уж на то пошло, он стал настоящим символом контркультуры. Лучшей площадки для первого бесплатного концерта «Роллингов» в Америке, чем

великолепный парк «Золотые ворота», и представить себе было нельзя.

Власти города, сославшись на негативный опыт предыдущих рок-концертов, на которых вовсю распространялись наркотики, отказались от такого предложения. Поэтому «Роллинги» перенесли концерт в район гоночной трассы, Сирс-Пойнт, в тридцати пяти милях к северу от Сан-Франциско. Они уже закончили возводить сцену и начали устанавливать мачты освещения, когда владельцы трассы потребовали аванс в 125 тысяч долларов. Возмутившись, Мик отказался заплатить, не забыв сказать представителям Сирс-Пойнт, куда они могут засунуть свои осветительные мачты.

Тогда вмешался устроитель автомобильных гонок Дик Картер, предложив «Роллингам» воспользоваться его трассой в Алтамонте совершенно бесплатно. Официально это место считалось пригородом города Ливермора, в сорока пяти милях к востоку от Сан-Франциско, но в действительности здесь не было ничего, кроме поблекших от непогоды трибун под открытым небом и рекламных щитов вокруг овального трека. Попасть к гоночной трассе, расположенной вдали от цивилизации, можно было по единственной грунтовой дороге.

6 декабря 1969 года, чуть позже двух часов ночи, в центре гоночного трека приземлился вертолет, из которого выпрыгнул Мик в красном бархатном плаще и в сдвинутом набекрень красном берете, а за ним последовал Кит. Дрожа под влажным калифорнийским ветром, Мик прокладывал себе путь между несколькими тысячами уже подтянувшихся поклонников, словно генерал, осматривающий свои войска перед решающим сражением.

Поначалу казалось, что те же самые «вибрации мира и любви», которыми был пронизан фестиваль в Вудстоке, состоявшийся менее четырех месяцев назад, преобладают и в Алтамонте. Всю территорию освещали привезенные из Сан-Франциско работавшие от дизельных двигателей прожекторы; некоторые фанаты перекидывались летающими тарелками, другие играли в футбол, но большинство старалось просто согреться, прижимаясь друг к другу в спальных мешках и передавая бутылки с дешевым вином. На склонах холмов горели костры из обломков фермерских заборов. Те, кому не хватило сообразительности привезти свои спальные мешки или одеяла, забирались под ржавые корпусы брошенных автомобилей и с нетерпением ждали рассвета.

Увидев, что все готово к величайшему живому выступлению всех времен, Мик с Китом удовлетворенно кивнули, залезли

обратно в вертолет и улетели в свой номер на верхнем этаже отеля «Хантингтон», расположенного на холме Ноб в Сан-Франциско. Этот ночной визит и другие события на протяжении последующих суток прилежно запечатлевали на пленку кинематографисты Альберт и Дэвид Мэйслзы (позже они совсем в другом стиле сняли документальный фильм «Серые сады»). Мик хотел утереть нос компании «Уорнер Бразерс», отказавшейся показывать его фильм «Представление» из-за обилия откровенных сцен, и решил выпустить свой собственный фильм, который превзошел бы широко разрекламированный репортаж о Вудстоке. Впоследствии документальная лента «Дай мне укрытие» *(Gimme Shelter)* действительно стала сенсацией, правда, не совсем такой, на которую рассчитывал Мик.

С самого начала находились люди, предупреждавшие о том, что вся эта затея может обернуться катастрофой. Астрологи сверялись со звездными картами и предсказывали несчастье; более серьезные опасения высказывали продюсеры, утверждавшие, что организаторы уделяют слишком мало внимания безопасности зрителей. Билл Грэм, управляющий концертными залами «Филлмор» в Сан-Франциско, и «Филлмор-Уэст» в Нью-Йорке, недвусмысленно давал понять, кого следует обвинить в первую очередь, если что-то пойдет не так. Грэм называл Мика «самодовольным болваном», готовым пойти на что угодно, лишь бы оказаться в центре внимания.

Когда на шоссе номер 50 стали скапливаться автомобили, местные диджеи предупреждали радиослушателей, что они не смогут подъехать к месту выступления. Но молодые люди просто бросали свои автомобили на обочине и шли несколько миль пешком.

К полудню к месту выступления подтянулось 350 тысяч человек – весьма заманчивый рынок для наркоторговцев, распространявших товары на любой вкус, от марихуаны, амфетаминов и ЛСД до кокаина, галлюциногенных грибов и героина. Количество тех, кто принял слишком большую дозу или кому стало плохо, исчислялось сотнями; дежурившие на концерте медики делали все возможное, чтобы помочь пострадавшим до прибытия машин «скорой помощи», которые отправляли пострадавших в местную ливерморскую больницу, где явно не хватало свободных мест.

На всю толпу, превышавшую по численности население Окленда, имелось не более десятка перевозных туалетов. Как и следовало ожидать, между стоявшими в длинных очередях людьми начались драки.

Далее сюрреалистичность происходящего только усилилась.

Парочки занимались любовью прямо на земле, а рядом сновали бритоголовые кришнаиты в шафрановых одеждах, размахивая благовониями и распевая свои религиозные гимны. Один одурманенный подросток на нетвердых ногах подошел к бетонному водопроводному колодцу и упал в него. Позже его тело выловили из дренажной трубы в миле вниз по течению.

На то, что без несчастных случаев дело не обойдется, все указывало еще до прибытия «Ангелов ада». Об этой грозной банде мотоциклистов крайне почтительно отзывались музыканты из группы *Grateful Dead*, да и сам Мик Джаггер был доволен работой, которую выполнили их английские собратья в Гайд-парке. Особенно скаредному Мику понравилась цена: ангелы согласились обеспечить безопасность всего лишь в обмен за места в первых рядах и пиво – все, какое смогут выпить.

Кроме того, байкеры способствовали укреплению сатанинского образа, над которым Мик без устали работал в последнее время. Эти похожие на откровенных бандитов парни с татуировками, обтянутые черной кожей, с нацистскими шлемами и пиратскими банданами на головах, казались идеальными кандидатами на роль верных слуг Люцифера.

И они его не разочаровали. Примерно в полдень под рев моторов своих «Харлеев» они ворвались прямо в толпу, заставляя собравшихся разбегаться в разные стороны. Для начала они расчистили дорогу к сцене для желтого школьного автобуса, в котором перевозили наркотики, выпивку и неплохой запас оружия: пистолеты, ножи, цепи, бильярдные кии со свинцовыми наконечниками – всем этим они вволю попользовались на протяжении всего дня.

Первой среди звездных коллективов, выступавших на разогреве, была группа *Santana*. Ее фанаты, заслышав заводные латиноамериканские ритмы, ринулись было к сцене, но тут их встретили громилы с ножами и цепями в руках. «Ангелы ада» пинали зрителей прямо в живот башмаками со стальными каблуками и избивали до потери сознания медными кастетами и свинцовыми трубами.

«Господи Иисусе! – воскликнул Мик, взглянув из окна вертолета на собравшуюся толпу. – Вы когда-нибудь видели столько людей в одном месте?!» Но когда вертолет приземлился и «Роллинги» вышли, энтузиазм его быстро пропал – особенно после того, как один из зрителей закричал: «Я ненавижу тебя! Ненавижу!» и бросился на него с кулаками. В шоке Джаггер отпрянул и побежал к трейлеру «Роллингов», пока «ангелы» выколачивали дух из его обидчика.

Тем временем на сцене выступали *Jefferson Airplain*, и пока

Грейс Слик усердно исполнял хит *Somebody to Love* («Кого-то любить»), Марти Балин постарался помочь одному молодому афроамериканцу, которого избивали байкеры, но в итоге только получил кием по лицу, да так, что кий сломался, а сам Балин упал без сознания.

Остановить насилие не смогли даже гармоничные и успокаивающие аккорды группы *Crosby, Stills, Nash & Young.* Наоборот, вся тусовка с лозунгами «мира и любви» еще сильнее потянулась к сцене, где байкеры набрасывались на хиппарей с удвоенной силой. Через полчаса группа прервала выступление и погрузилась в первый летевший обратно вертолет. «Тут все равно что Вьетнам, – сказал Грэм Нэш. – Я со страху чуть не обосрался».

Уже после наступления темноты на сцену вышел Мик в образе Люцифера: в стильном карнавальном костюме, созданном британским модельером (и любимцем королевского семейства) Осси Кларком. Посреди исполнения песни *Jumpin' Jack Flash* («Джек-попрыгунчик») Мик был вынужден прерваться, и вовсе не из-за фанатов, а из-за того, что на сцену забралось столько «Ангелов ада», что даже сам «Сатана» передвигался с трудом.

Когда несчастные поклонники пытались приблизиться к своему кумиру, они платили за это сполна. Какой-то подросток, скинув с себя одежду, попробовал взобраться на сцену, но тут же получил ботинком по лицу и упал со сломанной челюстью. Во время песни *Sympathy for the Devil* («Симпатия к дьяволу») одна фанатка, раздевшись догола, залезла на сцену, но ее сбили с ног и бросили головой в толпу. «Когда мы исполняем эту песню, всегда случается что-то забавное», – прокомментировал Мик этот эпизод.

На самом деле Мик просто не знал, как совладать с призванными им самим демонами. Пока он демонстрировал свои фирменные движения, по сцене расхаживала немецкая овчарка, а «Ангелы ада» без всякого смущения подходили к певцу и что-то шептали ему на ухо.

От гнева штурмовиков не были застрахованы даже близкие знакомые Джаггера. Один из «Ангелов ада» плюнул на Памелу Де Барр, после чего она поспешила покинуть концерт на ближайшем вертолете. «Как выяснилось, это было самым мудрым решением», – вспоминала она.

Когда «Роллинги» запели *Under My Thumb* («У меня под каблуком»), один из байкеров погнался в толпе за высоким восемнадцатилетним парнем – охраннику просто не понравилось, что у чернокожего Мередита Хантера была белая подружка. Хантер отступал, пока его не прижали к самой сцене, где его, облаченного в зеленый костюм и в большой шляпе, было видно

как на ладони. В отчаянной попытке защитить себя он достал пистолет.

Даже посреди всего хаоса Мик разглядел мелькнувшее в огне прожекторов дуло пистолета. «Вот черт, – закричал Джаггер Мику Тэйлору, – этот ловкач наставил на нас пушку!»

Правда, Мик не слышал, как подружка Хантера умоляла его убрать пистолет и отойти. Не видел он и последующего избиения, происходившего прямо у него под носом. Хантер все еще размахивал пистолетом, когда один из «Ангелов ада» всадил ему в спину нож. Из последних сил Хантер попытался убежать от преследователей, но они гнались за ним среди толпы, нанося один удар за другим, пока не свалили с ног.

Когда «ангелы» сгрудились над Хантером, он вытянул руку вверх и сказал: «Я не собирался стрелять в вас», но нападавших это не остановило. «А зачем тебе пушка?» – рявкнул один из них, после чего схватил тяжелый бак для мусора и обрушил его на голову Хантеру. Затем члены банды по очереди избивали его ногами, оставив последний удар в лицо тому, кто первым напал на парня. Байкер, явно довольный собой, несколько минут стоял на голове своей жертвы, после чего вернулся к сцене и дослушал *Under My Thumb*.

Свидетели нападения, поспешившие на помощь жертве после того, как «Ангелы ада» отошли, увидели ужасные раны на спине, на боку и на правом виске. Когда Мик увидел, что Хантера несут на носилках, подняв их над головами собравшихся, он прервал песню и крикнул, чтобы кто-нибудь вызвал «скорую помощь».

«Вечер мог стать таким замечательным, – обратился Мик к толпе. – Прошу вас, примиритесь. „Ангелы ада“ и все остальные, не кипятитесь и расслабьтесь».

Но неразбериха продолжилась. Когда одна девушка с голой грудью в очередной раз попыталась взобраться на сцену, ее избили и бросили в толпу. Это произошло во время исполнения песни *Midnight Rambler* («Полуночный гуляка»), посвященной «бостонскому душителю» Альберту Де Салво.

«Эй-эй-эй! – завопил Мик. – Эй, чуваки, эй, кто-нибудь, успокойте ее!» Не зная, что в кабине комментатора уже лежит труп Хантера, Мик затянул жутковатый при сложившихся обстоятельствах припев песни *Gimme Shelter* («Дай мне укрытие»): «Насилие, убийство, на расстоянии выстрела!» – а потом собрал розы, которые накидали на сцену во время исполнения *Satisfaction* и *Honky Tonk Women* («Кабацкие бабы»). Закончили свое выступление «Роллинги» песней *Street Fighting Man* («Уличный боец»). Более подходящей финальной композиции, учитывая происшедшее, придумать было нельзя.

Прежде чем уйти со сцены, Мик наклонился и послал воздушные поцелуи в толпу. «Мы целуем вас на прощание, а теперь и вы целуйте друг друга!» – крикнул он, словно это был переход к очередному шоу. – Вы были такие классные! Спокойной ночи!»

Но в разговорах между собой «Роллинги» вряд ли называли этот вечер «классным». «Вот зараза, едва сделали ноги, – сказал Мик. – Хотя фильм из этого выйдет просто потрясный».

Мик также понимал, что вся шумиха вокруг представления пойдет только на пользу новому альбому, который должен был выйти в тот же день, и поднимет его на первые места в чартах. После всего случившегося, на что и надеялись «Роллинги», обрастало новыми смыслами его название: «Пусть течет кровь».

Триста пятьдесят тысяч человек покидали место представления словно беженцы, и в каком-то смысле так оно и было: оставшиеся в ночи люди собирали свои вещи и шли пешком в темноте. Но не все добрались до цивилизации. Двоих спавших у костра бедняг задавил фанат, в спешке решивший проехаться на машине прямо по полю, и еще двоих сбил, причинив серьезные увечья.

Таким образом, концерт, который должен был стать прощальным знаком благодарности принявшей музыкантов Америке, обернулся настоящим бедствием: четверо погибших, десятки серьезно раненных, сотни получивших незначительные травмы и примерно две тысячи человек, пострадавших от передозировки наркотиков, как просто упавших в обморок, так и едва не погибших.

Вернувшись в отель в Сан-Франциско, Мик оттягивался, принимая наркотики с Китом и со знакомым рок-музыкантом Грэмом Парсонсом, ранее выступавшим с группой *Byrds*, а после с *Flying Burrito Brothers*. (Четыре года спустя Парсонс умрет от передозировки в возрасте двадцати шести лет.) Джаггер еще не снял свой маскарадный костюм, но настроение у него было далеко не радостное.

«Я виню себя за это, это я виноват, – повторял он Памеле Де Барр, которая присоединилась к вечеринке вскоре после того, как «Роллинги» вернулись с концерта. – Может, мне все это бросить, весь этот рок-н-ролл? Я этого не заслуживаю… Вся эта херня случилась из-за меня…»

Когда его в том же обвинил Билл Грэм, Мик не спорил. «Как ты мог уйти, просто поблагодарив всех за чудесное время и „ангелов“ – за помощь? – спрашивал Грэм, обращаясь к Мику через прессу. – Какое право этот „бог“ вообще имеет приезжать в нашу страну и так себя вести?»

А пока что Мик решил расслабиться и забыться, предложив заняться сексом втроем Де Барр и Мишель Филлипс, певице из группы *The Mamas and The Papas*, которая позже стала телезвездой, снявшись в 1980-х и 1990-х годах в телесериале «Тихая пристань». Случайно зашедшая поздороваться Филлипс охотно согласилась и на большее, но мисс Памела пребывала в дурном расположении духа и удалилась к себе в номер. Она никак не могла выбросить из головы сцены того, что несколько часов назад происходило в богом забытом местечке под названием Алтамонт.

Несколько месяцев спустя Мэйслзы смонтировали предварительную версию фильма «Дай мне укрытие» и показали ее «Роллингам». «Ого! Какой ужас!» – воскликнул Мик, посмотрев, как убивали Мередита Хантера. И в самом деле, эти эпизоды были ужасны – байкеры столпились вокруг молодого человека и яростно избивали его, нанося удары ножами. Несмотря на то что «ангел» Алан Пассаро не отрицал, что пырнул Хантера первым, невозможно было определить, кто же нанес удар, ставший роковым. Невероятно, но присяжные признали Пассаро невиновным.

За концертом в Алтамонте последовало несколько судебных разбирательств, в результате которых «Ангелы ада» объявили Мика своим заклятым врагом. «Этот Мик Джаггер свалил всю вину на „ангелов“. За дуриков нас держит», – негодовал предводитель байкеров Сонни Барджер, позже отсидевший несколько лет в тюрьме за то, что планировал взорвать штаб-квартиру враждебной группировки. Многие члены этой организации призывали к мести, но только много лет спустя Мик узнал, как пугающе близки они были к своей цели.

Многие критики называли Алтамонт поворотным моментом современной культуры, «темной стороной Вудстока» и, выражаясь словами сочинителя и певца Дона Маклина, «днем, когда умерла музыка». Для «Роллингов» это трагическое происшествие стало пятном на их репутации, но надо признать, что на тот момент оно сыграло на руку Джаггеру. Несколько лет он старательно создавал себе репутацию страшного и опасного человека, так что картина того, как певец в шелковых одеждах Сатаны подзуживает сотни тысяч поклонников на самоубийственное безумие, только укрепила его статус Антихриста от поп-музыки.

Тень Алтамонта еще несколько десятилетий висела над «Роллингами» – и, в частности, над Миком. Она также побудила Дона Маклина добавить пару строчек в свою ставшей классикой песню 1971 года *American Pie* («Американский пирог»): «Не родилось в аду ни одного ангела, / Который мог бы рассеять эти чары Сатаны».

«Мик заглянул в глаза Бьянке и увидел… Мика. Это было почти как заниматься любовью с самим собой».

Дональд Кэммелл, друг

«Его брак с Бьянкой совершенно ничего не изменил. Он по-прежнему продолжал снимать девочек. Чем моложе, тем лучше».

Родни Бингенхеймер, друг

Журналист: Сколько у вас детей?
Мик: Не знаю. Не много.

«Мик, по сути, презирает женщин. Для него они существуют только как собственное отражение».

Марианна Фейтфул

«Тщеславия может быть лишь столько, сколько есть».

Мик

Глава пятая
«У меня под каблуком»

Конец шестидесятых ознаменовался для Мика сплошной вакханалией. Пока Марианна жила у своего итальянского любовника, Джаггер менял одну подружку за другой. Несколько дней на Чейни-Уок с ним провела Марша Хант, но она сбежала, когда к нему без предупреждения заявились накачанные героином Кит с Анитой.

После ухода Марши Мик поставил себе за правило спать каждую ночь с новой девушкой (а то и с несколькими сразу). Многие из них были американками, к которым он питал особую слабость. «Женщины, с которыми спал Мик, подходили к нам в ресторанах, и мы не имели ни малейшего представления, кто они», – вспоминал Кристофер Гиббс.

Но едва Марианна приехала в Лондон, чтобы провести выходные со своим сыном Николасом, как Мик постарался ее вернуть. Он встретился с ней и с ее новым любовником Марио Скифано в рождественский вечер. Марианна решила, что пусть двое мужчин разбираются между собой и добиваются ее благосклонности, и вышло так, что утром она проснулась в одной постели с Миком, а Скифано тем временем собирал свои вещи.

Впрочем, Мик больше не любил Марианну, и они оба это прекрасно понимали. Позже она сказала, что ему хотелось вернуть ее, «чтобы расплатиться за свое унижение на глазах у публики и сохранить свой статус мужика». Фейтфул казалось, что Мик обращается с ней «как с бабочкой или насекомым, наколотым на булавку… Он наколол меня на булавку и смотрел, как я корчусь».

Марианна не имела ни малейшего представления, что в это же время Мик строил планы расквитаться с ней, упрашивая Маршу Хант зачать от него ребенка. «Мисс Кудряшка» согласилась и семь недель спустя поведала ему, что ребенок родится в ноябре. Джаггер торжествовал. «Только никому не говори. Пусть это пока побудет тайной для прессы», – попросил он ее.

Но и Марианну он отпускать не собирался. После очередной перебранки, в которой Марианна снова угрожала уйти от него, Мик успокоил ее и спел песню *Wild Horses* («Дикие кони»), которую только что сочинил и посвятил ей: «Бесстыдная женщина, ты знаешь, кто я такой / Ты знаешь, что я не могу дать тебе выскользнуть из моих рук».

Растроганная Марианна обняла Мика и зарыдала. «Ах, какая прекрасная песня! – воскликнула она. – Ты сочинил ее для меня? Я люблю тебя!»

Конечно, особых иллюзий Марианна не питала. Она знала, что Мик встречается с Маршей в ее квартире на Сент-Джонс-Вуд и несколько раз привозил разных молоденьких девушек в Старгроувз. К тому же он не спешил избавляться от старой квартиры на Эдит-Гроув, чтобы в случае чего ему было где позабавиться. Именно там, как утверждала Памела Де Барр, Мик швырнул ее «на матрас и овладел, как дешевой проституткой», хотя, по ее же воспоминаниям, «это было фантастично». Де Барр даже однажды принимала Мика, ожидая своего нового любовника. Когда тот постучался в дверь, Джаггер поспешил скрыться. «Раз, два, три. Мик пришел, Мик ушел», – говорила мисс Памела.

Порой Марианне приходилось сталкиваться с конкуренцией и с другой стороны. Много лет Мик поддерживал близкие отношения с Миком Тэйлором. Однажды утром Марианна и вездесущий наркоторговец Тони Санчес по прозвищу Испанец зашли в дом номер 48 по Чейни-Уок и обнаружили двоих Миков, «спавших вместе в одной кровати, как маленьких мальчиков».

В конце концов Марианна все-таки ушла от Джаггера, переехала к своей матери и завела интригу с лордом Расселом, ирландским пэром на шестнадцать лет старше ее. Не желая, чтобы последнее слово оставалось за кем-то другим, Мик снова развернул целую кампанию по возвращению Марианны. «Единственным способом избавиться от него оставалось умереть – либо мне, либо ему», – вспоминала Марианна.

Ну или набрать лишних двадцать килограммов. «Мик очень гордился своей стройной фигурой и хотел, чтобы с ним были стройные девушки», – говорила Марианна Фейтфул. Превратившись в более солидную матрону, она поняла, что победа осталась за нею. «И это был конец наших отношений. Больше он не возвращался». Помимо всего прочего, Марианна жалела, что за пять проведенных с Миком лет утратила способность получать оргазм. Мик же в свою очередь утверждал, что Марианна его «едва не погубила».

Едва не погубили его и съемки в фильме «Нед Келли». Его показали до «Представления», и Мик впервые увидел себя на большом экране. Коммерческого успеха лента не имела, да и критики поспешили высказать свое разочарование. «Джаггер выглядит слишком изнеженным, – писал один критик о роли австралийского народного героя, – слишком уязвимым, слишком неуверенным, чтобы кому бы то ни было угрожать».

Джаггер справедливо решил не присутствовать на лондонской премьере, предпочтя вместо этого развлечься в своем своеобразном гареме. Участницы гарема были следующие: Дженис Кеннер, эффектная блондинка из Лос-Анджелеса, выполнявшая обязанности домохозяйки, повара и «личной помощницы»; Патти Д'Арбанвиль, девятнадцатилетняя модель и актриса из Нью-Йорка; длинноногая калифорнийка Кэтрин Джеймс, а также бывшая девушка Брайана Сьюки Пуатье.

И надо сказать, даже таких весьма нетребовательных девушек выводила из себя неразборчивость Мика. Когда Мик развлекался в Старгроувз с Кэтрин Джеймс и к нему заявилась еще одна красотка, он, недолго думая, предложил заняться сексом втроем. Джеймс пришла в ярость и выбежала из спальни. Перепихнувшись с «новенькой», Мик остаток вечера отговаривал Джеймс улетать домой ближайшим рейсом. Ему это удалось, но Джеймс вскоре пришла к мысли, что Мик ей не подходит. «Рано или поздно я бы прибила его, пока он спит. Я очень ревнива».

Иногда объектом ухаживаний становился сам Мик, и не только в буквальном смысле. Почти целый год его расположения добивался основатель звукозаписывающей компании «Атлантик Рекордз» Ахмет Эртегюн в надежде подписать контракт с популярной группой *Rolling Stones*. Этот лысеющий мужчина в очках и с бородкой был образцом учтивости. Эртегюн, сын турецкого посла в Великобритании, в 1947 году стал одним из основателей «Атлантик Рекордз» и прославился тем, что записывал таких исполнителей ритм-энд-блюза, как Рут Браун, *Coasters, Drifters* и Рэй Чарльз. В 1967 году его компания стала подразделением «Уорнер Рекордз», и к тому времени Эртегюн постарался расширить музыкальный спектр, привлекая талантливых исполнителей самых разных направлений. Среди его клиентов были такие замечательные исполнители и группы, как Арета Франклин, *Led Zeppelin, Blind Faith, Crosby, Stills, Nash & Young, Yes,* Бен Кинг, *Iron Butterfl y*, Перси Следж, *Cream, The Rascals, Buffalo Springfi eld* и Бетт Мидлер. Вечно стремившегося к новым вершинам Мика, пожалуй, не столько поражал список громких имен, сколько впечатляло врожденное чувство стиля Эртегюна. Его жена также обладала отменным вкусом; вместе с наследницей компании «Чесбро Понд» Чесси Рэйнер она основала фирму MAC II, занимавшуюся дизайном интерьеров. Так что Ахмет был заметной фигурой в высших кругах Манхэттена задолго до того, как он стал добиваться расположения Джаггера.

Поскольку Кит с Анитой к тому времени уже плотно подсели на наркотики, задача по освобождению группы от цепкой хватки Аллена Клейна была возложена на Мика. «Джаггер просто был

обязан взять руководство в свои руки, – утверждал Виктор Бокрис. – Кто, кроме него, мог принимать важные решения?»

При поддержке принца Руперта Джаггер подал иск на 29 миллионов долларов против Клейна, обвинив его в незаконном присвоении денег группы. Несмотря на это, Клейн сохранил права на все оригиналы записей и на все произведения «Роллингов», созданные до 1970 года. Даже после его смерти в 2009 году эти права перешли к его правопреемнику.

Пока шло разбирательство, принц Руперт убедил Джаггера смириться с неизбежными потерями и согласиться на два миллиона компенсации и отказ Клейна от дальнейшего финансового руководства группой. Это привело к противостоянию с «Декка Рекордз», ведь согласно обязательствам первоначального контракта группа должна была записать последний альбом.

Джаггера всегда выводили из себя придирки руководства «Декка Рекордз» к содержанию его песен и попытки навязать цензуру; особенно его раздражал председатель компании сэр Эдвард Льюис. В качестве прощального жеста Джаггер появился в его кабинете, чтобы лично продемонстрировать новую композицию под названием *Cocksucker Blues* («Блюз членососа»). Он едва пропел две первые строчки «О, где же у меня отсосут? / Где же меня отдрючат в жопу?», как сэр Эдвард недовольно прервал его и поспешил попрощаться.

Летом 1970 года группа снова отправилась в турне, на этот раз по четырнадцати городам Европы. Поездка растянулась на шесть недель. В каждом городе Мик прилежно писал письма Марше, находившейся на пятом месяце беременности, и перечислял всех девушек, которые сопровождали музыкантов в поездке. «Он постоянно смешил меня, оповещая, чью подружку поимел на этот раз», – вспоминала Марша.

Что касается самого тура, то поначалу ходили слухи, будто, памятуя о печальном инциденте в Алтамонте, группа во время выступлений постарается соблюдать максимальную осторожность. Ничего подобного. От Стокгольма и Гамбурга до Западного Берлина и Рима каждый концерт сопровождался неизменными беспорядками; фанаты, как всегда, выходили на улицы, переворачивали автомобили, устраивали пожары и разбивали витрины. К этому времени полицейские во всех странах уже воспринимали *Rolling Stones* как небольшую армию вторжения, а не просто рок-группу и заранее готовились к обычным погромам.

Мику нравилось, что он не утратил своего мефистофелевского обаяния, и особенно ему понравился тот

факт, что их выступления в Париже вызвали крупнейшие уличные беспорядки после студенческих волнений 1968 года. И там же, в концертном зале «Олимпия», у него состоялось знакомство, в очередной раз круто изменившее течение его личной жизни.

«Мик, это Бьянка», – сказал Дональд Кэммелл своему старому приятелю, поворачиваясь к стройной и страстной девушке с загадочным и даже немного угрожающим видом. Впервые Кэммеллу бросилось в глаза странное сходство между этими двумя его знакомыми. «А у вас будет великолепная романтическая связь. Вы созданы друг для друга», – добавил он.

Высокомерная никарагуанка по имени Бьянка (раньше ее звали Бланка, но в шестнадцать лет она сменила одну букву своего первого имени) Перес Морена де Масиас презрительно взглянула на музыканта – примерно в такой же надменной манере он сам смотрел на окружающих. Бьянка неплохо говорила на нескольких языках, но Мика поразили не столько ее слова, сколько глубокие гортанные звуки, похожие на бархатное урчание и флиртующие интонации Эрты Китт.

Они провели ночь вместе в парижском доме Кэммелла. И хотя позже Бьянка вспоминала, что той ночью их «словно молнией ударило», она настаивала, что в Мике ее привлекли в первую очередь не физические качества. «Я увидела, что он стеснительный, ранимый человек, совершенная противоположность тому, каким я его представляла».

Мик не знал, как быть с Бьянкой, и, разговаривая следующим утром по телефону с Маршей, не слишком распространялся об этом приключении. Тем не менее он сообщил, что намерен взять одну из своих преходящих подружек в Италию – «просто так, ради смеха».

Джаггер был далеко не единственным, кому Бьянка показалась загадкой. Познакомившись с Миком в 1970 году, она сказала, что ей двадцать один год. На самом деле ей было уже двадцать пять. Не меньше озадачивало то, что своего отца она называла то брокером на товарной бирже, то кофейным бароном, а то и дипломатом.

На самом деле она была племянницей посла Никарагуа на Кубе. Когда родители развелись, ее мать оказалась лицом без гражданства и, чтобы свести концы с концами, устроилась на работу в местную забегаловку в Манагуа, подобно тому как героиня Джоан Кроуфорд в классическом фильме 1945 года «Милдред Пирс» устроилась на работу в ресторан. Бьянка, подобно дочери Пирс, Веде, росла очень избалованным ребенком. «Я не вымыла ни одной тарелки, не сварила ни одного яйца, ни разу не занималась уборкой», – признавалась Бьянка.

Воспитывалась она, как и Марианна Фейтфул, в традиционной школе при монастыре, и ее сексуальность точно так же «ужасно подавлялась».

Решив стать первой женщиной-послом Никарагуа, Бьянка два года училась в Парижском институте политических исследований. Все это время она усердно занималась и, по собственному признанию, «оставалась девственницей до восемнадцати с половиной лет».

Постепенно деньги подходили к концу, и Бьянка стала подрабатывать, чтобы оплатить комнату стоимостью доллар в день в одном из неказистых рабочих кварталов. Двоюродный брат, занимавший должность атташе по культурным вопросам в посольстве Никарагуа, помог ей устроиться секретаршей, благодаря чему она получила доступ к пышным дипломатическим приемам.

Но только в Лондоне Бьянка встретила свою «почти первую любовь»: актера Майкла Кейна. Через несколько дней после знакомства они уже жили вместе в его квартире в Мэйфейре. Их напряженные отношения – парочка то и дело ссорилась в ресторанах, на вечеринках, в вестибюлях отелей или прямо на улице – постепенно стали предметом обсуждений в богемной среде. Бьянка говорила о Кейне, что он был «недобрым, мелочным человеком» и относился к ней «как к своей гейше». Кейн же высказывался о Бьянке в более снисходительном тоне, и сравнивал ее с «детенышем пантеры, потенциально опасным, но нуждающимся в помощи».

Бурный роман с Кейном закончился через год, и она вернулась в Париж. Через полгода она завела роман с Эдди Барклеем, женатым (к сожалению, уже в девятый раз) влиятельным управляющим студии звукозаписи, старше ее на двадцать четыре года. Но за несколько дней до судьбоносного знакомства с Миком она благополучно рассталась с Барклеем.

«В тот день я немного повзрослела», – вспоминала Бьянка, утверждая, что в Кейне и Барклее искала своего рода «защиту и любовь отца». В Мике она нашла иные качества и сравнивала его скорее со «старшим братом».

Так получилось, что «старший брат», как и другие мужчины в ее жизни, оказался заодно и очень богат. Как говорил ее знакомый Дональд Кэммелл: «Бьянка из тех женщин, которые постоянно задают себе вопрос – а кто будет оплачивать мои счета следующие пять лет?»

Некоторые проницательные наблюдатели указывали на странные пробелы в биографии Бьянки, а также на тот факт, что, несмотря на финансовые проблемы, она могла позволить себе

платья от Ива Сен-Лорана и Живанши. Ходили слухи (впрочем, совершенно необоснованные), что Бьянка была одной из «девушек мадам Клод» – изысканных, роскошных и хорошо образованных молодых компаньонок представителей высшего общества 1960-х годов. Девушки мадам Клод, которым отдавали предпочтение президенты, премьер-министры, диктаторы, дипломаты, ведущие промышленники, кинозвезды и даже парочка рок-звезд, часто удачно выходили замуж и занимали прочное место в высших сферах. Автор светских хроник Кливленд Армори говорил: «Можно открыть светский справочник на любой странице и найти бывшую девушку мадам Клод, а ныне уважаемую матрону с Парк-авеню».

А тем временем журналисты старались как можно больше разузнать об экзотическом создании, пришедшем на смену Марианне Фейтфул в жизни Джаггера. Когда Мика с Бьянкой в Лондоне окружила шумная толпа репортеров, он отказался даже назвать ее имя. «Извините, но я не могу сказать, кто она такая. Это наше личное дело», – заявил Мик. Когда за ними стали охотиться папарацци, Мик защищал эту загадочную женщину сильнее, чем Марианну. Когда один фотограф сунул свою камеру прямо под нос Бьянке, Джаггер набросился на него с кулаками и ударил по лицу. За нападение Мика приговорили к штрафу в 1400 долларов.

Оказавшись в надежном укрытии за стенами поместья Старгроувз, Бьянка принялась наводить там порядок. Отвечая на звонки других подружек Мика, она советовала им исчезнуть, и как можно быстрее. Однажды позвонила мисс Памела и, к своему удивлению, услышала на том конце линии хрипловатый женский голос. «Никогда, ни при каких обстоятельствах не звони больше Мику, понятно?» – сказала Бьянка.

Но другое дело Анита Палленберг. С уходом Марианны она стала «девушкой „Роллингов”» номер один, и не потому, что давно уже встречалась с Китом; особый статус ей придавал тот факт, что когда-то у нее были связи и с Брайаном, и с Миком. Подружка Билли Уаймэна шведка Астрид Лундстром, невеста Мика Тэйлора Роза и Ширли Уоттс – все они старались держаться подальше от Палленберг.

К несчастью для Бьянки, Палленберг сразу невзлюбила новенькую. Почему-то Аните вдруг пришло в голову, что худая никарагуанка раньше была мужчиной, и она предложила наркоторговцу Испанцу Тони Санчесу 50 тысяч долларов, если он докажет, что Бьянка перенесла операцию по смене пола.

Но потом Палленберг оставила эту абсурдную затею и обратилась к темным силам. Она принялась насылать на Бьянку

проклятия с помощью кукол вуду и однажды даже трижды обошла изумленную девушку, засунув в туфлю листочек с записанным от руки проклятием.

Вскоре Бьянка поняла, что Палленберг – не единственный ее враг. 3 ноября 1970 года Мик поведал Бьянке, что Марша родила ему дочь. Марша Хант благоразумно отказалась называть малышку Миднайт Дрим («Полуночный сон»), как советовал Мик, и настояла на своем выборе – Карис.

Бьянка захотела тоже родить ребенка от Мика, хотя очень быстро выяснилось, что он не является образцовым отцом. В последующие две недели он виделся со своей дочерью лишь дважды, и то по нескольку минут, между другими делами. Хант сердилась на него за равнодушие к ребенку, о чем и сказала прямо. Но Джаггера это совершенно не волновало. «Я никогда не любил тебя, – кричал он в ответ. – И вообще, ты сошла с ума, если думаешь, что когда-то любил!»

Хант разрыдалась, но Мик от этого только больше разъярился. «Она мой ребенок, и я могу забрать ее у тебя в любое время», – заявил он, намекая на то, что у него больше возможностей и больше влияния и он может нанять целую армию юристов.

«Ну попробуй. А я вышибу тебе мозги», – выпалила Хант.

Ближе к Рождеству критики расхвалили альбом *Get Yer Ya-Ya's Out!* («Выкладывай свои вкусняшки!»), а фотография Мика появилась на обложке журнала *Newsweek*. «Из всех выдающихся рок-музыкантов – Пола Маккартни, Боба Дилана, Джона Леннона, Джими Хендрикса, Дженис Джоплин, Эрика Клэптона – Мик Джаггер, пожалуй, самый удивительный, самый яркий, самый экстравагантный, обладающий демонической силой, воздействующей даже на тех, кто инстинктивно отворачивается от него; и при этом он никогда не старается снискать чьего-то расположения», – говорилось в статье.

Даже после ухода Марианны из дома номер 48 по Чейни-Уок Мик по-прежнему принимал Пола и Талиту Гетти, в компании которых он пристрастился нюхать кокаин. Как утверждал Испанец Тони Санчес, к ним часто присоединялись Кит с Анитой, и все порой возбуждались настолько, что ему приходилось «успокаивать их» героином.

Невероятно, но Мику при этом еще удавалось распутывать сложное финансовое положение «Роллингов». «Мик постоянно с кем-то встречался, – вспоминал Тревор Черчилль, который позже возглавлял европейское отделение компании «Роллинг Стоунз Рекордз». – Пока все остальные сидели, он нервно расхаживал по помещению и засыпал деловых людей градом вопросов».

«Мику удавалось держать ситуацию под контролем, – продолжал Черчилль. – Он обладал невероятной деловой хваткой, постоянно вносил свои предложения и не давал нам расслабиться». Не было ничего необычного в том, что он звонил Черчиллю или другим финансовым сотрудникам и просил их сообщить цифры продаж последнего альбома в Италии или в Швеции. Всеми банковскими операциями группы он руководил лично. «Он был очень, очень проницательным бизнесменом, – признавался Черчилль. – Не перестаю восхищаться, насколько он умен в этом отношении».

Существовал только один человек, голос которого для Мика был решающим. «Прежде чем за что-то приниматься, он советовался с Китом, – говорил их давний коллега по бизнесу Сэнди Либерсон. – Если Кит говорил „нет“, то Мик не настаивал на своем».

4 марта 1971 года было объявлено, что после прощального тура по девяти городам группа *Rolling Stones* переезжает во Францию. Мик утверждал, что «Роллинги» покидают родину «из-за климата», но было понятно, что тут задействованы и финансовые интересы: по сравнению с 1969-м финансовым годом за 1970–1971 годы они сэкономили несколько миллионов долларов.

Прежде чем окончательно покинуть Великобританию, «Роллинги» устроили еще несколько шумных вечеринок. Одна из них прошла в клубе «Марки», где много лет назад все только начиналось; Кит там сильно напился и замахнулся своей красной гитарой *Gibson* на менеджера клуба.

На другой вечеринке отличился уже сам Мик. Это был прощальный вечер в отеле «Скиндлз» в Мейденхеде, на берегу Темзы. Когда администратор попросил покинуть помещение в четыре утра, Джаггер буквально взбесился. Эрик Клэптон с Джоном Ленноном попытались сдержать почетного гостя, но Мик схватил стул и разбил витражное окно. «По крайней мере, ты сможешь заплатить за него перед отъездом из этой чертовой страны», – заметил Леннон.

Заверив всех, что у них и в мыслях нет навсегда расстаться с любимой Англией, Мик и члены его группы в конце марта наконец-то бросили якорь в спокойной налоговой гавани на юге Франции. Уаймэн поселился в отдельном доме среди холмов Граса, Уоттс приобрел ферму в городе Воклюз со средневековой архитектурой, а Кит с Анитой сняли виллу Нелькот с видом на бухту Вильфранш.

Мик с Бьянкой тем временем остановились в эксклюзивном отеле «Библос» в Сен-Тропе и принялись искать себе жилище, по

крайней мере не уступающее новой резиденции Кита. И они его нашли: поместье с черепичной крышей и оштукатуренными стенами на побережье, в получасе езды от Биота.

Устроившись на новом месте, «Роллинги» объявили о том, что заключают договор с «Атлантик Рекордз» Этергюна на 5 миллионов долларов и шесть альбомов. По условиям четырехлетнего контракта, «Атлантик» должна была распространять записи под лейблом *Rolling Stones*.

Часть крупного аванса от «Атлантик» была потрачена на заключение контрактов с новыми исполнителями. Именно по этой причине Маршалл Чесс, сын основателя «Чесс Рекордз» Леонарда Чеса, согласился возглавить новую звукозаписывающую компанию «Роллинг Стоунз». Но из-за прирожденных подозрительности и недоверчивости Мика сделки постоянно срывались. «Вопреки распространенному мнению, он вовсе не любит рисковать», – сказал Черчилль о Мике. Кроме того, «Роллинги» вовсе не собирались «делиться деньгами или славой». Когда предоставлялся случай подписать договор с такими малоизвестными в ту пору исполнителями, как *Genesis* или *Queen*, альбомы которых впоследствии продавались лучше альбомов самих «Роллингов», Джаггер, по выражению Черчилля, просто «отмахивался от них». «Было очень жалко наблюдать за тем, как Джаггер упускает возможность заработать миллионы».

Ровно через неделю после подписания контракта с Этергюном «Роллинги» выпустили альбом *Sticky Fingers* («Липкие пальцы»), первый под новым лейблом. Джаггеру было недостаточно того, что на нем записаны такие несомненные хиты, как *Brown Sugar* («Коричневый сахар») или *Wild Horses* («Дикие кони»). Ему хотелось еще и оформить его самым провокационным образом, и для этого он обратился к своему давнему приятелю Энди Уорхолу.

«Мик кое-что позаимствовал у Марлона Брандо, кое-что у Мэрилин Монро, но больше всего он позаимствовал у Энди», – писал составитель биографии Уорхола и знакомый Джаггера Виктор Бокрис. В какой-то степени, заметил Бокрис, Энди Уорхола, художника-новатора и первопроходца поп-арта, можно было назвать «Миком Джаггером изобразительного искусства».

Инструкции Джаггера были краткими: «Нам нужно слегка шокировать публику – как всегда, Энди». Уорхол его не разочаровал. В результате появилась обложка с фотографией мужского торса в джинсах и с настоящей застежкой-молнией, под которой красовался логотип с высунутым языком, выполненный дизайнером Джоном Пэшем, – сплав изобразительного искусства, моды и рока. Пухлые губы Мика – «беременные губы», как назвала

их комедийная актриса Джоан Риверз, – и язык вскоре станут таким же узнаваемым символом по всему миру, как логотипы «Макдоналдса» или «Кока-колы».

Вопреки распространенному мнению, изображенная на обложке джинсовая промежность с заметной выпуклостью принадлежала вовсе не Джаггеру. Для получения нужного снимка Уорхол нанял нескольких мужчин-моделей и сказал им сделать то, к чему частенько прибегал сам Джаггер для достижения желаемого результата на сцене, – засунуть в брюки скатанный носок.

После того как провокационный альбом *Sticky Fingers* завоевал большую популярность, Мик решил, что настало время внести изменения и в личную жизнь. Когда Бьянка сообщила ему, что находится на пятом месяце беременности, реакция Мика была примерно такой же, как и тогда, когда ему о своей беременности сообщила Марша Хант. Он безумно обрадовался и пришел в восторг. Правда, в случае с Бьянкой он считал, что теперь на самом деле любит женщину, которая должна родить ему ребенка.

Мик сделал Бьянке предложение, и, к его удивлению, она сначала ответила отказом. «Я всегда была отдельной личностью, – сказала она. – Я не хочу прожить всю жизнь в тени Мика». Мик уговаривал ее несколько недель, пока она наконец не согласилась.

Когда Мик позвонил своей матери и сообщил ей о предстоящей свадьбе, Ева Джаггер зарыдала. Но пока что о назначенном на 12 мая бракосочетании никто, кроме самых близких родственников, не знал. Даже когда Мик брал частные уроки катехизиса – что было обязательно, поскольку бракосочетание планировалось провести в католической часовне Святой Анны в горах над Лазурным Берегом, – он продолжал лгать журналистам. «Мы совершенно не намерены вступать в брак», – повторял он, а тем временем его ассистентка Ширли Арнольд тайком обзванивала будущих гостей.

Список приглашенных быстро вырос до семидесяти пяти человек, и всех их нужно было привезти на автобусе в лондонский аэропорт Гатвик и доставить в реактивном самолете в Ниццу. На следующие сутки к месту звездного бракосочетания, объявленного рок-свадьбой десятилетия, потянулась вереница знаменитостей, среди которых были Ринго Стар, кинорежиссер Роже Вадим, Пол и Линда Маккартни (с которой Мик однажды переспал, еще до того как она познакомилась с Полом), барабанщик *The Who* Кит Мун, актриса Натали Делон, Эрик Клэптон и кузен королевы лорд Личфилд. Удивительно, но из «Роллингов» был приглашен лишь Кит с сопровождавшей его

Анитой. За день до свадьбы Мик позвонил Биллу Уаймэну, Чарли Уоттсу и Мику Тэйлору и сообщил, что ждет их на празднике уже после официального мероприятия. «Нас это, мягко говоря, шокировало, – позже говорил Уаймэн. – Шокировало и очень задело».

Для самих будущих молодоженов тоже не все прошло гладко. Предполагалось, что официальное мероприятие будет состоять из двух частей: недолгой гражданской церемонии в мэрии Сен-Тропе и венчания в часовне Святой Анны. Но за два часа до первой церемонии Мик и Бьянка уже поссорились из-за денег, и поводом к тому стало французское законодательство, требовавшее, чтобы молодожены подписали документ, согласно которому их имущество будет считаться либо общим, либо раздельным.

Вполне понятно, что Мику вовсе не хотелось предоставлять Бьянке равные права на его состояние, и уж тем более не после того, как он переехал во Францию, надеясь сэкономить на налогах миллионы долларов. Бьянка же упорно стояла на своем. Она даже заявила, что если Мик будет уговаривать ее на раздельное имущество, то она вовсе откажется от свадьбы.

«Ты что, хочешь выставить меня дураком перед всеми этими людьми?!» – кричал Джаггер в пределах слышимости всех собравшихся. Дрожа от негодования, Бьянка сдалась и подписала отказ от претензий на миллионы Джаггера, взяв в свидетели его шофера, Алана Данна.

Потом настал черед Мика угрожать отменой свадьбы. Когда ему сообщили, что в мэрии их поджидают более сотни папарацци, Мик запротестовал: «Я не золотая рыбка в аквариуме и не король Франции!» Джаггер попросил передать мэру, что не ступит в мэрию до тех пор, пока оттуда не выдворят всех посторонних.

Но мэр Мариус Эстезан отказался выгонять людей из здания («Находиться здесь имеет право любой гражданин») и сам в свою очередь выдвинул ультиматум: если жених и невеста не объявятся в течение десяти минут, то он уходит со службы. Но даже когда Мик с Бьянкой показались на публике, держась за руки, было похоже, что жених вот-вот сбежит в самый ответственный момент. Когда внутри мэрии их окружила шумная толпа журналистов, Мик схватил Бьянку под локоть и едва не повел ее прочь. «Продолжения не будет! Так дело не пойдет!» – сказал он. Пресс-секретарь «Роллингов» Ле Перрен взял на себя смелость, развернул пару и слегка подтолкнул их к мэру.

Явно желая отвлечь всеобщее внимание от своего живота, беременная невеста надела огромную шляпу с бутонами роз и белое платье от Ива Сен-Лорана с очень глубоким вырезом, выставлявшим на обозрение всех присутствующих (в том числе

мэра и священника) ее грудь.

Если серый костюм жениха смотрелся вполне консервативно, пусть и с рубашкой в цветочек с расстегнутым воротником, то Кит сполна компенсировал этот официоз. «Мерцающий близнец» явился в черных лосинах и военном мундире, наброшенном прямо на майку, и громко запротестовал, когда жандармы попытались не пустить его внутрь с Анитой, несмотря на уверения мэра, что это публичное место. «Да я четыре раза подрался, чтобы только войти сюда!» – возмущался он.

После гражданского бракосочетания последовал суматошный пробег до часовни Святой Анны, когда журналисты и любопытные из толпы преследовали молодоженов, буквально наступая им на пятки, вплоть до самых дверей, оказавшихся закрытыми. Двери распахнулись в последнюю секунду, и Мик с Бьянкой протиснулись внутрь. Внутри невесту подвел к алтарю лорд Личфилд – живое напоминание о том, что связи Мика в аристократических кругах по-прежнему сильны, даже несмотря на то что королева ни за что не разрешила бы посетить эту церемонию своей сестре Маргарет. Мик лишь слегка поморщился, услышав выбранную Бьянкой музыку: органная вариация на приторно-сентиментальную тему из фильма «История любви».

Во время церемонии отец Люсьен Бод обратился непосредственно к Мику. Он пожелал жениху счастья, а потом, бросив взгляд на столпившихся снаружи фотографов, с сожалением добавил: «Но когда ты Мик Джаггер, об уединении с супругой приходится только мечтать».

Если у кого-то и оставались сомнения в том, что в лице Бьянки Мик нашел себе подходящую пару, то они развеялись, когда она появилась на вечеринке в «Кафе де Арт» в прозрачной шелковой блузке и в расшитом блестками тюрбане. Время от времени она играла сверкающим бриллиантовым браслетом на левом запястье – свадебным подарком Мика.

Для придания непринужденной атмосферы Джаггер пригласил регги-группу *Rudies*. Когда они заиграли песню «Роллингов» *It's all over now* («Теперь все кончено»), странный выбор для такого случая, Мик взял Бьянку за руку, вывел на танцпол и впервые станцевал с ней как со своей законной женой. К явному удовольствию двухсот гостей и столпившихся у ворот зевак, песня *It's all over now* была сыграна тем вечером еще не раз.

Надежды присутствующих на то, что и сами «Роллинги» что-нибудь сыграют экспромтом, развеялись, когда Кит исчез еще до полуночи и Мик остался развлекать гостей один. Несмотря на усталость, он присоединился к исполнительницам ритм-энд-блюза Дорис Трой и бывшей певице из *Ikette* П. П. Арнольд и

двадцать пять минут играл попурри из различных соул-мелодий, приводя публику в восторг.

Новоиспеченная миссис Джаггер, сидя рядом с Роже Вадимом и Полом Маккартни, с интересом наблюдала за тем, как Мик с Арнольд на сцене задорно перемигиваются, толкаются и усердно исполняют один хит ритм-энд-блюза за другим. При этом по ее внешнему виду нельзя было сказать, знает она или нет, что у ее мужа когда-то была любовная связь с этой певицей. Но ближе к утру Бьянка решила, что ей уделяют мало внимания, и она поспешила заявить об этом мужу. «Мику не нравится, когда ему указывают, что делать, – рассказывал Уаймэн. – Он тут же вернулся к друзьям и продолжил веселиться». Рассерженная Бьянка удалилась в номер отеля «Библос».

На следующий день молодожены отправились в десятидневное путешествие по островам Сардиния и Корсика на борту 120-тонной яхты «Ромеанг». Когда предприимчивый репортер спросил, будут ли их сопровождать знаменитые друзья, Джаггер ответил: «Да вы, должно быть, шутите».

По возвращении Джаггер плотно взялся за работу со своими коллегами-«Роллингами». Тем летом они должны были записать новый двойной альбом и выпустить его как раз во время следующего «вторжения» в США, в 1972 году. Предполагалось, что он станет таким же мегахитом, как и «Липкие пальцы».

Поскольку принадлежавшее Киту поместье Нелькот было самой большой резиденцией «Роллингов» на юге Франции, Мик решил, что лучше всего записывать новый альбом именно там. В просторном подвале было достаточно места не только для всех музыкальных инструментов, приборов и устройств, но и для технического персонала.

Чего там недоставало, так это мощных кондиционеров или хотя бы источников электричества, чтобы их установить. Записывая *Tumbling Dice* («Брошенная игральная кость») и *Rocks Off* («Спускаю»), Мик срывал с себя одежду, но и тогда запись превращалась в сплошную пытку. При большой влажности терпеть жару просто не было никаких сил. «Едва я открывал рот, чтобы запеть, как у меня сразу пропадал голос», – вспоминал Мик.

Временами электричество «скакало» или полностью отключалось, что усложняло и без того нелегкую ситуацию. «Я уже разошелся, уже середина песни, все просто классно, а потом бац – и свет гаснет, – вспоминал Мик. – Приходилось начинать сначала». По его словам, все это походило на «гребаный кошмар».

Кита с Анитой происходившее мало заботило. Оба они плотно погрузились в наркотический дурман и, казалось, были

вполне довольны, что их окружают сплошные наркодельцы, такие же наркоманы, как они сами, праздные тусовщики, халявщики-прилипалы и какие-то сомнительные личности. Когда Кит купил себе быстроходный катер, он сначала хотел окрестить его «Марлоном», но потом вывел краской на борту название «Мандракс» – в честь своих любимых «колес».

Полагая, что это не совсем подходящее окружение для женщины на седьмом месяце беременности, Бьянка решила провести остаток лета в Париже, в зарезервированном за Джаггером номере исторического «Отеля» *(L'Hotel)*. Именно в этом отеле, расположенном на берегу Сены, на улице Рю-де-Бозар, скончался Оскар Уайльд, произнеся перед смертью знаменитую фразу: «Либо эти обои, либо я».

Судя по всему, это был мудрый шаг для Бьянки. Тем временем Анита Палленберг в Нелькоте разошлась не на шутку, приставая ко всем подряд: к торговцам, к музыкантам, помощникам, даже к Эрику Клэптону, так же подсевшему на героин, как и она. Вскоре начали ходить слухи, что она спит с Миком и что они вместе повторяют пикантные сцены из фильма «Представление». Желая успокоить Бьянку и показать, что нет никаких оснований для ревности, Мик согласился немного пожить с Бьянкой в Париже или проводить там, по крайней мере, три дня в неделю. Другим «Роллингам» пришлось работать над альбомом без него и накладывать запись ведущего вокалиста отдельно.

21 октября 1971 года в родильном доме «Бельведер» Бьянка родила здоровую девочку. Через два дня родители пришли к общему решению и назвали ее Джейд Шина Джезебель. Почему «Джейд»?[6]. «Потому что она настоящая драгоценность, само совершенство», – отвечал Мик.

Две недели спустя девочку отвезли в Лондон, где над ней принялись ворковать Ева и Джо Джаггеры, до сих пор называвшие сына Майком. В отсутствие Бьянки Мик пригласил на Чейни-Уок Маршу Хант, чтобы сфотографировать вместе Карис и Джейд. Марше тяжело было наблюдать, как Мик постоянно суетился вокруг Джейд, а на Карис почти не обращал внимания.

В следующий раз они с Хант встретились только через месяц, и то потому, что Хант скрепя сердце решила попросить Мика выделить деньги на питание и одежду Карис. До этого Марша, утверждавшая, что она находится на мели, только один раз получала деньги от Джаггера – 500 долларов на текущие расходы по уходу за ребенком. На этот раз Мик даже не посмотрел ей в глаза и только нехотя расписался на чеке. «Наверное, у него недоставало духу посмотреть мне в лицо», – вспоминала позже

Хант.

Но Джейд буквально купалась в море обожания и любви. Няня Джейд, Жани Вильер, говорила, что Джаггер «ужасно радовался, оттого что стал папой». Это обожание принимало порой причудливые формы: «Представьте себе только – Мик Джаггер в шелковой рубашке, белых атласных брюках и с зелеными тенями на веках расхаживает в своей неповторимой манере по детской комнате».

Бьянка между тем жаловалась на свои новые материнские обязанности. «Никто не представляет, как трудно прибираться в доме, присматривать за Джейд и одеваться соответствующим образом». Как утверждала Вильер, Бьянка проводила с Джейд меньше времени, чем Мик, а когда брала малышку на руки, то взваливала ее себе на плечо, как мешок. Однажды, по уверению Вильер, Бьянка даже «уронила Джейд с лестницы».

К весне следующего года «Роллинги» так и не составили подробный план гастролей в США, но название своему новому альбому придумали: *Exile on Main St.* («Изгнание на Мейн-стрит»). Теперь, прожив в другой стране почти год, Мик признавался, что скучает по дому. Он даже говорил знакомым, что готов принять предложение своего давнего друга Тома Дриберга и вернуться в Англию, чтобы принять участие в парламентских выборах от лейбористской партии. «Правда, у меня не совсем подходящая жена», – добавлял он лукаво.

Оставив Бьянку в их совместном доме на юге Франции, Джаггер отправился в Нью-Йорк, на переговоры с Ахметом Эртегюном. Там он завел знакомство с Джеймсом Тэйлором, худощавым американским певцом, только что выпустившим популярный альбом *Sweet Baby James.* Когда его обнаружил старый приятель Мика Питер Эшер, раньше выступавший в дуэте «Питер и Гордон», а ныне продюсер, Тэйлор проходил курс лечения от нервного расстройства и склонности к самоубийству. Как и многие другие знакомые Мика, включая Кита, Аниту и Клэптона, Тэйлор пристрастился к героину.

Тэйлору захотелось познакомить Мика со своей новой подружкой, еще одной восходящей звездой поп-музыки по имени Карли Саймон. Джаггеру конечно же доводилось слышать ее песни – хорошо составленные, написанные необычайно грамотным языком композиции вроде *That's the Way I've Always Heard It Should Be* («Я слышала, это бывает именно так») или *Anticipation* («Предчувствие»). Но еще более любопытной казалась история ее жизни. Отец Саймон основал издательский дом «Саймон и Шустер», а дом ее родителей нередко посещали такие именитые гости, как Альберт Эйнштейн, Сальвадор Дали или

Джон Стейнбек.

Как и Тэйлор, Саймон в детстве мучилась от неуверенности в себе и находила убежище в мире музыки. Она страдала от заикания, и, когда врачи не смогли исправить этот ее недостаток, Андреа Саймон предложила своей одаренной дочери не говорить, а петь обо всем, что она хочет сказать. Идея сработала. У девочки оказался красивый и чистый голос, а через какое-то время она настолько уверилась в своих силах, что смогла и говорить без заикания.

Саймон привлекала Мика и физически; в конце концов, она как раз была его типа – высокая и худощавая, с крупным ртом и копной непокорных волос, едва ли не «американская версия» Бьянки. Точнее говоря, отражение самого Мика в женском теле.

В конце 1971 года Тэйлор как раз порвал давнюю связь с фолк-певицей Джони Митчелл и познакомился с Саймон на концерте в Карнеги-холле. Сама Саймон еще поддерживала отношения со скандально известным голливудским ловеласом Уорреном Битти. Но между ними проскочила искра и зародилась настоящая страсть, а это конечно же означало, что Мик обязательно попытается ею овладеть.

Слухи о связи Мика с Карли Саймон быстро пересекли Атлантику. Бьянка, как и следовало ожидать, буквально рассвирепела. Она открыла огромную кладовку Мика на вилле в Биоте, вытащила его любимые рубашки и зубами разодрала их в клочья. Своих чувств к Карли Бьянка не скрывала. «Есть одна американская певичка, которую я с удовольствием порвала бы на куски», – сказала она нескольким людям.

Что касается самого Мика, то Бьянка его тоже не жаловала. Когда он вернулся в Биот, она заперлась на вилле и отказывалась открыть ему дверь. Когда Мик уговорил слугу впустить его, она вытолкала его на улицу и снова заперлась. Позже Мик утверждал, что в порыве «припадка ревности» Бьянка однажды угрожала ему пистолетом.

Спустя много лет Бьянка сказала Энди Уорхолу, что из всех любовниц Мика больше всего ее бесила Саймон. Энди объяснял это тем, что «Карли Саймон умна и очень похожа на Мика – выглядит как Мик и Бьянка».

Через несколько месяцев после интриги с Миком Карли вышла замуж за Тэйлора и следующие девять лет пыталась излечить его от героиновой зависимости. Тэйлора нисколько не волновала связь его жены с Джаггером; все трое оставались близкими друзьями. Настолько близкими, что когда Саймон записывала в студии свой хит *You're So Vain* («Ты так тщеславен»), Джаггер усердно подпевал ей на заднем плане. (Несмотря на

слухи, что герой этой песни – Битти, друзья Мика прекрасно знали, о ком там идет речь – это у Джаггера был любимый шелковый шарф, который он называл «абрикосовым»: «твой шарф, он был абрикосовым… жена близкого друга, жена близкого друга».)

В том же году абрикосовый шарф всплыл еще раз, после того как Мик заявил, что не возьмет Бьянку в тур по США. Мик стоял на тротуаре рядом с двадцатью чемоданами, ожидая лимузина в аэропорт, когда Бьянка высунулась из окна и закричала: «Если я не еду, то и мой шелковый шарф не поедет! Можешь распаковывать вещи до последнего чемодана, пока не найдешь».

Последующая за этим сцена поразила няню Джейд, Жани Вильер. Мик топнул ногой и заплакал. «Би [так он называл свою жену], я же хотел надеть его на выступление. И как я теперь его найду?» Но Бьянка настаивала на своем. Следующие сорок пять минут Мик, так и не переставая плакать, рылся в чемоданах, пока не обнаружил злополучный шарф абрикосового цвета в самом последнем из них. «Вот, получай, – крикнул он, швыряя шарф Бьянке. – Надеюсь, теперь ты довольна? По твоей милости я опоздаю в аэропорт!» (Нужно заметить, что Бьянка все-таки присоединилась к Мику в конце его тура по Америке.)

Вскоре Мику представился случай отомстить ей с Марианной Фейтфул. Джаггер рассказал ей о кратком путешествии в Южную Азию с Бьянкой и о том, как он посещал некоторые известные секс-достопримечательности Бангкока, пока та занималась покупками. «С тех пор я по-хорошему так и не потрахался», – пожаловался Мик Марианне. Это упущение было исправлено.

Бьянка прекрасно понимала, что недостатка в готовых пойти на все поклонницах у Мика не будет, особенно после того как по Америке, словно монгольская орда, пронеслась очередная волна увлечения *Rolling Stones* (их альбом *Exile On Main St.* («Изгнание на Мейн-стрит») разошелся миллионами экземпляров еще до гастрольного тура, а записи постоянно крутились по радио). «Мику нужно было доказывать себе, что он все еще находится на вершине, – говорил Эртегюн. – Но ему не стоило волноваться. С ним никто не мог сравниться».

И все же, по мере того как приближался его двадцать девятый день рождения, Мик приходил к неутешительному выводу, что его сверстники либо мертвы (Хендрикс, Джоплин, Джим Моррисон, Брайан), либо, подобно Битлам и другим группам первой волны «Британского нашествия», воспринимаются как реликты прошедшей эпохи. За внимание подростков и за каждый доллар, потраченный ими на пластинки, теперь сражались такие новички, как *Jackson 5* и Дэвид Кэссиди, а приверженцы

классического рока отдавали предпочтение таким группам и исполнителям, как Элис Купер, *Greatful Dead, The Who u Led Zeppelin*. В то же время Элтон Джон, Лу Рид и Дэвид Боуи активно разрабатывали глэм-рок, первопроходцем в котором был как раз Мик.

Джаггер не сдавался и пробовал осваивать новые способы привлечь к себе внимание. В попытке создать как можно больше шума на своих представлениях он прогонял почетных гостей с первых рядов и заполнял их вопящими тинейджерами. Их энергия придавала ему свежие силы. «Я чувствую их там, внизу. Мне нужен каждый из них», – говорил он.

С того момента, как он вышел на сцену в расшитом блестками белом комбинезоне с открытыми бедрами, стало понятно, что Мик не намерен полагаться на волю случая. За несколько десятилетий до того, как Кит стал распускать слухи о размере гениталий Мика, Джаггер специально подчеркивал эту деталь, засовывая себе между ног скатанный носок.

Сделав пару глотков «Джека Дэниэлса» или вынюхав дорожку-другую кокаина, Мик снова выходил на сцену и, обливаясь потом под прожекторами, продолжал рычать и дергаться под такие песни, как *Midnight Rambler* («Полуночный гуляка»), *Under My Thumb* («У меня под каблуком»), *Brown Sugar* («Коричневый сахар») и *Tumbling Dice* («Брошенная игральная кость»). В главной статье журнала *Life*, озаглавленной «Роллинги проносятся ураганом по стране», Томас Томпсон писал: «И во главе всех – Джаггер. Он обладает редким даром поражать публику своей шокирующей электризующей энергией, подобно редким исполнителям, таким как Калласс, Эль Кордобес и Нуриев». Далее автор описывает Мика как «брошенную кукловодом марионетку» и «чирлидера на оргии».

Для самих «Роллингов», пожалуй, самой желанной реакцией на выступление были беспорядки, которые все еще продолжали возникать на их концертах. В канадском Ванкувере, столице Британской Колумбии, после столкновений двухтысячной толпы с конной полицией в больницу попало более тридцати человек. У «Форума» в Монреале устроили настоящий бунт более трех тысяч фанатов с фальшивыми билетами. Фанаты в Сан-Диего забросали полицейских зажигательными бомбами и развязали едва ли не уличные бои, в результате которых пятнадцать человек получили ранения и шестьдесят отправились за решетку. Но самые крупные беспорядки прошли в аризонском Тусоне, где полицейские забросали разбушевавшуюся толпу гранатами со слезоточивым газом. Прежде чем волнения прекратились, полиция арестовала более трех сотен человек.

То же повторилось и в столице США. Там полиция задержала шестьдесят шесть буйных фанатов. В Род-Айленде арестовали только двоих, но ими оказались сами Мик и Кит, напавшие на фотографа.

Позже, уже сидя на борту «Высунутого языка» (частного самолета «Роллингов», DC-7 с известным логотипом Джона Пэша на фюзеляже), Мик с размаха ударил привлекательную молодую женщину, а после вытолкал ее из самолета. Выяснилось, что она была судебным приставом, передавшим ему повестку в суд от землевладельцев в Алтамонте, которые потребовали выплатить компенсацию в 375 тысяч долларов за испорченные участки – не такая уж заоблачная сумма, даже по тем временам. (В самолетах Джаггер вообще часто позволял себе больше обычного. Еще до этого случая во время рейса в Лос-Анджелес стюардесса Полин Лаф допустила ошибку, сказав Мику, что он сидит не на своем месте. Говорят, что Мик в ответ на это схватил ее за локоть, развернул и заявил: «Еще раз так скажешь, и я тебе дам пинка под зад». Позже он добавил, что ему хотелось бы «еще и врезать ей как следует по морде, потому что заслужила».)

Под всей этой бравадой Джаггер скрывал беспокойный страх умереть насильственной смертью, особенно он боялся, что его убьют во время представления. По этой причине на гастролях его сопровождали как минимум два охранника. В качестве последнего средства самообороны за пределами сцены Мик носил в кармане куртки пистолет 38-го калибра. Впоследствии к списку фобий и к нервному тику добавился страх погибнуть в авиакатастрофе, и малейшая тряска в воздухе вызывала у него настоящий приступ паники. Но, несмотря ни на что, Мик не намерен был останавливаться. Напротив, «Роллинги» стали еще больше разъезжать по разным гастролям, и их дорожная жизнь приобретала поистине сюрреалистические тона.

Многие подробности этой «жизни на колесах» постарался запечатлеть кинематографист Роберт Фрэнк, планировавший выпустить документальный фильм под заголовком «Блюз членососа». Но фильм так и не вышел на экраны, и совершенно ясно почему. Мик с Китом постоянно несли какую-то чушь под кайфом и сворачивали косяки прямо перед камерой. В одном эпизоде Кит в открытую ширялся героином. Вот еще несколько характерных кадров: Бьянка фотографирует мужа, который курит траву на заднем сиденье их лимузина во время путешествия по югу США; Мик, засунув руки в плавки, ходит вокруг бассейна в резиденции «Роллингов» в Лос-Анджелесе; какой-то другой мужчина, лицо которого скрыто, мастурбирует, засунув руку себе под атласные брюки; голые групи вводят друг другу иглы в вены;

Джаггер перед представлением нюхает кокаин через стодолларовую купюру; Джаггер играет на там-таме на борту самолета, пока администраторы раздевают трех юных фанаток и гоняются за ними по салону.

В одной совершенно абсурдной сцене Мик сидит в кровати, держа зеркало перед лицом и вглядываясь в него, как королева из «Белоснежки». Вокруг него групи, музыканты и помощники занимаются сексом, нюхают кокаин или протягивают друг другу под нос попперсы (амилнитрит).

Увиденным был поражен даже такой закаленный рок-журналист, как Роберт Гринфилд из журнала *Rolling Stone*. «Пять бутылок „Демерола“ и бутылка „Квейлудза“ на 500 таблеток, все пустые; квартовая бутылка кокаина просто в качестве энергетика, четыре „Квейлудза“, чтобы заснуть, но если начинается мандраж, закинься „Плацидилом“… четыре дорожки кокаина на 500 долларов на зеркале… кто-то засунул свою заначку в резинку – называет это „настоящей профилактикой“, ха-ха».

Еще одним свидетелем наркотического угара «Роллингов» был Трумэн Капоте, который собирался написать про них пьесу, но она так и не была закончена. «С самого начала они принялись пререкаться, – вспоминал один знакомый Трумэна. – Мик невзлюбил Тру за то, что тот все время пытался прикалываться… Никто не смеялся, потому что он был несмешной». Капоте же назвал Мика «испуганным маленьким мальчиком, заблудившимся в чужом районе». Что касается пресловутой сексуальности, якобы притягательной для обоих полов, то автор, известный в богемной среде по кличке Крошка Ужас, сказал следующее: «Поверьте мне, Джаггер так же сексуален, как и писающая жаба».

С Капоте не согласились бы миллионы женщин, одна из которых как раз появилась на звездной вечеринке, устроенной в честь «Роллингов» в Лос-Анджелесе. «Мисс Памела! Девушка моей мечты!» – закричал Мик, приветствуя свою приходящую любовницу. Мисс Памела только что узнала, что ее новый ухажер, малоизвестный актер по имени Дон Джонсон, изменил ей с четырнадцатилетней дочерью актрисы Типпи Хедрен, Мелани Гриффит. При этом она не преминула заметить, что среди всех ее любовников Джонсон обладал самым внушительным достоинством – «и Мик конечно же воспринял это как вызов». «А принять вызов Джаггер был готов всегда», – добавила она лукаво.

Поскольку Бьянка за весь тур присоединялась к музыкантам лишь дважды, и то ненадолго, Мик активно пользовался обильным «шведским столом», который ему охотно предлагали во время путешествия («Мне просто нужно быть самим собой», – объяснял он). Среди главных блюд были и подружки Хью

Хефнера, с которыми рок-кумир встречался в чикагском особняке редактора и основателя журнала «Плейбой». Прыть и мастерство Джаггера поразили даже видавшего виды Хью. «Мик явно не нуждается в моих советах», – сказал он.

Второе выступление «Роллингов» на Мэдисон-сквер в Нью-Йорке, состоявшееся 26 июля 1972 года, то есть в двадцать девятый день рождения Мика, ознаменовало собой конец гастролей. После того как от планов выпустить пятьсот живых кур на головы зрителей отказались, «Роллинги» просто стали швырять друг в друга торты, пока двадцать тысяч зрителей распевали «С днем рожденья тебя!»

После выступления Ахмет Эртегюн устроил в отеле «Сент-Регис» пышную вечеринку со множеством звездных гостей в духе Феллини, так удачно поставившую точку в гастрольном туре. Энди Уорхол щелкал «Поляроидом», актриса Пэт Аст и трансвестит Кэнди Дарлинг пытались разговорить драматурга Теннесси Уильямса, Боб Дилан в темных очках и белой фетровой шляпе болтал с ведущим ток-шоу Диком Кэветтом, а после попросил снять его вместе с актрисой Жа Жа Габор; Вуди Аллен почти все время простоял в углу, а писатель Джордж Плимтон разговаривал с Капоте и сестрой Джеки Онассис, княгиней Ли Радзивилл. Среди собравшихся можно было заметить и многочисленных завсегдатаев модных нью-йоркских тусовок с бокалами шампанского в руках, в том числе ювелирного магната Джанни Булгари, наследника сети супермаркетов Хантингтона Хартфорда, светских львиц Си-Зи Гест и Слим Кит, модельера Оскара де ла Рента, издателя Сая Ньюхауза и критика Рекса Рида.

В два часа ночи Мик присоединился к импровизирующим Стиви Уандеру и Мадди Уотерсу, блюзовому кумиру его юности. Все это мероприятие, закончившееся перед рассветом, Дилан описал как «всеобъемлющее начало космического сознания». Публицист Гарриет Ван Хорн выразилась иначе. Согласно ее мнению, «на такой вакханалии, как день рождения Джаггера, чувствовали бы себя как дома Нерон, Калигула, маркиз де Сад и „семья Мэнсон“».

К этому списку она с полным правом могла бы добавить имя Рудольфа Нуриева. Он не смог побывать на вечеринке, но тем же летом встречался с Джаггером не раз. Прошло десятилетие с тех пор, как Нуриев сбежал из Советского Союза, но он все еще находился на пике славы, покоряя зрителей своими бросающими вызов гравитации прыжками и животной чувственностью. Экзотический танцовщик с пухлыми губами и высокими татарскими скулами и по жизни шел подобно Мику, покоряя как мужчин, так и женщин, в том числе знаменитую балерину Марго

Фонтейн, Леонарда Бернстайна, актера Энтони Перкинса и модельеров Джорджо Сан-Анджело и Холстона.

Мика привлекали люди, похожие на него, а Нуриев во многих отношениях был его копией. «Мы с Нуриевым много спорили по поводу того, кому требуется больше таланта и дисциплины – балетному танцору или поп-певцу, – говорил Мик об их творческом соперничестве. – Он часто переспоривал меня, но, мне кажется, я его переубедил. Я сказал, что и сам хотел бы танцевать, только упустил такую возможность».

Тем же летом, когда журналист и телеведущий Джеральдо Ривера пригласил Джаггера и Нуриева на вечеринку в свою квартиру в Нижнем Ист-Сайде, выяснилось, что этих мужчин связывают более тесные отношения. Пока Рудольф с Миком курили траву и танцевали в гостиной, Ривера вышел на кухню, чтобы смешать коктейли.

«Вдруг кто-то проскользнул у меня за спиной, и я почувствовал чью-то руку у себя на поясе, – вспоминал Ривера. – Я слегка повернулся, чтобы посмотреть, кто это, и это оказался Нуриев. Он двигался под звуки музыки и прижимался ко мне сзади. Он был игриво настроен и явно делал сексуальные намеки. Не успел я подумать, как мне реагировать, как спереди ко мне подошел Джаггер и начал заниматься тем же. Они шутили и смеялись, но между ними ощущалось и какое-то серьезное соперничество».

Пока Мик гладил грудь Джеральдо, Нуриев ерошил его волосы. «А ты знаешь, он девственник», – сказал Нуриев Мику.

«Ах, вот как, – отозвался Мик, подмигнув. – Ну тогда мы сейчас его уломаем».

Джеральдо пришел к мнению, что Нуриев и Джаггер хотят соблазнить его по-настоящему, и поспешил «выскользнуть из этого сэндвича», как он выразился, и «перевести все в шутку». Но, впрочем, добавил: «Если бы я когда-нибудь и решился на гомосексуальный опыт, то именно тем вечером, с Рудольфом Нуриевым и Миком Джаггером».

Когда Джеральдо поведал об этом случае Бьянке, та просто пожала плечами. «Мик не очень высокого мнения о женщинах», – сказала она, как о чем-то само собой разумеющемся.

В сентябре Мик приехал в Лондон и объявил о том, что вернулся домой навсегда, потому что ему надоело жить на юге Франции. Киту и Аните это тоже надоело, но у них были и более веские причины покинуть соседнюю страну: после нескольких лет, в течение которых Ричардс и Палленберг играли в кошки-мышки с французскими властями, те наконец-то выписали ордеры на их арест по обвинению в хранении наркотиков.

Мало что заводило Мика так, как игра с прессой. Наверное, поэтому он заявил, что собирается уйти со сцены в тридцать четыре года. «Не хочу закончить как Элвис Пресли и выступать в Лас-Вегасе перед домохозяйками и старушками с сумочками в руках. Это бред. Если Элвиса так прикалывает, пусть выступает. Но это не по мне. Не хочу быть рок-н-рольным певцом всю жизнь».

«Все люди в основе своей бисексуальны».

Мик

«Невозможно утверждать, гомосексуален он или бисексуален. Он вне этого. Мик Джаггер – величайший специалист космического секса».

Биби Бьюэлл, любовница

«Я не пропагандирую образ вечного двадцатидвухлетнего парня. Это очень опасная штука».

Мик

Глава шестая
«Да заткнись ты, Кит. Не будь идиотом»

Бьянка была несчастна – еще больше, чем обычно. И она всячески показывала это Мику. «Мик с Бьянкой постоянно ссорились, – вспоминал бывший личный секретарь. – Не проходило и двух минут, как они взрывались, словно Везувий».

На что же она жаловалась? В первую очередь на то, что ее знаменитый муж не обращает на нее ни малейшего внимания. Да, он купил еще один шикарный дом в Очо-Риос на Ямайке, но совершенно не скрывал своего презрения к семейной жизни. Что же до самой Бьянки, то и она не собиралась превращаться в домохозяйку в потертом халате.

Желая воспользоваться недавно обретенной популярностью, Бьянка решила сделать себе имя в мире высокой моды. Ее фаворитом оставался Ив Сен-Лоран, к которому она теперь могла обратиться в любое время и который по первому зову был рад создать облегающее платье для нее и подходящий к нему костюм из белого атласа для Мика. Вскоре Бьянка заинтересовалась работами и других модельеров, в том числе Холстона, Осси Кларка, Келвина Кляйна, Билли Бласса, Ральфа Лорена и других. Все они были только рады угодить супруге самой известной в мире рок-звезды.

К их нарядам она добавляла что-нибудь свое: боа из перьев, прозрачную блузку, меховую накидку, кружевную мантилью. Ее особым «фирменным знаком» стали трости с набалдашниками из золота, серебра или слоновой кости. Таким образом, Бьянка прославилась как истинный знаток моды и вместе с мужем вошла в список самых хорошо и стильно одевавшихся знаменитостей.

Ближе к концу 1972 года Джаггер согласился на время позабыть о взаимных обидах и спокойно отметить праздники, хотя бы ради Джейд. Все уже предвкушали приятное Рождество, как 23 декабря пришло известие о том, что Манагуа, родной город Бьянки, разрушен в результате мощного землетрясения. Значительная часть города превратилась в развалины, погибли шесть тысяч человек.

Не дозвонившись до родных Бьянки по телефону и не получив никаких сведений о том, выжили ли они, Мик решил вместе с Бьянкой отправиться к месту трагедии на частном самолете, загрузив его медикаментами. Увиденное в Манагуа их

потрясло, а Бьянка не на шутку испугалась, что ее родственники – в том числе и мать – погибли. На месте ресторана, в котором она некогда работала, тоже были одни лишь развалины.

Несколько дней прошли в поисках, и наконец родственников Бьянки удалось найти в расположенной неподалеку деревне. Невероятно, но все они не только спаслись, но и не получили даже незначительных ран.

По просьбе Бьянки «Роллинги» выступили с благотворительным концертом в лос-анджелесском «Форуме», собрав 787 500 долларов для помощи жертвам землетрясения. Но такой альтруистический поступок, казалось, не произвел ни малейшего впечатления на японские власти, которые за несколько дней до намеченного в Токио концерта заявили, что не пустят в страну Мика, потому что в 1967 году он был осужден за хранение наркотиков. Для *Rolling Stones*, запланировавших тур по Дальнему Востоку, это стало большим ударом. И это было только первой ласточкой. В последующие сорок лет Мику и другим «Роллингам» придется еще не раз расплачиваться за то, что они подвергались арестам; им будут не давать визы или всячески усложнять поездки в другие страны.

А пока что Мику оставалось надеяться, что его жест помощи Никарагуа не останется незамеченным в Вашингтоне. Он также надеялся, что его имя вычеркнут из списков подозрительных личностей в различных аэропортах, количество которых в предыдущие годы только увеличивалось.

Если власти США пока не следовали примеру своих японских коллег и не запрещали «Роллингам» въезд в страну, то сотрудники Службы иммиграции и натурализации США уже отмечали в своих документах, что в середине 1960-х Мик несколько раз привлекался к суду по делам, связанным с хранением и употреблением наркотиков. Таможенная служба, ЦРУ и Государственный департамент США взяли на заметку тот факт, что в 1968 году Джаггер участвовал в демонстрации у посольства США в Лондоне. Масла в огонь подливали и те факты, что Джаггер открыто поддерживал «Черных пантер» (националистическую группу чернокожих американцев, которую директор ФБР Джон Эдгар Гувер поклялся уничтожить) и в разных ситуациях называл себя анархистом, социалистом, коммунистом и маоистом.

Как и следовало ожидать, Гувер лично заинтересовался Джаггером, причем его подозрительность граничила с одержимостью. По непосредственному приказу Гувера в Алтамонте смешались с толпой десятки агентов ФБР, переодетых наркоторговцами, хиппи и байкерами. К 1970 году несколько

доносчиков проникли в организацию «Роллингов» и регулярно докладывали Гуверу о том, как музыканты устраивают оргии и употребляют наркотики. Мик находился под постоянным наблюдением; телефоны в его гостиничных номерах прослушивались. Гувер, чья профессиональная схватка закалилась в борьбе со слухами о его собственной гомосексуальной ориентации, часто приказывал агентам уделять внимание именно этому аспекту наблюдаемых. Затем он использовал полученные сведения, достоверные или недостоверные, чтобы шантажировать своих политических соперников или разрушать их карьеру.

Мика он воспринимал как испорченного и избалованного развратителя американской молодежи. Человека, который редко позволял себе снять маску сурового моралиста, и в самом деле мог выводить из себя бравирующий своей бисексуальностью и женственными манерами Мик. «Гувер ненавидел Джаггера, – сообщил один из бывших агентов ФБР. – Пожалуй, больше любого другого представителя поп-культуры того поколения».

В этом Гувер был не одинок. Однажды в самый разгар избирательной кампании 1972 года президент Ричард Никсон увидел в журнале *Life* фотографию Мика, исполняющего *Jumping Jack Flash* («Джек-попрыгунчик») в шляпе «Дяди Сэма», и, как выразился его тогдашний пресс-секретарь Рон Циглер, «совершенно обезумел». Никсон приказал официально внести Джаггера в знаменитый список его личных врагов.

И все же когда Мик с Бьянкой прибыли в Вашингтон, чтобы передать 787 500 долларов в Панамериканский фонд развития, столица встретила их красной дорожкой. В здание сената стекались известные юристы и дипломаты, желавшие посмотреть на Джаггера, а обычно сдержанная *Washington Post* описывала Бьянку следующим образом: «новая суперзвезда семейства, его близнец по угрюмому взору и пухлым губам, любимица светского общества и мира моды».

Замысел сработал. Как утверждала Бьянка, Мику сообщили, что благодаря его помощи жертвам землетрясения в Никарагуа ему выдадут постоянную визу. Нужно было только попросить. Но, как опять же говорила Бьянка, это предложение уже не казалось Мику таким привлекательным. Одно дело, когда к тебе придираются ФБР или иммиграционная служба, а другое – когда за тебя всерьез берется налоговое управление. «Мик сказал, что раз уж он не собирается платить подоходный налог в США, то не станет получать и постоянную визу… Он много раз говорил мне, что хочет создать впечатление, что не записывается в США, хотя на самом деле записывался». И эта хитрость тоже сработала:

невероятно, но Служба внутренних доходов всегда оставалась одним из немногих правительственных ведомств, которые нисколько не интересовались Джаггером.

Того же самого нельзя было сказать о Марше Хант, которой окончательно надоело выпрашивать у Мика подачки на еду и одежду для дочери. В июле 1973 года она подала иск на алименты, и тут же газеты по всему миру стали перепечатывать статьи о том, как беспринципная интриганка пытается разрушить семейное счастье кумира, утверждая, что родила ребенка от Мика.

Джаггера это взбесило, и он, настаивая на том, что не является отцом ребенка, даже предложил пройти анализ крови. Но до этого дело не дошло. Вместо этого он объявил, что создаст фонд с капиталом 25 тысяч долларов и будет выплачивать 20 долларов каждую неделю, но только если Хант подпишет официальное заявление, что Карис не его дочь. Та согласилась, хотя Мик догадывался, что встретиться с Маршей Хант ему еще придется не раз.

Теперь Мик не пытался изображать из себя заботливого отца даже с Джейд. Когда Бьянка обвинила его в том, что он слишком мало времени проводит с дочерью, он не стал извиняться. «Это мой выбор, но уж больно я невнимательный. Какой есть», – признался он.

Сейчас его заботили более важные дела, а именно выпуск нового альбома *Goats Head Soup* («Суп из козлиной головы»), запланированный на 31 августа. Желая как следует отметить это событие и разрекламировать альбом, Мик пригласил принцессу Маргарет, лорда Личфилда, супругов Ормсби-Гор, нескольких членов парламента, а также видных фигур из музыкальной индустрии на торжественное мероприятие в Бленхеймский дворец, резиденцию герцогов Мальборо, построенную в семнадцатом веке, где в свое время родился Уинстон Черчилль.

Под взглядами предков сэра Уинстона, взирающих на них со стен, Мик и Бьянка благопристойно принимали гостей, пока в зал в поисках Кита не ворвалась одурманенная Анита Палленберг. Осыпав Бьянку градом непристойностей, она схватила Ричардса за руку, и оба они направились к выходу в поисках наркотиков. Две недели спустя Кит рассказал журналистам, что собирается пройти через операцию по очищению крови («как вампир, только наоборот»), представляя все это как шутку; он и в самом деле посетил швейцарскую клинику, где проводились подобные процедуры. В чем бы они ни заключались, но вернулся он достаточно бодрым, чтобы присоединиться к другим «Роллингам» в их турах по Великобритании и Америке.

Альбом *Goats Head Soup*, на обложке которого красовалось женоподобное лицо Мика с открытым ртом, невинно глядящего из-за полупрозрачной вуали, можно было назвать несомненным успехом как с коммерческой, так и с художественной точки зрения. Но только две песни из него стали несомненными хитами – грубоватая «городская баллада» о стрельбе и наркотиках под названием *Do do do do do, Hearbreaker* («Ду ду ду ду ду, разбиватель сердец») и грустноватая, немного выбивающаяся из общей темы *Angie* («Энджи»), так мало походившая на обычную композицию «Роллингов» с пульсирующим, энергичным ритмом и тем не менее ставшая «номером один».

Как и следовало ожидать, тут же родились различные домыслы по поводу того, кто же послужил источником вдохновения для песни, которая занимала первое место в чартах целых тринадцать недель. Согласно одной версии, песня была названа в честь новорожденной дочери Кита, Дэндилайон Энджи. Согласно другим, более распространенным слухам, песня посвящена Анджеле Боуи, жене Дэвида Боуи. Но ни одна версия не была истинной. Если кто и вдохновлял Мика, то не жена Дэвида Боуи, а сам Боуи.

Среди исполнителей нового музыкального направления «глэм-рок» никто – даже подражавший Валентину Либераче Элтон Джон – не раздвигал границы настолько широко, как Дэвид Боуи. Еще в юности, когда живший в рабочем районе Южного Лондона Дэвид Джонс (настоящая фамилия Боуи) только мечтал стать рок-музыкантом, он думал о том, как бы объединить мягкую поп-привлекательность *Beatles* с шокирующей энергичностью Мика Джаггера. «Я мечтал стать Миком Джаггером, – признавался Боуи, – но не потому, что он был секс-символом». Для Боуи Мик был скорее «материнской фигурой».

Так получилось, что Джаггер повлиял даже на выбор псевдонима начинающего рокера. Мик часто говорил в интервью, что слово *«jagger»* на староанглийском означает «нож». «Нож Боуи» особой формы, изобретенный американским народным героем Джимом Боуи, имел еще и то преимущество, что начинался с буквы Б, а значит, косвенным образом напоминал о *Beatles*. Так родился «Дэвид Боуи».

Мэри Анджелу Барнетт только что исключили из Коннектикутского женского колледжа за «противоестественную» связь с девушкой, когда ее с Боуи познакомил их общий друг. «Мы встречались и спали с одним парнем», – вспоминал Боуи. С другой их общей знакомой, по имени Клэр, они переспали как раз перед свадьбой в 1970 году, а на следующее утро она была их свидетельницей. За десять лет брака Дэвид и Энджи занимались

сексом как с мужчинами, так и с женщинами – и вместе, и по отдельности.

«Как и всех на планете, нас взбудоражило то, что делал Мик, и то, какие возможности он открыл, – говорила Энджи. – Он наносил макияж на лицо и облачался в платья Майкла Фиша». И Энджи настаивала, чтобы Дэвид эксплуатировал бисексуальный шик и шел, насколько это возможно, дальше. Вскоре пластиковые диско-ботинки, волосы, покрытые люминесцентной оранжевой краской, и макияж в стиле театра кабуки сделали Боуи в образе «Зигги Стардаста» королем андрогинного рока.

Оба они восхищались друг другом, и как музыкантами, и как людьми. Боуи был всего лишь на четыре года младше Джаггера, но его восхваляли как только что взошедшую звезду. Когда весной 1973 года Джаггер посетил Боуи за кулисами, «Зигги» в спандексе и раскрашенный золотой краской горячо обнял своего кумира. Когда же через несколько месяцев «Роллинги» пригласили на концерт Боуи с его товарищем Скоттом, Мик не только оплатил номер в гостинице на двоих, но и послал им букет роз и бутылку шампанского с запиской «С любовью, Мик».

Если Джаггер все еще немного стеснялся выставлять напоказ свои сексуальные предпочтения, то Боуи совершенно не скрывал тот факт, что они с женой бисексуальны и часто меняются партнерами. «Мик посмотрел на Дэвида и подумал, не будущая ли это мода, – сказал Ли Блэк Чайлдерз, бывший вице-президент компании „Мэйнмэн“ по управлению финансами Боуи. – Мик очень серьезно относился к поддержанию своей популярности, а в то время самым популярным был Дэвид».

«Это была эпоха блеска и пышности, и все хотели поучаствовать в бисексуальной революции, – объяснял певец Чаки Старр, который познакомился с Миком на вечеринке в Беверли-Хиллз в ту же неделю, когда *Angie* стала хитом номер один. – Мик не отличался от них. Он украсил себя стразами, нанес голубые тени на веки, надел башмаки на толстой подошве». «Ну а зачем так наряжаться за кулисами?» – спросил Старр. «Потому что я очень уважаю Дэвида Боуи», – ответил Мик.

Кита Ричардса такое увлечение своего друга Дэвидом Боуи удивляло. «Вообще-то Мик может выдать в десять раз больше Боуи в одной футболке и в джинсах. Зачем хотеть быть кем-то еще, если ты Мик Джаггер?»

Энджи тоже наблюдала искоса за растущей привязанностью между Миком и Дэвидом, но по иной причине. Она была уверена, что, подлизываясь к Мику, Дэвид ничего не добьется и что так он только может лишиться поддержки молодых фанатов. Сам Боуи, называвший Джаггера Майком и никогда – Миком, думал иначе.

Он не только восхищался способностью Мика возбуждать публику год за годом, но и уважал его сочинительский дар, а также деловую хватку. «Он считал Мика финансовым гением, – признавалась Энджи. – Все мы так считали».

Вскоре Боуи с Джаггером стали видеть вместе и без жен: они сидели на матче Мухаммеда Али с Кеном Нортоном, танцевали в лондонском диско-баре «Трамп», шумно приветствовали Дайану Росс на ее концерте и мило обнимались, сидя вместе на кушетке в номере отеля. Никто из них не выразил неудовольствия, когда фотограф запечатлел их в момент отдыха; Мик положил голову на колени Дэвиду, а тот гладил ее. Боуи даже приглашал Мика посмотреть гей-фильмы. «Дэвид – прирожденный агитатор», – сказал британский телепродюсер Кевин Кан.

В октябре 1973 года супруги Боуи поселились на Оукли-стрит, неподалеку от Чейни-Уок. Однажды Энджи на несколько дней уехала из города, а когда вернулась утром, то сразу прошла на кухню, чтобы сделать себе чаю. Служанка Боуи, пришедшая часом раньше, подошла к хозяйке с загадочным выражением лица и сказала: «Кто-то лежит в вашей кровати».

Энджи поднялась наверх, приоткрыла дверь в спальню и увидела, что там спят обнаженными Мик с Дэвидом. Тут же они оба резко проснулись. «О, привет! Как дела?» – спросил Боуи, явно удивившись.

«Замечательно, – ответила Энджи. – Чаю не хотите?» Мик молчал и только моргал. Через несколько минут Энджи вернулась с чаем и апельсиновым соком на подносе. Конечно, вряд ли это можно назвать «поимкой на месте преступления», но, как говорила позже Энджи, она была «совершенно уверена, что они трахались. Это было настолько очевидно, что мне даже в голову не приходило подумать, будто они не трахались».

Любопытно, что, пытаясь отвадить Дэвида от Мика, Энджи сама старалась привлечь внимание Джаггера. «Мне хотелось самой быть с Миком, – сказал она. – Мне всегда казалось, что в постели он должен быть страстным. Он очень сексуальный парень». Но свой шанс она упустила. Когда Мик начал соблазнять ее, на Энджи вдруг напал приступ хохота. У Марианны Фейтфул таких трудностей не было, и в конце 1973 года она вполне удачно встречалась с Боуи – то есть в то же время, когда, как ходили слухи, у него были самые близкие отношения с Миком.

Но все эти флирты на стороне, похоже, не оказывали никакого влияния на взаимные чувства Боуи и Джаггера. Ава Черри, чернокожая певица, которая одно время жила с супругами Боуи, в разговоре с другом однажды якобы сказала: «Мик и Дэвид были по-настоящему сексуально одержимы друг другом. Я много

раз спала с ними, но под конец просто смотрела, как они занимались сексом». По мнению Черри, отношения эти носили не только сексуальный характер. Оба они были «очень близки» эмоционально и «несколько месяцев практически жили вместе». Ли Чайлдерз пожимал плечами: «Все знали, что происходит между ними. Ни тот, ни другой ничего не скрывали».

Когда впоследствии значение этой связи пытались приуменьшить, Родни Бингенхеймер, диджей и представитель музыкальной тусовки Лос-Анджелеса, сказал: «Мик с Дэвидом конечно же были любовниками. Они не делали из этого особенной тайны».

Джаггер и его пансексуальные друзья Боуи и Нуриев нашли родственную душу в лице Энди Уорхола. Лиз Дерринджер (бывшая жена рокера Рика Дерринджера) отзывалась об Уорхоле точно так же, как и о Мике: «болтливый, стервозный… настоящий бабник». Энди буквально питался слухами. Одним из любимых занятий Джаггера и Уорхола было сравнивать между собой разных знаменитостей и оценивать их сексуальную привлекательность. «Мик всегда указывал на симпатичных мужчин, – рассказывал близкий знакомый Уорхола Кристофер Макос. – Он говорил мне: „Ого, посмотри какой симпатичный парень“. Но я думаю, что на самом деле он был более гетеро-, чем бисексуал».

Тем не менее Макос и другие знакомые Энди считали, что у Джаггера с ним тоже была связь. Макос говорил, что Мик напивался и танцевал с Энди в баре «Макс-Канзас-Сити». «Энди утверждал, что спал с Миком. Он говорил мне это несколько раз». Косвенным подтверждением бисексуальных склонностей Мика были и изображения его фаллоса, сделанные Энди Уорхолом, за которые Джаггер платил тысячи долларов. Их еще много лет вешали и снимали со стен домов Джаггера, в зависимости от того, кто приходил в гости.

Пожалуй, лучше всех остальных оценить отношения между Боуи и Джаггером могла Биби Бьюэлл, высокая и эффектная модель из журнала «Плейбой». Ее связь с обоими мужчинами длилась несколько лет, но она не ограничивалась только этими двумя. В разные моменты у нее были интриги с Элвисом Костелло, Родом Стюартом, Джимми Пейджем, Стивом Тайлером из *Aerosmith*, Тоддом Рандгреном и Принцем. (Биби утверждала, что свою песню *Little Red Corvette* («Маленький красный корвет») Принц посвятил именно ей.)

Когда в 1973 году Бьюэлл привлекла внимание Боуи в клубе «Макс-Канзас-Сити», ей было всего восемнадцать лет, и она встречалась с Тоддом Рандгреном, написавшим такие хиты, как

Hello It's Me («Привет, это я») и *I Saw the Light* («Я видел свет»). Вскоре после этого она познакомилась с Миком на концерте Эрика Клэптона. На устроенной после концерта вечеринке Мик много общался со своим давним другом Эриком, но не забывал при этом соблазнять Бьюэлл. «Он откровенно флиртовал, – вспоминала она. – Все время подходил ко мне и предлагал бросить Тодда».

Рандгрен «поднял бучу», когда увидел, как Джаггер следует за его девушкой на кухню. «Мы идем домой, немедленно», – сказал он Бьюэлл, а по пути прочитал целую лекцию о «таких парнях, как Уоррен Битти и Мик Джаггер».

Но потом Мик все-таки уговорил ее прийти к нему в гости на обед. «Вот человек, который может слоняться по трущобам со всякими свиньями, а потом отобедать с бароном таким-то и таким-то, – сказала она, когда Мик дал ей впервые попробовать суши. – Мик очень разнообразен, очень многогранен. Меня это впечатлило».

Под конец он предложил прийти к нему в номер нью-йоркского отеля «Плаза», и она согласилась. Оказавшись наедине с ней, Мик не стал терять времени даром, сбросил одежду и залез в кровать. «Меня очень поразили его худощавость и его хрупкость, – вспоминала Бьюэлл. – Такие тоненькие кости. Но как любовник Мик вовсе не хрупкий и ничуть не стеснительный. В постели он совсем не мешок с костями. Он агрессивный, очень сильный и уверенный в себе». Что касается той детали его анатомии, которую Кит называл «маленьким крантиком», то Бьюэлл была более щедра в своей оценке: «Я бы сказала, что прибор у него более чем достойный».

Как только Боуи с Джаггером узнали, что оба встречаются с Бьюэлл («Никакой моногамии нет. Все спят со всеми», – однажды сказала она), то обе звезды стали строить планы, как бы заманить ее на оргию-другую. «Мик и Дэвид стали названивать мне часа в три ночи и делать странные предложения – приглашали к себе в постель с четырьмя шикарными темнокожими женщинами. Ну или с четырьмя шикарными темнокожими мужчинами», – добавила она.

«Что касается секса, то Мик ничем не ограничивал себя, ему хотелось попробовать это с самыми разными людьми, разного цвета кожи и разного происхождения, – утверждала Бьюэлл. – Он обожает блондинок. Любит брюнеток. Любит индианок, латиноамериканок и азиаток. Его не остановишь».

И все же она настаивала на том, что их отношения носили скорее романтический характер и не были основаны исключительно на сексе. Мик делал ей дорогие подарки и не

останавливался перед тем, чтобы отвезти на своем частном самолете куда-нибудь, где они могли бы пообедать вдвоем при свечах. Как и другим романтическим избранницам Мика, Бьюэлл приходилось соответствовать его высоким стандартам. «От женщин он требовал определенного шика», – говорила она. Перед каждым свиданием он внимательно осматривал ее с головы до ног. «Если ему не нравилось, что на мне надето, он отсылал меня переодеться». Бьюэлл даже намекала, что для него была фетишем обувь; часто он приходил на свидания с обувной коробкой в руках, внутри которой лежали «туфли-лодочки, туфли на острых шпильках или на высокой платформе».

В области косметики и ухода за кожей Мик, как можно было догадаться, тоже оказался экспертом. «Мик гениально ухаживает за кожей. Он объяснял мне, как распаривать лицо, какие травы использовать. Ни одна женщина на земле не знает столько о косметике, сколько Мик», – говорила Бьюэлл.

Но, несмотря на романтические приключения с разными женщинами и мужчинами, Мик сохранял эмоциональную привязанность к одному человеку – к Бьянке. «Он любил ее гораздо больше, чем признавался», – сказала Бьюэлл. Она называла Мика «традиционным англичанином», в том смысле, что он оставлял свою жену дома с детьми, пока сам делал, что ему захочется. «Мик безумно и страстно любил Бьянку, – соглашалась Лиз Дерринджер. – Все мы считали, что он ее любит, а она его – нет».

Что до самой Бьянки, то период ревности у нее уже прошел. Ей уже было все равно, сохраняет Мик ей верность или нет. Она стала относиться к любовницам и любовникам своего мужа уже не только с уважением, но и с определенным любопытством. Бьюэлл, которая при росте метр восемьдесят возвышалась над ними обоими, она называла «маленькой подружкой Мика».

«Бьянка со мной была очень мила», – вспоминала Бьюэлл. По ее словам, жена Джаггера всегда делала ей комплименты по поводу прически или одежды. «Она старалась дать вам понять, что вы выглядите на миллион баксов». Кроме того, намеками пыталась сообщить мужу о своем отношении к нему. «На вечеринках она сжимала мне руку и просила сесть рядом с ней», – так, по предположению Бьюэлл, Бьянка давала Мику понять, что ее больше не заботит, с кем он встречается и что делает.

Но когда сама Бьянка пускалась во все тяжкие, Мик очень переживал. В газетах ее имя вдруг стали печатать рядом с именами таких актеров, как Хельмут Бергер, Эллиот Гулд и Райан О'Нил. Особенно тревожила Мика связь Бьянки с О'Нилом, которая то прерывалась, то возобновлялась начиная с 1974 года,

когда он снимался в фильме «Барри Линдон» Стэнли Кубрика. В лице О'Нила Мик нашел достойного соперника. До того как влюбиться в актрису Фэрру Фосетт (исполнительницу одной из главных ролей в первоначальной версии сериала «Ангелы Чарли»), у молодой звезды «Истории любви» были широко освещенные в прессе романы с актрисами Джоан Коллинз, Анук Эме и Урсулой Андресс, а также с Барброй Стрейзанд и Дайаной Росс (среди прочих).

Брак Мика с Бьянкой официально продолжался еще пять лет, но позже Мик скажет, что их отношения подошли к концу в 1973 году, когда они расстались. Первой камень в огород мужа бросила Бьянка, заметив в интервью журналу «Вива»: «Если мне врет тот, кто мне не безразличен, то я не прощаю лжи. Ложь оскорбительна для умного человека». Раньше на публике она этого не показывала, но на этот раз решила разоткровенничаться: «Возможно, Мика больше не влечет ко мне. Когда я только познакомилась с ним, я знала, кто он такой. Теперь не знаю».

Мик не замедлил ответить. «Я ни разу в жизни не терял голову от любви, – признался он беззаботно. – Я не очень эмоциональный человек». И с вызовом добавил: «И нисколько не домашний».

Еще один укор в адрес жены он озвучил в титульном треке своего следующего альбома. Несколько лет Бьянка уговаривала Джаггера заняться чем-то более «взрослым», например, актерской игрой или политикой. Он же ответил в песне: «Я знаю, что это всего лишь рок-н-ролл, / Но это мне нравится!»

Поскольку «Роллинги» не могли оставаться в США или в Великобритании больше девяноста дней, не заплатив подоходный налог, свой новый альбом они записывали в Мюнхене. Словно желая еще больше разозлить Бьянку, Мик запрещал ей появляться в студии, но при этом позвал Дэвида Боуи спеть в песне *It's Only Rock'n'roll (But I Like It)* («Это всего лишь рок-н-ролл (Но мне это нравится)»). Под руководством Майкла Линдси-Хогга (директора музыкальной программы, которую называли предшественницей *MTV*) было снято видео, в котором «Роллинги» в матросских костюмах танцуют и погружаются в море пены. Альбом же, напротив, поднялся на вершину музыкального Олимпа.

Мик отплатил своему другу, появившись на церемонии выхода альбома *Diamond Dogs* («Бриллиантовые псы») Дэвида Боуи, которая состоялась в Мэдисон-сквер-гарден в июле 1974 года. Бьянка не пришла, а Энджи Боуи, Нуриев и Мик, смешавшись с другими гостями, отправились на вечеринку в отеле «Плаза». На глазах присутствующих Мик, Боуи и Бетт Мидлер уединились в кладовке спальни. Они пробыли там более

часа и, как вспоминали другие гости, нисколько не сдерживали своих стонов и криков, судя по которым там происходил довольно бурный секс втроем. «Это было очевидно, – вспоминал один из администраторов звукозаписи. – Оттуда доносились стоны и стуки. И еще шаловливые смешки». Когда троица вышла, все они были «слегка помятые, но широко улыбались».

Но не все наслаждались выпавшей на их долю славой. В середине декабря, за день до запланированной работы над новым альбомом «Черное и синее» в Мюнхене, Мик Тэйлор объявил, что покидает группу. Некогда он считался образцовым парнем, не курил и не пил, но со временем настолько пристрастился к кокаину, что уничтожил себе перегородку носа. После этого он подсел на героин и боялся, что если не покинет *Rolling Stones*, то закончит так же, как безнадежные наркоманы Ричардс и Палленберг.

После бесконечных поисков талантов, напоминавших пробы кандидаток на роль Скарлетт О'Хары, Джаггер уже собирался предложить работу сессионному музыканту, уроженцу Алабамы Уэйну Беркинсу, когда кто-то упомянул, что группа *Faces* Рода Стюарта находится на грани развала. Мик давно восхищался черноволосым ведущим гитаристом *Faces* Роном Вудом и тут же ухватился за шанс нанять его для американских гастролей в 1975 году.

Вуд принял предложение Мика, хотя и оставался с *Faces* до ее распада в следующем году. Но когда для записи альбома он присоединился в Мюнхене к другим «Роллингам», пришло известие, что в его особняк в фешенебельном лондонском пригороде Ричмонд ворвалась полиция. Полицейские искали наркотики, но обнаружили жену Вуда Крисси в постели с другой женщиной. Последующий скандал в прессе только еще больше убедил Мика, что он сделал правильный выбор.

Незадолго до того как «Роллинги» отправились в свой самый грандиозный тур (двадцать девять городов в Западном полушарии, а затем еще поездка на Ближний Восток и в Азию), Мик, выходя из ресторана, принял большое окно за вращающуюся дверь, разбил его и сильно порезал руку. Фотограф Анни Лейбовиц, которая должна была освещать поездку *Rolling Stones*, убедила его сфотографировать рану длиной в восемнадцать сантиметров, и он согласился, но с тем условием, чтобы эта фотография была цветной.

Проведя три месяца с «Роллингами», Лейбовиц была потрясена увиденным и пережитым в поездке. «Люди часто рассуждают о душе натурщиков, но у фотографа тоже есть душа. И я почти потеряла свою», – вспоминала Лейбовиц, которая

настолько пристрастилась к наркотикам, что ей потом пришлось проходить курс реабилитации.

В очередной раз шоу стало зрелищем, основной целью которого было шокировать публику. В начале каждого представления на сцене раскрывался громадный металлический цветок, внутри которого сидели музыканты. Мик наряжался от души – похоже, желая перещеголять самого Боуи. В солисте и клавишнике Билли Престоне он нашел родственную душу. Оба хватали друг друга за задницы и непристойно вращали бедрами.

Кульминацией шоу было появление из-за кулис двенадцатиметрового надувного фаллоса. Мик взбирался на него и заводил свою откровенно непристойную оду поклонникам *Star Star* («Звезда звезда»). (Поскольку в тексте песни говорится о том, как актеру Стиви МакКуину делают минет, Джаггеру пришлось получить его письменное разрешение. МакКуин охотно подписал документ. До того как компания звукозаписи настояла на смене названия, песня называлась *Starfucker.*)

В 1970-х годах одним из поклонников и групи «Роллингов» был некий нью-йоркский модельер, скрывавшийся под псевдонимом Кевин. Он вспоминал, что Мик регулярно посещал гей-клубы в Манхэттене, включая «82», «Ле-Муш», «Глайдед-Грейп» и «Галакси 21» на Западной Двадцать третьей улице, где в кабинках показывали гей-порно. Кевин рассказывал, как в «Глайдед-Грейп» Дэвид и Энджи Боуи, Мик и ведущий вокалист группы *Queen* Фредди Меркьюри «отрывались в компании трансвеститов».

Возвращаясь однажды ночью в «Плазу» сильно «под кайфом», Мик заметил в фойе Кевина и пригласил его к себе в номер пропустить стаканчик-другой. В номере Джаггер стал расспрашивать худощавого двадцатидвухлетнего парня, который носил «семьдесят семь процентов женской одежды», о его гардеробе.

«Выглядишь восхитительно, – сказал Мик Кевину. – Где ты взял эти туфли? А эту рубашку?»

Выведав у молодого фаната все, что было нужно («Он был ужасно озабочен внешним видом, стилем. Впитывал все как губка»), Мик стал его целовать, и в конце концов оба оказались в постели. «Мик взял на себя активную роль. Он, по сути, подавлял меня своей силой».

Проснувшись, Мик вызвал горничную, и оба мужчины лежали в кровати, завтракая с серебряного подноса. Кевин вспоминал, что все утро в дверь стучали. После этого случая каждый раз, когда они где-нибудь встречались, Джаггер смотрел на Кевина невидящим взглядом. «Мик всегда притворялся, что не узнает

меня».

А между тем родители, казалось, не замечали и Джейд. Мик с Бьянкой всем своим поведением давали понять, что у них своя собственная жизнь, а их дочь большую часть времени проводила в обществе нянь и домработниц. Когда Джейд только родилась, общая любовь скрепляла семейные узы Мика и Бьянки. Мик соглашался поддерживать видимость брака, пока это означало, что их дочь будет избавлена от психологической травмы, неминуемой в случае развода. Какое-то время они оба продолжали делать вид, что наслаждаются обществом друг друга, и каждое лето отдыхали на берегу океана в Монтоке на Лонг-Айленде, в доме, который снимали у Энди Уорхола.

Монток, расположенный на восточном краю острова, в отличие от оживленного Хэмптонса, представляет собой сонную рыбацкую деревушку без модных ресторанов, магазинов или клубов. Джаггеры возмещали этот недостаток тем, что приглашали к себе друзей вроде Клэптона, Боуи, Джона Леннона с Йоко Оно, Джона Филлипса из *The Mamas and The Papas*, Джека Николсона и Уоррена Битти. Очаровательный «коттедж» Энди Уорхола, покрытый кровельной дранкой, превращался в импровизированный ночной клуб на морском берегу. Как вспоминал сосед Джаггеров Дик Каветт, о том, что они приехали, можно было узнать не только по шуму, но и по дыму от марихуаны, который разносился по всей оконечности острова. «Иногда казалось, что начался лесной пожар», – говорил Каветт.

Вскоре обнаружилось, что круг друзей Мика не ограничивается подсевшими на наркотики рок-звездами и любвеобильными голливудскими актерами. Ведущий ток-шоу прогуливался верхом на пляже, когда заметил, что из дома Джаггеров выходит темноволосая женщина, подавшая ему знак остановиться.

«Подъехав поближе, я понял, что это Джеки Онассис», – сказал Каветт. Джеки Онассис, сама страстная любительница конного спорта, несколько раз обошла лошадь Дика, прежде чем вернуться в дом Джаггеров.

Среди тех, кто был свидетелем встреч Мика и Джекки, ходили неизбежные слухи о том, что их связывает не просто дружба. Как говорил Каветт, Джеки была «заинтригована» Миком, и «конечно же Мик едва ли не преклонялся перед Джеки, как и все остальные».

Интерес Джеки к Мику был не праздным. Самая известная женщина мира, а заодно и редактор (сначала в издательском доме «Викинг-пресс», а потом в «Даблдэй») чуть ли не преследовала других знаменитостей в надежде получить от них

мемуары. В разное время она упорно осаждала таких известных личностей, как Фрэнк Синатра, Марлон Брандо, Майкл Джексон, принцесса Диана, герцогиня Виндзорская, Элизабет Тэйлор и королева Елизавета.

Джаггер не стал исключением. Когда ей не удалось уговорить его написать автобиографию для «Викинга», она попросила Мика свести ее с другой знаменитостью – с его хорошей знакомой, принцессой Маргарет. «При необходимости Джеки умела пофлиртовать и польстить, – говорил доверенное лицо Кеннеди и бывший пресс-секретарь президента Пьер Сэлинджер. – Нетрудно представить, какое впечатление ее магия произвела на Мика Джаггера».

После убийства Джона Кеннеди и смерти ее второго мужа Аристотеля Онассиса в марте 1975 года Джеки влекло к более молодым мужчинам, вроде журналиста Пита Хэмилла и кинодокументалиста Питера Дэвиса. «Был период, когда она, похоже, интересовалась мужчинами помоложе, погорячее, – вспоминал Сэлинджер. – Но у Джеки были невероятно высокие стандарты. Джаггер – величайшая рок-звезда и настоящий секс-символ. Он также очень яркий человек, умный, очень искушенный и практичный». Сэлинджер добавил, что в Мике, «пожалуй, было много общего с Джоном Кеннеди в том, что касается женщин».

Флирт Джеки и Джаггера, по всей видимости, длился недолго, так же как и странные отношения между Бьянкой и сыном действующего президента США. Той весной Бьянке, которая стала печататься в глянцевом журнале Уорхола «Интервью», удалось договориться о встрече с двадцатитрехлетним Джеком Фордом, сыном президента Америки Джеральда Р. Форда.

Интервью состоялось в Белом доме, и вскоре снятые Энди Уорхолом фотографии, на которых Джек Форд стоит с Бьянкой в спальне Линкольна, взяв ее под руку, породили обычные слухи о природе их отношений. Масла в огонь подлило и признание Джека в том, что он завидует обычным людям, ощущает себя запертым в клетке и охотно продал бы свою жизнь кому угодно «за пенни». Чтобы показать Джеку мир, который иначе он никогда не увидел бы, Бьянка с Энди отвели сына президента в легендарный манхэттенский ночной клуб «Эль Марокко», а также на гей-дискотеку «Ле-Жарден».

Но никакое заведение не шло в сравнение по степени раскрепощенности и порочности со «Студией 54», которую газета *New York Times* окрестила «Новой страной Оз» и в которой Джаггер чувствовал себя как дома вдали от дома. Манхэттенская «Студия 54» была центром звездного света, где люди с громкими

именами, скандально известные знаменитости и просто любопытные посетители пили, танцевали и занимались любовью по темным углам. Многие из них поглощали огромные количества наркотиков, и руководство клуба почти не старалось скрыть этот факт. Каждый вечер с потолка спускался неоновый «человек с Луны» и нюхал кокаин из сверкающей ложки, и толпа выражала свое одобрение шумными криками.

В середине семидесятых Бьянка входила в список самых ярких женщин и не собиралась сдавать позиции. «Студия 54» проработала лишь несколько дней после своего открытия, когда на торжественной вечеринке в честь своего тридцатилетия Бьянка выехала к публике на белом жеребце. Для пущего эффекта перед конем шел высокий чернокожий мужчина, единственной одеждой которого были золотые блестки.

Когда речь заходила о пышных зрелищах, владельцы клуба Стив Рабелл и Иэн Шрагер обращались к Бьянке, которая умела устроить нечто необыкновенное. В 1980 году на вечеринке в честь премьеры фильма «Бешеный бык», с потолка на трапециях свисали полуголые гимнасты, а африканский слон, которого снимал фотограф-натуралист Питер Биэрд, почти затмил таких известных гостей, как Джеки Онассис, Элизабет Тэйлор и Элтон Джон.

Но даже в этой среде Бьянка и Мик предпочитали развлекаться отдельно. Всякий раз, когда Мик заходил в клуб, он неизменно спускался в подвальное помещение для VIP-гостей. Бьянка же обычно находилась на стальной платформе, нависавшей над просторным танцполом, вокруг которого стояли столики.

В этом отношении типична сцена, случившаяся на вечеринке в честь Элизабет Тэйлор. Супруги Джаггер вошли через разные входы, каждый со своей свитой, и старались не сталкиваться друг с другом в толпе. «Она была настоящей королевой „Студии 54“, а Мик терпеть не мог делить с кем-то внимание публики», – вспоминал один их общий знакомый об этой конкуренции.

За пределами «Студии 54» превзойти Мика было невозможно, хотя иногда и ему хотелось остаться незамеченным. Как, например, за несколько минут до выступления в Париже, когда один ревнивый парень угрожал ему пистолетом. Охрана быстро скрутила неудачливого злоумышленника, и выступление прошло, как и было запланировано.

Что же касается Джейд, то пока ее мама блистала на ночной нью-йоркской сцене, а папа зарабатывал миллионы на гастролях, их дочери, казалось, вовсе не находилось места в их семейной жизни. Иногда родители Джаггера забирали ее в свой кентский

дом, но по большей части за ней присматривали нью-йоркские или лондонские няни.

Если же родителям случалось оказаться дома вдвоем, то они часто ссорились, а Джейд попадала под перекрестный огонь. Но многие гости, которым повезло пообщаться с дочерью Джаггеров, неизменно находили эту девчушку с каштановыми волосами очень славной, хотя и слишком рано повзрослевшей.

Особенно симпатизировал ей Уорхол, и она отвечала ему взаимностью. «Мы друг друга понимали, – вспоминал Энди. – Я научил ее раскрашивать картинки, а она научила меня играть в „Монополию“. Ей было четыре, а мне сорок четыре». Два года спустя, когда Энди со знакомым зашел к Джаггерам и попросил две порции водки со льдом, Джейд позвала испаноязычную горничную и приказала принести *«dos vodkas con hielo»*.

Понятно, что для единственного ребенка самой известной и взрывной пары в мире психологическое напряжение было почти невыносимым. Взрослые знакомые, такие как Дик Каветт, Холстон и Уорхол, продолжали восхищаться самой маленькой представительницей Джаггеров, но Джейд росла далеко не идеальным ребенком.

Когда Мик отвел ее на пасхальный вечер одной светской львицы, где дети должны были искать раскрашенные яйца, Джейд быстро похватала все яйца и разбила их о паркетный пол. В школе Гарден-Хауз, которую она посещала, когда ее родители приезжали в Лондон, Джейд часто срывала уроки, кричала и требовала к себе внимания.

Бывая рядом с дочерью, Мик обожал ее, но такое случалось все реже и реже. При этом время для любимого занятия у него находилось всегда. Обдумывая предложения сняться в кино – помимо всего прочего, он отказался сниматься вместе с Барброй Стрейзанд в римейке фильма «Звезда родилась» (эта роль досталась Крису Кристофферсону), – Мик играл в бильярд вместе с Джоном Ленноном, Китом Муром и голливудским ветераном Питером Лоуфордом, тоже выходцем из Великобритании. Лоуфорд щедро делился кокаином со своими знаменитыми гостями. Позже вдова Лоуфорда Патриция Ситон поражалась тому, насколько устойчивыми к воздействию наркотика были все четверо мужчин: «Просто поразительно, как эти великие звезды играли в бильярд, накачавшись кокаином».

Тем же вечером Питер Лоуфорд, бывший зять Джона Кеннеди, предложил Мику еще одно развлечение – посидеть в одном из любимых президентом кресел-качалок. «Мик просто сидел в кресле-качалке Кеннеди, поджав ноги, и наслаждался каждой минутой», – вспоминала жена Лоуфорда.

Во время европейского турне 1976 года музыканты еще больше утратили контроль над собой, если такое вообще было возможно. Писатель Ник Кент, путешествовавший с группой, вспоминал, что «Джаггер, Вуд и Ричардс все время срывались и поглощали огромное количество наркотиков… Это было уму непостижимо».

Время от времени приходилось возвращаться к жестокой реальности. Когда «Роллинги» готовились к выступлению в Париже, пришло сообщение о смерти двухмесячного сына Кита, Тары, названного так в честь погибшего наследника империи «Гиннесс» Тары Брауна. В качестве вероятной причины назывался синдром внезапной детской смерти. Ричардс взял с собой в поездку своего семилетнего сына Марлона и оставил двоих младших детей, четырехлетнюю Анджелу и Тару, дома с матерью, Анитой Палленберг. После смерти Тары Марлону пришлось по-взрослому ухаживать за своим накачанным героином отцом. Но ни он, ни Мик, если уж на то пошло, не смогли помешать Киту еще более погрузиться в наркотический угар.

Горе быстро переросло в раздражение. Пока Мика фотографировали на веселых светских вечеринках в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, Ричардс (настоящий панк-рокер в душе) приходил в ярость от того, что ему казалось пустым позерством. Всем, кто был готов его выслушать, Кит говорил, что его товарищ по «Роллингам» продался, и потому он сам доказывает преданность делу тем, что устраивает драки в барах, задирает полицейских, ссорится с капризной Палленберг и засыпает за рулем своего «Бентли».

Если количество употребляемых наркотиков поражало воображение, то еще больше удивляла стойкость Джаггера. В августе «Роллинги» провели первый бесплатный концерт после Алтамонта, на этот раз в Небворт-Хаузе в Хердфордшире. На афише была заявлена также группа «Утопия», и ее лидер Тодд Рандгрен привез с собой свою подружку, неутомимую Биби Бьюэлл.

Пока Бьянка наблюдала за происходящим из-за кулис, Мик в открытую флиртовал с Бьюэлл. «Тодд сердился и выходил из себя, – вспоминала Биби. – А потом Мик начал играть в свою любимую игру: „Я отобью тебя у рок-звезды, с которой ты встречаешься“».

«Я звезда крупнее, чем ты, Тодд, – говорил Мик Рандгрену. – Я ее украду».

Ни Джаггер, ни Тодд тогда не знали, что Бьюэлл уже «похищена» другим – во многом похожим на Джаггера Стивом Тайлером, долговязым солистом *Aerosmith* с такими же, как у

Мика, пухлыми губами. Бюэлл с Тайлером старались держать свои отношения в тайне, но когда Бьюэлл сообщила Мику, что изменяет Рандгрену с ведущим исполнителем одной из самых безумных рок-групп, Джаггер еще сильнее захотел затащить ее в постель. «Для Мика я стала соблазнительнее вдвойне, – говорила она. – Ему же нужно было украсть меня не у одного, а у двух рок-идолов».

Вспомнив, что Тайлера в прессе часто называют «Миком Джаггером для бедных», Мик привел вполне ожидаемый и веский аргумент: «Зачем тебе уходить к нему, если ты можешь позволить себе оригинал?»

Когда в августе Биби забеременела, Мик уже позабыл о ее интриге с Тайлером и полагал, что ребенок либо его, либо Рандгрена. Дочь Бьюэлл, Лив, родилась 1 июля 1977 года; Мик позвонил на следующий же день и сказал: «Я приеду посмотреть на моего ребенка». Через несколько часов Мик и Рон Вуд сидели у постели Бьюэлл – первые посетители матери с новорожденным.

Поскольку Стив Тайлер безуспешно боролся с героиновой зависимостью, они с Бьюэлл решили, что лучше Лив будет воспитываться как ребенок Тодда Рандгрена. Об их тайной связи с Тайлером не знали даже многие близкие знакомые, поэтому «почти все», как сказала Биби, «думали, что это дочь Мика». И Мик с удовольствием ухватился за эту роль и несколько лет представлял Биби знакомым как «мать одного из моих незаконных детей».

Лив так и воспитывалась как дочь Тодда Рандгрена и только в восемь лет узнала от матери правду. Публично Бьюэлл сообщила о том, что отцом Лив является Стив Тайлер, еще через несколько лет. «Мне кажется, что Мик отчасти ревновал, – говорила Биби. – Многие были шокированы, узнав, что отец Лив – не Тодд и не Мик, а Стив Тайлер». Мик определенно был из числа таких шокированных. Лив стала девушкой с обложки, позже успешно снималась в фильмах, но все это прошло мимо Мика.

Близился к концу 1976 год, а Джаггеры все еще отказывались признавать, что развод неизбежен. Они переехали в роскошный дом на Восточной Семьдесят третьей улице в Нью-Йорке и на Рождество заявили, что их брак крепок, как никогда. «Мы не намерены расставаться», – утверждал Мик.

Казалось, их браку ничто не угрожает, пока Бьянка смотрит сквозь пальцы на то, что Мик встречается с другими женщинами (саму ее ложно обвиняли в том, что она встречается с Уорреном Битти). «Мик спит со многими, но настоящих романов у него мало», – публично заявляла Бьянка.

Одной из тех, кто действительно давал Бьянке повод для

волнений, была рок-звезда, славящаяся своими многочисленными романтическими связями. Когда Линда Ронстадт познакомилась с Миком в конце 1970-х, она уже выпустила полдюжины платиновых альбомов и такие хиты, как *You're No Good* («Ты не хорош»), *When Will I Be Loved* («Когда же меня полюбят»), *Long Long Time* («Давным-давно»), *Tracks of My Tears* («Следы моих слез») и *Blue Bayou* («Голубой ручей»). Что касается ее мужчин, то говорили, что среди них были Джексон Браун, автор песен и исполнитель Дж. Д. Саутер, комики Стив Мартин и Альберт Бруки, Пит Хэмилл и Джерри Браун (бывший и будущий губернатор Калифорнии) – и это лишь небольшая часть списка. Сама же Ронстадт вовсе не считала, что ее романтическая жизнь так уж разнообразна. «Хотела бы я переспать с таким количеством мужчин, о каком пишут в газетах», – говорила она.

С помощью Мика она записала свою версию *Tumbling Dice* («Игральная кость») в стиле кантри, и эта версия стала одним из немногих каверов «Роллингов», попавших в «Первую десятку».

Рано или поздно Бьянка неизбежно должна была узнать о том, что ее муж неплохо проводит время в доме певицы на берегу океана. Она сразу же полетела в Калифорнию и устроила Мику сцену, успешно положив этой связи конец. Несмотря на это, Бьянка признавалась, что Ронстадт ей нравится; единственной женщиной, которой она на самом деле опасалась, была Карли Саймон.

Но вскоре на горизонте появился еще кое-кто, заставивший Бьянку позабыть о Саймон. В перерыве же между этими инцидентами жена Мика просто пожимала плечами, когда ей сообщали сплетни о том, как часто ее муж меняет женщин. Среди них называли экзотическую модель Аполлонию ван Равенстейн, английскую актрису Каринтию Уэст (дочь генерала НАТО сэра Майкла Уэста) и его давнюю пассию, Сабрину Гиннесс.

Прошло почти полгода с тех пор, как все «Роллинги» собирались вместе под одной крышей, – на тот момент самый продолжительный перерыв. Решив, что настала пора приниматься за работу, они договорились записать части будущего альбома *Love You Live* («Любим вас живьем»), выступая в клубе «Эль Мокамбо» в Торонто.

20 февраля 1977 года Мик прилетел в Торонто и обнаружил, что в сборе все, кроме одного. Кит, как всегда, накачавшись кокаином и героином, застрял в Лондоне. Через пять дней, в течение которых Джаггер постоянно названивал Ричардсу и засыпал его телеграммами («ГДЕ ТЫ? Мик»), Ричардс наконец-то вылетел в Торонто. При досмотре таможенники нашли в чемодане Аниты ложку со следами героина, но ничего не сказали.

Три дня спустя в его номер в гостинице «Харбор-Касл» ворвались канадские полицейские и нашли более унции героина – достаточно, чтобы предъявить обвинение не только в хранении, но и в незаконном обороте наркотиков. Ричардсу теперь уже грозило пожизненное заключение, а это был бы смертельный удар для «Роллингов». К счастью, Ричардса выпустили на поруки, после чего он, не утратив присутствия духа, пришел в «Эль Мокамбо» и сыграл так, как никогда в жизни. По словам Мика, «он играл, мать его, от самого сердца – лучше, чем за долгие годы».

Но все надежды, что на этот раз обойдется без скандала, развеялись как дым, когда в это непростое для «Роллингов» время Маргарет Трюдо (жена премьер-министра Канады) решила отказаться от титула первой леди и примкнуть к поклонницам группы. Красавица «Мэгги», которой на тот момент исполнилось двадцать девять лет, была вдвое младше своего мужа Пьера Трюдо, оставшегося в Оттаве с тремя маленькими детьми. Безрассудная выходка Мэгги, сбежавшей к скандально известным музыкантам, несколько месяцев была благодатной темой для журналистов, не говоря уже о том, что угрожала нестабильному правительству Трюдо.

Госпожа Трюдо заказала в «Харбор-Касл» номер по соседству с Ронни Вудом, а Мик лично провожал ее каждый вечер в «Эль Мокамбо». Утверждалось, что несколько дней она шастала по коридорам отеля в одном халате и иногда заглядывала в номер Мика. Когда настало время музыкантам отправляться в США, Мэгги сказала, что поедет с ними. Шестую годовщину свадьбы мистер Трюдо провел один, все более распаляясь от гнева, пока его молодая жена отрывалась с «Роллингами» в Нью-Йорке.

Позже Мик отрицал, что у него с Мэгги Трюдо была любовная связь. «Я бы не подошел к ней и на пушечный выстрел. Это просто больная девушка в поисках чего-то странного. И она нашла это, только не в моем лице», – настаивал он. Ее избранником стал Ронни Вуд, который признался, что в течение непродолжительного времени его со сбежавшей первой леди Канады «объединяло нечто особенное». Ричардс описывал этот эпизод в менее романтическом тоне: «Она была групи, вот и все, все очень просто и понятно».

Бьянка с ним соглашалась. «Странно, но многие женщины считают, что они загадочным образом чего-то достигли, переспав с Миком. Это только доказывает, как мало они уважают себя. Сам он находит это отвратительным».

Мика часто окружали классические красавицы, умные и утонченные, поэтому Бьянка не заметила угрозы, исходящей от

крупной блондинки метр восемьдесят три ростом, модели из Техаса, имя которой стало чаще мелькать в газетных статьях рядом с именем ее мужа.

Джерри Фэй Холл была младшей (вместе со своей близняшкой Терри) из пяти дочерей водителя грузовика из города Меските неподалеку от Далласа. В школе ее прозвали «Длинной Холл»; застенчивая и немного неуклюжая девушка в старших классах ни с кем не встречалась, но при этом решила во что бы то ни стало потерять девственность в пятнадцать лет. Когда они вместе с подружкой работали в местном ресторане «Дейри Куин», девушки попросили помочь им в этом чемпиона города по скачкам на диких быках. Тот, недолго думая, согласился и исполнил свою задачу, даже не потрудившись снять сапоги («на сеновале, под дождем»).

На следующий год Холл попала в автомобильную аварию и за счет полученной страховки сделала пластическую операцию носа и купила билет в Париж. Вскоре после этого она со своей мужеобразной чернокожей подружкой, певицей и актрисой Грейс Джонс, стала исполнять скабрезные номера в духе кабаре на частных вечеринках. Одним из первых почитателей ее творчества был шах Ирана, которому настолько понравилась долговязая уроженка Техаса с гнусавым выговором, что он даже оплатил ей билет до Тегерана и предложил выступить у него во дворце.

После этого Холл сошлась с иллюстратором журналов моды Антонио Лопесом и стала жить вместе с ним. Когда в 1975 году Брайан Ферри из рок-группы *Roxy Music* заметил ее на обложке итальянского журнала *Vogue*, она уже считалась признанной моделью.

Полгода спустя они обручились.

К несчастью для галантного Ферри, они особо не спешили и отложили бракосочетание более чем на год. Когда в начале 1977 года Брайан Ферри выступал на гастролях в Японии, Джерри Холл сидела на званом обеде между Миком и его соперником по различным любовным интригам Уорреном Битти. Испытывая навязчивое желание записать на свой счет победу над очередной женщиной рокера, Мик принялся состязаться с Битти, стараясь привлечь внимание Холл к себе. Он подозвал другую модель, договорился о том, что с Битти останется она, а сам поехал с Холл в «Студию 54».

Когда Джаггер предложил Холл подвезти ее домой, был уже пятый час утра. Но вместо ее дома они оказались у апартаментов Джаггера на Восточной Семьдесят третьей улице. «Следующим утром я думала: „О нет, что же я наделала?“» – вспоминала Джерри.

Ферри, как и следовало ожидать, очень болезненно воспринял измену и отомстил своей бывшей подружке из модельного бизнеса тем, что отказался пересылать ее наряды из их лондонского дома в Нью-Йорк, оставив их у себя.

Холл утверждала, что прекрасно знает, как удержать при себе мужчину, но это не имело ничего общего с миром моды. «Мать рассказала мне три секрета: надо быть горничной в гостиной, кухаркой на кухне и шлюхой в постели. Горничную и кухарку я наняла, а об остальном умела позаботиться сама». Но самый ценный совет вряд ли дала ей мама: «Если у тебя есть только две секунды, забудь обо всем и отсоси ему. Так, чтобы ему не захотелось секса с другими».

Если какая-то другая девушка подбиралась слишком близко к ее избраннику, Холл давала понять, что лучше оставить эту затею. Даже в самых деликатных ситуациях она не стеснялась толкать, бить или даже пинать соперницу, пока та наконец не отходила в сторону.

Одной из самых грозных соперниц Холл в тот период была еще одна высокая модель, Дженис Дикинсон. «Мне названивали по пять тысяч раз днем и ночью, из самых разных городов мира. Он буквально был одержим мной. Он заваливал мою комнату розами с записками: „С любовью, принц Филипп“». Тогда же Мик использовал и свою неплохо зарекомендовавшую себя коронную фразу: «Ты родишь от меня ребенка?»

«Подумайте только, как соблазнительно! – вспоминала Дикинсон. – Но этого не случилось. И все же Мик Джаггер – лучший из лучших любовников, без всякого исключения». Только вот получив свое, Мик становился совсем не таким любезным и вежливым. После того как они занимались сексом в первый раз, Мик бросил на кровать 400 долларов и сказал: «Вот, купи себе новое платье».

«Секс с Миком для меня был все равно что боксерский поединок, – продолжала Дикинсон. – Рингом служил широкий матрас двуспальной кровати. Он переворачивал меня, а потом я переворачивала его – это было нетрудно, потому что, когда мы стояли, он доходил мне только до плеч. В порыве страсти я подумала о своем идеальном мужчине, причем вовсе не о Мике Джаггере. Я представляла себе еврейского Джима Моррисона. Мик же больше походил на мальчика с банки краски *„Dutch Paint“*. Совсем не мой тип. Но опять же это не имело значения, потому что это был Мик Джаггер».

Дикинсон утверждала, что Мик не такой уж скряга, как говорили многие. На Рождество он подарил ей рубиновую брошь в виде сердца с бриллиантовыми инкрустациями. «Она была

огромной, размером с мою ладонь, и стоила, наверное, целое состояние». Через два месяца, когда он танцевала в «Студии 54», брошь пропала. Когда она рассказала об этом Мику, тот только пожал плечами: «Ну ладно. Девчонки есть девчонки».

Мика больше заботили другие мужчины в жизни Дикинсон, особенно рок-звезды. Заметив на стене ее квартиры плакат с Родом Стюартом, Мик спросил Дженис, не переспала ли она с ним. Она ответила, что нет, но Джаггера это не удовлетворило. «Он просто взял и сорвал плакат со стены», – вспоминала Дженис Дикинсон.

Однажды Дженис решила попробовать свои силы в пении и договорилась о выступлении в «Студии 54». За ее выступлением наблюдали Кит Ричардс и Ронни Вуд, но Мик не объявился. На следующий день, когда критики разнесли ее пение в пух и прах, ей позвонила Джерри Холл. «Ха-ха, – сказала она. – Я слышала, ты провалилась. Ну и прекрасно. Держись подальше от моего мужчины. У меня в сумочке пистолет, и я умею им пользоваться».

«Я восприняла ее предупреждение серьезно, – рассказывала об этом противостоянии Дженис. – Даже распсиховалась».

Вскоре после этого Дикинсон разговаривала с Миком по телефону, когда в трубке послышался голос Джерри. «Она хочет, чтобы я порвал с тобой», – сказал Мик и повесил трубку.

Многие знакомые Мика, особенно британцы, приходили в восторг от искренности и теплоты Джерри, а также от ее заводных шуток. «Она волшебным образом поднимала всем настроение, стоило ей просто войти в помещение», – говорил ирландский писатель и наследник пивоваренной империи Десмонд Гиннесс. С ним соглашался Кит Олтхэм: «Джерри милая, добрая и чрезвычайно терпеливая».

Мик тоже мог быть терпеливым, особенно когда дело касалось его «мерцающего близнеца». Пока Кит ожидал судебного разбирательства в Торонто, ему разрешили пройти курс лечения от наркомании в Соединенных Штатах. Когда Кита с Анитой лечили слабым электрошоком в Филадельфии, Мик приезжал к ним и привозил записи к альбому «Любим вас живьем», чтобы гитарист тоже смог принять участие в работе.

Позже Ричардс признавался: «Должен сказать, что во время того случая в Торонто – да и во всех случаях, когда меня задерживали, – Мик терпеливо присматривал за мной и никогда не жаловался. Он всем командовал, делал главную работу и договаривался о том, чтобы меня выпустили. Мик относился ко мне как к брату».

Казалось, что «мерцающие близнецы», хотя бы на время, позабыли о своих разногласиях. Но это не мешало Ричардсу

подкалывать Мика, который все еще пытался молодиться, несмотря на то что годы безалаберной жизни и упорной работы брали свое. Джаггер одно время хотел сделать пластическую операцию, чтобы разгладить морщины вокруг глаз и впадины на щеках, но потом решил, что лучше украсить свою известную улыбку какими-нибудь блестящими драгоценными камнями.

Для начала он вставил изумруд «Картье» в верхний резец, но Кит сказал, что это похоже на то, как если бы у него между зубами застрял шпинат. Мик заменил изумруд на рубин, но Кит сказал, что это похоже на кровавое пятно. Под конец Джаггер остановил свой выбор на бриллианте. «Специалисты из „Картье“ сочли, что это очень мило», – заметил он.

Осенью 1977 года «Роллинги» работали в парижской студии «Пате Маркони» над своим очередным альбомом, *Some Girls* («Некоторые девчонки»). Тогда все еще была опасность, что Кит загремит в тюрьму и группа прекратит свое существование, поэтому Мик работал, выкладываясь по полной, как если бы это был их последний альбом.

«По большей части у нас было такое настроение – „Сейчас мы перепанкуем всех панков“», – вспоминал Ричардс, которого, как и других уже завоевавших известность рок-музыкантов, немного тревожила растущая популярность пионеров панк-направления, таких как *Sex Pistols, Clash и Ramones*. Наверное, из этих соображений Кит воспользовался «маленькой зеленой коробочкой» – педалью эхо-ревербератора *MXR*, придавшей некоторым композициям альбома рваное звучание. Но Мик, привыкший в «Студии 54» к старому непреклонному ритму в четыре четверти, старался выдать диско-хит.

Вышедший в следующем году альбом *Some Girls* разошелся семью миллионами экземпляров, а некоторые композиции действительно стали хитами, особенно *Beast of Burden* («Вьючное животное»), *Shattered* («Разбит») и песня, которую Ричардс поначалу пренебрежительно называл «дерьмо-диско Мика», – *Miss You* («Скучаю по тебе»). Но именно *Miss You*, вдохновленная ночами в «Студии 54» (в компании Джерри, а не Бьянки), и подняла альбом на первую строчку чартов.

На праздники Мик полетел в Лондон, но провел их вовсе не с Бьянкой и Джейд. В рождественский вечер он вместе с Джерри Холл заселился в номер отеля «Савой», а через три дня отправился на Барбадос. По пятам его преследовали журналисты; в новогодний вечер он швырнул бутылку пива в одного фотографа; несколько дней спустя в Париже подрался с другим папарацци, в результате чего его с заломленными руками повалили на тротуар.

Когда в марте 1978 года Мик вернулся в Нью-Йорк, всем, включая Бьянку, было ясно, что их брак обречен. Лиз Дерринджер посетила Мика и Джерри в номере «Карлайл-отеля» как раз тогда, когда Джаггеру доставили документы о разводе. В Лондоне Бьянка подала заявление о разводе на том основании, что муж ей изменяет, и упомянула имя той, с кем он ей изменял, – Джерри Холл. «Как в это вообще можно поверить? Почему она так со мной поступает?» – спрашивал Мик Дерринджер. Потом, по всей видимости очень серьезно, добавил: «Ты за эти годы когда-нибудь видела, чтобы мое имя появлялось в газетах с именем какой-нибудь другой?»

Несмотря на то что перед суматошной свадьбой в Сен-Тропе Бьянка была вынуждена подписать отказ от имущественных притязаний, уходить с пустыми руками она была не намерена. Заручившись помощью адвокатов Марвина Митчелсона, калифорнийского специалиста по алиментам, и нью-йоркской акулы юриспруденции Роя Кона (Кон прославился прежде всего как главный консультант сенатора Джозефа Маккарти во время пресловутой «охоты за красными» в 1954 году), Бьянка постаралась перенести слушания в Калифорнию, где местные законы позволяли ей получить до 12,5 миллиона долларов, то есть половину состояния Мика.

Джаггер в ответ предложил ей удовлетвориться суммой в сто тысяч долларов, а тем временем аннулировал кредитные карты Бьянки и вывез ее мебель из дома номер 48 по Чейни-Уок.

«Джаггер совершенно безжалостен и беспощаден, – говорил автор статей о «Роллингах» Кит Олтхэм. – Такое качество, как преданность, ему незнакомо. Люди приходят и уходят, и ими можно пожертвовать». Это относилось и к сотрудникам, проработавшим в компании много лет. «Мик довольно труслив – увольнять людей он поручает кому-то другому». Но от грубого отношения не был застрахован никто, даже бывший председатель «Декка Рекордз» сэр Эдвард Льюис. Когда Олтхэм попросил Мика публично выразить свое мнение по поводу смерти сэра Эдварда, Мик ответил: «Скажите, что я сказал – ему уже давно пора».

Во время американских гастролей 1978 года, когда группа переезжала с одного стадиона на другой, музыканты быстро вернулись к своему привычному времяпрепровождению. «Наркотики были повсюду, – говорил Дэниел Стюарт, один из руководителей охраны. – Буквально горы дури, и Джаггер от нее вовсе не отказывался».

Не отказывался от дури конечно же и Кит, хотя над ним все еще висело обвинение. Окончательное слушание по канадскому делу проходило в Торонто 24 октября 1978 года. Как и

десятилетием ранее, когда Кита и Джаггера обвиняли по редландскому делу, за стенами зала суда столпились сотни фанатов, выкрикивающих: «Свободу Киту! Свободу Киту!» Впрочем, судья с самого начала дал понять, что не собирается отправлять «богатенького наркомана» за решетку. В обмен на признание вины он снял обвинения в незаконном распространении наркотиков и приговорил Кита к году условно. Кит же, тронутый слепой фанаткой по имени Рита, которая следовала за группой повсюду, согласился дать благотворительный концерт в пользу Канадского национального института слепых.

После этого Мик смог вздохнуть с облегчением. Печатный станок купюр по имени *Rolling Stones* продолжал свою работу в прежнем режиме – по крайней мере какое-то время. В поисках отдыха и развлечений Мик иногда возвращался в Нью-Йорк – порой в обществе Холл, а то и один.

«Где бы он ни появлялся, на него до сих пор бросались женщины и мужчины, – говорил Олтхэм. – Джерри сохраняла спокойствие – в какой-то степени». Мику было легче оттягиваться, когда Джерри отдыхала в каком-нибудь экзотичном месте. Но даже когда они оба регистрировались в «Карлайле» под псевдонимами «мистер и миссис Филлипс», Мик всегда находил все, что ему было нужно, в проверенной и надежной «Плазе».

Зная, где и когда появится Джаггер, фанатки «Роллингов» научились проникать в отель «Плаза», минуя охрану. В конце 1978 года среди них появилась новенькая: невысокая, жующая жвачку брюнетка двадцати одного года, которая, как и нью-йоркский модельер Кевин, какое-то время выступала на подтанцовке в труппе Элвина Эйли.

Эта молодая женщина, питавшая слабость к лосинам в обтяжку пятнистой расцветки, не стеснялась петь во весь голос, когда ей вздумается. «Я подумал: „Уберите от меня эту наглую девицу! Она же сейчас меня засветит!“» – вспоминал Кевин. И он же быстро догадался, что единственный, кто интересует эту новую фанатку, это Мик, и что она «вбила себе в голову, будто он поможет ей в карьере».

По какой-то причине эта бойкая новенькая заинтересовала и самого Мика, который несколько раз приглашал ее к себе наверх. «Она вела себя как настоящая дикарка, и это его заводило», – говорил Кевин. Или, возможно, его привлекло ее сценическое имя – Мадонна.

Но, разумеется, никакая фанатка не могла привлечь Мика настолько, как подружка другой рок-звезды. А тем более юная дочь рок-звезды – в данном случае давнего приятеля Мика и

«коллеги» Кита по пристрастию к героину Джона Филлипса из *The Mamas and The Papas*.

«Я с детства знала Мика – с тех пор, как мне исполнилось восемь, он и еще Кит часто тусовались с папой», – говорила дочь Филлипса Макензи. В шестнадцать лет она сама обрела некоторую славу, снявшись в популярном ситкоме «Однажды в то время». «Я была ребенком, но меня ужасно привлекал Мик. Он походил на кота. Он изгибался и двигался как кот, был таким привлекательным и чувственным».

Печальный факт состоял в том, что Филлипс познакомил свою дочь с марихуаной, когда ей было десять лет, а через четыре года подсадил и на кокаин. Когда ей исполнилось семнадцать, Филлипс лично вколол ей героин. Позже Макензи призналась, что у нее с отцом была долгая инцестная связь.

Учитывая такие семейные нравы, кажется вполне логичным то, что произошло между Миком и Макензи в 1978 году. В то время Филлипс жил в том же нью-йоркском квартале, что и Мик, а Джерри как раз удачно уехала по модельным делам. «Мы все были на вечеринке, когда Мик предложил отправиться к нему, отведать сэндвичей с тунцом», – вспоминала Макензи, которой на тот момент было восемнадцать лет. Когда они приехали к Мику, он вспомнил, что у него нет майонеза. Папа сказал, что у нас есть майонез, и пошел за ним домой, и тут Мик запер дверь».

Мик заключил Макензи в объятия и стал подталкивать ее к спальне. «Я ждал этого с тех пор, как тебе исполнилось десять», – сказал он. Через несколько минут Филлипс вернулся с майонезом и, как вспоминала Макензи, «начал громко стучать в дверь, но мы с Миком уже резвились в спальне. Он оказался фантастическим любовником, все было, как я и представляла, и даже лучше».

На следующее утро Мик угощал Макензи чаем с гренками и клубникой, когда зазвонил телефон. «Моя дочь у тебя?» – спросил Джон Филлипс.

«Да, – ответил Мик, который за десять лет до этого переспал с Мишель Филлипс, второй женой Джона и приемной матерью Макензи. – Но я обращаюсь с ней хорошо».

Макензи немного сердилась на Кита, что тот познакомил ее отца с тяжелыми наркотиками, но не имела ничего против Мика и испытывала к нему исключительно теплые чувства. «Мик может быть кем угодно, но он не извращенец. Когда он сказал, что ждал этого момента, он действительно имел в виду, что ждал, пока я стану совершеннолетней. Он спал со мной как с женщиной. И это было чудесно».

В тот период Макензи была не единственной юной любовницей Мика. Вскоре он начал встречаться с Наташей

Фрэйзер, внучкой английского лорда Лонгфорда и дочерью писательницы леди Антонии Фрэйзер. Аристократическое семейство нисколько не оскорбилось такой связью и даже пригласило Мика на бракосочетание леди Антонии с драматургом Гарольдом Пинтером.

Тем временем у подраставшей дочери Мика дела шли далеко не так удачно. Восемнадцатилетняя Кэрис Хант жила в Лос-Анджелесе на пособие, а ее мать уже отчаялась выбить из Мика деньги. Обратившись за помощью к Бьянке, Марша Хант наняла Марвина Митчелсона и подала иск на скромные 2190 долларов в месяц на содержание ребенка.

Уделяя особое внимание тому, что у Джаггера хватает сил и денег на других женщин, «но никак не на свою родную дочь», Хант потребовала от него формального признания отцовства. «Мик – повсюду каждый раз, как включаешь радио или открываешь журнал, – говорила Марш. – Это само по себе причиняет боль Кэрис, и я считаю, она не должна страдать еще и от бедности».

В итоге Мик сдался, но только после того, как Марша добилась наложения ареста на его часть гонорара за два концерта в калифорнийском Анахайме. Вынужденный отчислять каждый год не менее 25 тысяч долларов на содержание своего старшего ребенка, Мик не преминул обозвать Маршу «вымогательницей» и «ленивой сучкой».

О Бьянке он отзывался более дипломатично, но чувства к ней испытывал такие же. Их развод, подобно свадьбе, превратился в цирковое представление в трех частях. Началось оно в Лос-Анджелесе, где судья заявил, что никогда не слышал о Мике Джаггере («Я исключительно почитатель Лоуренса Уэлка»), после чего слушания были перенесены в Лондон. Разбирательство затянулось на долгие месяцы, пока вопрос о собственности не удалось решить в ходе заседания, длившегося восемнадцать минут. Бьянке, на попечении которой оставалась Джейд, удалось отсудить 1,4 миллиона долларов. Впоследствии ее адвокаты убедили британский суд увеличить эту сумму до 2,5 миллиона. «Она просто хотела, чтобы этот процесс длился как можно дольше и чтобы ее имя попало в газеты, – сказал Мик. – Она доставила мне столько беспокойства, что мы с ней уже никогда не будем друзьями».

Чтобы вести о бракоразводном процессе Джаггеров исчезли из передовиц, необходимо было нечто более шокирующее – например, известие о том, что одна из бывших девушек «Роллингов» причастна к убийству. За несколько месяцев до этого, в День святого Патрика в 1979 году, Кит познакомился в

«Студии 54» с шикарной блондинкой, супермоделью Патти Хансен, и тут же влюбился в нее. Анита Палленберг, оставленная на произвол судьбы, сошлась с семнадцатилетним Скоттом Кантреллом, бросившим школу.

В конце июля, пока Палленберг лежала в отключке на кровати в своем доме в Уэстчестере, Скотт Кантрелл лежал рядом с ней и играл в русскую рулетку с пистолетом Палленберг 38-го калибра. Игра эта закончилась для него трагически. Приехавшая полиция застала впавшую в безумие Палленберг, перепачканную кровью погибшего тинейджера. Не успели затихнуть скандалы, связанные с употреблением наркотиков и интересом к сатанизму, как ее обвинили в незаконном хранении оружия.

Как выяснилось, тем же летом могли произойти события гораздо более трагичные. Пока Мик отдыхал в загородном доме на берегу океана, в Монтоке, он и все его гости были на волосок от смерти. Как рассказал информатор ФБР, кое-кто из «Ангелов ада» поклялся отомстить Джаггеру за то, что он якобы свалил на них всю вину за убийство в Алтамонте, – они сели на плот в удаленном районе южного побережья Лонг-Айленда и под покровом темноты подплыли к дому, который Джаггер арендовал у Энди Уорхола. Плот был нагружен пластиковой взрывчаткой в количестве, достаточном, чтобы «взорвать музыкантов и всех, кто был на вечеринке», как информатор поведал юридическому комитету сената США.

Предполагаемым преступникам почти удалось задуманное. Однако всего за несколько минут до высадки плот начал тонуть, и им пришлось добираться до берега вплавь. Согласно информатору, все вооружение, в том числе огнестрельное оружие и взрывчатые вещества, которые планировалось установить под домом Джаггера, утонуло вместе с плотом.

Представители организации «Ангелы ада» формально отрицали все обвинения и утверждали, что не было даже такого плана, но один разговорчивый информатор, проходивший в документах сената под кодовым именем «Бутч», настаивал на том, что некоторые байкеры не оставляют идеи рассчитаться с певцом. «Если кому-то удастся воплотить ее в жизнь, это будет то еще достижение… Они поклялись отомстить… часто это обсуждали… рано или поздно у них все получится», – говорил он.

Вскоре после этого Джерри и Мик переехали в таун-хаус, расположенный по адресу Сентрал-Парк-Уэст, 135, – буквально за углом от жилого здания «Дакота», в котором находилась трехэтажная квартира Джона Леннона и Йоко Оно. Раньше, когда Леннон проживал со своей любовницей Мэй Пэнг на Восточной Пятьдесят второй улице, оба рок-идола часто проводили время

вместе. «Мик заскакивал к нам в гости, и оба они говорили о том, кто сейчас самый крутой новый гитарист, или просто сидели на полу, ели китайскую еду и смотрели телевизор», – вспоминала Пэнг.

Теперь, когда Джон и Йоко воссоединились, Мик очень редко виделся со своим давним другом. «Вообще Джон мне нравится, даже очень, ты знаешь, – говорил он друзьям после того, как охранники „Дакоты“ в очередной раз не пускали его. – Но он, наверное, сидит на привязи у своей суки жены». И все же он частенько оставлял записки на входе: «Здесь был Мик». В одной из них говорилось: «Я знаю, что тебе не хочется никого видеть, но если захочется, позвони». Позже Джаггер с сожалением говорил: «Он так и не позвонил».

Впрочем, оказываясь на Манхэттене, Джаггер конечно же не сидел, скучая, дома. Предполагалось, что настоящее веселье в «Студии 54» начинается только с приходом Бьянки, но Мик с Джерри неплохо проводили там время и без нее.

На Новый год Мик дал интервью журналу *High Times*, в котором утверждал, что принимал наркотики «очень редко». Но у фотографа Дэвида Макгу, сидевшего на балконе «Студии 54» рядом с Миком и Джерри, сложилось иное впечатление. «Мик и Джерри брали наркотики у каждого, кто к ним подходил. Люди просто хотели похвастаться, что накачали самого Мика Джаггера».

Что действительно возбуждало Мика помимо секса, наркотиков, рок-н-ролла и денег, так это недвижимость. Джаггер также понял, что если Бьянка обвиняет его в том, что он уклоняется от подоходного налога в США, то лучше ему приобрести как можно больше резиденций в самых разных уголках мира, где он будет оставаться не облагаемым налогом «странствующим менестрелем».

К своим домам в Лондоне и Нью-Йорке он добавил шикарные апартаменты на парижском острове Ситэ и великолепное шато Фуршет (что значит «вилка») семнадцатого века в долине Луары, объявленное французским правительством памятником архитектуры. Это имение могло похвастаться своим собственным виноградником, своим гротом, двенадцатью спальнями и частной часовней, где Мик с Джерри спали, пока три года шел ремонт, обошедшийся в 2 миллиона долларов.

Был также относительно скромный коттедж на пляже Лансеку на острове Мустик на Гренадинах. В 1958 году Мустик приобрел английский магнат Колин Теннант (позже ставший лордом Гленконнером), вознамерившийся превратить отдаленный остров в Карибском море в самый изысканный курорт. Там Теннант

возвел уменьшенную версию Тадж-Махала для себя, а своей знакомой принцессе Маргарет выделил участок для ее уютного убежища. Она назвала свой особняк *Les Jolies Eaux*: «Прекрасные воды».

Привыкшая жить на широкую ногу, Маргарет завела роман с ландшафтным дизайнером Родди Ллюэллином на восемнадцать лет моложе ее, чем окончательно расстроила свой брак с лордом Сноудоном. В 1971 году она пригласила сюда Мика и предложила ему построить здесь собственный дом, что он со временем и сделал. Его резиденция носила название «Сноудон» (в честь поместья, которое он приобрел для Марианны Фейтфул), и, помимо основного жилища, там был выстроен ряд японских домиков для гостей, бани с джакузи, отдельный детский участок, чайный домик, павильон и зал для игр, тиковый пол которого часто бывал сплошь усеян тысячами красно-белых капсул из-под «Контака».

Лекарства от кашля конечно же было недостаточно, чтобы в нью-йоркском четырехэтажном ночном клубе «Дансетерия» в июне 1980 года отметить выход нового альбома, *Emotional Rescue* («Эмоциональное спасение»). Как писал Виктор Бокрис, присутствовавший на этом мероприятии, Мик сразу прошел в мужской туалет и, пока его охранник стоял у двери, «вынюхал полграмма кокаина, выкурил большой косяк и пропустил полбутылки виски, после чего на сорок пять минут стал всем известным Миком Джаггером».

Альбом *Emotional Rescue*, в заглавном треке которого Мик старательно пел фальцетом, стал первым хит-альбомом «Роллингов» нового десятилетия, занимавшим первую строку в чартах семь недель. Кит, как всегда, рвался в дорогу, чтобы рекламировать его по всему миру. Но Мик решил ограничить гастрольную деятельность одним туром за три года, чтобы не распылять силы. Он понимал, что его предложение не найдет отклика у Ричардса, и потому выждал паузу и только во время совместного с Джерри отдыха в Марокко послал в нью-йоркский офис *Rolling Stones* телекс с сообщением о том, что тура 1980 года не будет.

Именно в тот период, как вспоминал Кит, между ними «едва не дошло до драки, а то и хуже». Ричард заметил, что Мик «полюбил командовать, тогда как я занимался „творчеством“». Когда на деловых встречах, на репетициях или даже на вечеринках Кит пытался вставить свое слово, Мик часто прерывал его и говорил: «Да заткнись ты, Кит. Не дури».

«Это было чертовски грубо, – вспоминал Ричардс. – Конечно, я знал его так давно, что простил бы все, даже убийство. Но все

равно я думаю об этом. И мне больно».

К этому времени Кит стал замечать перемены в своем старом друге. Джаггер, считавший, что все от него чего-то хотят, замкнулся и охладел к друзьям. «Раньше он был гораздо теплее. Казалось, будто он залез в холодильник», – говорил Кит. В рок-тусовке Мик давно печально славился своим высокомерным отношением к обслуживающему персоналу и к членам коллектива – к тем самым людям, от которых часто зависел успех концерта, тура или звукозаписи. Он никогда не запоминал имена сотрудников и даже не узнавал их в лицо. «Можно было поздороваться с Миком раз десять, и он только один раз отвечал, пробегая мимо, – говорил Олтхэм. – Так он вел себя и с другими «Роллингами»: с Чарли Уоттсом, Биллом Уаймэном, Ронни Вудом. Он даже перестал обращать внимание на Кита». Джаггер настолько привык искать во всем скрытые мотивы, что не доверял даже своему духовному собрату. «Он все больше сужал свой круг доверия, и в какой-то момент я оказался за его пределами», – сказал Кит.

В зале заседаний и на деловых совещаниях такая холодность шла Джаггеру только на пользу. Артур Коллинз, который сменил Эрла МакГрата на посту главы «Роллинг Стоунз Рекордз», поражался чрезвычайно практичному подходу Джаггера к руководству брендом *Rolling Stones*. «У него был глобальный, ориентированный на детали подход», – говорил Коллинз. Когда Джаггер просил привести конкретные цифры, «он предполагал, что эти данные уже лежат у вас под рукой… Нужно было отвечать очень точно, или он просто уходил». Джаггер также требовал, чтобы ему предоставляли данные о конкурентах: сколько пластинок продали Майкл Джексон, Элтон Джон, Брюс Спрингстин и даже Барри Манилоу. «Мик очень прагматичный, заинтересованный в прибылях человек», – описывал его Коллинз.

Но ничто не подготовило ни Мика, ни весь мир к тому, что случилось 8 декабря 1980 года, когда у входа в здание «Дакота» Джона Леннона застрелил его безумный фанат Марк Дэвид Чэпмен. Другу Мика только что исполнилось сорок лет.

Тогда Мик не сделал никаких официальных заявлений, но происшедшее его потрясло. Когда Джаггер услышал ужасную новость, «он побледнел, – вспоминал его водитель. – Глаза у него были красные, его трясло». Джаггер был потрясен и не верил в случившееся еще и потому, что Леннон в отличие от «Роллингов», едва ли старался пробудить в своих поклонниках чувства гнева и ненависти.

Зловещее убийство Леннона повергло Мика в угнетенное состояние на несколько месяцев. И у него были все поводы

опасаться за свою жизнь. Позже выяснилось, что имя Джаггера тоже числилось в списке Марка Дэвида Чэпмена. С помощью Джерри Мик начал подыскивать себе новое жилье в спокойном квартале Верхнего Ист-Сайда, а заодно стал повсюду носить с собой пистолет. Он нисколько не сомневался, что у него достанет духу нажать на курок. «Какой смысл носить оружие, если не собираешься стрелять?» – говорил он об этом как о чем-то само собой разумеющемся.

«Мик один из самых сексуальных мужчин в мире. Он лучший любовник из тех, что у меня были».

Джерри Холл

«Невозможно вечно встречаться с шестнадцатилетними. Они слишком требовательные».

Мик

«Между этими двумя все время то любовь, то ненависть».

Джейн Роуз, давняя знакомая, об отношениях между Миком и Китом

«Я отучила его от наркотиков, но он заменил их сексом».

Джерри Холл

Глава седьмая
Четыре тысячи женщин мика

«Вы уверены, что хотите этого?» – переспросил Мика актер Джейсон Робардс. Оба уже провели несколько месяцев на берегу Амазонки на съемках фильма «Фицкарральдо» – немецкий режиссер Вернер Херцог экранизировал невероятную, но основанную на реальных событиях историю о том, как один человек собирался построить оперный театр в перуанской сельве. Устав от напряжения и, по всей видимости, немного не в себе, Мик собирался пройти через древний индейский ритуал по увеличению пениса.

«Для этого на детородный орган надевали стебель бамбука и запускали внутрь пчел, – говорил директор фильма Жюльен Тампль, друг Джексона, который позже снял в Мексике клип на песню «Роллингов» *Undercover of the Night* («Под покровом ночи»). Как вспоминал Тампль, Мик сказал ему, что действительно пытался попробовать болезненную процедуру. «Мик несколько месяцев жил в перуанских джунглях. Наверное, он там с ума сходил», – пришел к выводу Тампль.

Сам Мик признавал, что в какой-то момент «простыл, промок, устал, перепугался и был сыт по горло» невыносимыми условиями на съемочной площадке. Робардс заболел дизентерией и был вынужден уехать. Вскоре за ним последовал и Мик. Хотя потом фильм пересняли с Клаусом Кински в главной роли, Херцог был убежден, что только Джаггер мог справиться со второплановой ролью полоумного актера.

Нисколько не смутившись ужасными условиями на съемке «Фицкарральдо», Мик продолжал подыскивать себе роли в кино – но, как и во всем, чем занимался, только на своих собственных условиях. Он отклонил предложение на 2 миллиона долларов сыграть роль Рустера в фильме по мотивам мюзикла «Энни» (его сыграл Тим Карр, прославившийся по «Шоу ужасов Рокки Хоррора») и отправился на кастинг на роль Моцарта в «Амадее». Но роль досталась молодому малоизвестному актеру Тому Холсу.

Что же касается той роли, для которой он словно был создан, – роли рок-идола, – то Мик вовсе не намеревался уступать молодым. Шесть недель он пропадал в тренировочном спортивном лагере в Беркширских горах в Массачусетсе. Там он в поте лица, «словно проклятый пес», готовился к запланированному на осень 1981 года десятинедельному туру по двадцати восьми городам. Об этом времени он вспоминал как о

«ежедневных многочасовых пытках… ведь с возрастом заниматься становится все сложнее». Зато ближе к гастролям Мик мог похвастаться талией охватом в шестьдесят девять сантиметров и весом в пятьдесят семь килограммов.

Но не только физическая форма беспокоила Мика. Другие «Роллинги», как обычно, особенно не напрягались и сидели в сторонке, пока их руководитель лично следил буквально за всем, от финансов и рекламы до костюмов и заказа номеров в отелях. «Никто больше и пальцем не пошевелит», – жаловался Джаггер.

Больше всего надежд Мик возлагал на энергичную композицию *Start Me Up* («Заведи меня») – переделку мелодии в стиле рэгги, которую они превратили в довольно агрессивный рок-гимн, снова привлекший внимание публики к *Rolling Stones*. Запись была выпущена в августе 1981 года и тут же стала классикой, задав общий настрой для нового альбома *Tattoo You* и их самого удачного тура за все время.

Что касается командного настроя, то не обошлось без ссоры между Джаггером и Ричардсом. Когда ведущий гитарист узнал, что 1,2 миллиона долларов группы было потрачено на сценические эффекты и приспособления – в том числе на подъемный кран, который должен был поднимать Джаггера над сценой, чтобы он разбрасывал цветы, Ричардс пришел в ярость и обвинил Мика в том, что тот превращает тур в «гребаный балаган». Тем не менее это шоу увидели более двух миллионов человек, и в итоге оно собрало более 50 миллионов долларов, став самым прибыльным концертным туром в истории современной поп-музыки.

Но не было недостатка и в опасных моментах. В Нью-Орлеане у зрителей конфисковали тридцать пистолетов. В Сиэтле задержали женщину с револьвером всего в нескольких шагах от Мика. В последнем пункте гастролей, в Хэмптон-Роудз, в Вирджинии, во время съемок документального фильма для канала HBO один фанат вскочил на сцену и пошел прямо на Мика. Кит отреагировал мгновенно – снял гитару и огрел по голове незваного гостя.

Иногда Ричардсу хотелось проделать то же самое и с самим Миком. На самом деле пропасть между ними никогда еще не была так широка, как в тот момент, когда в честь двадцатилетия своей дружбы они выпустили сингл *Waiting on a Friend* («Ожидаю друга»). Кит отнесся к исполнению этой песни серьезно, тогда как Мик переигрывал, кривлялся на сцене и размахивал висевшей у него на руке сумочкой, чем очень сердил Кита. В отместку Кит выдавал бесконечные гитарные соло, и за кулисами уже выходил из себя Мик.

Подобные чувства хорошо были знакомы и Джерри Холл, которая бодрилась на публике, делая вид, что все в порядке, пока Мик развлекался с подростками. Джаггер посещал манхэттенские клубы «Зенон» и «Реджинс» с восемнадцатилетней «девушкой десятилетия» Корнелией Гест, дочерью светских тусовщиков Уинстона и Сизи Гест. Дэвид Макгу вспоминал, как Мик набросился с криками на фотографов, когда его застали с этой симпатичной блондинкой в холле отеля «Карлайл» в пять часов утра. (Позже одна подружка Гест рылась в ее гардеробе в поисках подходящей одежды и увидела жакет с блестками. «Какой потрясающий!» – воскликнула подруга. «И неудивительно, – отозвалась Гест. – Это же вещь Мика».)

Так же Мик кипятился, когда папарацци сняли, как он в четыре утра на танцполе «Студии 54» обнимается с еще одной восемнадцатилетней девушкой, Гвинн Риверс. Мик был знаком с ее отцом, известным художником Ларри Риверсом, еще с тех пор, когда Гвинн ходила в подгузниках. Негодование Мика вполне понятно – фотографы мешали ему ухаживать за молоденькими красавицами. Однажды Макгу ждал в аэропорту имени Кеннеди прибытия Пола Маккартни и увидел, как из самолета выходит явно пьяный Джаггер и направляется к своему лимузину. Макгу и его коллега, Рон Галелла, постарались уверить Мика, что они приехали сюда фотографировать Маккартни и что вовсе не собирались ему мешать, но Мик все равно заорал на них: «Какой на хрен Маккартни?! Кому он нужен, мудила сраный?!» Он набросился на фотографов, разбил фотоаппарат Галеллы и нетвердой походкой пошел к своей машине.

Наконец, устав от навязчивого волокитства Джаггера, Холл отомстила ему, появившись на публике с женатым сорокашестилетним коннозаводчиком Робертом Сэнгстером. «Куда мне податься после Мика? А Роберт может купить десяток таких, как он», – объясняла Джерри. И в финансовом отношении она была права. Роберту Сэнгстеру принадлежали три сотни породистых лошадей в Англии, Ирландии и Австралии, а общее его состояние оценивалось в 400 миллионов долларов. Мик с его 40 миллионами смотрелся просто жалко.

Мик был обижен и оскорблен. Он позвонил Джерри и, как вспоминал Сэнгстер, «расплакался, словно ребенок». Джерри согласилась вернуться к нему, но только с одним условием: они с Миком должны стать настоящей семьей.

Мику пришлось согласиться, однако не прошло и двух месяцев, как он снова пустился во все тяжкие. В Нью-Йорке он посетил концерт Тины Тёрнер в отеле «Риц», где у него был зарезервирован VIP-столик. Фотограф Дэвид Макгу вспоминал,

что в тот раз Джаггер сидел с потрясающей азиаткой. Он просто сидел, в темных очках, а она опустила ему руку между ног. Все в зале пялились на них».

Решение Мика завести детей от Джерри имело одно непредвиденное последствие: он стал проявлять интерес к своей дочери Карис и позвонил ей на ее двенадцатый день рождения. Как сказала Марша Хант, это значило, что он захотел быть частью жизни Карис.

В 1983 году, всего лишь через несколько недель после шумного и широко освещенного в прессе празднования сорокалетия Джаггера (этому культурному событию посвятили обширные статьи газеты *New York Times, Washington Post*, лондонская *Times* и даже *Wall Street Journal)*, Джерри сказала Мику, что беременна. Когда-то она носила ребенка от Брайана Ферри, но сделала аборт и в результате повредила себе матку. На этот раз зачать удалось лишь через полгода консультаций со специалистами по лечению бесплодия в Манхэттене, Париже и Лондоне. Узнав счастливую новость, Джерри позвонила одному знакомому Мика в Париже и спросила, сможет ли он помочь ей с новым гардеробом. Этим знакомым был Ив Сен-Лоран, который специально для Джерри выпустил целую коллекцию одежды для беременных.

Журналистам Мик охотно сообщал, что хочет еще двоих детей от Джерри, хотя, когда речь заходила об официальном браке, его воодушевление спадало. «У меня от этого клаустрофобия начинается», – сказал он, добавив, что считает этот социальный институт «законным надувательством». В частных беседах он утверждал, что не против брака, правда, только если Холл подпишет брачный контракт с отказом от имущественных претензий. Но в отличие от Бьянки Джерри не спешила отказываться от своих супружеских прав.

Что касается других контрактов, то в то время как раз подходило к концу сотрудничество с «Атлантик Рекордз» Ахмета Эртегюна, и Мик все больше склонялся к тому, чтобы подписать договор с энергичным дельцом по имени Уолтер Йерникофф, президентом «Коламбия Рекордз» (позже ее приобрела «Сони»). Йерникофф создал себе имя тем, что способствовал карьере Брюса Спрингстина и, что более важно, выпустил эпохальный альбом Майкла Джексона *The Thriller* (1982).

Последние альбомы «Роллингов» тоже были хитами с общемировой известностью, но ни один из них и близко не подошел к «Триллеру» с его семью суперхитами и сорока миллионами проданных копий. Он бесспорно лидировал и по праву целых тридцать семь недель занимал высшее место на

музыкальном Олимпе.

Джаггер с уважением относился к творчеству Джексона. Но он также прекрасно понимал, что в другой звукозаписывающей компании «Триллер» никогда бы не достиг такого колоссального успеха. Поэтому Джаггер решил договориться с Йерникофф, посчитав, что тот просто не сможет устоять против такой звезды, как он. И в самом деле, прошло уже более двадцати лет с тех пор, как они с Китом встретились на железнодорожной платформе Дартфорда, а Мик по-прежнему пробуждал страх, любовь, гнев, ненависть и обожание в сердцах своих слушателей – причем не только у своих ровесников, но и у молодого поколения. Мик умел шокировать и восхищать.

Но при этом он прекрасно разбирался и в финансовых вопросах, в чем мог дать фору практически любому бизнесмену от индустрии развлечений. Это вскоре подтвердилось во время встречи «Роллингов» с руководством компании «Коламбия Рекордз» в парижском отеле «Риц». Не сойдясь с Йерникофф в вопросе того, должны ли *Rolling Stones* оставлять за собой право выпускать треки с альбомов в виде синглов, Мик вскочил с кресла: «Гребаные управленцы, что вы вообще понимаете?!» Йерникофф закричал в ответ: «Да пошел ты!» Любопытно, что Кит спокойно сидел и молча смотрел на происходящее.

В три часа утра Мик и Йерникофф подписали самый дорогой контракт в истории звукозаписывающей индустрии: группа *Rolling Stones* получала 28 миллионов долларов, а Мик – право выпустить два сольных альбома, о чем еще не знали его товарищи. Когда Кит узнал о дополнительных условиях Мика, то не поскупился на резкие слова в адрес своего друга: «Я просто был готов схватить его за горло… Да мне насрать, кто ты… Наживаться самому за счет *Rolling Stones*… Все ощущали себя преданными. Куда делась дружба?»

Мик называл все эти обвинения «мелочной критикой» и постарался, чтобы на обложке его первого сольного альбома красовались такие громкие имена, как Херби Хэнкок, Пит Таунсенд и Джефф Бек. В общей сложности альбом *She's the Boss* («Она – босс») записывался полгода в разных студиях – на Ямайке, в Нью-Йорке и в Лондоне.

Работа отошла на задний план, после того как 2 марта 1984 года в нью-йоркской больнице Ленокс-Хилл родилась Элизабет Скарлетт Джаггер весом в четыре килограмма и сто граммов. Джерри с гордостью сообщала, что у ее малышки «самые миленькие губки, прямо как у ее папочки».

К тому времени чета Джаггер переехала в новые пятикомнатные апартаменты на Западной Восемьдесят первой

улице, где синими буквами на белом мраморном полу было выведено имя «Мик», а одну из стен целиком занимал флаг Великобритании. Мик с самого начала дал понять, что вовсе не намерен менять подгузники. И приносить малышку для кормления в их супружескую кровать посреди ночи он тоже не позволял. Он утверждал, что запах молока жены вызывает у него тошноту.

Когда в середине апреля он поделился этими переживаниями с Майклом Джексоном в его номере в отеле «Хелмсли-Пэлас», тот был немало смущен, но все равно мечтал о сотрудничестве. Джексон уже записал два дуэта вместе с ровесником Мика Полом Маккартни – хиты *Say Say Say* («Скажи, скажи, скажи») и *The Girl Is Mine* («Эта девушка моя») – и надеялся, что Джаггер придаст особый шик его новой песне под названием *State of Shock* («Состояние шока»).

Поначалу Мик никак не соглашался. «У тебя есть братья, я тебе не нужен», – говорил он Джексону. Но Майкл продолжал настаивать, и наконец они записали песню – когда 5 июня вышла *State of Shock*, то сразу заняла третью строчку в чартах. Мику, по всей видимости, льстил такой успех – это развеяло его сомнения в том, что он мог бы в случае чего продолжить карьеру без «Роллингов». Но что касается сотрудничества с Джексоном, то обе звезды остались недовольны друг другом. Джексон упрекал Мика в том, что тот не попадает в ноты («Как он вообще стал звездой?»), а Мик называл талант Майкла «поверхностным, как пивная пена».

Убедившись в том, что он прекрасно справляется и без «Роллингов», Мик повел себя еще более высокомерно во время октябрьского совещания группы в Амстердаме. Проведя ночь в городе вместе с Китом, он позвонил в номер Чарли Уоттса и спросил: «Это мой барабанщик? Давай, тащи сюда свою задницу!». Как всегда, щеголеватый Уоттс облачился в двубортный пиджак из ателье на Сэвил-Роу, тщательно завязал галстук от Харди Эмиса, надел туфли ручной работы фирмы Джона Лобба из Сент-Джеймса, а затем зашел в номер Джаггера и ударил того по лицу.

«Чарли просто с катушек слетел, – говорил Кит. – Дал хук слева, да так, что Мик упал в тарелку с копченым лососем. Едва не вылетел из окна в канал».

«Никогда больше не называй меня „мой барабанщик“! – кипел от злости Уоттс. – Это ты – „мой певец“, мать твою!»

Киту самому частенько хотелось двинуть Мику как следует, только он никогда не позволял себе этого. «В том, чтобы ударить слизняка, никакого удовольствия нет», – объяснял он. По большей

части он довольствовался насмешками над Миком. Однажды, увидев книгу, которую написала некая Бренда Джаггер, Кит часто доводил Мика до бешенства, называя его Брендой.

Но, конечно, случалось и так, что дело доходило до рукоприкладства. Когда группа в Париже записывала свой новый альбом *Dirty Work* («Грязная работа»), было очевидно, что Мик, которого тогда больше волновала сольная карьера, делает все спустя рукава, формально. В какой-то момент Кит схватил Мика да горло и завопил: «Я убью тебя! Когда-нибудь я точно прикончу тебя!»

Джаггер воспринял эту вспышку гнева хладнокровно. «А, это всего лишь Кит, – объяснил он ошеломленному сотруднику звукозаписывающей компании, который оказался свидетелем инцидента. – Он всегда кипятится как бешеный, но на самом деле и мухи не обидит».

То же самое можно было сказать и о Мике, хотя ухажерам своих дочерей он старался этого не показывать. «Когда Джейд подрастет, я велю ей держаться подальше от парней вроде меня», – сказал он однажды. Теперь, когда Карис исполнилось пятнадцать, а Джейд четырнадцать, он находил особое удовольствие в том, чтобы изводить их кавалеров. «Мне кажется, лучше поощрять тех, кто представляет собой что-то, и отваживать полных болванов», – говорил человек, некогда считавшийся кошмаром каждого родителя. Джейд, уставшая от того, что ее отец постоянно отпускает какие-то публичные замечания в ее адрес, поклялась отомстить, сделав Мика и Бьянку дедушкой и бабушкой.

Альбом *She's the Boss*, выпущенный в марте 1985 года, тут же стал платиновым. На волне успеха была выпущена отдельным синглом песня *Just Another Night* («Просто еще одна ночь»), ставшая хитом. В полуторачасовом видеофильме под названием «Закончилась удача», снятом Жюльеном Тамплем для рекламы альбома, Мик играет распущенную и порочную рок-звезду (кого же еще?), на которого нападают три трансвестита. По ходу дела переодевается и он сам: парик, каблуки, огненное красное платье. Этот фильм не показывали в кинотеатрах, и распространялся он исключительно на видеокассетах – к вящему облегчению напарницы Мика, актрисы Рэй Дон Чонг. «Я не против любовных сцен, если только они сняты со вкусом. А в этом видео они безвкусны», – говорила она о некоторых особо пикантных эпизодах с Джаггером.

11 июля 1985 года Мик заткнул рот критикам своим энергичным двадцатипятиминутным выступлением на эпохальном фестивале «Живая помощь» *(Live Aid)*. Это

мероприятие было организовано Бобом Гелдофом, ведущим вокалистом ирландской группы *Boomtown Rats*, и проходило на стадионе имени Джона Кеннеди в Филадельфии, на котором собралось 90 тысяч человек. Прямую трансляцию его посмотрело около 1,6 миллиарда человек по всему миру. Вместе с Дэрилом Холлом, Джоном Оутсом и музыкантами своих групп на заднем плане Мик и Тина Тёрнер спели *State of Shock*, а после хором исполнили *It's Only Rock'n'Roll* («Это только рок-н-ролл»). Этот оживленный дуэт – в какой-то момент Мик сорвал кожаную юбку Тины, открыв публике корсет и черные чулки, – резко контрастировал с другим номером Джаггера – немного нелепым и даже безвкусным видеоклипом на песню *Dancing in the Street* («Танцуя на улице»), который он снял вместе с Дэвидом Боуи.

Тем не менее мировая премьера клипа прошла успешно, и на этой волне Джаггер с Боуи снова стали самыми популярными исполнителями в клубах Нью-Йорка и Лондона. После хлопотного развода с Энджи Боуи отошел от глэм-рокового образа и даже зарекомендовал себя как серьезный актер (снявшись в фильме «Человек, который упал на землю» и сыграв роль в бродвейской пьесе «Человек-слон»). Джаггер и Боуи, которые теперь настаивали, что никогда не были настоящими бисексуалами, даже подумывали о том, чтобы сняться в ремейке фильма «Некоторые любят погорячее», а ведь в таком случае им пришлось бы почти все время ходить в женских платьях.

Каким бы двусмысленным ни выглядел союз Джаггер– Боуи, Джерри Холл вовсе не беспокоилась на этот счет. Напротив, Боуи забирал у Мика время, которое тот иначе проводил бы в компании подружек других рок-звезд или с юными фанатками. Джерри сейчас думала только об одном – как бы стать «миссис Джаггер». Уже несколько лет, отправляясь в поездки, она всегда брала с собой пластиковое кольцо и свадебный букетик – на всякий случай. Теперь она даже была готова подписать отказ от всех претензий, если уж на то пошло.

Впрочем, оказалось, что этого недостаточно. «Моногамия не для меня», – повторял Мик, пожимая плечами. Холл оставалось только ждать и надеяться. «Не то чтобы я недовольна нынешним положением, – говорила она. – Просто я бы предпочла быть замужем».

Вскоре она смогла предъявить еще один аргумент в пользу брака: 28 августа 1985 года на свет появился Джеймс Лерой Августин Джаггер весом в три килограмма и двести граммов. Во время схваток Джерри Мик долго держал ее за руку, но в самый ответственный момент предпочел отвернуться к стене. «Я люблю своих дочерей, но рождение первого сына – это нечто

особенное», – сказал гордый отец.

Несколько месяцев спустя ему вновь предстояло пережить волнение дебютанта. За все прошедшие годы *Rolling Stones* ни разу не получали «Грэмми» – до тех пор, пока в начале 1986 года их старый приятель Эрик Клэптон не объявил группу на церемонии присуждения Премии за пожизненные достижения. Поначалу Джаггер беспокоился, что эта премия выставит их своего рода реликтами каменного века, но после оказалось, что это прекрасный повод показать телеаудитории новый клип – на песню *Harlem Shuffl e* («Суматоха в Гарлеме»). Ремейк песни, записанной «Бобом и Эрлом» в 1964 году, стал хитом, как и весь альбом «Грязная работа», в который он входил.

На волне успеха Ричардсу и другим «Роллингам» не терпелось отправиться в тур, пока не спал ажиотаж. Обращая внимание на тот факт, что это их первый альбом после подписания контракта с «Коламбия Рекордз», Кит говорил, что «нужно быть идиотами, чтобы не использовать такой момент».

Мик же утверждал, что его коллеги находятся не в той физической форме, чтобы отправляться на гастроли: «Они бы и Елисейские Поля не смогли пересечь, не то что разъезжать по разным городам». Но на тот случай, если Джаггер подумывает о сольном туре, Кит ясно дал понять, что не потерпит ничего подобного. «Если Мик поедет без нашей группы, то я перережу ему глотку», – сказал он журналисту.

Никакого тура Мику особенно и не требовалось, ведь и так казалось, что он повсюду – как правило, в компании Боуи. Они выступали с песней *Dancing in the Street* перед принцессой Дианой и принцем Чарльзом на концерте Фонда принца на лондонской Арене Уэмбли; устроили ажиотаж на разогреве перед выступлением Принца в Мэдисон-сквер-гарден и болтали с Мадонной после ее концерта в Уэмбли. (Скорее всего она не стала напоминать Мику, что когда-то встречалась с ним в «Плазе», тем более что послей той встречи отозвалась о нем как о «капельке таланта посреди целого моря амбиций».)

Знаменитые друзья Мика заставляли его поверить в то, что он прекрасно обойдется и без «Роллингов». Вечеринку по поводу сорок третьего дня рождения Мика, проходившую в Лондоне, посетили лишь несколько именитых гостей: Стинг, Тина Тёрнер, Эрик Клэптон, актриса Фэй Данауэй, Майкл Кейн и конечно же Дэвид Боуи.

«Мне уже не девятнадцать лет, и *Rolling Stones* – не единственный мой интерес в жизни», – говорил Мик, когда его спрашивали о том, как он относится к группе. В январе 1987 года Джаггер отвез Джерри с детьми наслаждаться морем на Барбадос,

а сам проводил все время на местной студии звукозаписи «Блю Уэйв Рекординг», работая над своим следующим сольным альбомом *Primitive Cool* («Примитивно крут»). В двух треках, *Shoot Off Your Mouth* («Отстрели себе рот») и *Kow Tow*, он высмеивал Кита, отношения с которым стали весьма напряженными.

И снова работу прервал очередной скандал с наркотиками – на этот раз в центре внимания оказалась Джерри, которую арестовали по ложному обвинению в попытке провоза на Барбадос марихуаны на сумму в 60 тысяч долларов. Обвинение в итоге сняли, но только после того, как Джерри обрушилась с упреками в адрес местных властей, которые хотели подставить ее, потому что она была «американка, женщина известная и богатая».

Несмотря на благосклонные отзывы критиков («Пока угли «Роллингов» тихо тлеют вдали, огонь Мика Джаггера разгорается с новой силой», – заявляла газета «Ю-Эс-Эй Тудей»), в альбомном чарте *Primitive Cool* занял скромное сорок первое место. Для Мика это стало разочарованием, но не настолько большим, чтобы возвращаться с побитым видом к Киту с товарищами. Напротив, он только укрепился в мысли, что его сольной карьере вредят неизбежные ассоциации с другими «Роллингами». «Я не могу выходить с ними на сцену. К чему мне эта кучка старых пердунов?» – грубо заявлял Мик, намекая на то, что дни *Rolling Stones* вполне могут быть сочтены.

В каком-то смысле он был прав. Несмотря на то что на его лице появлялись новые морщины, он старательно поддерживал себя в спортивной форме и, по сути, оставался единственным «Роллингом», который не поседел, не обрюзг и не ссутулился.

Неукротимая энергия Мика производила впечатление даже на самого молодого Джаггера. Однажды, когда годовалый Джимми Джаггер смотрел по телевизору фильм о Тарзане, он увидел, как на экране скачет, кричит и строит рожи обезьяна Чита. «Папа! Папа!» – завопил маленький Джимми, тыча в экран.

Альбом *Primitive Cool* для Мика был не единственным разочарованием того периода. В последующие месяцы случалось много нестыковок, и особенно удручала отмена запланированного сольного тура в США из-за вялой продажи билетов. В апреле 1988 года Мик компенсировал это первым своим туром по Японии – а ведь в эту страну «Роллингов» не пускали почти уже четверть века из-за обвинений, связанных с наркотиками.

170 тысяч фанатов, пришедших посмотреть на восемь сольных номеров, не остались разочарованными. Мик понимал, что нужно чем-то восполнить отсутствие других музыкантов, поэтому выпустил на сцену сорок танцовщиц и распевал

Satisfaction на фоне занавеса с извергающимися вулканами. Всего за тур он заработал 8 миллионов долларов. Следующий сольный тур по Австралии принес ему 20 миллионов.

Пока Мик собирал толпы в Сиднее и Мельбурне, Ричардс выпустил свой сольный альбом *Talk Is Cheap* («Дешевый треп»), оцененный критиками по достоинству. Тема вражды «мерцающих близнецов» затрагивалась в песне *You Don't Move Me* («Ты меня не трогаешь»), но откровенной тирадой против «жадного задрипанного» Мика стала заглавная композиция *Talk Is Cheap*. Задетый таким выпадом Кита, Джаггер написал песню *Mixed Emotions* («Смешанные эмоции»), включенную в следующий альбом «Роллингов» и вошедшую в пятерку самых популярных песен.

Вслед за Миком и его дочь Джейд решила, что в ее жизни настало время коренных перемен. Весной она заявила, что хочет бросить школу и подписать контракт на миллион долларов с модельным агентством. Мик с Бьянкой постарались ее урезонить, но она добилась-таки исключения из школы. Ее выгнали из пансиона за то, что она выбралась из окна спальни в два часа ночи, чтобы встретиться со своим двадцатиоднолетним ухажером. «Папа меня просто убьет!» – сказала Джейд руководству школы.

Убивать, конечно, ее не стали, но доставили в семейное шато на Луаре и следили за каждым шагом, пока наконец не отпустили изучать историю во Флоренцию. На борту самолета она познакомилась с молодым студентом-художником Пирсом Джексоном и тут же – к вящему сожалению отца – влюбилась.

На личном фронте Мика волновали и другие проблемы. Едва они с Джерри отметили десятую годовщину совместной жизни, как она стала с удвоенной силой уговаривать Мика заключить официальный брак. В конце концов, была пройдена важная веха, и потому она снова пошла на решительный шаг, вспомнив о том, как отреагировал Мик на ее интригу с Робертом Сэнгстером. Джерри подписала контракт на миллион долларов на рекламу собственной серии купальных костюмов, напоминая о своей финансовой независимости, и стала встречаться с кое-какими довольно известными английскими аристократами.

Мик делал вид, что это его не волнует. Когда Джерри предложили небольшую роль в блокбастере «Бэтмен» (любовницы сумасшедшего гангстера Джокера в исполнении Джека Николсона), он посоветовал ей согласиться. Остается только гадать, находил ли Мик тайное удовольствие в том, как злодей Джокер уродовал кислотой лицо Джерри.

Иногда Мик демонстрировал свое отношение и в открытую. Когда Джерри впервые выступила на сцене в «Автобусной

остановке» Уильяма Инджа, Мик был среди гостей, пришедших на премьеру в театр Монклера в Нью-Джерси. По совпадению, это был его сорок пятый день рождения. Заскучав, Мик повернулся к своей пассии Лиз Дерринджер и поинтересовался, нет ли у нее травки. Та ответила, что нет. «А кокаина?» Кокаина тоже не оказалось. «Ну тогда, может, хоть отсосешь?»

И это был, как выразилась Дерринджер, «винтажный Мик». Позже на банкете кто-то спросил пару, не собираются ли они пожениться. «А, опять это слово на букву Ж! – проворчала Холл. – Я уже устала! Когда же вы наконец уйметесь!» Мик же просто покачал головой и улыбнулся.

В этот критический период под угрозой были и его отношения с другим некогда близким человеком. Когда было объявлено о том, что *Rolling Stones* собираются ввести в недавно основанный Зал славы рок-н-ролла 18 января 1989 года, вновь возникли слухи о том, что отношения между Джаггером и Ричардсом зашли в тупик. Если это правда, то где, как не на церемонии Зала славы, объявить о распаде группы? «Понятно, что никто из нас этого не хотел», – уверял Мик.

В последней отчаянной попытке уладить разногласия Джаггер и Ричардс договорились провести совещание на Барбадосе. Не успели оба обменяться первыми любезностями, как тут же набросились друг на друга с криками и оскорблениями. Но под конец дня Ричардс сказал: «Совсем как в старые добрые времена». Разделив косяк и большую бутылку «Джек Дэниэлс», «мерцающие близнецы» со смехом принялись вспоминать гадости, которыми осыпали друг друга в песнях и в прессе. Особенно Мику понравился следующий диалог.

Журналист Киту: «Когда вы перестанете поливать друг друга дерьмом?»

Кит журналисту: «Спросите само дерьмо».

После церемонии «вступления» в Зал славы на Барбадос съехались все «Роллинги». Им потребовалось всего десять недель, чтобы от начала до конца записать и свести свой первый за три года совместный альбом *Steel Wheels* («Стальные колеса»). «Все проходило довольно гладко, – признавался Мик. – Не сказал бы, что легко – легко не было никогда, – но как бы более-менее стабильно».

Труднее оказалось организовать очередное мировое турне, состоявшее из 115 концертов, которые они собирались дать за тринадцать месяцев. В июле 1989 года «Роллинги» устроились в Уайкенхем-Райз, в бывшей престижной школе для девочек, расположенной в деревушке Вашингтон, в штате Коннектикут, и принялись репетировать. Местные жители вскоре привыкли к

тому, что Мик бегает трусцой по сельским дорогам – это было его новое спортивное увлечение с целью поддерживать себя в хорошей форме, – а Кит заходит в местную лавку, чтобы купить сигарет.

Когда на Центральный вокзал Нью-Йорка прибыл старинный открытый вагон с «Роллингами», их уже встречало более трех сотен журналистов, освещавших начало нового мирового турне. «Как там с затянувшейся враждой между Джаггером и Ричардсом?» – задавали они вопрос. «Мы покончили с этим мазохизмом», – отвечал Кит. Сигнал к окончанию пресс-конференции подал Мик. «Еще один вопрос – и хватит, а то у меня уже тушь потекла».

Фанаты такого еще не видели. Промоутер из Торонто, Майкл Кол пообещал «Роллингам» неслыханные 70 миллионов долларов – примерно 50 миллионов за проданные билеты и 20 миллионов за рекламу. На этот раз поклонникам предлагали не только футболки и мелкие сувениры. И в больших универмагах, и в бутиках, и даже в концертном зале продавались свитеры, скейтборды, куртки-бомберы за 450 долларов и кроссовки *Converse* – все с логотипами *Steel Wheels* или самих *Rolling Stones*.

Мик сам своим хозяйским взглядом проверял каждую деталь. Конечно, он хотел удостовериться, что фанаты потратили свои деньги не зря и что шоу будет поистине грандиозным. Для управления декорациями «промышленного холокоста» высотой в 30 метров наняли четыреста рабочих, а для лазеров, стробоскопов и фейерверков установили четыре генератора мощностью в 2,4 миллиона ватт, не говоря уже об «огненной стене» длиной около 90 метров. Изображение расхаживающего по сцене, скачущего, бегающего с одного конца сцены на другой и увлеченно поющего Джаггера передавалось на огромные экраны. Мик обливался потом, но довольно улыбался от уха до уха.

И у него были на то причины. *Steel Wheels* обернулись невероятным коммерческим успехом. Только тур по США принес «Роллингам» и Мику 140 миллионов долларов – вдвое больше запланированного, а альбом получил дважды платиновый статус. Мик с Китом с довольным видом позировали для обложки журнала «Форбс», на которой был напечатан вопрос: «Куда они потратят столько денег?»

Впечатлены были и приверженцы классического рока, в том числе читатели журнала *Rolling Stone*. По результатам опросов члены *Rolling Stones* с большим отрывом от остальных были признаны музыкантами года, сама группа – группой года, а альбом *Steel Wheels* – альбомом года. Телетрансляцию с последнего концерта в Атлантик-Сити, Нью-Джерси, посмотрели в

13,5 миллиона домов – крупнейший в истории показатель для платных каналов. «„Роллинги" возвращаются, все в порядке, – писал Джей Кокс в главной статье газеты *Times* о возрождении группы. – Только посмотрите на этих парней! Гиганты. Титаны. Настоящие мужики… и до сих пор умеют задать жару!»

Особенно хорошо знала об этом Джерри, которая на протяжении всего тура буквально не спускала с Мика глаз. Но даже когда она за кулисами стояла в нескольких шагах с маленькими Элизабет Скарлет и Джеймсом, Джаггер не мог не поддаваться искушению и не заигрывать с восемнадцатилетней дочерью Эрика Клэптона. «Как только Эрик отворачивался, Мик начинал откровенно флиртовать с девушкой. На Джерри он просто не обращал внимания, и всем ее было жалко», – вспоминал один из работников.

Переименовав тур *Steel Wheels* в *Urban Jungle* («Городские джунгли»), «Роллинги», раз уж им теперь позволяли туда поехать, отправились в Японию. Целых две недели они выступали в токийском спортивном комплексе «Коракуэн» и заработали 30 миллионов долларов. После этого они посетили тридцать семь европейских городов.

К концу тура Мик уже почти два года виделся с Холл от случая к случаю. Когда в честь двадцатилетия их знакомства он соорудил на техасском ранчо Джерри бассейн в форме сердца стоимостью в 100 тысяч долларов, она даже не знала, как реагировать. «Наверное, он сделал что-то особенное», – неуверенно говорила она.

Но о предложении руки и сердца речи, разумеется, не шло. Однако когда Джерри снова стала угрожать уйти от него, он отнесся к угрозам серьезно. Первым делом он приказал своим юристам составить чрезвычайно строгий брачный контракт, а потом полетел с Джерри и детьми на шесть недель в круиз по Индии, Непалу, Бутану, Таиланду и Индонезии.

Примерно в шесть часов вечера 21 ноября 1990 года Мик и Джерри обвенчались в доме их знакомого, на вершине холма, расположенном на экзотическом острове Бали в Индонезии. Церемонию совершал индуистский священник, читавший молитвы на санскрите и сделавший отметки шафраном у них на лбу. Позже говорили, что когда Джерри переодевалась перед тем, как лечь в постель, Мик приставал к жене хозяина дома. «Он просто набросился на меня, – вспоминала она в разговоре с другом. – Мик пытался заняться любовью со мной прямо в свою первую брачную ночь!»

В тропическом поместье «Старгроувз» на Мустике Мик ясно дал понять своей новой жене, что ничего между ними не

изменилось. Дни семья проводила вместе, гуляя вдоль прибоя или устраивая пикники с местными жителями на пляже. Но вечерами Мик часто захаживал в ночные заведения вроде местного «Бэзилс Бар» и вовсе не скрывал своего интереса к другим женщинам. Всего лишь через несколько недель Джерри с гостями наблюдали за тем, как Мик извивается в довольно страстном танце с местными красотками. «Джаггер откровенно флиртует, и это озадачивает. Но Джерри, очевидно, смирилась с этим», – говорила писательница Стефани Мэнсфилд.

Смирилась Джерри и с визитом Дэвида Боуи в паре с его новой супругой, африканкой по рождению, моделью Иман, к которой он, по всей видимости, испытывал самые нежные чувства. Не обращая внимания на слухи, до сих пор ходившие по поводу странной дружбы Мика с бывшим «Зигги Стардастом», она теперь считала, что Боуи оказывает положительное влияние на ее мужа. «Может, Мик посмотрит, как счастливы эти двое, и перестанет валять дурака», – призналась она одной из соседок по Мустику.

Ее мечтам не суждено было сбыться. Но на какое-то время Мик отогнал мысли о девушках на задний план, когда решил возобновить свою карьеру в кинематографе. Джаггер с Боуи попробовали изобразить из себя новых Бинга Кросби и Боба Хоупа, приняв участие в прослушивании для фильмов «Отпетые мошенники» (в итоге роли достались Стиву Мартину и Майклу Кейну) и «Иштар» (Дастин Хоффман и Уоррен Битти). В конце концов Мик получил небольшую роль в фантастическом фильме «Корпорация „Бессмертие“», действие которого происходит в недалеком будущем (в 2009 году). После выхода на экраны фильм не пользовался успехом, вернул только половину из потраченных на него 30 миллионов долларов, и его провал был сравним с провалом «Неда Келли».

Любопытно, что хотя актерская карьера Мика не заладилась, он вместе с «Роллингами» все же попал на большие экраны – причем на очень большие. Документальный фильм о мировом турне *Steel Wheels / Urban Jungle* («Стальные колеса / Городские джунгли»), совмещавший съемки с концертов в Берлине, Турине и Лондоне, был снят по широкоформатной технологии *IMAX* и после выхода в 1992 году заслужил восторженные отзывы критиков и зрителей.

После этого казалось совершенно естественным, что свой новый контракт на три альбома с компанией «Вирджин» они заключили на рекордную сумму в 45 миллионов долларов. «Мик – блестящий бизнесмен, который знает об этой индустрии больше любого другого, – сказал Ахмет Эртегюн, которому не удалось и

близко подойти к требуемой сумме. – Он проницателен, упорно стоит на своем, умеет анализировать. Любой руководитель звукозаписывающей компании, который его недооценивает, – а таких найдется мало – неизбежно останется в дураках».

А еще Джаггер превосходно умел заниматься сразу несколькими делами. Годом ранее, во время тура *Urban Jungle*, Джаггер заметил, что его старый приятель Эрик Клэптон появляется на публике с двадцатитрехлетней моделью по имени Карла Бруни, дочерью владельца компании по производству шин «Пирелли». В ней слились все качества, которые Джаггер искал в женщинах: потрясающая красота, молодость, богатство (4 миллиона в год за модельный бизнес плюс наследство) и, что самое главное, рок-звезда в роли ухажера.

«Я знал, что Карла сразу ему понравится», – говорил Клэптон, который хорошо помнил о том, как Джаггер безуспешно пытался увести у него бывшую жену, Пэтти Бойд Харрисон Клэптон. Он попросил друга держаться от Карлы подальше.

«Мик, прошу тебя, только не в этот раз. Мне кажется, я влюбился», – умолял Клэптон Джаггера. Но через несколько дней между Джаггером и Карлой началось то, что Клэптон прозвал «тайной интригой». «Когда Карла несколько раз не пришла на свидание, мне позвонила познакомившая нас девушка и сказала, что Карла встречается с Миком и что это серьезно».

Клэптон пришел в отчаяние. «Негодование по поводу Мика и Карлы преследовало меня весь остаток года, – признавался он. – Особенно плохо бывало, когда я пару раз посещал концерты «Роллингов» и знал, что она где-то за сценой». (Позже, когда в марте 1991 года из окна его нью-йоркской квартиры на пятьдесят третьем этаже выпадет его четырехлетний сын Коннор, Клэптон погрузится в еще большее отчаяние. Эта трагедия вдохновит его на написание песни *Tears In Heaven* («Слезы на небесах»), получившей премию «Грэмми».)

Джерри также слышала о том, что во время тура *Urban Jungle* Джаггер встречался с Карлой, но решила, что это очередная ветреная поклонница. Когда же через год в прессе стали появляться сообщения о том, что роман продолжается, Холл приказала Мику разорвать отношения с молодой моделью. В ответ Мик лишь яростно хлопнул дверью.

Испугавшись, что зашла слишком далеко, Джерри поспешила написать письмо с просьбой о прощении. Замысел сработал. Три дня спустя один турист увидел, как Джерри с Миком вместе сидят за столиком в баре отеля «Крейн Бич» на Барбадосе. Они поцеловались, встали и пошли. Турист заметил, что они оставили на столике конверт, и из любопытства прочитал письмо:

«Мой дорогой Мик!… Я искренне извиняюсь за ревность… Ты мне дороже всего на свете… Пожалуйста, не уходи.

Я хочу, чтобы ты оставался свободным, и я не против, чтобы ты занимался любовью с другими женщинами. Если хочешь, я соглашусь на это вместе с другими и тобой… Я уважаю тебя, восхищаюсь тобой, доверяю тебе, нуждаюсь в тебе и люблю тебя всей своей душой. Я считаю, что ты гениален [sic]… Я люблю с тобой трахаться… Мне просто хочется быть твоей девушкой № 1. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

Твоя детка Джерри».

Очевидно, тронутый таким искренним признанием, Мик потратил 4 миллиона долларов на Даун-Хауз, двадцатишестикомнатный белый особняк в георгианском стиле на берегу Темзы, расположенный в зеленом лондонском пригороде Ричмонд. Пока Джерри, которая снова была беременна, обустраивала новое жилище, Мик пользовался своим правом заниматься тем, что ему угодно.

А Карла Бруни, уверенная в том, что рано или поздно Холл окончательно заберет Мика обратно себе, тоже не теряла времени. Только что разорвав параллельные отношения с принцем Димитрием Югославским, она теперь часто показывалась на публике в компании крупного бизнесмена, президента строительной компании, эффектного и энергичного Дональда Трампа. И хотя Карла, по признанию самого Трампа, была «помешана» на Мике Джаггере, говорили, что она пообещала полностью порвать с Джаггером, если Трамп согласится порвать со своей невестой Марлой Мэплз. Трамп вспоминал, что постоянные звонки Карлы действовали ему на нервы. «Она уговаривала меня бросить Марлу, к чему я и сам склонялся, и использовала при этом все расхожие психологические трюки. В конце концов она превратилась в женщину, к которой трудно даже относиться с симпатией».

12 января 1992 года Джерри родила девочку весом в три с половиной килограмма, которую назвали Джорджиной Мэй Аишей. Мик же на следующее утро вылетел в Таиланд с Карлой, где на Пхукете снял «Виллу 15» в отеле «Амунпури» класса люкс. При регистрации они расписались как «*Somecheng*» (немного «тайская» вариация английского слова s*omething* – «что-то, нечто» или «некто важный»).

Джерри попыталась дозвониться до Мика. «Ты с кем? С Карлой?» – спросила она требовательно. Мик отнекивался, но это

не объясняло, почему он уехал. «Когда женщина только что родила, предполагается, что муж должен быть рядом!»

Мик так не думал. Следующие несколько дней они с Карлой гуляли по пляжу, плавали в частном бассейне виллы и посещали ночные клубы Пхукета. «Они танцевали, целовались и ничего не скрывали», – вспоминал один из посетителей тех клубов.

Удостоверившись в том, что Джерри больше ей не помеха, Бруни хвасталась перед друзьями, что сорокавосьмилетний Мик («мой бойфренд») «невероятен в постели». Просто чудесный любовник для такого старика, как он. Перед журналистами же она все отрицала: «Я с ним едва знакома. Этого не может быть. Даже не понимаю, о чем вы. Наверное, кто-то выдает себя за меня».

Но говорила она это отнюдь не из стеснения. Стесняться она не умела, что подтверждалось многочисленными случаями. Однажды она открыла дверь молодому журналисту обнаженная выше пояса. Все интервью она сидела, игриво прикрывая грудь одной из своих сиамских кошек – Бетти или Митци. «Моногамия мне скучна. Я предпочитаю полигамию и полиандрию», – призналась она другому журналисту. Полиандрия – это эквивалент полигамии для женщин.

Джерри, оставшаяся в Англии ухаживать за маленькой Джорджиной Мэй, жалела, что вообще предоставила Мику карт-бланш. Однажды ей удалось перехватить записку Карлы Мику, которую она показала Киту. Послание оказалось зашифровано, но достаточно было посмотреть в зеркало, чтобы прочитать слова: «Я твоя любовница навеки».

«У меня едва не случился нервный срыв… Я рыдала, когда Мик улетел с Карлой Бруни, – позже вспоминала Джерри. – Мне было ужасно плохо. Такое не прощают». Когда Джерри потребовала от Мика объяснений, он снова пришел в ярость. Тогда Джерри позвонила Бруни: «Оставь моего мужчину в покое!» Но Карла просто бросила трубку.

Очевидно, Бруни не поняла, чего от нее хотят, потому что когда Джерри кормила грудью Джорджину Мэй, зазвонил телефон. На этот раз Джерри пыталась заставить соперницу прислушаться к голосу разума. «У него же семья и дети, трое детей», – объясняла она.

Как позже признавалась сама Джерри, она была «полностью подавлена», но не собиралась спокойно смотреть, как разваливается ее брак. «Занятие любовью – лучший способ поддерживать стройную фигуру, – сообщала она с наигранной беззаботностью одному французскому журналисту как раз тогда, когда Мик общался с консультантом по вопросам семьи и брака. –

Вот почему я терпеть не могу, когда Мик далеко. Но когда он возвращается, мы стараемся наверстать упущенное».

Единственным, кого происходящее, казалось, совершенно не заботило, был Мик. Когда он наконец вернулся к Джерри Холл во Францию, то несколько следующих месяцев устраивал по выходным вечеринки с фуршетом для своих знакомых аристократов. Кроме поездок на воздушных шарах, вошедших тогда в моду, он предлагал гостям прогулки верхом по сельской местности и пикники на берегу Луары. Играли гости и в такие салонные игры, как триктрак и шарады, хотя самой популярной оставалась игра в переодевание. «Все спускались к ужину в дамских платьях, было ужасно весело», – говорил один гость. Самое большое удовольствие от игры, по всей видимости, получал сам Мик, который однажды нарядился Мадонной и расхаживал в черных чулках в сеточку, в белом парике и в бюстгальтере с острыми чашечками.

В июне Мик с Джерри вернулись в США, чтобы присутствовать на церемонии окончания обучения Карис в Йельском университете. Затем в день рождения Джерри Холл Мик отметил еще одно важное событие в своей жизни: двадцатиоднолетняя Джейд, проживавшая вместе со своим парнем Пирсом Джексоном на английской ферме, родила девочку, которую назвали Ассиси.

Став дедушкой в сорок восемь лет, Джаггер вовсе не собирался уходить на покой. Теперь, когда *Rolling Stones* ушли от «Сони» и заключили контракт с «Вирджин», Мик решил выпустить следующий сольный альбом под лейблом «Атлантик» Ахмета Эртегюна. Отправившись на запись в Лос-Анджелес, Джаггер лишний раз доказал, что не зря назвал этот альбом *Wandering Spirit* («Бродячий дух»). Через несколько дней он уже фотографировался в клубе в обнимку с очередной моделью – на этот раз с двадцатиоднолетней Кэти Латэм из Калифорнии. Но затем его привлекла подружка Латэм, двадцатисемилетняя блондинка Мелисса Бер, чем-то смахивающая на Джерри. И, конечно, особенно его заводило то, что Мелисса была подружкой рокера Чарли Секстона.

Джерри не обращала особого внимания на упоминания этих красоток в прессе, но загадочная «темноволосая женщина», подозрительно похожая по описанию на Карлу Бруни, с которой Мика видели в Калифорнии, ее тревожила. Той осенью напряжение между Холл и Бруни дошло до предела, когда две модели поехали по делам в Париж и случайно встретились в отеле «Риц». Утверждалось, что Холл назвала Бруни «шлюхой», а потом крикнула: «Почему бы тебе не оставить моего мужа в

покое?!»

«Скажи своему мужу, пусть он сам оставит меня в покое!» – надменно крикнула Бруни в ответ. Когда Карлу спросили, что она думает о Джерри, она ответила: «Я думала, что люди не стирают свое грязное белье на публике. Может, в Техасе это считается шиком, но, как мне кажется, ее поведение доказывает, что ей недостает благоразумия и утонченности».

Когда журналист из лондонской *Daily Mail* подошел к Джерри Холл на показе Тьерри Мюглера, где она работала моделью, она уже была готова признать свое поражение. «Да, это верно. Мы живем отдельно, и я думаю, что скоро разведемся. Мне слишком больно от всего, что происходит, и я не могу это больше терпеть. Я мечтаю о спокойной жизни». Позже Джерри призналась, что, надеясь на исправление Мика, она испытывала огромные душевные страдания. «Нет ничего более унизительного, чем любить того, кому ты готова прощать все измены».

Кит, счастливо женатый на Патти Хансен уже десять лет, призывал Мика образумиться. «Знаешь, хвастаться книжечкой с именами подружек после пятидесяти – это уже слишком, это клиника». Тут он, конечно, попал в точку. Говорят, что Мик хвастался Карле Бруни, что переспал с четырьмя тысячами женщин.

Если Мик и не спешил внять совету друга, то перспектива очередного дорогостоящего развода его нисколько не привлекала. Конечно, законность брака была под сомнением с самого начала: вскоре после церемонии на Бали проведший ее индуистский священник утверждал, что не получил кое-какие документы. В законности брака сомневался даже сам Мик. Когда его спросили, правда ли, что он женат, он ответил: «Смотря что иметь в виду под словом „женат“… Мне кажется, что да».

Тем не менее Мик понимал, что они, по крайней мере, состоят в так называемом фактическом браке, признаваемым действительным в юрисдикции некоторых стран, а это значит, что после пятнадцати лет совместной жизни Джерри вряд ли расстанется с ним, не получив как минимум восьмизначную сумму. Через четыре дня после того, как весть об их разрыве попала в газеты, Мик позвонил Джерри и умолял ее принять его обратно. Она уступила, хотя вскоре ей предстояло пожалеть об этом.

Бруни, оставшись в Париже без Мика, неожиданно для себя впала в депрессию. «Мне казалось, я этого не вынесу, – вспоминала она. – Я просыпалась каждое утро в отчаянии. Думала, больше никого не полюблю. Когда сердце разбито, кажется, что боль никогда не утихнет». Она пришла к выводу, что

встречаться с женатым мужчиной – это ужасно. «Такая связь – приглашение к страданиям, и она оставляет после себя горечь».

А тем временем Мик, разобравшись с личными и семейными делами, ломал голову после неудачи с *Primitive Cool* («Примитивно крут»), размышляя, обладает ли он качествами, необходимыми для сольного выступления. В альбоме *Wandering Spirit* («Бродячий дух»), в записи которого принимали участие вокалист Ленни Кравиц и бас-гитарист Фли из *Red Hot Chili Peppers*, Мик решил вернуться к ритм-энд-блюзовым корням рока. Стратегия сработала. Третий сольный альбом не только имел большой коммерческий успех, но и был прославлен критиками как лучшая его работа за последние несколько лет. Карен Шоумер из *New York Times* писала, что в «Бродячем духе» «больше жара, чем во всех записях «Роллингов» за последние годы. Кажется, мистер Джаггер обратился за вдохновением к своему богатому прошлому».

Вновь обретя уверенность в себе, Джаггер согласился вернуться к совместной работе с «Роллингами». И снова Кит с Миком решили, что лучшее место, чтобы уладить последние разногласия, – это Барбадос, где они примирились и записали *Steel Wheels* («Стальные колеса»). Недолгое пребывание на острове даже подкинуло им идею, как назвать следующий альбом. Однажды, когда Кит шел на местный рынок за сигаретами, он заметил в сточной канаве тонущего котенка и спас его. Восхитившись тем, как такое маленькое тощее существо цеплялось за жизнь, Кит назвал котенка Вуду, а место, где произошел этот случай, – «террасой Вуду», *Voodoo Lounge*.

Во время записи «Роллингам» пришлось столкнуться с очередной проблемой: из группы уходил пятидесятишестилетний бас-гитарист Билл Уаймэн. Занимаясь поисками нового гитариста, Мик проявлял особую разборчивость. Как вспоминал один работник из обслуживающего персонала, Джаггер не хотел брать «слишком яркого рок-музыканта, который перетянул бы внимание на себя или на фоне которого другие «Роллинги» выглядели бы старыми». В итоге остановились на афроамериканце Дэрриле Джонсе, который обучался мастерству под руководством прославленного джазмена Майлса Дэвиса и выступал на турах таких звезд, как Мадонна, Питер Гэбриэл, Шер, Эрик Клэптон и Стинг. Его взяли не в качестве полноправного «Роллинга», а как исполнителя на жалованье, и это сотрудничество продлилось пару десятилетий.

Работу над *Voodoo Lounge* «Роллинги» начали в дублинской «Уиндмилл Студиоз», и вскоре, как обычно, Мик с Китом опять принялись ссориться. Одна из ссор началась с того, что Кит

обругал Мика за то, что тот сыграл несколько риффов на гитаре. «В этой группе только два гитариста, и ты не один из них», – разбушевался Ричардс. После этого в ход пошли почти все обвинения, накопившиеся за много лет: и пристрастие Кита к наркотикам, и взаимные измены с Марианной Фейтфул и Анитой Палленберг, и тайные сделки Мика за спиной других музыкантов, – пока другие исполнители, звукооператоры и техники молча следили за происходящим, не рискуя вмешиваться.

Продюсер Дон Уос постарался выступить в роли миротворца, но так или иначе в течение последующего полугода работы над альбомом Мик с Китом за пределами студии разговаривали лишь однажды, когда Кит хотел заказать лед в отеле, но ошибся номером и позвонил Мику. «Может показаться, что у них замечательные отношения и вне работы, но это не так, – говорил Уос. – Они совершенно не разговаривают друг с другом, только если по делу, и это ошеломляет».

Когда запись альбома была в самом разгаре, Мика с Китом пригласили на церемонию вступления в Зал славы композиторов и авторов популярной музыки. Как только церемония в Нью-Йорке подошла к концу, оба поспешили разбежаться по разным углам.

Мик с Китом снова сошлись лишь на пятидесятый день рождения Мика. На этот раз Джерри, которой сильнее, чем когда-либо раньше, хотелось показать, что в семье Джаггер все в порядке, сняла коттедж в пригороде Лондона и устроила вечер в стиле Дня взятия Бастилии. Более трехсот друзей и знакомых Мика явились в маскарадных костюмах, изображая различных персонажей той эпохи, от мадам Дефарж до Робеспьера и Марии Антуанетты.

За исключением этой и двух других праздничных церемоний общей стоимостью в 500 тысяч долларов Мик старался преуменьшить значимость своего пятидесятилетия. «Я не обращаю особого внимания на так называемые вехи в жизни. Есть опасность вложить в них слишком большой смысл. Ну, то есть пока ты оправдываешь надежды…»

В начале следующего года «мерцающие близнецы» стали свидетелями еще одного значительного события. Они оба находились в Лос-Анджелесе 17 января 1994 года, когда землетрясение в южной Калифорнии унесло жизни 57 человек. Еще 8700 человек были ранены, а убытки достигли 20 миллиардов долларов.

В мае «Роллинги» приплыли в Нью-Йорк на борту яхты «Хани Фитц» с корпусом из красного дерева, принадлежавшей некогда

президенту Джону Кеннеди, и объявили о своем предстоящем туре в поддержку альбома *Voodoo Lounge*. «Вы делаете это только ради денег?» – спросил один журналист. «А как же пиво, которое можно выпить, и девчонки перед сценой? – парировал Мик с улыбкой во все лицо. – Ну, в смысле, есть кое-что и помимо денег».

Джаггер к тому времени уже начал уставать, оттого что в прессе его изображали исключительно расчетливым дельцом. «Мне кажется, люди с трудом понимают, что можно одновременно быть великолепным исполнителем и хорошо разбираться в финансах, – однажды сказал Мик Эртегюну. – Я хочу, чтобы люди воспринимали меня как охренительного исполнителя. Ну, то есть Киту-то не приходится париться об этом. Я, значит, Эбенезер Скрудж, а Кит – чистый артист. Все любят Кита».

Большую часть лета «Роллинги» провели за репетициями в частной школе для мальчиков на окраине Торонто. Впервые за несколько лет Кит и Мик ладили на удивление превосходно. «Мне казалось, что Мик счастливее раз в десять, чем обычно. И его действительно заботила группа, – говорил Кит. – Знаете, он даже немного утратил эту свою „звездность“, которая меня выводила из себя».

Джаггер был доволен, что его друг так о нем отзывается. Да и работа над следующим туром шла полным ходом. Тур *Voodoo Lounge* должен был стать поистине эпохальным событием, по размаху превосходя даже *Steel Wheels / Urban Jungle* («Стальные колеса / Городские джунгли») (взять для примера кибериндустриальные декорации и огромный экран во всю сцену вместо двух больших экранов по бокам). «Роллинги» собирались произвести неизгладимое впечатление даже на своих привыкших к подобным эффектам фанатов.

Мику нравилось работать над такой грандиозной задачей. «Я обожаю устраивать большие представления, – объяснял он. – Но вопреки тому, что думают и говорят, меня не заботит сама по себе финансовая сторона – это просто средство добиться результата. Результат, зрелище – вот настоящее достижение». Конечно, одним шоу дело не ограничивалось. «А потом дизайн сцены распространяется и на все остальное: футболки, сувениры, чтобы все это было на уровне. Понимаете, если вы не в деле, значит, вы застряли где-то в Ванкувере на паршивой работе. „Нравится футболка, Мик? Черная футболка с высунутым языком?“»

Тур *Voodoo Lounge*, щедро спонсированный компанией «Будвайзер» и широко разрекламированный на каналах VH1 и

MTV, стартовал 1 августа 1994 года в Вашингтоне, на стадионе имени Кеннеди. На фоне уже знакомых гигантских надутых фигур, ослепляющей пиротехники и постапокалиптических декораций в духе классического фильма «Бегущий по лезвию» 1982 года пятидесятилетний «дедушка рока» во главе остальных «Роллингов» без устали исполнял двадцать семь хитов, начиная с *Not Fade Away* («Не увянет») (Я начинаю медленно, потому что если забыть об осторожности, то будет опасно, и можно пораниться») и заканчивая песней *Jumpin' Jack Flash* («Джек-попрыгунчик»). Следующие тринадцать месяцев Мик с «Роллингами» провели еще 123 концерта, очаровав своей магией шесть с половинной миллионов человек в восьмидесяти шести городах на пяти континентах. Валовой сбор тура составил 320 миллионов долларов – самый большой в истории концертов, и этот рекорд несколько лет спустя побили только сами же «Роллинги».

Для того, кто признавался, что не интересуется финансовой стороной дела, Мик снова проявил удивительную сноровку, когда Билл Гейтс обратился к нему с неожиданным предложением. В новой версии операционной системы *Windows 95* была кнопка «Пуск» *(Start)*, и председатель совета директоров компании «Майкрософт», горячий поклонник *Rolling Stones*, захотел использовать в рекламной кампании песню *Start Me Up* («Заведи меня»).

Мика и его соавтора Кита Ричардса спросили, сколько они хотят получить за эту песню. Мик почти в шутку выпалил совершенно невообразимую сумму в 10 миллионов долларов, думая, что Гейтс откажется. Но тот не отказался. Для Кита это был очередной пример того, как написанные им с Миком песни «делают деньги, пока я сплю». Если бы не личное участие Джаггера в таких вопросах, денег было бы значительно меньше. «Да, он сообразительный сукин сын. Я бы так не смог», – признавал Ричардс.

Удивительно, но при большой занятости Мик, к вящему неудовольствию Джерри, находил время еще и предаваться своему любимому развлечению. 10 октября 1994 года, когда «Роллинги» заканчивали выступление в Новом Орлеане и готовились к поездке в Лас-Вегас, в руки Джерри случайно попал факс, предназначенный Мику. Это было послание от Карлы Бруни: «Увидимся в казино „Эм-Джи-Эм Гранд“».

Джерри Холл вылетела в Неваду следующим же рейсом. Она-то думала, что избавилась от Бруни раз и навсегда, но, похоже, настырная итальянка не собиралась сдаваться. Эпизодические встречи Мика и Карлы продолжались еще несколько лет. «Это

была интрижка, – признавалась потом Бруни. – Мне тогда еще не исполнилось тридцати, и я не особенно задумывалась о серьезных отношениях». Что до другой ее интрижки, с Клэптоном, то про нее, как и про связь с Миком, она говорила: «Это было весело, но и очень волнующе. Я кое-чему научилась у них или, скорее, впитала. Если бы я ничему не училась, то была бы просто еще одной групи».

Но, с точки зрения Холл, это ничего не меняло. Бруни же считала, что она далеко не единственная послужила причиной последующего разрыва. «У Мика было много других женщин. Не думаю, что я так уж виновата… Пожалуй, женщин десять».

И этот список постоянно увеличивался. В марте 1995 года, когда «Роллинги» выступали в Японии, в номер токийского отеля «Окура», где Мик распивал шампанское с двадцатидвухлетней британской моделью Николь Крук, ворвался охранник, сообщив о том, что сюда направляется Джерри. В панике Мик бросился проверять, не осталось ли в номере следов пребывания другой женщины, а потом выбежал через черный ход вместе с Крук за миг до того, как вошла Джерри. «Я тоже запаниковала, – вспоминала Крук. – Не хотелось бы столкнуться с Джерри, когда она в гневе».

Николь приехала в Токио на шесть недель по работе. Один из модельеров передал эффектной брюнетке, что Джаггер желает «повстречаться» с какой-нибудь привлекательной молодой женщиной. Николь согласилась на встречу, но не потому что сама была поклонницей «Роллингов», а потому что их любила ее мама.

В отеле, где рок-звезда остановилась под псевдонимом Мистер Брук, Мик кормил ее с ложечки крем-брюле («Это было очень сексуально, никто еще меня так не кормил, кроме мамы»), пока они вместе лежали на кушетке и смотрели комедию «Миссис Даутфайр» на DVD. В одном эпизоде герой Робина Уильямса, переодетый пожилой женщиной, жалуется, что его кожа на лице «немного провисла, как у Мика Джаггера». Крук засмеялась, но Мик явно обиделся и принялся больно кусать ее.

«Он вел себя довольно грубо, как будто я была просто мясом», – вспоминала Николь. На следующий день, посмотрев в зеркало, она пришла в ужас. «Я выглядела так, как будто попала в аварию, один мой сосок кровоточил». Но Крук признавалась, что, хотя она просила его прекратить, это ее «заводило».

После таких забав Мик повел ее в спальню. «Из того, как мы занимались любовью, я больше всего запомнила его лицо. У него такая обвисшая кожа, что, когда он занимается любовью, челюсть у него болтается, как у собаки… Но любовником он был хорошим».

На следующее утро Николь позвонила Мику и сказала, что выглядит, как будто ее волокли по колючей живой изгороди. Он рассмеялся и пообещал быть нежнее, но когда модель в шутку пригрозила послать фотографии своих синяков и царапин в газеты, Мик вдруг затих.

Эта интрига длилась неделю. Крук заезжала в отель к Джаггеру каждый вечер и оставалась до утра. Она знала, что он в то же время встречается и с другими женщинами. «Он ходил в ночные клубы, снимал девочек повсюду. Мик просто не способен сохранять верность. Если бы когда приехала Джерри, с ним была не я, то нашлась бы какая-нибудь другая женщина».

Когда в августе 1995 года тур *Voodoo Lounge* завершился, Джерри надеялась, что Мик станет проводить больше времени со своей семьей. В конце концов, ему теперь надо было заботиться и о второй внучке, которую ему родила Джейд. Девочку назвали Амба, в честь индийской богини-матери. Следующей весной Мик действительно старался проводить время с родными, особенно с одиннадцатилетним Джеймсом – болел за него на школьных матчах по крикету и смотрел, как он кидает кольца на местной ярмарке.

Роль, которую он сыграл в июле, снимаясь в фильме «Склонность», конечно, была далека от образа идеального отца семейства. Его герой был трансвеститом по имени Грета, владельцем ночного клуба, в который ворвались эсэсовцы. Фильм снимался по скандальной одноименной пьесе Мартина Шермана 1979 года, повествующей о преследовании гомосексуалистов в нацистской Германии. Режиссером фильма был Шон Матиас, а актерами, помимо других, Иэн МакКеллен и тогда еще малоизвестный Клайв Оуэн.

Во время съемок в Шотландии Мику пришлось облачаться в атласное вечернее платье с разрезом до бедра, чулки в сеточку, бриллиантовое ожерелье и парик, а потом раскачиваться на подвешенной к потолку трапеции и распевать меланхоличную песню авангардного композитора Филиппа Гласа «Улицы Берлина», подражая Марлен Дитрих. Мик, персонаж которого по ходу действия становится «Джорджем», чтобы избежать отсылки в концлагерь, разумеется, имел свои представления о том, как ему лучше быть женщиной. Говорят, что он часами спорил с режиссером о том, какой длины должно быть его платье. Режиссер заставлял его надевать длинное, тогда как сам Мик настаивал, что ему «гораздо больше идут короткие платья».

Несмотря на то что эту свою роль Джаггер находил «удовлетворительной», он уже не питал иллюзий стать звездой большого экрана. Зато решил попробовать свои силы в режиссуре.

В августе 1996 года Мик и его партнер Виктория Пирман, бывший администратор съемочной группы, объявили о создании лондонской компании «Джаггд Филмз», в планы которой входило за последующие пять лет снять тринадцать фильмов общей стоимостью в 350 миллионов долларов. Джаггер предусмотрительно постарался зарекомендовать себя в Голливуде, где перехватил права на шпионский триллер Роберта Харриса о Второй мировой войне, «Энигма», и нанял британского драматурга Тома Стоппарда адаптировать сюжет. Заодно он добивался расположения Антонио Бандераса, чтобы тот сыграл роль Че Гевары в любовной драме «Тания», а также в поисках идей обращался к своим давним приятелям, таким как Джек Николсон, Уоррен Битти и Харрисон Форд.

Своей целью Мик Джаггер ставил снимать «умные» фильмы – «кино для думающих людей, без того, что мои дети называют „всякими взрывами“». Особенно его занимала идея снять английский фильм без участия Хью Гранта. «Ах да, Хью Грант, – фыркал Джаггер, не скрывая своего презрения. – Очень трудно снять фильм про Англию без спецэффектов и без какого-нибудь известного актера. Вот так и приходится снимать всякие комедии с участием… кхм… Хью Гранта».

Пока Мик был занят съемками в «Склонности» и другими проектами, в том числе работой над новым альбомом *Rolling Stones*, Джерри могла быть уверена, что у него не найдется лишнего времени, чтобы приударять за женщинами, или хотя бы не с таким размахом, как раньше. Знакомые Джерри не разделяли ее уверенности. «Джерри чудесная женщина, – говорила одна подруга, разделявшая общее убеждение, что та все больше и больше погружается в депрессию. – Не любить ее невозможно, и, честно говоря, мы все очень расстроены тем, как ее обводят вокруг пальца. Она должна знать правду».

В конце концов знакомые Джерри без ее ведома наняли частного сыщика. Через неделю он предъявил толстое досье, в котором было перечислено, куда Мик ходил по ночам в Лондоне и в его окрестностях, как и с кем проводил время, включая «общение» с фотомоделями в отеле «Халсион».

«Мы не хотели, чтобы она страдала, – говорил один из друзей, нанявших детектива. – Но план сработал не так, как мы рассчитывали».

Самый же большой резонанс похождения Мика вызвали в Голливуде. Осенью 1996 года он на протяжении нескольких недель встречался с двадцатишестилетней актрисой Умой Турман, которая была на двадцать семь лет моложе его. До этой интриги Ума Турман недолго состояла в браке с Гэри Олдмэном,

и ей приписывали связи с актерами Робертом Дауни-младшим, Ричардом Гиром, Николасом Кейджем и Робертом Де Ниро. Когда Турман начала встречаться с Джаггером, она только что закончила сниматься в фильме «Бэтмен и Робин», где играла злодейку-соблазнительницу по кличке Ядовитый Плющ.

Некоторое время паре знаменитостей удавалось каким-то образом скрываться от любопытных глаз, и они встречались в малоизвестных ресторанчиках и клубах. Однажды вечером Мик и Ума сидели в темном углу скандально известного ночного клуба «Вайпер Рум» на Сансет-бульвар, а на сцене играла группа *Wallflowers*, основанная сыном Боба Дилана Джейкобом. Когда в клуб вошел голливудский фотограф Рассел Эйнхорн, он не поверил своим глазам.

«Подумать только, он целовал ее! – вспоминал Эйнхорн. – Целовал по-настоящему, а не таким тяжелым поцелуем, каким в некоторых фильмах, переигрывая, целуются звезды. И еще обнимал ее и даже немного обвивал ногой ее ноги». По признанию Эйнхорна, упускать такую возможность было никак нельзя.

Но едва помещение озарила вспышка, как к фотографу подступил огромный охранник Мика. «Удар оказался нешуточным, – вспоминал Эйнхорн, камера которого перелетела через всю комнату. – Я рухнул на пол, и мне было чертовски больно». Несколько минут его прижимали к полу, пока другой охранник обыскивал помещение в поисках фотоаппарата с компрометирующим снимком. Обнаружив аппарат, охранники вырвали из него пленку и вышвырнули Эйнхорна из клуба на улицу.

Эйнхорн подал в суд иск против Джаггера и клуба, заявив, что мог бы продать фотографии на той пленке как минимум за миллион долларов. Мик, по слухам, выложил 350 тысяч в обмен на то, чтобы его не привлекали к суду и не выясняли обстоятельства того, что происходило тем вечером в клубе. Но владельцы клуба настаивали на своей невиновности и предстали перед судом. Присяжные вынесли решение в пользу Эйнхорна и постановили выплатить ему компенсацию в объеме 600 тысяч долларов – чуть меньше заветного миллиона.

Но Мик и после этого происшествия продолжал восхищаться Умой. Несколько месяцев спустя, когда Турман и ее будущий муж Итан Хоук ожидали рождения их первого ребенка, Джаггер позвонил ей поздно ночью, надеясь возобновить отношения. Трубку взял Хоук.

«Он хотел встретиться с ней! Помните старую пословицу: „Мика Джаггера из постели не вышибешь“?» – вспоминал Хоук,

находя некоторый юмор в этой ситуации.

Если инцидент в «Вайпер Рум» и не слишком пронял Джерри, то происшедшее на следующий день точно должно было довести ее до кипения. Холл была потрясена, увидев в газетах фотографию двадцатидевятилетней модели Яны Райлич, покидающей бунгало Джаггера в Беверли-Хиллз ранним утром. Говорили, что Мик и высокая красавица чешско-полинезийского происхождения эпизодически встречались на протяжении многих лет. Она оставалась ночевать с Миком не только в отеле «Рид-Карлтон» в Атланте, где он работал над записями, но и в нью-йоркском отеле «Карлайл», когда на протяжении трех недель Мик делал вид, что усердно встречается с Джерри.

Яна проскользнула мимо папарацци, терпеливо сидевших на лужайке у ее дома в Лос-Анджелесе, и полетела на встречу с Миком в Лондоне. «Все это так немыслимо раздули, что стало похоже на шутку, – говорила она подруге. – По-моему, это смешно». Но Джаггер впервые за несколько лет опасался, что зашел слишком далеко. Он предложил Яне немного обождать, пока журналисты не успокоятся. Но Яна не захотела ждать и предпочла разорвать связь навсегда. «Все кончено», – сказала она, назвав интригу «ужасной скукой» (почти в тех же словах, что и в песне *Mother's Little Helper* («Мамин маленький помощник»).

Холл не могла с ней не согласиться. Она наняла Энтони Джулиуса, британского адвоката, который только что помог принцессе Диане получить 26 миллионов долларов в результате бракоразводного процесса, и сообщила Мику, что их брак окончательно разрушен. «Сама я никогда не выбрала бы роль матери-одиночки. Мне нравится иметь настоящую семью», – говорила она с сожалением.

Любопытно, что когда новости о предстоящем разводе попали в прессу, о детях, что случалось крайне редко, как раз заботился Мик. Пока Джерри на юге Франции снималась в комедии «RPM» с участием Дэвида Аркетта, Мик сидел во внушительном замке Лейкслип под Дублином с тринадцатилетней Элизабет, одиннадцатилетним Джеймсом и трехлетней Джорджией.

Под присмотром няни дети ездили верхом и исследовали территорию замка, а Джаггер между тем думал о возможных последствиях своего неразумного поведения. Джерри вполне могла лишить его солидной части накоплений, которые к тому времени, по самым скромным оценкам, достигали 200 миллионов долларов.

Кит давно размышлял над тем, что заставляло его друга так безрассудно преследовать женщин. Дошло до того, что Ричардс впервые задумался о том, не нужна ли его товарищу помощь

сексопатолога. «Иногда, как мне кажется, я понимаю, что нужно от жизни этому старому козлу, – сказал Кит. – Он хочет переплюнуть Казанову и Дон Жуана. Он постоянно к этому стремился, но это жестоко по отношению к тем, кто его любит. Однако он всегда был таким». Главная же проблема заключалась в том, что, как выразился Кит, «под конец тебя ожидает одиночество. Все это просто жалко, если хочешь знать мое мнение».

Следующие несколько месяцев Джаггер забрасывал Джерри нежными любовными письмами, цветами и дорогими подарками. Невероятно, но Джерри снова согласилась принять его в семью («Я не умею долго обижаться»), хотя на этот раз только с одним условием – он должен пройти курс терапии от сексуальной зависимости. «Я надеялась, что он отделался от этой дурной привычки в силу своего возраста, но не тут-то было». Что до того, сдержит ли Мик свое обещание обратиться за помощью, то Джерри относилась к этому философски. «Поживем – увидим», – сказала она, вздохнув.

Как и много раз до этого, Мик и Джерри, по большей части ради детей, делали вид, что у них все в порядке. Семья в полном составе отдыхала в их доме в Ричмонде, откуда Мик отправился в Лос-Анджелес, где «Роллинги» работали над новым альбомом в студии звукозаписи «Оушен Уэй». Не посоветовавшись, как обычно, с другими, Мик нанял для разных треков разных продюсеров, что в результате привело к неразберихе. «Под конец мы делали чуть ли не разные записи: он – свою, а я – свою», – говорил Кит.

Но все противоречия в итоге разрешились, как и одна внезапная проблема. Когда шла работа над сведением, дочь Кита Анджела заметила, что новая песня, *Anybody Seen My Baby?* («Видел кто-нибудь мою малышку?»), сильно смахивает на хит 1992 года *Constant Craving* («Постоянное желание») Кэтрин Дон Ланг. Чтобы избежать судебного разбирательства, Мик предложил разделить авторство с Ланг и ее соавтором Беном Миком. Ланг от такого предложения пришла в восторг.

Работа над альбомом уже близилась к концу, а Мик так и не имел ни малейшего представления, как же его назвать. «Мы так и не определись ни по одной конкретной теме, – говорил Мик. – Я напрягал извилины, стараясь что-нибудь сочинить. Меня всегда занимали мосты…» Под конец Мик придумал название, одновременно отражавшее предмет его фантазий и намекавшее на не совсем благоразумный образ жизни, с которым ассоциировали «Роллингов», – *Bridges to Babylon* («Мосты в Вавилон»).

Разобравшись с этим вопросом, Мик мог сосредоточиться на поиске имени для своего следующего ребенка. Той весной Джерри, которой исполнился сорок один год, сообщила Мику, что снова беременна. «Все мы удивились, если не сказать больше, – говорил один из их соседей по Ричмонду. – Учитывая все, что между ними происходило, рождение очередного ребенка представлялось чем-то совершенно нелогичным».

18 августа 1997 года с присущим им эпатажем «Роллинги» сели в красный «Кадиллак» и поехали на Бруклинский мост. Там, на стороне Манхэттена, под мостом, их ожидали несколько сотен журналистов, жаждущих услышать какие-нибудь подробности о предстоящем туре *Bridges to Babylon*.

На следующий день «Роллинги» начали снимать клип на песню *Anybody Seen My Baby*. Декорации изображали некий затрапезный ночной клуб, в котором проходило прослушивание полураздетых танцовщиц, а Мик, как главный эксперт, оценивал их похотливым взглядом.

И тут на сцену вышла мало кому известная красавица с хищным взором, которую наняли изображать якобы потерянную Миком «малышку». Тут же на нее устремились глаза всех присутствующих, в том числе и самого Мика. Ее звали Анджелина Джоли.

«Мик – потрясающий парень и паршивый муж».

Джерри Холл

«Я явно не образец добродетели».

Мик

Глава восьмая
Последняя капля. «Анджелина, это Мик. Перезвони мне!»

Анджелина Джоли ясно давала понять всем и каждому, что не желает играть роль стриптизерши в клипе *Rolling Stones*. «Да я ни петь, ни танцевать не умею! – выпалила она, бросив сердитый взгляд на режиссера. – Какого хера я тут ловлю?» Дочь обладателя «Оскара» Джона Войта только что закончила сниматься в телефильме «Джиа Каранджи», где играла главную героиню, известную топ-модель, страдавшую от героиновой зависимости и умершую от СПИДа в возрасте двадцати шести лет. Эта работа утомила Анджелину физически и эмоционально.

За решением снять Анджелину в клипе «Роллингов» стояла ее мать, актриса и продюсер Маршелин Бертран. Хотя Анджелина уже успела побывать замужем за английским актером Джонни Ли Миллером, прославившимся благодаря фильму «На игле» *(Trainspotting)*, и у нее была интрига с Тимоти Хаттоном, Маршелин считала, что ее дочери нужен мужчина вроде… Мика. «Марш любила Мика и хотела свести с ним Энджи, – говорила подруга Маршелин, Лорен Тейнс. – Ей казалось, что он сможет научить ее, как быть знаменитой, и тому, что это значит».

Сейчас же Анджелина хотела как можно быстрее покончить со съемками клипа. В какой-то момент она сорвала с головы белокурый парик и обнажила лысую голову (она постриглась наголо для роли Джии). Потом, накинув меховую шубу на блузку с золотыми нитями, вышла на городскую улицу, где на глазах у изумленных водителей за ней побежал Мик Джаггер.

Помимо очевидных физических достоинств и того, что она – дочь голливудской звезды, Джоли могла заинтриговать еще и некоторым элементом опасности. Легко возбудимая, острая на язык, подверженная резким перепадам настроения. Пробовала тяжелые наркотики. Делала татуировки, пирсинг и увлекалась садомазохизмом («своеобразное такое самоочищение», как она выражалась). Признавалась, что специально наносила себе шрамы на руках и ногах. Как актриса она полностью погружалась в роли, иногда исчезая на несколько дней или недель.

Мик не знал, что Анджелина еще подвержена и приступам суицидальной депрессии, которую усугублял тот факт, что ее актерская карьера не совсем ладилась. Однажды она даже обратилась к наемному убийце и спросила, можно ли его нанять

для убийства ее самой. Преодолев навязчивые мысли, Джоли позже призналась, что этот план был «очень странным».

Мика, конечно, привлекала эта необузданность Джоли. «Она меня немного пугает, но мне это нравится», – говорил он. При содействии Маршелин, которая решила во что бы то ни стало выдать за него дочь, Мик времени зря не терял и, как только съемки клипа закончились, принялся вовсю ухаживать за Анджелиной. Сначала она не отвечала на его звонки; автоответчик переполнялся от сообщений вроде: «Анджелина, это Мик. Прошу, прошу, перезвони», «Мисс Джоли, почему вы не отвечаете на мои звонки?» и «Анджелина, мне и вправду нужно с тобой поговорить. Перезвони».

В конце концов она приняла приглашение провести вместе время в Палм-Бич, во Флориде, когда осенью в туре *Bridges to Babylon* («Мосты в Вавилон») выдался перерыв. Совместный уик-энд Анджелину не впечатлил, а Мику хотелось большего.

После того как очередные звонки снова остались без ответа, Мик перешел к более хитрой тактике. Он знал, что Анджелина и Джонни Миллер расстались мирно и продолжают быть друзьями, поэтому если Миллер будет занят в его фильме «Энигма», то Джоли почти наверняка посетит съемки.

Когда Анджелине стало известно о махинациях Мика, она позвонила ему и разразилась бранью. Сказала, что не желает больше видеть его и что пусть он больше не оставляет ей сопливых сообщений.

Но поток сообщений продолжился, и каждое было отчаяннее предыдущего. Подруга Анджелины Лорен Тэйнс, прослушав несколько, назвала их «поразительными». Мик Джаггер «практически всхлипывал» по телефону, а Анджелина, по выражению Тэйнс, ловко «подкалывала его». Такое безуспешное ухаживание за Анджелиной Джоли со стороны Джаггера продолжалось с перерывами еще два года, и на этом дело отнюдь не закончилось.

Все эти перипетии не отвлекали Мика от насущных дел: от подготовки к самому захватывающему зрелищу в истории рок-музыки. Тур *Bridges to Babylon* стартовал 9 сентября 1997 года в Торонто и продлился целый год. Всего 108 концертов посетили 4,58 миллиона человек на четырех континентах, заплативших за такую привилегию 339 миллионов долларов – таким образом, группа побила свой собственный рекорд, установленный туром *Voodoo Lounge*.

На этот раз опытный дизайнер Марк Фишер позаимствовал идею у кинорежиссера Сесила Де Милля и оформил огромную сцену в «вавилонском» стиле. Один миллион долларов был

потрачен только на сооружение сорокапятиметровой выдвигающейся платформы, возвышавшейся над первыми рядами до сцены «Б».

Поначалу были опасения, что эта платформа обрушится на публику. «Нам кричали: „Только один человек за раз!“ или „Не так быстро, Мик!“» – вспоминал Джаггер. Но концертов через пятьдесят музыканты расслабились настолько, что «все выбегали разом и вместе зажигали на платформе».

Когда 9 декабря «Роллинги» готовились к концерту в Атланте, Мик оставил еще одно сообщение для Анджелины, умоляя о встрече. Этот звонок прервала Джерри из Лондона, которая хотела сообщить Мику, что он стал отцом в шестой раз. Холл только что родила своего четвертого ребенка и второго их общего сына, Габриэля Люка Борегарда Джаггера. К сожалению, встреча отца и сына откладывалась. «Роллингам» нужно было сначала выступить в Сент-Луисе, и только 13 декабря Мик смог вылететь домой, чтобы повидать новорожденного.

Полоса сюрпризов для Мика и «Роллингов» на этом не закончилась. В январе тур *Bridges to Babylon* возобновился, и когда в городе Сиракуз, штат Нью-Йорк, Мик захотел проверить микрофон, у него ничего не вышло. Голосовые связки просто отказывались подчиняться. Из-за ларингита пришлось отменить и перенести три выступления. Это был первый случай переноса концерта по вине Джаггера. Позже на месяц перенесли и европейскую часть турне, но уже из-за Кита, который в своем коннектикутском доме потянулся за книгой и упал с приставной лестницы, сломав три ребра. «Такой вот жизни маскарад», – философски заметил Кит, повторяя расхожую поговорку.

Перемены в британской налоговой политике вынудили «Роллингов» отменить и концерты у себя на родине, но Мик придумал, как компенсировать недостачу. В феврале они выкроили время из концертных выступлений на стадионе «Алоха» в Гонолулу и отправились выступать перед тысячей сотрудников компании «Пепси» в честь ее столетия; говорят, что за это им заплатили 2 миллиона долларов. «Двадцать лет я употреблял коку, – шутил Мик, подразумевая конечно же кокаин, – а теперь перешел на пепси!» Аудитория встретила его заявление одобрительными криками.

Когда весной группа собиралась вылететь в Южную Америку, Мик все серьезнее подумывал о том, чтобы уговорить Анджелину присоединиться к ним. В марте он даже обратился за помощью к Чарли Уоттсу – Анджелина училась играть на барабанах, как в целях творческого самовыражения, так и в качестве особой терапии. В процессе она сдружилась с Чарли, так что тому

пришлось выступить в роли посредника, уверявшего Джоли, что ей стоит-таки откликнуться на призыв Мика.

В конце концов она позвонила Мику, и тот предложил ей приехать на концерт в Рио-де-Жанейро. Но ей пришлось отказать ему, и на этот раз у Джоли была для этого серьезная причина – она снималась в фильме «Прерванная жизнь», роль в котором принесла ей «Оскар» как лучшей актрисе второго плана.

Мику пришлось довольствоваться другой компанией. Одной апрельской ночью он, облачившись в темно-бордовую спортивную куртку и тесно облегающие белые брюки, появился на вилле бразильского нефтегазового магната Олаво Эгидио Монтейро де Карвальо. Там он весело танцевал с самыми разными девушками, пока его взгляд не упал на высокую красавицу с каштановыми волосами по имени Лусиана Гименес Морад.

Дочь импресарио ночного клуба и актриса «мягкого порно», Лусиана начала модельную карьеру в своем родном Сан-Паулу в тринадцать лет, а через три года ее приметил основатель модельного агентства «Элит» Джон Касабланкас. За десять лет бесконечных выходов на подиумы Лондона, Милана и Нью-Йорка Лусиана ужасно устала от однообразной работы. Какое-то время ей казалось, что она нашла спасение в лице Рода Стюарта, но эта связь длилась всего лишь год, к концу которого Лусиана поняла, что Стюарт вовсе не собирается покидать свою жену, модель Рейчел Хантер (впоследствии Хантер сама бросила Рода).

Поскольку Лусиана на той вечеринке была одной из немногих привлекательных девушек, говоривших на английском (а заодно на португальском, немецком, итальянском и французском языках), Джаггер не отходил от нее, что-то шепча ей на ухо. В какой-то момент Мик сообщил хозяевам, что они с молодой дамой собираются прогуляться по саду, чтобы немного «помедитировать». Вместо этого они отправились на псарню, где, как Лусиана поведала одному знакомому из числа бразильских буржуа, они с Миком занимались сексом. В три часа утра Мик уехал с виллы на черном «Мерседесе».

Джаггер не отказывался от намерения покорить Анджелину, но для легкой интрижки Лусиана подходила как нельзя лучше. «Мне просто нравится секс, – простодушно призналась однажды она изумленному журналисту. – Я занималась им на пустынном пляже, в самолете и даже в ночном клубе».

И уж конечно, ей нравилось угождать мистеру Джаггеру, мужчине, который был на несколько лет старше ее отца. «Мику стоило только позвонить ей, и она через несколько минут уже мчалась в аэропорт», – вспоминал ее знакомый и бывший сосед по комнате Ларс Альберт. Альберт утверждал, что такое случалось

как минимум раз в месяц, и каждый раз Лусиана платила за билеты сама. Однажды она полетела из Гамбурга в Данию только для того, чтобы провести с Миком ночь.

В другой раз, летом того же года, она вылетала из Парижа, где у нее был показ, в Гамбург и попросила Альберта встретить ее в аэропорту. Он встретил ее на своем потрепанном «Фольксвагене» и подвез до отеля «Атлантик», где Мик заказал ей номер. «Мы припарковались рядом с лимузинами, ожидавшими «Роллингов», и никто не обратил на нас внимания. Наверное, они подумали, что мы – приехавшие на работу уборщики». Лусиана прошла в отель, также не привлекая никакого внимания к своей персоне. На следующее утро Альберт вернулся к отелю и отвез Лусиану обратно в аэропорт.

«Такое часто бывало, – соглашался один охранник, работавший у «Роллингов» во время их европейского турне. – Мик приглашал к себе девчонок в каждом городе, некоторые прилетали из других городов, но журналисты редко обращали на них внимание».

Еще в самом начале связи с Миком Лусиана сообщила Альберту, что они занимаются безопасным сексом. «С Миком я все время настороже, – говорила она. – У нас всегда безопасный секс, и я контролирую ситуацию. Этого бы не было, если бы я не захотела».

Альберт утверждал, что Лусиана с самого начала старалась держать все под контролем. «Мик совершенно вскружил ей голову, но она понимала, что при обычных обстоятельствах он никогда не покинет Джерри, как бы Лусиана его ни ублажала». Поэтому она разработала план. «Она хотела загнать Мика в ловушку, родив от него ребенка. Тогда Джерри прогонит Мика, и тот придет к ней, к Лусиане», – объяснял Альберт.

Лусиана все время что-то придумывала, чтобы подогреть их отношения. Однажды, когда они с Миком лежали в кровати, распивая «Дом Периньон», она налила немного шампанского в свою туфлю на высоком каблуке и протянула ему. Как рассказывал Альберт, со слов Лусианы, Мик выпил шампанское и перебросил туфлю через плечо. Лусиана также рассказывала, что они голышом устраивали драки на подушках, а потом «хохотали, как маленькие дети». «Лусиане все это очень нравилось; ей было ужасно весело».

В июле Лусиана прекратила предохраняться от беременности, но не стала об этом сообщать Мику. «Она хотела родить, чтобы привязать к себе Мика, с его согласия или без, – говорил Альберт. – Это ведь от нее зависело, как сложатся их отношения».

Но в тот период Мик покорял не только длинноногих

моделей, бывали у него эпизодические встречи и иного рода. В июне 1998 года он нанял ухаживать за маленьким Габриэлем тридцатидвухлетнюю няню Клэр Хаусман, которая до этого работала у Марка Нопфлера из группы *Dire Straits* и у Стинга. Впервые она встретилась с Миком и Джерри в Брюселле, где тогда выступали «Роллинги», в их гостиничном номере, и сразу же поняла, что у Джаггеров ее ожидает немало сюрпризов.

Когда Хаусман зашла с чемоданом в комнату, где на кровати с Габриэлем лежала Джерри, буквально через несколько секунд из душа выскочил Мик – «в чем мать родила». «Я не знала, куда девать глаза, – вспоминала Хаусман, добавив, что от неожиданности она даже уронила чемодан. – Тут же он протянул мне руку и сказал: „Привет, я Мик“. Похоже, он нисколько не стеснялся… все это казалось таким нереальным». Ну а Джерри не промолвила ни слова.

На следующий день Хаусман готовила в кухне кофе, когда к ней как бы невзначай подошел Мик и встал рядом. «Мы смеялись и шутили, – вспоминала она. – Да, стоит признать, что он умеет очаровывать. Кухня была маленькой, и мы все время натыкались друг на друга». Мик стал гладить ее волосы, а потом приподнял, усадил на один из столиков и стянул с нее трусики. «Мы страстно целовались, и у меня кружилась голова. Следующее, что я помню, – это как мы занимаемся любовью».

Все произошло стремительно. «Земля не содрогнулась, ничего в таком духе, – вспоминала няня. – Я только подумала про себя: „О господи, неужели это случилось?“»

Мик застегнул молнию на брюках, помог няне слезть со стола и поцеловал ее в нос. «Все в порядке, детка», – сказал он. «И на этом все кончилось», – утверждала Хаусман. Невероятно, но Джерри все это время была в спальне с маленьким Габриэлем, метрах в десяти от них. «Мне случившееся показалось каким-то размытым эпизодом, – вспоминала Хаусман. – Мик вернулся к жене, а я продолжила варить кофе. Все это было так странно». Теперь, когда Мику исполнилось пятьдесят пять, казалось, что он немного изменил свои предпочтения и вместо тинейджеров ухаживает за женщинами лет двадцати с небольшим и даже за дамами тридцати с лишним лет.

Тем временем его дочь Джейд разошлась с Пирсом Джексоном, отцом ее двоих детей, и переехала из особняка стоимостью в миллион долларов, который Мик купил ей в лондонском районе Ноттинг-Хилл, в коттедж на испанском курорте Ибица.

Утром 12 июля Мик находился в пути в Вену, когда кто-то протянул ему популярный лондонский таблоид с заголовком

«Скандал: Дочь Джаггера снялась в эротическом фильме». Выяснилось, что в знак благодарности друзьям, которые владели ночным клубом «Манумишн», одним из самых скандальных на острове, Джейд позировала для серии эротических рекламных плакатов клуба, а также снялась в нескольких порнороликах. На одном плакате у модели под кодовым именем «Розовая киска» из одежды были только маска кошки и веревка, которой ее связали. На другой фотографии Джейд позировала с мужчиной и женщиной, облитыми кетчупом. Женщина призывно раздвигала ноги, а мужчина кусал ее за колени. Эти плакаты разошлись по всему острову, и их увидели внуки Мика, их малолетние друзья, родители друзей и английские туристы. Многие были шокированы. «Это полнейшая безвкусица, – говорила одна туристка. – По-моему, эти снимки просто ужасны и оскорбительны. Мне кажется, ее отец будет того же мнения».

Друзья Джейд, владельцы клуба «Манумишн», Майк Маккей и Клэр Дэвис, регулярно занимались сексом на сцене перед тысячами восторженно ликующих посетителей. Кроме этого, они еще фотографировали и снимали на видео в самых любопытных позах трансвеститов, стриптизерш и карликов.

«Джейд – хорошая подруга, она сама захотела сняться, – говорил Маккей. – Ей не заплатили. Если она хочет сниматься в порно или участвовать в секс-шоу, то это ее личное дело».

А как же Мик? «Ее отцу это должно быть по барабану, – ответил Маккей. – И вообще, кто он такой, чтобы читать мораль?»

Со времени развода Мик и Бьянка поддерживали дистанцию, но когда речь зашла о моральном облике их дочери, предпочли выступить единым фронтом. При этом они понимали, что если уж их Джейд что-то втемяшилось в голову, то выбить из нее эту дурь очень непросто. «Когда дело касается детей, Мик – очень старомодный отец, – утверждала Джерри. – Он всегда говорит, что является как раз таким типом, которых должна сторониться Джейд».

Но не одна Джейд давала Мику повод для беспокойства. Тем летом четырнадцатилетняя Элизабет вышла на подиум вслед за своей матерью – как ходили слухи, чтобы поддержать интерес к сорокадвухлетней Джерри, карьера которой клонилась к закату.

На парижском показе мод Тьерри Мюглера Джерри и Элизабет произвели сенсацию, появившись на публике в одинаковых платьях. Позже они повторили это на показе Вивьен Вествуд, а осенью известный фотограф Дэвид Бэйли снял мать и дочь для обложки журнала «Харпер энд Куин».

Джаггер позвонил домой и сказал, что категорически против участия Элизабет в модельном бизнесе. «Мик буквально

взбесился, – вспоминала Джерри. – Он говорил, что это полнейшая глупость, потому что деньги ей не нужны. Он хотел, чтобы Элизабет сосредоточилась на учебе». Джерри Холл, которая сама обучала Элизабет хитростям своего мастерства, с этим не согласилась. «Я сказала, что почти любая школьница мечтает стать моделью. Элизабет – взрослая девочка, воспитанная и серьезная, и модельным бизнесом она занимается только на летних каникулах». Но тут же Холл добавила: «Я бы никогда не позволила Элизабет работать с агентством, которое посылает молоденьких девушек в Милан и сватает их богатым бездельникам. Фу!»

Участливая мама придумывала оригинальные способы привлечь внимание и к другим детям Джаггера. Весной Анни Лейбовиц фотографировала ее для журнала *Vanity Fair*. На снимке Джерри, облачившись в меха и в туфли на высоком каблуке, приняв царскую позу, кормит грудью маленького Габриэля.

Никто всерьез не полагал, что Джерри хочет оставить свое занятие или скрыться от глаз публики. Но сама она понимал, что ее дни в роли модели сочтены. Желая дать дорогу новым талантам – точнее, Элизабет, – она сообщила журналистам из «Харпер энд Куин», что уходит в отставку. «И деньги мне тоже не нужны, – говорила Джерри, личное состояние которой оценивалось более чем в семь миллионов долларов. – Мне просто хочется побыть домохозяйкой и матерью». При этом она не смогла удержаться, чтобы не бросить камень в адрес другой модели, одной из любовниц Мика, которая «думала, я не знаю, что она спит с ним, а я знаю, но она всего лишь подстилка».

Однако Джерри еще не знала, что эта «подстилка» доставит всем немало хлопот. В ноябре, выступая на показе мод в Париже, Лусиана узнала, что беременна, и тут же позвонила Мику. «Я разрыдалась по телефону. Мне показалось, он тоже плачет. Он проявлял такое понимание… Я сказала, что уже слышу, как бьется сердечко ребенка, и не хочу делать аборт. Я на самом деле хотела оставить ребенка. Мик согласился».

С Джерри Мик, как и следовало ожидать, вел себя немного по-другому. Он как бы невзначай сообщил новость о беременности Лусианы Морад, когда в середине ноября возвращался в Лондон на самолете. И добавил, что Лусиана настаивает, будто забеременела от него.

«А ты что думаешь?» – спросила Джерри.

«Мне так не кажется», – ответил Мик.

Для Джерри это была последняя капля.

«Ты издеваешься надо мной! – закричала она. – Ты хочешь меня с ума свести, как в этом триллере „Газовый свет“».

Быстро собрав вещи и взяв годовалого Габриэля, она на следующее утро вылетела в Нью-Йорк. Мик тем временем направился в свой замок-шато на берегу Луары во Франции. По пути он заехал в Париж, на обед к Карле Бруни.

На следующее утро Карла и не думала скрывать, что они переспали с Джаггером. «А кто бы не полюбил Мика? Он очаровашка!» – говорила она фотографу. Но одним признанием дело не ограничилось. Заодно она призналась, что мечтала стать миссис Джаггер. «Если бы я познакомилась с Миком до того, как он женился, мне бы ужасно хотелось выйти за него замуж. Из Мика вышел бы фантастический муж».

Затем Бруни пустила шпильку непосредственно в адрес Джерри: «У Джерри Холл проблемы со своим мужем, но она винит в них кого угодно, кроме себя. Винит меня и Мика. Она хочет, чтобы ее жалели, но, как мне кажется, на публике это выглядит жалко».

Если Мик хотел «задеть» Джерри, нанеся визит Бруни, то это ему удалось. Но ничто не шло ни в какое сравнение с публичным унижением, которое ей предстояло пережить 27 ноября, когда газета *Sun* напечатала новость о том, что Лусиана Морад беременна от Джаггера.

Теперь всем, даже Джерри Холл, стало совершенно ясно, что Мик не изменится никогда. «Это как зависимость от алкоголя или наркотиков, с которой невозможно бороться. Он – сексуальный хищник и никогда не перестанет преследовать женщин», – говорила Джерри.

Но больше всего ее обижало изменившееся отношение к ней со стороны детей и пренебрежительный тон, с каким они высказывались по поводу измен своего отца. «Последней каплей стали насмешки моих детей и их неуважительные замечания. Тут-то я и подумала: „Да, плохой пример я подаю“. Я виновата в том, что молча сносила все эти унижения… Это была и моя вина. Неделю за неделей, одно и то же во всех газетах. Публичное унижение, личные разочарования. Очень тяжело для любой женщины».

И снова Джерри обратилась к адвокату Энтони Джулиусу из престижной лондонской фирмы «Мишкон де Рейя», занимавшемуся разводом принцессы Дианы. 15 января 1999 года Холл подала иск о разводе на основании «многочисленных супружеских измен» и потребовала 50 миллионов долларов компенсации.

Эту новость Мик услышал в Сан-Франциско, где он с «Роллингами» проводил репетиции перед туром *No Security* («Без охраны»), уменьшенной версии «Мостов в Вавилон». Очевидно,

его адвокаты уже знали о готовящемся иске и не теряли времени впустую. Коротко говоря, Джаггер отвергал претензии Холл на том основании, что индуистская церемония бракосочетания на Бали была недействительна и что на самом деле они никогда не состояли в браке.

С другой стороны, казалось, что такая «мелочь», как развод, не могла повлиять на дружеские отношения Мика и Джерри. Пока их адвокаты обсуждали юридические тонкости в английском верховном суде, пара согласилась в интересах детей соблюдать правила приличия и не ссориться на публике. В феврале Мик арендовал шале в Аспене стоимостью 7500 долларов в день, где семья провела зимние каникулы. На День святого Валентина Мик и Джерри даже ужинали вдвоем при свечах. «Для супругов, которые должны ненавидеть друг друга, они удивительно дружелюбны, – говорил один их знакомый. – Они явно до сих пор сохраняют друг к другу теплые чувства».

Такие теплые отношения продолжались несколько месяцев: всякий раз, как в туре возникало окно, Мик проводил время с Джерри и детьми; вместе они гуляли в парке, ходили по магазинам, плескались в море на южном побережье Франции. «Он чудесный человек, не какой-нибудь подлец, – отзывалась о нем Джерри, которая снова стала курить от нервного напряжения. – Он хороший отец, умный, забавный, привлекательный, с ним отлично проводишь время. Мы с ним всегда смеемся…»

«Да, это забавно, – продолжала она. – Похоже, сейчас, когда мы понимаем, что все кончено, нам гораздо проще быть вместе». Настолько просто, что Мик переехал в соседний дом в Ричмонде и снес стену в столовой, чтобы легче было ходить друг к другу в гости. «Я совершенно не понимаю, как все изменилось», – говорил их друг и бывший «Роллинг» Билл Уаймэн.

На самом деле изменилось немногое. В то же время, пока Мик восстанавливал дружеские отношения с Джерри, он подарил Анджелине Джоли пару серег стоимостью в 5 тысяч долларов. Анджелина к тому времени буквально жонглировала мужчинами: Тим Хаттон, ее будущий муж Билли Боб Торнтон, Николас Кейдж и австралийский актер Рассел Кроу, но ей еще нравилось играть с Миком и дразнить тем самым свою настырную мать. Однажды вечером Анджелина позвонила Маршелин и заявила, что выходит замуж за Джаггера. Маршелин не смогла удержаться и позвонила самому Джаггеру.

«Поздравляю, Мик! Какая чудесная новость!» – радостно воскликнула Маршелин.

«Какая еще новость?» – спросил удивленно Джаггер.

Трудно поверить, но выходки Анджелины распаляли

Джаггера еще больше. Тогда как к другой женщине, утверждавшей, что беременна от него, он испытывал сдержанные чувства. 17 марта 1999 года в Нью-Йорке Лусиана Морад родила мальчика, которого назвала Лукасом Морисом. В свидетельстве о рождении графа с именем отца осталась незаполненной – Лусиана ожидала официального признания Джаггера. Еще в больнице она обратила внимание на семейные черты мальчика. «Не буду утверждать, что у него губы Мика, но легкие у него будь здоров – послушайте, как вопит!»

Вслед за Холл Лусиана развязала целую судебную войну против Мика, одновременно пытаясь снова обольстить его. В Лондоне Лусиана предъявила иск о признании отцовства на 5 миллионов долларов, а затем на 8 миллионов. С помощью известного специалиста по разводам Рауля Фелдера она добивалась, чтобы суд США заставил Мика принудительно пройти анализ ДНК на отцовство.

Лусиана думала, что если Мик признает своего сына, то они станут семьей. «Он ведь такой красавчик! Разве Мик сможет не влюбиться, как только увидит его? Я не могу отвести глаз, такой он хорошенький. Мне хочется, чтобы Мик увидел своего сына как можно быстрее. Если он не сможет прилететь в Америку, мы сами полетим к нему. И вообще, мы полетим куда угодно, куда Мик нас позовет. Я хочу, чтобы Лукас познакомился со своим папой».

Мик вовсе не отвечал ей взаимностью и просто думал, что Лусиана обманом хочет заставить его признать ребенка. Он обвинял ее в том, что она замыслила разрушить его брак (хотя к тому времени Джерри уже давно надоело мириться с его изменами). Через месяц после рождения Лукаса Мик выступал с «Роллингами» в Лондоне и с особой язвительностью спел песню *Some Girls* («Некоторые девчонки»), делая особый упор на строчки: «Некоторые девчонки рожают мне детей, о которых я их никогда не просил!» Публика, прекрасно осведомленная о скандале с отцовством, одобрительно шумела.

В скандале оказалась замешана даже Ева Джаггер, мать Мика, страдавшая от болезни сердца и прикованная к инвалидному креслу. Когда журналист спросил ее, сколько у нее внуков, она задумалась. «Я понимала, что им нужно, поэтому сказала: „Мне кажется, двадцать два“. И гробовое молчание в ответ».

Не всем, однако, происходящее казалось забавным. «Это ужасный мужчина, страшный бабник», – отзывалась о Мике Вероника Дойл, няня из Шотландии, которую Лусиана наняла заботиться о Лукасе. Дойл присматривала за Лусианой, еще когда та сама была ребенком. На гневные тирады в адрес Мика она не скупилась: «Терпеть не могу его музыку. И человек он просто

отвратительный».

Еще до того, как анализ ДНК подтвердил отцовство Мика, Джерри и Мик сумели достичь соглашения. В обмен на отказ Джаггера добиваться признания церемонии бракосочетания незаконной Джерри согласилась принять 15 миллионов долларов и особняк в Ричмонде, графство Суррей, который оценивался в 7 миллионов долларов. Кроме того, Мик должен был перечислить на счета их четырех совместных детей по полтора миллиона долларов.

Признание брака недействительным автоматически повлекло бы признание детей незаконнорожденными, но на такие пустяки Джаггер внимания не обращал. Холл же считала иначе. Даже после подписания соглашения она особо добавила, что верит в законность их с Джаггером брака.

«В той брачной церемонии, насколько мне известно, были все признаки бракосочетания, – говорила она. – Она длилась довольно долго, была сложной, и ей предшествовало то, что я сочла обращением в индуизм. Мы с Миком обменялись обручальными кольцами и клятвами». Правда, Джерри призналась, что никогда не видела свидетельства о браке.

В конце концов оба они согласились, что лучше будет пойти на взаимные уступки. «Мик Джаггер и Джерри Холл хотят сохранить дружеские отношения и уважение друг к другу, – говорилось в совместном заявлении их адвокатов. – Их всегда будет объединять горячая любовь к их детям и желание быть настоящими родителями для Элизабет, Джеймса, Джорджии Мэй и Габриэля».

Оставалось узнать, кем собирался стать Мик для маленького Лукаса. Получив положительные анализы ДНК, Лусиана потребовала многомиллионных компенсаций в судах Великобритании и США, все еще надеясь, что ей удастся обворожить Мика. «Она понимала, что раз у нее есть ребенок от Мика, то она обладает властью над ним, какой обладают немногие женщины в мире, – говорил один ее знакомый. – Она хотела занять место Джерри Холл».

Сама Холл утверждала, что «не испытывает никаких враждебных чувств» по отношению к Лусиане и к ее ребенку. Она сказала Мику, что Лукас может в любое время познакомиться со своими сводными братьями и сестрами и что ей это будет только в радость. Разбираться в запутанной ситуации должен был сам Мик. «Это не моя проблема, пусть Мик ее решает», – пожимала плечами Джерри.

Но еще до рождения Лукаса Мик завел интригу с очередной красоткой, которая, как и Карла Бруни, обладала собственным

состоянием. Ванессу Ньюман Мик знал еще с тех пор, как ей исполнилось четыре года; ее отец Ханс Ньюман, промышленник из Венесуэлы, в середине 1970-х купил остров Мустик у Колина Теннанта, и семья Ньюман до сих пор владела солидным участком на этом острове. Личное состояние двадцатисемилетней Ванессы оценивалось в 200 миллионов долларов. Ванесса только что приобрела особняк в фешенебельном лондонском районе Сент-Джонс-Вуд, но большую часть времени она проводила в Нью-Йорке, где изучала философию в Колумбийском университете. Более плотно с Миком она сошлась как раз на Мустике, на рождественской вечеринке 1998 года.

Возраст Мика был для нее даже плюсом. «Я летала с красивыми мальчиками в Париж и на Мустику, покупала им билеты, дарила им подарки. Я бывала очень щедрой, но мне всегда было скучно. Мужчины моего возраста – жалкие существа».

Вскоре «хлопушка из Каракаса», как ее прозвали в британских таблоидах, присоединилась к большому хору женских голосов, утверждавших, что Мик «бесподобен в постели» и «лучший любовник в моей жизни». Но Ньюман привнесла в обычную любовную игру и кое-что новое. Между сексом Мик и его эрудированная подружка обсуждали немецких философов, таких как Шопенгауэр и Ницше, а также глобальную политику и деловые вопросы.

Помимо Ванессы, у Мика в тот период были связи с Ортензией Висконти, племянницей легендарного итальянского режиссера Лукино Висконти, и с высокой темноглазой английской актрисой, социалисткой и феминистской Саффрон Берроуз. Саффрон играла роль в фильме «Энигма», продюсером которого был Джаггер. Двадцативосьмилетняя красавица только что рассталась с пятидесятидвухлетним кинорежиссером Майком Фиггисом («Покидая Лас-Вегас»). Помимо этого, она призналась в своей бисексуальности и намекала на влюбленность в Хиллари Клинтон, о чем поведала Биллу Клинтону в 2001 году, после того как у нее с бывшим президентом установились дружеские отношения. Ну а пока что Берроуз встречалась с Джаггером в Лондоне, Нью-Йорке и на французской Ривьере.

Теперь, когда Джерри не нужно было опасаться нового скандала, она, похоже, с симпатией и даже с некоторой жалостью относилась к человеку, которого когда-то называла своим мужем и о похождениях которого то и дело судачили в прессе. «Мне жалко Мика. Сексуальная распущенность приводит к беспорядку в жизни, и потом приходится его разгребать. Надеюсь, он найдет свое счастье, но меня это не особо волнует».

Что касается шансов на то, что Мик действительно изменит

свое поведение, то Холл говорила об этом с определенным оптимизмом: «Надеюсь, он изменится. Я думаю, он сможет, ведь он такой умница. Я все еще верю в это, хотя ему и трудно измениться. Он словно греческий бог, символизирующий плодородие».

У нее самой были другие способы обрести внутреннее спокойствие. Чтобы хоть как-то утешиться от бесконечных измен Мика, Джерри обратилась к Каббале, мистическому учению в рамках иудаизма, которым увлекались Мадонна, Майкл Джексон, Элизабет Тейлор и другие знаменитости в поисках духовного откровения. Желая сделать что-нибудь приятное для своей жены, Мик не только посещал уроки Каббалы, но и выступил на концерте по сбору средств на распространение этого учения в Лондоне.

Джерри конечно же осталась довольна тем, что ее бывший муж проявил интерес к «духовности», и еще больше ее обрадовало известие о том, что он все-таки обратился к сексопатологу. Но радость ее была недолгой – выяснилось, что на консультации он соблазнил молодую специалистку, Наташу Терри. «Ему нравилось шлепать меня, – вспоминала Наташа. – Я сразу стала смеяться, потому что никогда не увлекалась этим». Что касается ее профессионального мнения, то она утверждала следующее: «Мне кажется, он нечто вроде сексуального вампира. Он встречается с самыми разными людьми, и это заставляет его чувствовать себя молодым и придает ему энергию. Он не может хранить верность одной женщине. Он должен получать удовлетворение от множества женщин сразу».

Такой вывод подтвердился на вечеринке, устроенной продюсером звукозаписи Ричардом Пери в честь поединка между Эвандером Холифилдом и Ленноксом Льюисом за звание чемпиона мира в тяжелом весе в ноябре 1999 года. Мик пришел туда в сопровождении Анджелины Джоли, но на несколько часов исчез с секс-символом другого поколения, Фэрой Фосетт.

В конце 1999 года «Роллингам» (и Мику в отдельности) предлагали миллионы за концерты в честь нового тысячелетия. Мик согласился только на одно предложение – предложение Джерри провести Рождество и Новый год с ней и их детьми. «Мне невыносима мысль встречать новое тысячелетие без Мика, – говорила Джерри. – В каком-то смысле мы все еще любим друг друга. И это чувство не меняется».

Что касается самого Мика, то оставалось неизменным еще одно его чувство – скаредность. «Ему нравится ездить в Марокко и целый день напролет торговаться за пару ковров. Я говорю ему: „Мик, это бедная страна, давай просто дадим им денег“», –

вспоминала Джерри. Характеристика Бьянки была более исчерпывающей: «Да он просто скупердяй Скрудж».

Несмотря на свою жадность – автор публикаций о «Роллингах» Кит Олтхэм часто был свидетелем, как Джаггер пытался дать нью-йоркским таксистам на чай четверть доллара, – Мик все же выделил 4 миллиона долларов на постройку художественного центра Дартфордской грамматической школе, в которой некогда учился. Разумеется, центр после этого назвали в его честь.

На открытии Центра имени Джаггера в марте 2000 года присутствовали его родители, Ева и Джо Джаггеры, и Мик выступил с речью и поделился воспоминаниями о школьных годах без тени ностальгии: «Хорошего было мало. Некоторые учителя били детей. Они давали такую пощечину, что ты падал с ног. А потом еще тянули за ухо, ставили перед всем классом и читали лекцию, продолжая выкручивать ухо».

18 мая, когда Мик был на Каннском кинофестивале с Джерри, пришло известие о смерти восьмидесятисемилетней Евы Джаггер. Майкл, как его называла Ева, всегда питал особые чувства к своей матери и названивал ей по несколько раз за день («Где бы в мире он ни находился, он обязательно позвонит, чтобы спросить, как у нас дела»), посылал цветы, конфеты и делал подарки. За пять лет до этого рядом со своим домом в Ричмонде Мик приобрел «квартиру для бабули» стоимостью 400 тысяч долларов, чтобы лучше заботиться о родителях.

«Мик был очень привязан к Еве, – говорил Кит, который знал Джаггера с детства. – Известие о смерти матери стало для него тяжелым ударом». Потрясенный, Мик полетел в Лондон утешать отца и брата Криса. Присутствующие на похоронах «Роллинги» видели, как Мик едва сдерживает слезы, исполняя любимые гимны Евы: *Morning Has Broken* («Утро настает») и *Will the Circle Be Unbroken* («Не разомкнется ли круг»). «Стоял я у окна в холодный мрачный день, когда приехал катафалк за матерью моей», – пел он дрожащим голосом.

Когда опускали гроб, Мик разрыдался. Джерри машинально взяла его под руку, желая успокоить. Немного собравшись, Мик повернулся, чтобы обнять отца, когда они выходили из церкви. «Некоторые думают, что Майкл плохой мальчик, но он очень хороший сын», – пошутила однажды Ева.

Пять недель спустя родня снова была в сборе, но на этот раз в Сан-Франциско и по радостному случаю: Карис выходила замуж за помощника кинопродюсера Джонатана Уотсона. На этом празднике, будто специально придуманном, чтобы все почувствовали себя членами большой семьи, присутствовали

четыре поколения Джаггеров, в том числе Джо Джаггер, шесть из семи детей Мика, Марша Хант (ныне успешная писательница), Джерри Холл и все внуки Мика. (Тринадцатимесячный Лукас остался в Лондоне вместе со своей матерью Лусианой Морад.)

Мик вел Карис к алтарю, облачившись в традиционный черный костюм и серый жилет. Давно миновало то время, когда он отрицал свое отцовство и целых восемь лет отказывался выплачивать алименты. «Это был такой шок для меня, когда он отвернулся от девочки, – говорила мать невесты. – Но теперь между нами все по-другому, и нет нужды ворошить прошлое».

Мику предстояло еще несколько месяцев вплотную заниматься делами семьи. Когда шестнадцатилетняя Элизабет заявила, что бросает школу, чтобы стать моделью, Мик обвинил в этом Джерри. «Я старалась отговорить ее, насколько возможно, – оправдывалась мать, – но она такая стройная и хорошенькая! К ней постоянно подходили агенты из модельного бизнеса и вручали визитки».

«Я думал, что она будет расти нормальным ребенком, – говорил Мик. – Но это трудно, учитывая, что Джерри – известная модель. Мы постоянно спорили об этом». Мик считал, что Элизабет, которая теперь к тому же еще и курила, просто слишком быстро взрослеет. Когда она отправлялась на вечеринки в Лондоне или в Нью-Йорке, отец все время вызывался сопровождать ее. «Конечно, это не совсем обычно, – говорил один из завсегдатаев лондонского клуба „Граучо“. – При виде Мика Джаггера люди словно сходят с ума. Начинаются крики, суматоха, настоящий хаос. Не уверен, что роль сопровождающего состоит в этом».

А потом еще стало известно, что Джерри собирается впервые выступить на сцене обнаженной, играя в вест-эндском театре роль миссис Робинсон в пьесе «Выпускник». Из Техаса Мику позвонила мать Джерри и потребовала принять меры. «Как только моя дочь посмела пойти на это? Это ведь так унизительно! Она мать четырех детей, она обедала с членами королевской семьи! А теперь она все испортит!»

Мик же считал, что лучше не вмешиваться. Сама Джерри объясняла, что играет роль женщины, которая «состоит в браке, но не любит своего мужа, а ее муж не любит ее. Она преисполнена гнева, так же как и я, после всего пережитого, и я хочу выплеснуть его!»

На июльскую премьеру в театре «Гилгуд» пришли сам Мик и несколько его детей. В какой-то момент Джерри сбросила полотенце и предстала перед публикой полностью обнаженной. «Хоп! И тут такое началось, – вспоминала Джерри. – Фотографы

свисали с балкона, толпились по проходам. Настоящий ад». В свое время Холл отказалась сняться обнаженной для журнала «Плейбой» за миллион долларов, «а тут все эти люди получили снимки совершено бесплатно. Я рассердилась».

Мик с его практичным подходом к жизни прекрасно ее понимал. Он руководил финансами *Rolling Stones*, следил за бюджетом «Энигмы», занимался своей сольной карьерой, и при этом у него хватало времени на новые финансовые планы. В ноябре Джаггер вместе с рок-группой *U2* основал офшорный трест по инвестициям в недвижимость с бюджетом в 200 миллионов. Новая компания, зарегистрированная на Нормандских островах, вкладывала средства в небольшие офисы и магазинчики на окраинах лондонского Вест-Энда и Доклендса. Мик впервые занимался коммерческой недвижимостью, но у *U2* уже был опыт в этой области. Ирландская группа получила огромную прибыль, расширив и продав сеть отелей «Мальмезон». Позже Боно и Эдж приобрели и перестроили знаменитый дублинский отель «Кларенс».

К сожалению, совместное с *U2* предприятие привлекло нежелательное внимание к состоянию Мика, которое на тот момент оценивалось уже в 300 миллионов долларов. Многие недоумевали, почему Мик не может выплатить Лусиане Морад пресловутые 8 миллионов, которые она требовала на содержание Лукаса.

Но, несмотря на судебное разбирательство, Мик все же пытался расположить к себе малыша. В лондонском парке видели, как он возит Лукаса в коляске, а потом наклоняется и дает ему игрушечный деревянный поезд. Когда папа начал строить рожи, Лукас залился радостным смехом.

«Лукасу нужен отец, – говорила Лусиана. – Мик души в нем не чает… Он ужасно балует Лукаса и, мне кажется, хочет встречаться с ним еще чаще». Возможно, так и было, но мать Лукаса надеялась на нечто большее, чем воссоединение отца и сына. «Я до сих пор верю в наше совместное будущее, – настаивала Лусиана. – Сейчас мы близкие друзья, и я не исключаю, что мы снова будем вместе».

Жоан Морад, отец Лусианы, с ней категорически не соглашался и неизменно называл отца своего внука «грязным старикашкой».

Такое определение вполне подходило к персонажу, сыгранному Миком в фильме «Человек с Елисейских Полей», съемки которого начались в ноябре того года. В этом фильме, где также снимались Энди Гарсия, Джулианна Маргулис, Анджелика Хьюстон и Джеймс Кобурн, Мик сыграл роль лощеного владельца

фирмы, принимающей на работу мужчин для эскортного обслуживания богатых дам. «Мы исцеляем раны одиноких женщин, страдающих от эмоциональных потрясений и душевной боли», – говорил Мик персонажу Гарсии.

«Только женщин?» – спрашивал Гарсия.

«Называйте меня старомодным», – отвечал Мик.

«Дело не столько в ответе, сколько в том, как Мик его подает. Так произнести эту реплику мог только Мик Джаггер», – писал критик Роже Эбер в следующем году, после выхода фильма на экраны. В целом фильм «Человек с Елисейских Полей» получил смешанные отзывы и провалился в прокате. Но это не помешало Эберу включить его в десятку лучших фильмов года, в частности благодаря «отважной безмятежности» Мика.

Исполняя эпизодические роли, Джаггер уже не стремился к мировой известности в качестве актера. Свой интерес к кино он теперь проявлял за камерой.

Вместе с Лорном Майколсом, создателем «Субботнего вечера в прямом эфире», Мик продюсировал фильм «Энигма» и привлек таких актеров, как Кейт Уинслет, Дугрей Скотт и Джереми Нортэм, а также несравненную Саффрон Берроуз. (Мик появляется в кадре ненадолго, в роли танцующего офицера *BBC*; в другой эпизодической роли снялась его дочь Лиззи.)

Поскольку фильм посвящен тому, как во время Второй мировой войны союзники взломали секретный код используемой нацистами шифровальной машины «Энигма», Мик приобрел одну такую машину на аукционе «Сотбис» и показал ее начальству студии «Парамаунт». «Очень полезная штука для демонстрации, помогает сдвинуть дело с мертвой точки, – объяснял он. – Она доказывает, что это не просто теоретическая чушь. Машина на самом деле существовала и работала!»

На съемочной площадке Мик-продюсер настраивал актеров на рабочий лад своими вариациями на хиты 1940-х Томми Дорси, Бенни Гудмена и Гленна Миллера. «Мик понимал то, что не понимают некоторые продюсеры: актерам важно почувствовать дух той эпохи и времени, важно вжиться в исполняемую роль, – говорила Уинслет. – Это говорило о внимании к деталям и много значило для актеров, ведь звучали песни военного времени, каким его видел Мик».

Режиссер Майкл Эптед («Дочь шахтера», «Гориллы в тумане») привык к тому, что Мик появляется на площадке в четыре часа дня, то есть через девять часов после начала съемок. «В иные дни он только раздражал, как и все продюсеры, – вспоминал Эптед. – Но в другой раз я смотрю на него и думаю: „Блин, да это же Мик Джаггер!“»

Мик и сам понимал, что он, «кажется», раздражает и отпугивает даже самых известных режиссеров и актеров. «Но я об этом как-то не думаю. Я стараюсь познакомиться с людьми в их рабочем окружении и забываю, кто они за пределами площадки, – размышлял Мик. – Ну, то есть если бы я все время орал и скакал в грязных одеждах, как я выступаю на сцене, это немного утомляло бы. Не станешь же кричать посреди декораций: „Ну что, у всех все в порядке?!“»

Стараясь привлечь внимание знаменитостей к фильму «Энигма», Мик усердно обменивался сплетнями с директорами радиостанций на кинофестивале «Сандэнс» и пожимал руку принцу Чарльзу на премьере для королевской семьи в Лондоне. Но, несмотря на все его усилия, фильм собрал в американском прокате менее 35 миллионов долларов, что Мика нисколько не смутило. «Когда любишь работу, ее можно делать и за очень маленькие деньги», – сказал он.

Впрочем, Мик никогда не забывал про деньги – особенно про то, как скрывать их реальное количество. Испугавшись, что в нью-йоркском суде по делу о признании отцовства ему придется назвать сумму своего состояния, Мик наконец-то подписал соглашение с Лусианой Морад. Он обязался выплатить ей 5 миллионов и выделять 25 тысяч в месяц на содержание Лукаса.

Мику разрешили заключить соглашение по телеконференции из Лондона, и он устроил из этого настоящее представление, немало позабавив судей. Когда его попросили назвать свой адрес, Мик сказал, что это поместье Старгроувз на острове Мустик в Карибском море (настоящий «рай для налогоплательщиков»).

«Стар… что?»

«Старгроувз, – повторил Мик заплетающимся языком. – Хотите, чтобы я продиктовал по буквам?»

После ему задали вопрос, не пьян ли он и не принимал ли недавно наркотиков.

«Не-е-е-ет», – протянул Мик с иронией в голосе.

Не подписывает ли он соглашение против своей воли, под угрозой?

«О не-е-ет».

Половина присутствующих содрогались от хохота.

Лусиана, которая к тому времени уже вела свое популярное телешоу на бразильском телевидении, вздохнула с облегчением. «Я не хотела идти в суд, – говорила она. – Мне это далось с большим трудом. Мы оба чувствовали себя дураками, вынужденными платить за услуги адвокатов. Каждому пришлось пойти на небольшие уступки. Мне – на эмоциональные, ему – на финансовые».

Поскольку они жили далеко друг от друга, Мик вряд ли собирался так уж часто видеться с Лукасом. Но он проводил время с ним в Лондоне и Нью-Йорке, звонил по крайней мере раз в неделю и, как и других своих детей и внуков, заваливал его подарками на день рождения и Рождество. «Мик – чудесный отец! – удовлетворенно восклицала Лусиана. – И он много знает о детях, потому что у него самого их много!»

По поводу же их совместного будущего Лусиана говорила следующее: «Я буду восхищаться Миком всегда. Он такой сексуальный пожилой мужчина. Мне даже его морщины кажутся сексуальными. Но сейчас я хочу с ним только дружить. У нас общий ребенок, и ради ребенка нам нужно поддерживать дружеские отношения».

Высказывания Лусианы по поводу встреч с пожилыми мужчинами начинали походить на слова Карлы Бруни. «Теперь я стараюсь держаться подальше от женатых и вообще от мужчин, которые встречаются с кем-то еще. У всех женатых мужчин должно быть написано на лбу большими буквами слово „Женат“». Но Лусиана также признавала, что попасть под обаяние Мика очень легко. «Он такой сексуальный. Каждый раз, как он со мной разговаривает, это нечто. Интересно, будет ли и Лукас так же сводить девчонок с ума?»

И все же оставался невыясненным вопрос – неужели Лусиана забеременела только для того, чтобы завлечь Мика в ловушку? «Глупо думать, что я забеременела специально. Я не такая девушка!» – повторяла она, возмущаясь даже скрытыми намеками на подобную хитрость.

Усердно работая над четвертым сольным альбомом, Мик с напускной скромностью утверждал, что теперь его связывает с женщинами лишь «дружба». «Я уже привыкаю к одиночеству, – говорил он. – Теперь большинство ночей я провожу, обнимая лишь грелку. У меня для нее есть даже кашемировый чехол от „Барберри“…»

Но его слова никого не обманывали. После разрыва с Джерри Мик принялся с удвоенной силой ухаживать за молоденькими девушками. «Мику не нравится быть одному, и ему не нравится возвращаться домой, – говорил Кит Бэджери, личный шофер Джаггера на протяжении четырнадцати лет. – Он отправляется на ужин, затем на две-три вечеринки и в три часа ночи все еще названивает по телефону, пытаясь кого-нибудь найти…»

Бэджери регулярно получал ключи от номеров отелей по всему миру под разными псевдонимами (особенно любимыми были Мистер Арчер и Дэвид Джеймс), а потом подвозил Мика с девушкой к черному входу.

Даже в тех редких случаях, когда Мик ночевал в гостинице один, он обязательно оставлял на стойке регистрации длинный список своих требований. Кроме четырех бутылок вина (две красного, две белого), разных сортов пива, свежезаваренного яванского кофе, свежесрезанных цветов в каждой комнате, окна спальни должны были закрывать листы черной фотобумаги. «У меня очень чуткий сон», – объяснял Мик.

Имена большинства подруг Мика того периода неизвестны. Бэджери вспоминал, что одна девушка была из Челси, другая из Ноттинг-Хилла. Одной из самых странных знакомых оказалась некая француженка, которую Мик совершенно случайно встретил на улице. Они обменялись телефонами, после чего Мик месяца три появлялся в ее квартире в Западном Лондоне, всякий раз принося с собой еду из китайской закусочной. «Лично я считаю это признаками одиночества, – делал вывод Бэджери. – Можно заниматься сексом семь дней в неделю, но при этом в жизни отсутствует что-то очень эмоционально важное».

Когда же Мику не удавалось кого-нибудь «закадрить», он проводил ночи в клубах вплоть до самого утра. Писатель Доминик Мохан вспоминает типичный случай, когда Джаггер в два двадцать ночи сидел в клубе «Кабаре», расположенном в подвале дома в лондонском районе Сохо. В одном углу потягивала шампанское супермодель Кейт Мосс, в другом «болтался» Ронни Вуд; и вдруг диджей решил поставить песню *Jumpin' Jack Flash* («Джек-попрыгунчик»). Тут из тени вышел Мик и стал подпевать. «Он надувал свои самые знаменитые губы на свете, приглаживал руками волосы, вертелся на каблуках, хлопал в ладоши и вилял бедрами… – вспоминал Мохан. – Все мы видели, как пьяные гости на свадьбе подражают Джаггеру, но это был оригинал».

Приковав к себе глаза всех присутствующих, Мик продолжил танцевать под звуки песен *Satisfaction* и *BrownSugar* («Коричневый сахар»). «Получилось очень смешно для пожилого мужчины с морщинами, – говорил Мохан. – Когда он заводится от внимания публики и забывает о том, где находится, он просто становится ходячей карикатурой».

Джерри, уставшая делить дом в Ричмонде с Миком («Я сказала ему, что пора заканчивать!»), соглашалась с Бэджери в том, что Мик «боится оставаться один». «Мне кажется, ему сейчас очень трудно, – говорила она. – Ну, то есть он как наркоман. Уверена, что скоро он найдет кого-нибудь еще, кому можно будет изменять. Бедный Мик».

Этим «кем-то» оказалась очередная модель, изящная, как статуэтка, блондинка Софи Даль, дедушками которой были

известный детский писатель Роальд Даль (автор повестей «Чарли и шоколадная фабрика» и «Джеймс и гигантский персик») и английский актер Стэнли Холлоуэй (более всего известный по роли отца Элизы Дулитл в фильме «Моя прекрасная леди» 1964 года), а бабушкой – легендарная голливудская актриса Патриция Нил.

При этом Мик все еще пытался запретить своей семнадцатилетней дочери Лиззи заниматься модельным бизнесом и уговаривал ее вернуться в школу. Но когда Лиззи и ее двадцатитрехлетняя подруга Софи вышли на сцену нью-йоркского караоке-бара, чтобы спеть песню *You're So Vain* («Ты так тщеславен») Карли Саймон, папа не стал церемониться и охотно познакомился с подружкой дочери.

Другая дочь Джаггера, двадцатидевятилетняя Джейд, не слишком радовалась новой пассии отца. «Только не приводи домой своих молодых подруг, папа, – говорила она – По крайней мере тех, кто моложе и крупнее меня. Пожалуйста».

Софи, пышнотелая модель весом восемьдесят два килограмма, прославилась благодаря пикантной рекламе духов «Опиум». Но к моменту встречи с Джаггером она похудела на двадцать два килограмма и преобразилась в изящную красавицу восьмого размера.

Вскоре Мик стал названивать ей по телефону и предлагать провести время в каких-нибудь не слишком известных клубах и ресторанах. «Мик с Софи сидели на заднем сиденье и часто смеялись, – вспоминал шофер Джаггера Кит Бэджери. – Однажды ночью он так налег на нее, что мне пришлось покинуть машину, чтобы им не мешать. Автомобиль какое-то время раскачивался, а потом она вышла». Софи вернулась домой, а Бэджери сел обратно. Мик облизал губы и сказал: «Это была Софи».

Тот факт, что он старше ее на тридцать четыре года, а она на шесть лет моложе его дочери Джейд, Мика нисколько не смущал. Но этого нельзя было сказать об американской бабушке Софи Патриции Нил. Актриса, сыгравшая в 1963 году в знаменитом фильме «Хад» вместе с Полом Ньюманом и получившая «Оскар», отнюдь не отличалась пуританскими взглядами; за пятьдесят лет до этого в легенды вошла ее скандальная связь с женатым Гэри Купером. Но Джаггер ей не нравился как человек, и она строго наказывала своей внучке не иметь ничего общего с ним. «Держись подальше от этого негодяя», – говорила она без обиняков. «Если Софи встречается с ним, то она просто сошла с ума. Софи такая милая девочка. Я сказала ей, что этот нехороший человек разобьет ей сердце. Терпеть его не могу».

Американский актер и режиссер Гриффин Данн, давно

ухаживавший за Софи, разумеется, тоже был не в восторге. Когда он узнал, что Мик с Софи уединились в номере лондонского отеля «Лейнсборо», ночь в котором стоит 2000 долларов, он поспешил разорвать с ней отношения.

Через семь месяцев, в августе 2001 года, Софи сама оставила Джаггера, успев перед этим подать ему идею, как назвать новый сольный альбом. Для человека, более чем годящегося ей в отцы, Софи была «Богиней в дверном проеме» *(Goddess in the Doorway)*.

Мик между тем не стал терять зря времени и на парижском показе мод познакомился с еще более юной моделью, шестнадцатилетней шведкой Каролиной Винберг. Они обменялись телефонами, и несколько последующих дней Мик буквально терроризировал ее своими звонками. Позже он отрицал этот факт и утверждал, что это она названивала ему, выпрашивая билеты на концерт. «Смешно даже предполагать, будто я преследовал Каролину», – говорил он.

Но Каролине было не смешно; она утверждала, что позвонила Мику только один раз и никаких билетов не спрашивала. «Он позвонил мне первый. Я нашла его очаровательным, и мы хорошо поболтали… Он часто звонил и говорил, что хочет встретиться, но я отвечала отказом. Он хотел, чтобы я ездила вместе с ним по гастролям. Мик мне нравился как друг, но в роли любовника я его не рассматривала. Мик же одного возраста с моим дедушкой».

«Ему почти шестьдесят, – вторила своей дочери ее мать Камилла, которой исполнился сорок один год. – Когда мужчина в таком возрасте ухаживает за семнадцатилетней красоткой, совершенно понятно, чего он добивается. Его поведение зашло слишком далеко и даже немного пугает. Каролина не хочет, чтобы он ее преследовал».

Меньше всего Мику сейчас хотелось думать о том, что через пару лет ему исполнится шестьдесят. Но именно об этом напомнил всем британский журнал для пожилых людей «Сага», опубликовав его фотографию на обложке сентябрьского выпуска. В статье, перемежавшейся рекламными объявлениями о спокойном отдыхе в поселках для пожилых и о продаже ортопедических кроватей, Мик рассуждал на самые разные темы, от музыки до съемок фильма «Энигма».

Оказаться на обложке журнала «Сага» и поделиться своими планами перед миллионом его читателей были бы рады многие звезды на шестом десятке лет, от Твигги до Голди Хоун и Стинга, но появление в нем Джаггера многим журналистам показалось почему-то особенно смешным. В *Daily Mail* его назвали «Джеком-попрыгунчиком в кресле», а в британском *Vogue* окрестили «пенсионером с обложки».

Мик выступил с публичным заявлением, в котором говорил, что «очень разочарован» этой шумихой вокруг его интервью журналу «Сага», хотя на самом деле был не столько «разочарован», сколько кипел от злости. «Я думаю, что глупо вести себя все время, будто тебе семнадцать, но это не значит, что нужно превращаться в старую развалину, сидеть в пабах и вспоминать о том, что было в шестидесятые».

Мик все еще страдал от уязвленного самолюбия в своем шато Ла-Фуршет, когда в его кабинет вбежал один из работников и попросил срочно включить телевизор – несколько секунд назад в одну из башен-близнецов Всемирного торгового центра в Нью-Йорке врезался самолет. Как и миллионы людей по всему миру, Мик с замиранием сердца вглядывался в картинку и с ужасом наблюдал, как во вторую башню врезается еще один самолет.

«Телефон, срочно, – крикнул он. – Лиззи! Она в Нью-Йорке!»

«Я стала одной из четырех тысяч женщин… И никогда не чувствовала себя виноватой».

Карла Бруни-Саркози

«Я никогда не влюблялся сильно, до безумия. Я просто не очень эмоциональный человек».

Мик

«Мик любит Кита, вы же знаете. Они все равно что семейная пара».

Джерри Холл

Глава девятая
«Как начнет дрыгать задом – не остановишь»

Мик запаниковал. Лиззи жила на Манхэттене, в модном районе Трайбека, всего лишь в пятнадцати кварталах от места трагедии. Семнадцатилетняя дочь Джаггера была на показе мод в Турции, но как раз в этот день собиралась вернуться домой.

Мысли в голове Мика путались. Он схватил телефон и позвонил в нью-йоркскую квартиру дочери. Никто не отвечал. Тогда он попробовал позвонить по сотовому, но опять ответа не было. В отчаянии Мик набрал номер Джерри, которая тогда находилась в их доме в лондонском пригороде Ричмонд. Джерри залилась слезами. Она тоже не могла дозвониться до дочери или хотя бы до ее кавалера, южноафриканской модели Дамиена Ван Зила.

Несколько часов они старались дозвониться хотя бы до кого-нибудь, кто видел их дочь, но безуспешно. «Я был в шоке, – вспоминал Мик. – Меня охватило ужасное чувство обреченности». Телефонные линии были перегружены, но Джерри наконец удалось связаться с Лиззи через семью Ван Зила в ЮАР. «Это было очень странно», – признался Мик.

Лиззи тоже пребывала в шоке. Как и многие жители Нью-Йорка, она своими глазами видела крушение башен, но находилась в целости и сохранности.

За последние тридцать лет Мик немало раз бывал в Нью-Йорке и даже жил там некоторое время, поэтому он очень сочувствовал ньюйоркцам. «Мне очень нравится этот город, – говорил он. – Мне он ближе, чем любой другой город в США, и я очень хорошо знаю его. Да, действительно ощущаешь некую близость с ним, особенно в трудные времена». Как и многие его американские знакомые, и не только жители Нью-Йорка, Джаггер испытывал, по его словам, «ужасное чувство потери. Америка всегда была местом, где мы считали себя в безопасности, и очень трудно признать, что больше это не так».

Долгое время он приходил в себя. «Многие говорят, что не могли ничего делать несколько недель, и у меня тоже было такое ощущение. Моя жизнь, то, чем я занимаюсь, – все это казалось таким банальным. Но после шока и траура нужно возвращаться к реальности… Нельзя идти у террористов на поводу и менять свой образ жизни. Им бы этого и хотелось. Это победа».

«Люди лишились почвы под ногами, – продолжал он, – но нельзя терять надежду и присутствие духа. Да, ты скорбишь, сидишь как приклеенный перед телевизором и смотришь канал CNN чаще, чем следовало бы… но, в конце концов, нужно продолжать делать то, что делаешь».

Разумеется, Мик с Китом согласились принять участие в устроенном Полом Маккартни концерте в честь 343 пожарных и 87 полицейских, погибших одиннадцатого сентября. Концерт прошел 20 октября на Мэдисон-сквер-гарден и транслировался по всей стране. О выходе очередных звезд на сцену объявил бывшая звезда «Субботнего вечера в прямом эфире» Майк Майерс (известный также по фильмам «Мир Уэйна», трилогия «Остин Пауэрс» и «Шрек»). Джаггер с Ричардсом спели две песни, которые Мик счел наиболее подходящими для такого случая: *Salt of the Earth* («Соль Земли») и *Miss You* («Скучаю по тебе»). Всего концерт, на котором, помимо близких друзей Мика, Дэвида Боуи и Эрика Клэптона, выступили Билли Джоэл, Элтон Джон, Джеймс Тэйлор, *Destiny's Child* и Бон Джови, собрал 30 миллионов долларов в фонд помощи семьям погибших. «Я почувствовал, что мы делаем доброе дело, и я был очень доволен выступлением», – сказал Мик после концерта.

Сделав все, что было в его силах, Мик вернулся в Париж и стал готовиться к выходу альбома *Goddess in the Doorway* («Богиня в дверном проеме»). Помня о неудачных продажах двух своих предыдущих сольных альбомов, на средства он не скупился и привлек к работе не только своих знакомых Ленни Кравица, Жана Вайклифа и Пита Таунсенда из *The Who*, но и Роба Томаса из *Matchbox 20*, Боно и гитариста *Aerosmith* Джо Перри. Мик прекрасно представлял, как другие «Роллинги» отнесутся к такой разношерстной «группе», и поспешил выступить со следующим заявлением: «Я не верю в группы, созданные для сольных выступлений. Это бессмысленно. То есть у меня и так уже есть очень хорошая группа».

Когда его попросили объяснить, почему же он, ведущий вокалист, предпочел работать над альбомом без своей «такой хорошей группы», которую ценят во всем мире, Мик сказал: «Потому что все в *Rolling Stones* решается голосованием, а демократия в музыке – не всегда хорошо».

На этот раз Мик смешал в своем альбоме фанк, танцевальные мелодии, баллады о любви и торжественные гимны. Джерри считала, что все песни посвящены ей. «Джерри всегда думает, что я пою про нее. Очень мило с ее стороны», – пожимал плечами Мик. Но песня с говорящим названием *Don't Call Me Up* («Не звони мне») вовсе не была посвящена Джерри, а служила напоминанием

о Карле Бруни, которая несколько лет продолжала звонить Мику даже после бурных пререканий с Джерри Холл.

Желая заручиться поддержкой широкой американской телеаудитории, Мик согласился на предложение оскароносца Кевина Макдональда сделать документальный фильм о его жизни в течение года. Многие кадры сняты самим героем фильма на ручную камеру: вот он работает над «Богиней», вот присутствует на премьере «Энигмы», вот в доме Элтона Джона посещает костюмированную вечеринку в духе венецианского карнавала. Мик заходит в самолет и выходит из него, Мик сводит треки в студии звукозаписи, Мик обедает с Боно на террасе. Пожалуй, самыми трогательными получились сцены с близкими, показывающие наиболее интимные семейные моменты: одноминутный эпизод того, как Мик играет с маленьким Габриэлем, и эпизод, когда Мик спрашивает грызущую ногти девятилетнюю Джорджию: «Тебя что-то беспокоит? Может, домашнее задание?» «Папа, я просто грызу ногти!» – отвечает Джорджия, закатывая глаза.

Мик соглашался с тем, что, как всякий родитель, он иногда ставит своих детей в неловкое положение. «Ну да, дети постоянно меня стесняются, – признавался он. – Они говорят: „Не надо так одеваться. Не нужно приходить в школу в таком виде – только не в этих брюках“. Иногда они правы. Но иногда сами без спроса берут мои вещи и носят их». При этом молчаливо подразумевалось, что он носит одежду примерно того же размера, что его сын-подросток и дочери.

«У меня такая большая семья, и я их обожаю», – восхищался Мик, сопровождая слова жестами, будто все дети сейчас сидят у него на коленях.

Когда фильм показали по каналу *ABC* в День благодарения, Макдональд во вступительном слове сказал, что ставил перед собой цель создать портрет «загадочного человека, немало пережившего… Самое замечательное в Мике то, что он до сих пор идет по жизни уверенно и с воодушевлением».

Вскоре оказалось, что источником его вдохновения стала очередная брюнетка ростом метр девяносто два сантиметра, тридцатишестилетняя модель и стилист, с которой он познакомился в Париже в ноябре. У нее было причудливое имя Лоурен Скотт *(L'Wren Scott)* (на самом деле ее звали Луэнн Бамбро), и в детстве ее удочерили глубоко верующие супруги-мормоны. Мать ее работала в банке, а отец был страховым агентом и мормонским епископом; выросла она в небольшом городке под названием Рой, в штате Юта.

«Все там были невысокими, русоволосыми, со светлой

кожей, – вспоминала Бамбро, – а я – высокой, с длинными черными волосами и темной кожей. Ну да, я все время ощущала себя непохожей на других». В детстве она восхищалась румынской гимнасткой и олимпийской чемпионкой Надей Команечи, но учителя заставляли Лоурен ходить на баскетбол. «Как вы смеете мне говорить, что я слишком высокая для гимнастики!» – вспоминала она свои тогдашние мысли. Она все равно занималась гимнастикой и балетом, всячески подчеркивая красоту своих ног, длина которых составляла сто шесть сантиметров.

Скотт только что исполнилось восемнадцать, когда фотограф Брюс Уэбер снял ее и ее бойфренда в рекламе Кельвина Кляйна. «Здесь на тебя спроса никогда не будет», – сказал Уэбер и посоветовал первым же рейсом лететь во Францию. Но и в Париже выяснилось, что она слишком высока для большинства домов моды.

Хотя на ее ноги спрос был. Они стали «стрелками» часов, тикающих под песню *All Day and All of the Night* («Весь день и вся ночь») группы *Kinks* в знаменитой рекламе колготок «Претти Полли», снятой Дэвидом Бэйли; ее ноги запечатлели известные фотографы Жан-Поль Гуд и Ги Бурден, работы которых печатались на разворотах журналов. Таким образом, Скотт стала уникальной фигурой в парижской модной среде, и вскоре модель с экзотической внешностью завела знакомство с такими ведущими дизайнерами, как Тьерри Мюглер и Карл Лагерфельд.

«Меня всегда занимало происходящее за сценой, – вспоминала Лоурен о своих первых годах в Париже. – Я знакомилась с дизайнерами ткани, смотрела, как делают одежду».

В 1994 году она вернулась в США и оказалась в Лос-Анджелесе, где ее знакомая модель Хелена Кристенсен представила ее фотографу Хербу Риттсу, делавшему снимки для обложек журналов *Rolling Stone* и *Vanity Fair*. Сначала Риттс, а потом и фотографы Хельмут Ньютон с Марио Сорренти стали приглашать Лоурен для создания образов героинь Николь Кидман, Пенелопы Крус, Дженнифер Лопес, Сары Джессики Паркер и Сандры Баллок. Эти фотографии появлялись на разворотах, на обложках и в рекламе. В 2000-е годы ее наняли директором по стилю церемонии вручения премии «Оскар», первым директором по стилю в истории Академии киноискусств.

Воспользовавшись своими голливудскими знакомствами, Лоурен разработала костюмы для нескольких фильмов, в том числе для фильма Стэнли Кубрика «С широко закрытыми глазами» (где снималась Николь Кидман со своим тогдашним

мужем Томом Крузом, кстати, тоже ниже ее ростом), а также для фильмов «Дьяволицы» и «Тринадцать друзей Оушена».

По собственному признанию Лоурен, ее сокровенной мечтой было основать свой дом моделей, но пока что она довольствовалась ролью последней из целой вереницы длинноногих моделей в жизни Джаггера. Вскоре они стали жить в одном номере отеля «Карлайл» и вместе появляться на праздничных вечерах и премьерах.

Для тех, кто видел комиксы про Матта и Джеффа, сравнение этой парочки с рисованными персонажами казалось неизбежным. Будучи выше Джаггера по крайней мере на восемнадцать сантиметров – по поводу реальных цифр ходили разные домыслы, – она старалась для совместных фотографий незаметно подгибать ноги. Но в остальном она нисколько не стеснялась своего роста и редко носила обувь на низкой подошве, когда можно было похвастаться туфлями Джимми Чу на двенадцатисантиметровых каблуках. Редко улыбающаяся и почти всегда с ног до головы одетая в черное, с черным лаком на ногтях и черными как вороново крыло волосами, Лоурен наводила на мысли еще об одном персонаже комиксов и кино – Мортиши из «Семейки Аддамс».

«Рост никогда не играл роли в отношениях», – говорила Лоурен, до этого три года встречавшаяся с лондонским магнатом недвижимости Эндрю Ладски, чей рост составлял один метр шестьдесят два сантиметра. Также она была замужем за бизнесменом из Лос-Анджелеса Энтони Брэндом, который был не намного выше Ладски. «Вот интересно, кто же был выше – Адам или Ева?»

Помимо известной слабости Мика к высоким моделям на несколько десятилетий младше его, эту странную пару связывало кое-что еще. Как утверждала их подруга Рейчел Фейнштейн Каррин, Мик и Лоурен разделяли «любовь ко всему грандиозному и вычурному», будь то живопись, архитектура или мода. Кроме того, как добавил один их нью-йоркский знакомый, «Лоурен не требует к себе внимания, она не цепляется к другим. Она зрелая, умная и практичная, тогда как большинство людей в модельном бизнесе этим не отличаются. Ее не привлекают узы брака, и в данный момент это Мику, естественно, нравится».

Примерно так же охарактеризовала Лоурен Скотт и ее мать, а кому лучше знать характер дочери, как не ей. «Лоурен независима и не даст одурачить себя, каким бы знаменитым ни был этот человек, – говорила Лула Бамбро, деловая женщина из Юты, врожденное чутье которой еще в детстве производило впечатление на Лоурен. – Обычно она знает, чего хочет, и

получает это». Несколько лет спустя Лула Бамбро выдвинула свою теорию, объясняя, почему отношения между ее дочерью и Миком до сих пор сильны, несмотря на мелкие прегрешения последнего: «Меня это вовсе не удивляет. Лоурен приручила его. Она женщина себе на уме, и, как я догадываюсь, именно поэтому она и нравится Мику». (Позже Лоурен отблагодарила мать за преданность, назвав новую модель дамской сумочки в ее честь.)

Каким бы странным это ни казалось, но когда Мик приезжал в Англию, он продолжал жить по соседству с Джерри. «Мик несчастлив, – говорила Джерри Холл. – Я ему нужна как страховка, как женщина, которую можно покинуть и отправиться играть с другими женщинами. Ему недостает этой страховки, и поэтому он до сих пор не переехал из дома, рядом с которым я живу с детьми. Но ему придется скоро переехать. Становится просто смешно; получается, что я никак не могу избавиться от него».

Но этого не произойдет, добавила она, пока Мик не примет сознательное решение «встретиться лицом к лицу со своими демонами и прекратить бегать за юбками…».

«Встреча с демонами» явно не входила в список приоритетных задач Мика. Пока что он усердно рекламировал свой альбом *Goddess in the Doorway* («Богиня в дверном проеме») и делал для этого все, что его просили, и даже больше: премьерные показы документального фильма на телевидении, интервью на каналах *VH1* и *MTV*, беспрецедентное количество публикаций и интервью в прессе. Но руководство «Вирджин Рекордз» считало, что необходимо охватить рынок подростков и молодых людей, образующих целевую аудиторию «Поколения Y».

В целях так называемого ребрендинга Мика Джаггера они обратились к Интернету. Был создан новый сайт *mickjagger.com*, напоминающий типичный сайт молодежного рок-идола, с фотографией Мика в расстегнутой черной рубашке.

В качестве примера была выбрана рекламная кампания Бритни Спирс, которая в девятнадцать лет буквально штурмом взяла Олимп поп-музыки. Руководство «Вирджин» намеревалось охватить и ее поклонников. «Это кажется невозможным, если не смешным», – говорил Крэг Маркс, музыкальный редактор журнала «Блендер». Маркс обращал внимание на тот факт, что Бритни Спирс выпустила свою версию *Satisfaction* и что молодых фанатов нужно еще убеждать в том, что эту песню написала не она, а Джаггер. Для этого Мику пришлось бы разве что выпустить «кавер на кавер Бритни. Надеяться на то, что можно просто создать сайт и какая-нибудь четырнадцатилетняя Мелисса побежит покупать запись Джаггера, – это пустая трата времени и

денег».

Сам Мик находил образ озорной школьницы с косичками довольно соблазнительным. (В то время она выходила на сцену и снималась в клипах в школьной форме с клетчатой юбкой.) Как выразился один давний гастрольный администратор «Роллингов», едва Мик узнал, что Бритни встречается с Джастином Тимберлейком из группы *'N Sync*, «было прямо видно, как в его голове завертелись шестеренки». Интереса добавил и тот факт, что некогда она вместе Тимберлейком была звездой обновленного шоу «Клуб Микки-Мауса» на канале «Дисней». «Бритни-мышкетер? Интересно, захочет ли она примерить большие уши?» – шутил Джаггер.

Мик несколько лет преследовал Спирс, забрасывая ее электронными письмами и изводя бесконечными звонками. Но безуспешно. «Он гениален, он легенда, и он до сих пор сексуален и хорошо танцует, все это понятно. Но ради бога, он же ровесник моего дедушки!» – сказала она одной из своих бэк-вокалисток.

Что же касается профессиональных качеств, то все сравнения с Бритни Спирс Мика не только утомляли, но и оскорбляли. («Как у нее получается петь таким голосом? Гелием, что ли, надышалась?» – выпалил он однажды.) Как-то раз он услышал звуки *Satisfaction* в исполнении Спирс, доносящиеся из спальни его девятилетней дочери Джорджии. «Начало нам немного понравилось, но продолжение было не очень», – оценил он перепевку.

К сожалению, примерно так же критики отзывались о его альбоме *Goddess in the Doorway* («Богиня в дверном проеме»). Критики в один голос расхваливали сольный альбом Пола Маккартни *Driving Rain* («Управляя дождем»), вышедший примерно в то же время, а вот «Богиню» большинство разносило в пух и прах (за исключением Жана Венера из журнала *Rolling Stone*, который поставил альбому пять звезд). «Если новообретенная умиротворенность Мика старит его, то у Пола до сих пор хватает духа задавать жару», – писал Бенджамин Наджент из газеты *Times*. Что до попыток Мика осовременить звучание, то, как писал Наджент, «создается стойкое впечатление, что старые парни и драм-машины не сочетаются друг с другом». Критик Джим Фарбер из нью-йоркской *Daily News* охарактеризовал песни Мика как «шаблонные, ограниченные и не трогающие за душу». Маккартни же, по его мнению, «лучше всего раскрыл мелодию… Даже самые простенькие его песни о любви отличаются великолепными мелодиями».

Если Мик надеялся услышать слова утешения из уст своего друга и духовного близнеца, то он жестоко разочаровался. На

вопрос, что он думает о «Богине в дверном проеме», Кит Ричардс ответил: «О чем? О „Говнине в дверном проеме“? Я послушал три песни и сдался. Иногда просто не веришь своим ушам. Ведь вместе с «Роллингами» он поет великолепно. Лучше держать его на коротком поводке».

Вкусы, конечно, у всех разные, но лучше всего о достоинствах альбома говорили цифры продаж, а они также были неутешительными. После беспрецедентной для Джаггера раскрутки его сольного проекта в первый день были проданы лишь 954 экземпляра. Для примера – в день выхода альбома Робби Уильямса *Swing When You're Winning* («Свингуй, когда выигрываешь»), также подвергшегося резкой критике, было продано 73 600 экземпляров. В том году Мика Джаггера обогнали восемьдесят четыре исполнителя, включая детскую группу *Tweenies*, а также английского певца и танцора Деза О'Коннора.

Говорят, что, пытаясь отвлечь внимание публики от цифр продаж, пресс-менеджер Мика Бернард Дохерти подговорил руководство лондонской *Daily Mirror* напечатать статью о предполагаемой связи Джаггера и одной молодой британской актрисы. На следующий день Мик и актриса выступили с яростными опровержениями.

Ужасные показатели продаж «поразили всех», как признавался один из руководителей звукозаписывающей компании. «Они просто нереально плохие. Прямо-таки катастрофические».

За несколько дней до выхода альбома Мик постарался подстраховаться и высказывался осторожно: «Коммерческий успех – штука непостоянная, да и время сейчас такое странное. Я всегда занижаю планку… У меня за плечами большая карьера, и я не молодой человек, который каждую неделю с нетерпением ожидает новых результатов».

Но когда и на следующей неделе альбом оставался в самом конце списка продаж, Мик расстроился не на шутку. «Он всегда говорит, что самое главное, чтобы песни нравились тебе самому, – утверждал один из помощников Джаггера. – Но, как мне кажется, к тому, что сольный альбом обернется катастрофой, он готов не был. Для него это настоящий плевок в лицо».

Вскоре Мику пришлось столкнуться с кризисом иного рода, по сравнению с которым все волнения по поводу сольной карьеры показались пустяком. Во время съемок телешоу «Супер-Поп» в Сан-Паулу Лусиана Морад упала прямо на съемочной площадке, и ее увезли в больницу. Анализы показали, что у нее вирусный менингит.

Мик, обеспокоенный тем, как бы вирусом не заразился их сын

Лукас, постоянно висел на телефоне, спрашивая Лусиану, чем он может им помочь. Выяснилось, что дела у Лусианы не так уж плохи; она отвечала бодрым голосом и охотно болтала с «папочкой». Через три дня ее выписали из больницы.

«Я ужасно испугался, – признавался Мик. – В такие моменты понимаешь, что на самом деле важно в жизни».

Такое же впечатление произвела на него через несколько дней и смерть Джорджа Харрисона. Джаггер говорил, что некогда они с Харрисоном были «собутыльниками», и утверждал, что приятель Джордж для него был не просто «молчаливым „Битлом"». «Ну да, он сидит себе в углу. Но на самом деле он не такой. У него глубокий характер, он очень душевный, дружелюбный человек».

Смерть Харрисона потрясла Мика Джаггера и Кита Ричардса примерно так же, как в свое время смерть Джона Леннона. «Что бы я ни говорил о своих чувствах, все равно это будет звучать блекло и невыразительно. Мне было очень грустно… Но то же самое можно сказать и о многих других. Потому что *Beatles* были частью нашей жизни. Когда уходит человек такого масштаба, в каком-то смысле уходит и часть твоей жизни».

Сам Мик вовсе не собирался покидать большую сцену. Постаравшись скорее забыть неудачу с «Богиней», он начал готовиться к работе над новым совместным альбомом «Роллингов» и к новому туру. «Я пою в рок-н-ролльной группе, а значит, мы должны отправляться на гастроли. Не так уж это все и сложно. Такая у меня жизнь».

Кит к тому времени тоже записал несколько сольных альбомов, последовав примеру своего «блудного брата», но нисколько не скрывал своих приоритетов. «„Роллинги" для меня – это номер один, – говорил он. – „Роллинги" – это причина, почему я здесь. Это вся моя жизнь. Мы пробовали расходиться, записывали сольные вещи, но все мы возвращаемся в *Rolling Stones*. И вообще, чем, как не очередным туром, лучше всего отметить сороковой юбилей „Роллингов"?»

Правда, было кое-что, что могло их немного смутить. Мик, Кит и Ронни приближались к своему шестидесятилетию, а Чарли Уоттсу уже исполнилось шестьдесят лет. Не будут ли они в таком почтенном возрасте выглядеть смешно на сцене? Смогут ли они вообще выйти на сцену? Во время совещаний в Лондоне и Париже, на которых обсуждался предполагаемый тур, Мик и Кит оставались непреклонными: «Ну и что? Что тут такого? Конечно, мы сможем».

А Чарли Уоттс сказал: «Мы будем слабаками, если откажемся от тура».

7 мая 2002 года в парке Ван Кортланда в Бронксе приземлился желтый дирижабль со знакомым губасто-языкастым логотипом, и из него навстречу репортерам вышел под лучи весеннего солнца Мик со своими товарищами. «Это становится традицией, – сказал необычно трезвый Рон Вуд жадно внимавшим каждому его слову журналистам. – Мы уже прибывали на поезде, на яхте и по мосту. Наверное, в следующий раз мы приплывем на подводной лодке».

Как обычно, перед туром Мик несколько месяцев тренировался, словно спортсмен перед олимпиадой, поднимал гантели, бегал и выполнял физические упражнения с тем упорством, к которому его приучил отец. Он даже привез с собой своего личного тренера и специалиста по фитнесу, норвежца Торье Эйке.

«Это ад, чистый ад», – говорил Джаггер, который теперь не употреблял ни капли алкоголя и придерживался диеты с низким содержанием жиров и большим содержанием углеводов. Питался он почти исключительно цельнозерновым хлебом, макаронными изделиями, неочищенным рисом и фруктами. Благодаря такой строгой диете и регулярным упражнениям Мик ощущал себя бодрым и готовым «порвать» публику от Нью-Йорка до Токио. «Я все жду, когда мне станет трудно, я готовлюсь к этому морально и физически. Но нет, трудно мне пока не становится».

То, что Мик очень ревностно относится к подготовке концертов, было известно давно. Во время тура *Bridges To Babylon* («Мосты в Вавилон») из-за ларингита ему пришлось отменить три выступления. И даже когда он смог петь, то, по его выражению, находился «постоянно на грани, настоящий кошмар». На этот раз он нанял специалиста по голосу Дона Лоуренса, чтобы тот объяснил ему «как по-научному разогревать связки и выполнять упражнения вроде тех, с помощью которых тренируют тело».

О теле Мик тоже не забывал и брал уроки у Стивена Гэллоуэя, танцовщика из франкфуртского балета. «Теперь у меня гораздо больший запас движений», – говорил он.

«О боже, что там Бренда опять задумала?» – спрашивал Кит, в шутку называя друга одним из своих любимых прозвищ (другим было «Ее величество»). Ричардс никак не мог взять в толк, зачем его товарищу обучаться у кого-то движениям, которые он же сам и придумал лет сорок назад. «Просто поразительно, ничего не понимаю. Как будто Мик хочет подражать Мику Джаггеру и следует за собственным призраком. И еще нанимает консультантов для этого». В общем, о балетных уроках Кит был невысокого мнения: «Мы-то с Чарли наблюдаем эту хрень уже лет сорок. Начнет дрыгать задом – не остановишь».

А как же сам Кит Ричардс готовится к предстоящему туру? В ответ Кит ухмыльнулся и затянулся сигаретой, которую, казалось, никогда не выпускал изо рта: «Да просто показываюсь на репетициях».

Согласно уже устоявшейся практике, «Роллинги» собирались чередовать выступления на огромных стадионах, вмещающих до сотни тысяч человек, с концертами на небольших площадках, в театрах и даже в клубах. Кит называл предстоящий тур «туром нижнего белья», потому что нижнее белье тоже бывает «большого, среднего и маленького размеров». «Но для группы так даже интереснее», – добавлял он. Мик с ним соглашался: «Нам так интереснее. Для нас это неплохая разминка – перескакивать с одного типа представления к другому. Помогает сохранять форму».

Мик с Китом старались поддерживать форму и в том, что касается сочинительства. Предстоящий тур, который музыканты между собой уже называли *Licks* («Облизывания»), как обычно, должен был сопровождаться выходом альбома. На этот раз двойной компакт-диск содержал сорок величайших хитов за всю их карьеру и назывался соответствующим образом: *Forty Licks* («Сорок облизываний»). Но Кит не хотел, чтобы на диске, как он выражался, «была одна ностальгия», и поэтому альбом содержал четыре новые композиции Джаггера и Ричардса. «Для меня очень важно, что я до сих пор сочиняю песни, а хорошие они или плохие, это уже другой вопрос, – вторил ему Мик. – Мне нравится работать на пределе сил. Последние пять лет я пахал как вол».

Даже Мик понимал, что поддерживать интерес публики к группе будет нелегко. «Бессмысленно делать вид, будто «Роллинги» – новая группа. До сих пор живет старая идея, что хорошие исполнители – это какие-то неизвестные люди, лучше бедные, а еще лучше чуток сумасшедшие… и еще наркоманы, это тоже всегда помогает. Так они и становятся интересными. Правда, это не значит, что их произведения тоже интересны».

Что касается декораций, то над ними Мик снова работал с Чарли Уоттсом и с дизайнерами Миком Фишером и Патриком Вудроффом. В результате были созданы захватывающие дух конструкции, которые можно приспосабливать как для больших, так и для средних сцен. Помимо огромной «цифровой картины» длиной в шестьдесят метров, созданной художником Джеффом Куном (женский рот, надувная собака и разный хлам), зрители могли наблюдать за видеорядом к песне *Honky Tonk Women* («Кабацкие бабы») – женщины на экране ехали верхом на логотипе с высунутым языком и губами, а потом этот рот их пожирал. «Уж точно недетское зрелище», – говорил Джаггер.

Хотя отношения между Миком и Китом были теперь не такими близкими, как раньше (на концертах они уже несколько лет не заходили в гримерки друг к другу), «мерцающие близнецы» продолжали благополучно работать вместе до 14 июня 2002 года, когда до начала тура оставалось два месяца. В этот день Мику Джаггеру позвонили из Букингемского дворца и сообщили, что он включен в ежегодный Королевский список награждаемых.

До этого Мик, опасаясь бурной реакции со стороны Ричардса, уже пробовал осторожно намекать, что Тони Блэр предлагает сделать его рыцарем. Услышав о том, что это правда, Кит и в самом деле пришел в ярость. Он обвинял Мика в предательстве дружбы и интересов группы, угрожал сорвать тур. Через три недели Кит немного успокоился, хотя и утверждал, что внутри до сих пор ощущает «холодный гнев». «Да, я озверел, с катушек слетел! Но, если честно, Мик уже столько раз лажал все, что можно, что еще раз ничего не добавит».

Когда выяснилось, что туру ничто не угрожает, Мик позволил себе сделать снисходительное замечание по поводу товарища. «У Кита своеобразный характер, он любит пошуметь. Мне кажется, он даже считает, что должен вести себя так, чтобы соответствовать сложившемуся образу». За небольшими исключениями, Мик описывал их отношения как «зрелые… иначе мы бы не работали вместе почти каждый день».

Кит не единственный высказывал свое негодование по поводу будущего статуса Мика. Один журналист окрестил Джаггера «черным рыцарем», присоединившись к большому хору голосов, утверждавших, что самый эгоистичный человек в мире недостоин такой почетной награды. «Маниакальный бабник и развратник, пьяница и наркоман со стажем, получивший однажды тюремный срок, переехавший в другую страну в целях уклонения от налогов, – писал о Джаггере Джеймс Рейнольдс из эдинбургской газеты „Скотсман“. – И между делом что-то там певший и записывавший пластинки».

Родные, близкие, друзья и поклонники тоже иронизировали, но беззлобно, и Мик снисходительно позволял им шутить над собой. Некоторые незнакомцы вставали перед ним на колено в шутливом знаке покорности, а другие размахивали над его головой пластмассовыми мечами. «Меня дразнят, но я рад. Прямо сияю от радости», – говорил Мик. Пятилетний Габриэль, разумеется, не преминул поведать всем одноклассникам, что его папа будет посвящен в рыцари.

«И что это значит?» – спросила учительница.

«Он поедет в замок к королю, там его сделают рыцарем, и он будет все время носить доспехи», – ответил мальчик.

«После всего, что обо мне написали, это, пожалуй, не такая уж и плохая идея», – сказал позже Мик учительнице.

16 июля 2002 года «Роллинги» вернулись в Торонто, где приступили к репетициям в той же частной школе для мальчиков, в которой готовились к туру *Bridges To Babylon* («Мосты в Вавилон»). Через два дня гастрольный распорядитель «Роллингов» Ройден Мэйджи по прозвищу Чач сидел за звуковым пультом и слушал, как Мик работает над новым синглом *Don't Stop* («Не останавливайся»). Неожиданно Мэйджи упал на пол – оказалось, это сердечный приступ.

Тренер Мика Торье Эйке тут же поспешил на помощь Мэйджи и начал делать искусственное дыхание, но оно не помогало. «Мику и другим членам группы оставалось только смотреть, как умирает Мэйджи. Это было ужасно», – сказал Алан Данн, директор *Rolling Stones* по материальному снабжению и транспорту.

Чач Мэйджи был не просто гастрольным менеджером «Роллингов»; в течение долгих лет начиная с 1976 года он оставался их наставником, ментором и духовным учителем, особенно для Мика. «Он был настоящим другом, что для меня редкость», – вспоминал Мик.

Смерть Мэйджи шокировала Мика (еще и потому, что его другу было лишь пятьдесят четыре года, то есть меньше, чем самому Джаггеру), но он продолжил работу. В тот же день «Роллинги» переехали на новую площадку для репетиций – в старый масонский храм в Торонто. На следующий вечер Джаггер ужинал с тремя молодыми женщинами в одном из самых модных ресторанов города, а несколько дней спустя танцевал всю ночь напролет в клубе «Ревайвл». На вечеринке, устроенной в честь его пятьдесят девятого дня рождения, Мик несколько раз произносил тост в память о Мэйджи и говорил, что тот хотел бы, чтобы его друзья наслаждались жизнью. «Жизнь продолжается. Но все так быстро проходит», – несколько раз повторил он задумчиво, держа в руках стакан с охлажденным клюквенным соком.

На похороны Мэйджи в лютеранской церкви Мессии в городке Маркетт, штат Мичиган, собралось около семисот человек. Посреди службы Мик, Кит и Ронни Вуд встали с передней скамьи и заняли места у алтаря. Мик под гитару спел религиозный гимн «О благодать», а затем вместе с Ричардсом и Вудом исполнил *Rivers of Babylon* («Реки вавилонские») – песню в стиле регги на мотив библейского псалма. Когда после финального аккорда троица рок-музыкантов вернулись на скамью, Мик, как и многие присутствующие, едва сдерживал слезы.

Через две недели «Роллинги» открыли тур *Licks* относительно камерным концертом в бальном зале «Пале-Рояль» в Торонто. Впервые за три года они выступали на сцене все вместе, и это было их первое выступление в новом тысячелетии. «Все другие «Роллинги» заметно нервничали, – вспоминал Мик. – Никогда не видел их такими нервными. Я пытался их успокоить и говорил: „Все будет прекрасно, ребята, мы отлично звучим“».

Но музыканты все равно волновались. «Они допускали кучу ошибок, сбивались с ритма, – говорил Мик. – Я все думал: „Как так можно! Мы ведь столько раз репетировали!“ Исполнение было рваным, и мне казалось, что Кит, да и остальные нечасто в последнее время выступали на сцене».

Официальное открытие тура состоялось 3 сентября 2002 года в бостонском «Флит-центре», после чего последовали выступления на стадионе «Жиллетт» и в театре «Орфеум». Чередование небольших (бостонский «Орфеум»), средних («Флит-центр») и больших («Жиллетт») площадок позволяло «Роллингам» охватить большую аудиторию. «Если пробыть в городе целую неделю, начинаешь чувствовать его энергию», – говорил Мик.

Когда на сцену выходил сам Мик, то казалось, ничего не изменилось со времен его молодости. Только теперь он в перерывах дышал кислородом из маски, а за кулисами на всякий случай держали сердечный дефибриллятор.

На протяжении последующих четырнадцати месяцев «Роллинги» 117 раз выходили на сцену в 73 городах, и всякий раз, когда Джаггер выпрыгивал на сцену, словно им выстрелили из пушки, в его голове, по собственному признанию, вихрем проносились самые разные мысли. «Знаете, бывает иногда такое ощущение: „О боже, столько народу!“ А иногда бывают пустые места и думаешь: „Ну вот…“ Иногда как бы смотришь на себя со стороны и отмечаешь: „Сейчас я делаю вот это, а сейчас вот это“. Потом смотришь на хорошенькую девчонку и говоришь себе: „Вот это девчонка! Только не смотри на нее, не зацикливайся на ней!“ Хотя, конечно, если бы мы оказались наедине, было бы неплохо на ней зациклиться…»

В итоге он пришел к следующему выводу: «Это все адреналин. Это как вести машину на бешеной скорости или как если твоя баскетбольная команда попала в финал чемпионата». Иногда бывали, как он выразился, «трансцендентальные моменты». «Не знаю, можно ли назвать их приятными и веселыми. Иногда они приятные. Иногда просто безумные».

Один из таких «безумных моментов» был связан не с туром, а с одним эксцентричным американским миллиардером, который раздумывал, как бы ему по-особенному отпраздновать свой день

рождения. Дэвид Бондерманн, один из основателей «Техас Пасифик Груп», сколотил состояние в 5 миллиардов долларов, продавая и покупая акции трех авиакомпаний («Континентал», «Раянэйр» и «Ю-Эс Эйруэйс»), а также «Бургер Кинга».

Теперь, когда ему исполнилось шестьдесят (через восемь месяцев шестьдесят лет должно было исполниться и Джаггеру), миллиардер пригласил полторы тысячи своих ближайших знакомых в отель и казино «Хард-Рок» в Лас-Вегасе. Поскольку по расписанию своего тура 2002 года «Роллинги» все равно должны были заехать в Лас-Вегас, они согласились провести одно дополнительное выступление за 6 миллионов долларов, что делало их одной из самых дорогих рок-групп в истории. Помимо *Rolling Stones*, миллиардер нанял рок-музыканта Джона Мелленкампа, который должен был открыть концерт, и актера Робина Уильямса для развлечения публики между номерами. Всего на это представление Бондерманн потратил 7,5 миллиона долларов.

Не то чтобы «Роллинги» так уж нуждались в деньгах. По оценкам журнала «Форчун», за последние десять лет их чистый доход превысил 1,7 миллиарда долларов, а это значило, что они обогнали Майкла Джексона, *U2* и Мадонну. «Я не ведущий бизнесмен, я творческий человек, – заявлял Джаггер лукаво. – Всему, что я знаю про бизнес, я обучился в процессе творчества».

Ну и в Лондонской школе экономики конечно же.

Своим огромным финансовым успехом *Rolling Stones* были обязаны не только эксперту принцу Руперту, но и Мику, который лично принимал многие решения. Он не только следил за поступлениями с туров, но и помогал разрабатывать запутанные схемы денежных потоков через различные компании. Многие компании, которыми владели *Rolling Stones*, из налоговых соображений были зарегистрированы в Нидерландах.

Перед тем как группа приступила ко второй части тура, Мик выбрал время, чтобы насладиться путешествием по Карибским островам в компании Лоурен на борту яхты «Ультима III» стоимостью в 70 миллионов долларов, принадлежавшей американскому магнату Рону Перельману. Он также проведал своих детей, причем одна из дочерей поставила его в довольно неловкое положение.

Когда Мику позвонила Джерри, сообщив о том, что их девятнадцатилетняя Лиззи встречается с сорокалетним канадским актером Майклом Уинкоттом, Джаггер, по словам самой Лиззи, буквально «взбесился». Уинкотт прославился ролями злодеев в таких мрачных фильмах, как «И пришел паук» и «Ворон», а также успел заслужить репутацию отъявленного

бабника и повесы.

Мик, конечно, понимал, что не ему читать нотации, ведь он и сам не прочь был приударить за молоденькими девушками. Поэтому он попросил это сделать Джерри. «Мне это не нравится, но она же меня не послушает», – сказал он своей бывшей жене.

«А почему это тебя так волнует?» – ответила Джерри вопросом на его просьбу. У нее для Мика был один ответ: «Заткнись и не вмешивайся».

Пока в начале 2003 года Лиззи с Уинкоттом встречались, расходились и снова сходились, Мик следил за развитием их отношений, кипя от злости, но помалкивая. Но потом он не вытерпел и лично обратился к дочери. «Он же слишком стар для тебя, к тому же зануда», – таковы были его основные аргументы.

В итоге Лиззи прислушалась к советам отца, но только после того, как журналисты вволю поиздевались над его лицемерием. Однажды, комментируя свое собственное поведение, Мик назвал себя «нравственным человеком». «Но, как и у большинства людей, мои нравственные нормы немного размыты», – добавил он.

Впрочем, любовные похождения дочери показались невинной шуткой на фоне другого семейного происшествия. Когда «Роллинги» выступали в Сингапуре, Мику позвонила Лусиана Морад и, не сдерживая слез, сообщила, что их сын Лукас, играя на школьной площадке, упал и ударился головой об асфальт. Истекающего кровью трехлетнего мальчика увезли в больницу и немедленно доставили в операционную. Врачи, обеспокоенные тем, как бы не пострадал мозг малыша, сообщили перепуганной и не находящей себе места матери («она рвала волосы и рыдала»), что ситуация «рискованная».

Мик уже готовился срочно вылететь в Бразилию, как снова позвонила Лусиана и сообщила, что дело идет на поправку. Врачи наложили двадцать четыре шва, но результаты сканирования мозга их обрадовали. Лукас провел еще одну ночь в отделении интенсивной терапии, и, к облегчению Мика, на следующий день его выписали.

Публика редко видела Джаггера в роли заботливого отца и дедушки, и на то были причины. Мику совсем не нравилось показывать себя с этой стороны. Он не хотел демонстрировать свой возраст ни перед женщинами, ни перед журналистами и уж, конечно, ни перед поклонниками на концертах.

Посреди выступлений в Азии Мик снова принялся за свое. В Бангкоке он встретился со своей давней страстью, Анджелиной Джоли. Актриса только что подписала контракт на съемки в фильме «Мистер и миссис Смит», где должна была играть с Брэдом Питтом. Но перед съемками она отправилась на встречу с

властями Таиланда в своей новой роли посла доброй воли Управления Верховного комиссариата по делам беженцев ООН. Ну и заодно, как она сказала Мику, собиралась там сделать шикарную татуировку.

Джоли только что развелась с актером Билли Торнтоном и призналась Мику, что ее возбуждает сама мысль играть с Брэдом Питтом, который на тот момент был женат на актрисе Дженнифер Энистон (хотя их брак вскоре распался). Вспоминая былое, Мик с Анджелиной провели ночь в номере «Ориентала», одного из лучших отелей Бангкока.

26 июля 2003 года Джаггеру исполнилось шестьдесят лет, и пресса, разумеется, не замедлила напомнить всем об этом. «Симпатия к морщинам: Мику исполняется 60», – кричал заголовок в «Бостон Геральд», а английская *Sun* вышла с заголовком «Не увянет – Джаггеру сегодня 60». Лондонская *Sunday Times* назвала Мика «шестидесятилетним сатаной», *Independent on Sunday* призывала проявить «симпатию к старому дьяволу», и уж, конечно, десяток новостных агентств и газет, от *Associated Press* до *New York Post* и *Time*, не преминули обыграть строчку из песни «Мамин маленький помощник»: «Какая скука – стареть».

Но это не так скучно, если ты Мик Джаггер. Человек, который однажды заявил, что «лучше умрет», чем будет исполнять *Satisfaction* в сорок пять, теперь, похоже, собирался выступать вечно. «Я буду сочинять, петь и играть, пока смогу, – надеюсь, и в семьдесят с лишним», – сказал он одному журналисту в Праге, где «Роллинги» давали концерт в рамках тура *Licks*. «Я давно сказал, что мы – символ вечности. Нас в этом убедили миллионы фанатов».

Тем же вечером он принимал избранных гостей на ужине при свечах, устроенном в пражском отеле «Четыре сезона» у исторического Карлова моста. На этом ужине подавали вино «Бордо» урожая 1943 года, то есть года, в который родился Джаггер. Среди гостей были актер Мэтт Деймон, Боб Гелдорф (удостоенный королевой титула рыцаря в 1986 году, на следующий год после фестиваля «Живая помощь») и кинорежиссер Терри Гиллиам. Не забыл Мик и о своих близких: восьмидесятидевятилетний отец, пять детей, два внука и новая подруга Лоурен. Но самым видным посетителем ресторана (кроме самого Мика, разумеется) стал бывший чешский президент Вацлав Гавел, который в 1990 году лично пригласил «Роллингов» выступить перед 110 тысячами зрителей на концерте, состоявшемся непосредственно после падения коммунистического режима.

После полуночи многие гости продолжили празднество на площади Венцеслава, а оттуда отправились в ночной ретро-клуб «Дуплекс», на крыше которого припаркован фиолетовый «Фольксваген». Актер Джереми Пивен, позже снявшийся в сериале «Красавцы» на канале *HBO*, вошел в клуб на нетвердых ногах, но ближе к утру присоединился к веселью. «Мы с Миком родились в один день, только в разные десятилетия! Я видел, как он танцевал целых пять часов подряд. И двигался он так, как обычно двигается, – как цыпленок на амфетаминах. Это было потрясающе», – вспоминал Пивен.

Мик утверждал, что возраст для него теперь – это просто цифры. «Когда тебе исполняется двадцать один, ты не можешь в это поверить. Как и не можешь поверить, что тебе исполнилось тридцать. После этого уже становится легче, потому что когда исполняется сорок, то это уже солидная, непростая дата. Так что ты просто плюешь на нее и идешь дальше».

Во время тура Мик не раз, вечер за вечером, доказывал, что у него еще есть порох в пороховницах. Не обходилось, конечно, и без накладок – несмотря на предупреждения нового консультанта по голосу, Мик снова несколько раз страдал от ларингита. Однако отнюдь не здоровье кого-то из «Роллингов» потребовало внести изменения в график гастролей. В том году до Северной Америки докатилась из Азии так называемая атипичная пневмония, из-за чего пришлось перенести несколько концертов. Особенно трудная ситуация сложилась в Торонто, и четыре дня спустя после дня рождения Мика *Rolling Stones* постарались внести свой вклад в обще дело. На 30 июля они назначили благотворительный концерт в фонд борьбы с эпидемией. Этот концерт, собравший миллионы долларов, посетили 490 тысяч человек (формально крупнейший показатель для «Роллингов» на тот момент).

Впрочем, как и следовало ожидать, не весь концерт прошел гладко, даже несмотря на благотворительную направленность. Фанаты хард-рока громко выражали негодование, когда на сцену вышел для разогрева Джастин Тимберлейк. Пока он выступал, ему под ноги швыряли бутылки и объедки. Но позже Джастин все-таки вернулся на сцену и спел вместе с Миком песню *Miss You* («Скучаю по тебе»), чем заслужил одобрительные крики со стороны поклонников «Роллингов».

Тур *Licks* закончился 9 ноября еще одним благотворительным концертом в фонд борьбы с атипичной пневмонией – на этот раз в рамках фестиваля *Harbour Fest* («Праздник в гавани») в Гонконге и с участием таких исполнителей, как Принц, Сантана и Нил Янг. Тогда же «Роллинги» впервые выступили в материковом Китае.

По окончании тура принц Руперт пригласил Джаггера на подведение финансовых итогов. Официальная цена на билеты была в районе 350 долларов, а в Интернете они продавались и за 5000 долларов; валовой сбор же за *Licks* (самый скромный тур «Роллингов» за десятилетие) превысил 300 миллионов долларов. Это не считая дохода от продажи сувениров и пластинок.

Но никакие деньги не смогли бы доставить Джаггеру такого удовольствия, как исполнение мечты, к которой он стремился всю свою сознательную жизнь. 12 декабря 2003 года, после нескольких отсрочек, вызванных тем, что Мик не хотел появляться на публике вместе с другими знаменитостями, на торжественной церемонии в Букингемском дворце принц Чарльз посвятил его в рыцари. То, что Ее величество решила провести это время в другом месте, от внимания Джаггера не укрылось. «Я уверен, что королеве больше нравятся *Beatles*, ведь они такие милые, симпатичные ребята, – иронизировал он. – Если бы только она знала правду!»

Меры предосторожности в Букингемском дворце в тот день были приняты беспрецедентные. Лондонская полиция получила анонимные звонки с сообщениями о том, что жизни Джаггера угрожает опасность. Вспомнив убийство Леннона и едва не закончившееся трагедией нападение с ножом на Джорджа Харрисона в 1999 году, власти предпочли не рисковать.

Сам Мик к угрозам в свой адрес относился без особого волнения. Другое дело, когда опасность угрожала его близким. В начале января некие злоумышленники попытались подкупить полицейских на Ибице и дать им взятку в размере 5 миллионов долларов, чтобы те помогли им похитить дочерей Джейд, десятилетнюю Ассиси и семилетнюю Амбу. В 2002 году Джейд устроилась креативным директором в компанию «Гаррад», поставлявшую ювелирные украшения ко двору Ее величества, и вместе с девочками и диджеем ночного клуба Дэном Уильямсом поселилась в живописной деревне Сан-Хуан-Батиста. Мик не поскупился на охранников, которые, по некоторым сообщениям, стоили ему 40 тысяч долларов в неделю и должны были круглосуточно охранять его дочь и внучек. Долгое время Мик уговаривал Джейд переехать в купленный специально для нее дом в Кенсал-Райз на северо-западе Лондона, и не только из-за угрозы похищения. Ибица с ее культом безудержного веселья и самозабвенного прожигания жизни никогда не нравилась Мику, который хотел, чтобы его внуки росли совсем в другом окружении.

Джерри Холл разделяла опасения Мика и тоже хотела, чтобы ее дети жили в более безопасном месте. Она попросила Мика

приобрести в Лондоне большой дом, где он мог бы поселиться вместе с ними. Конечно, у Джерри были свои соображения – она хотела, чтобы Мик наконец освободил соседний дом в Ричмонде. «Не слишком удобная ситуация на длительный срок; это мешает нам жить по-своему, – комментировала она создавшееся положение. – Он выходит из себя, когда я с кем-то встречаюсь, но кто он такой, чтобы критиковать меня?»

Холл и сама вовсе не была в восторге от того, что пришедшая ей «на замену» модель появляется в соседнем доме все чаще. Попытки Лоурен оставаться незаметной порой доходили до смешного. Однажды, выходя из дома Мика в Ричмонде и заметив папарацци, Лоурен повернулась и подбежала по ступенькам назад, к двери. Но дверь к тому моменту уже захлопнулась. «Так она и стояла, названивая и пытаясь войти обратно в дом, – сказал один фотограф. – Спас ее „Мерседес“ – подобрал и увез прочь».

Когда Джерри узнала, что в то время как она играет в пьесе «Выпускник» в Сан-Франциско, Мик принимает в своем доме подружку, она позвонила ему и поставила ультиматум: либо переезжает он, либо она продает свое жилье в Ричмонде, забирает детей и переезжает сама.

В том же году Мик переехал в номер отеля «Клэриджес» в лондонском Мэйфейре, с тремя спальнями. Это стоило ему 35 тысяч долларов в неделю, но он не торопился продавать свои апартаменты в Ричмонде. Даже напротив – приобрел еще и первый этаж дома за 800 тысяч долларов и начал перестраивать его для совместной жизни с Лоурен.

Чтобы его почти двухметровая подруга чувствовала себя уютно, Мик приказал опустить пол на двадцать пять сантиметров. «Наверное, он не хотел, чтобы она стучалась головой о потолок», – сказал на это один из членов местного градостроительного совета.

Джерри прекрасно понимала, к чему стремится Мик. Он хотел, чтобы Лоурен, которая и так уже проводила время с Джорджией Мэй и Габриэлем в отсутствие их матери, еще чаще встречалась с юными Джаггерами. Джерри снова набросилась на него с упреками и обвинила его подружку в том, что она «плохо влияет» на детей. К тому же Мик не оставлял привычку заявляться в ее апартаменты в любое время суток, чем мешал ее личной жизни. «Он не может побыть один даже несколько минут, и это сводит меня с ума», – жаловалась Джерри.

Напряжение между Миком и Джерри росло в течение всего 2004 года, когда они ссорились по поводу того, имела ли она право продавать мебель и произведения искусства из ричмондского дома (включая картину Роя Лихтенштейна

стоимостью в миллион долларов), пока он выступал с гастролями. Джерри называла Мика «мелочным» и «скаредным»; он же настаивал, что их договор не подразумевал совместное владение мебелью, и говорил, что хочет вернуть все обратно. В конце концов Холл настояла на своем. «Слишком поздно, Мик. Слишком поздно», – сказала она.

Единственное, в чем они были согласны, так это в своих взглядах на романтическую связь Лиззи (которая только что заключила контракт на миллион долларов с фирмой «Ланком») с Шоном Ленноном. Единственный сын Джона и Йоко встречался с актрисой Лили Собески, когда Кит Ричардс познакомил его с дочерью Джаггера на церемонии в нью-йоркском Зале славы рок-н-ролла.

Несколько дней спустя отпрыски двух самых известных рок-династий пришли на свое первое свидание в вегетарианский ресторан в нью-йоркском районе Сохо. На этот раз никому не нужно было смущаться своего отца, а ведь это часто мешало им поддерживать отношения с другими людьми. «С кем бы я ни встречалась, всех как-то напрягало, что я дочь Мика Джаггера, – говорила Лиззи. – У Шона были те же проблемы, так что я нашла в нем родственную душу».

«Они искренне любят друг друга, а он просто отличный парень, – радовалась Джерри. – Сейчас он выглядит почти как Джон и сочиняет прекрасные стихи». Шон очаровал Джерри еще и тем, что сел в Ричмонде за рояль и спел песню своего отца *Imagine* («Представьте»). Мик был более сдержанным в своих отзывах, хотя ему, конечно, нравилось, что в свои двадцать восемь Шон всего лишь на семь с половиной лет старше его дочери.

Тем временем Мику хотелось заняться еще какой-нибудь профессиональной деятельностью, и в марте он позвал «Роллингов» на совещание в Париж. С момента окончания тура прошло всего четыре месяца, но все четыре члена группы признались, что не прочь вернуться на сцену.

Однако одному из них пришлось столкнуться с крайне серьезной проблемой, которая не только угрожала его жизни и здоровью, но и поставила под сомнение само существование группы. Когда «мерцающие близнецы» работали над новыми песнями в замке «Ла-Фуршетт», им позвонил Чарли Уоттс и сообщил, что у него обнаружили рак гортани. «Я лег в постель и заплакал, – признавался позже сам Чарли. – Думал, что это конец, что мне осталось жить только три месяца».

Врачи поспешили уверить Уоттса, что существует 90-процентная вероятность благоприятного исхода. «На его месте я бы тоже волновался, – говорил Мик. – Если бы Чарли сказал, что

не может отправиться с нами в тур и что он может умереть, мы бы, конечно, передумали. Никто ведь его не уговаривал».

Летом Уоттс проходил химиотерапию, и Мик несколько раз звонил, справляясь о его здоровье. «Ты поправишься, а за нас не волнуйся», – подбадривал он Чарли. «На самом деле я ужасно волновался, – признавался Мик. – Все время думал, как он там? Ест ли он? Чувствовал себя медсестрой».

Через пять месяцев Чарли вернулся в группу и, по словам Кита, нисколько не изменился. «Он выглядел так, как если бы просто сменил прическу». Уоттс говорил, что его поддерживала мысль о предстоящих выступлениях со своими товарищами. «Я сорок лет смотрел, как Мик трясет передо мной своей задницей, – это все, что я видел, сидя за барабанами! Но я не жалуюсь. Самый большой комплимент для барабанщика – это когда кто-то танцует под его ритм».

Джаггеру тоже не терпелось выйти на большую сцену. «Я привыкаю смотреть поздние повторы по телевизору, смотрю классические фильмы до рассвета», – ворчал он, как обычный пожилой человек. Впрочем, поздние повторы не относились к крикету. Будучи страстным поклонником этого вида спорта, Мик даже основал виртуальную сеть *Jagged Internetworks,* чтобы смотреть прямые трансляции из любой точки планеты.

Пока подготовка к очередным гастролям задерживалась, он не сидел без дела. Когда-то он принимал участие в работе над саундтреком к комедии «Безжалостные люди», а теперь вместе с бывшей звездой группы *Eurythmics* Дэйвом Стюартом трудился над музыкой к фильму «Алфи», ремейку ленты 1966 года, в котором главную роль исполнял Майкл Кейн. На этот раз роль закоренелого ловеласа играл Джуд Лоу.

«Если кому и писать слова к песням, так это Мику. Мик – настоящий Алфи», – говорил Стюарт, который был знаком с Джаггером уже двадцать лет. Джаггер до некоторой степени с ним соглашался. «В каждом есть что-то от Алфи, – говорил он. – Большинство мужчин переживали в своей жизни нечто подобное». Но так ли часто, как он? «Не знаю, может, и нет, – признавался он с загадочной ухмылкой. – Уж что было, то было». Позже, получив «Золотой глобус» за песню *Old Habits Die Hard* («Старые привычки отмирают с трудом») к фильму (и поблагодарив Лоурен за то, что она вышла на сцену «не на каблуках»), Мик отвечал на подобные вопросы, уже подготовившись. «Любое сходство между мной и плейбоем – простая случайность», – говорил он без тени сомнения.

На Рождество Мик снова без труда вжился в образ семейного человека. За несколько недель до этого, отправившись на

каникулы в Рим с Джорджией Мэй и Габриэлем, Мик взял с собой и Лоурен, о чем Джерри не знала. Примерно в то же время Лоурен посетила тридцать третий день рождения Джейд в Лондоне и, что примечательно, некоторое время сидела с внуками Джаггера.

Теперь ей представилась возможность познакомиться поближе с самым маленьким Джаггером, пятилетним Лукасом. Когда Лоурен вела мальчика за руку через фойе отеля «Клэридж» в номер Мика, его матери Лусианы Морад нигде не было видно. Для Мика, который на Рождество разрывался между Карис, Джейд, Джерри с детьми, Лукасом и девяностолетним отцом, Лоурен стала настоящим спасением. «Мне нравятся дети и внуки Мика, – призналась Лоурен своей матери. – Все они относятся ко мне как к родственнице. Это чудесно».

Но Джерри это не нравилось. Незадолго до Рождества она положила все драгоценности, которые подарил ей Мик, в банковский сейф. «Он дарил мне их всякий раз, когда хотел за что-то извиниться, – объясняла она. – У меня накопилась целая коллекция, но я их не надеваю, потому что эти драгоценности напоминают мне о плохом».

Словно чтобы подчеркнуть свое негодование, она теперь носила только незамысловатое кольцо с бриллиантом и рубином, которое Брайан Ферри подарил ей еще до того, как ее «похитил» Мик. «Я предлагала Брайану вернуть кольцо, когда помолвка была расторгнута, но он любезно позволил мне оставить его. А теперь я стала носить его снова. Это кольцо для меня – настоящее сокровище».

На этом Джерри не остановилась. Пока Мик и Лоурен отмечали праздники на Мустике, Джерри записала свою дебютную песню под названием *Around This Table* («Вокруг этого стола»), в которой содержались недвусмысленные намеки на непостоянство Мика: «Ты приводишь других женщин, когда я уезжаю из города / А я всегда чувствую, когда здесь сидела незнакомка».

Трудно было выбрать более необычную сцену для концерта *Rolling Stones*. До этого группа объявляла о предстоящих турах, прибывая к журналистам на поезде, на яхте, на воздушном шаре или по мосту, но на этот раз музыканты решили дать представление перед Джульярдской школой, престижной нью-йоркской консерваторией.

Вместе всем «Роллингам» было уже 245 лет, но Мик настаивал, что их предстоящий тур, получивший название *A Bigger Bang* («Еще больший взрыв»), будет вовсе не последним.

Этот вопрос, как он любил вспоминать, ему задавали еще в 1966 году. Будут еще туры, будут и концерты, пока публика желает слушать *Rolling Stones*. «Пока есть спрос, будет и предложение». «И как долго вы предполагаете выступать?» – спросил один журналист. «Вечно, – ответил Кит. – Когда придет пора закругляться, мы вам скажем».

Очень большое значение музыканты на этот раз придавали компакт-диску – первому студийному альбому за восемь лет и самому долгому со времен *Exile on Main St.* («Изгнание на Мейн-стрит»). «Если мы собираемся в тур, то нужно выпустить альбом, – объяснял Мик. – А то люди говорят: „Лучше я послушаю *Brown Sugar* («Коричневый сахар»), чем новую песню“. Плевать я хотел, что они говорят. Мы не какая-то кучка старперов».

Конечно, болезнь Чарли Уоттса заставила «Роллингов» задуматься о перспективах, и из-за этого Мик с Китом во время работы над *A Bigger Bang* снова немного повздорили. Ричардс признавался, что бывали времена, когда они с Миком «вечно спорили по пустякам. Выбор цвета для обложки оборачивался войной не на жизнь, а на смерть… Мы спорим как братья. Это такое соперничество между братьями».

Но на этот раз «мерцающие близнецы» выбрали иной подход к сочинению песен. Ричардс заставлял Мика углубляться в текст, раскрывать себя в стихах. «Мне казалось, пора Мику выйти из своего шкафа», – говорил он.

«Конечно, я такой же ранимый, как и все вокруг, – говорил Мик. – Глупо думать, что человек ничего не чувствует, только потому, что он знаменитость или с гордым видом расхаживает по сцене». Он не стал сдерживаться и с помощью Кита постарался выразить свои чувства с большей экспрессией, чем раньше.

В студии он, как обычно, выкладывался по полной, но его преображение поразило даже привычного ко всему продюсера Дона Уоза. В мире многозальных кинотеатров и торговых комплексов Мик, по выражению Уоза, «научился скрывать свою яркую харизматическую личность». Но на этот раз Мик-потребитель превратился в Мика Джаггера – личность. «Он снял белую рубашку и разделся до майки. У него изменилась вся мускулатура, а губы, казалось, стали еще больше. Он как бы неожиданно сбросил лет сорок, – вспоминал Уоз. – И это действительно впечатляло, так что я просто смотрел на него раскрыв рот, как случайный прохожий, и мне было даже как-то неловко».

В альбоме *A Bigger Bang* («Еще больший взрыв») проскальзывают меланхоличные, блюзовые нотки. Но критиков скорее поразило то, что в лирике Джаггера больше ярости и

гнева, нежели грусти и печали. В песне *Oh no, Not You Again* («О нет, только не ты опять») Мик словно отвечает на обвинения Джерри, которые она высказывала в песне *Around This Table* («Вокруг этого стола»). («О нет! Только не ты, только не порти мне жизнь опять! И в первый раз было плохо, так что лучше я последую моему собственному совету».)

Но самые острые выпады были направлены совсем не в адрес близкого человека, а в адрес политиков. Песня *Sweet Neo Con* («Милый неоконсерватор») стала едким протестом против внешней политики США и президента Джорджа Буша-младшего. «Ты называешь себя христианином, а я думаю, что ты лицемер, – кричал Джаггер. – Ты говоришь, что патриот, а я думаю, что ты горшок с дерьмом». Далее в песне подвергаются критике Пентагон, цены на нефть и компания «Халлибартон», с которой был связан вице-президент США Дик Чейни.

С не меньшей критикой Джаггер набросился и на человека, который предложил посвятить его в рыцари, – на британского премьер-министра Тони Блэра. К вторжению в Ирак в 2003 году Джаггер относился неоднозначно; сначала он заявлял, что избавление страны от диктатора Саддама Хусейна – это «дар человечеству». Но потом для него стало шоком откровение о том, что «Блэр с самого начала знал: оружие массового поражения – это всего лишь повод к вторжению» и что «не было никакого последовательного плана восстановления Ирака».

Поначалу Ричардс высказывал сомнения по поводу песни *Sweet Neo Con*, утверждая, что многие их фанаты поддерживают войну в Ираке. «Мы что, в самом деле хотим отвлечь их внимание от других песен альбома? Ну, то есть не такая уж она метафорическая». Мик и не спорил: «Да, она самая что ни на есть откровенная. Мне кажется, Кит немного волнуется, потому что живет в США. Но я-то там не живу». Кроме того, добавил он, группа *Rolling Stones* затрагивала острые политические темы еще со времен *Street Fighting Man.* «Ну да, песня немного жестковата, – признавал Мик, – но разве людям не на пользу, когда им указывают на нелицеприятные факты?»

Того, что Кит укажет всем на нелицеприятный факт, связанный с ним самим, Мик никак не ожидал. Когда 21 августа 2005 года группа готовилась начать тур с выступления в бостонском Фенвэй-парке, одна бостонская газета напечатала интервью Ричардса, в котором тот довольно нелестно отозвался о мужском достоинстве Мика. «Член у него не больше носа, – выпалил Кит в беседе с журналистом. – Яйца большие. Член маленький». Едва взгляд Мика упал на статью в газете, как он тут же в ярости побежал в номер Кита в отеле «Четыре сезона». «Это

еще что за хрень?» – набросился он на виновника скандала, размахивая газетой.

Кита, казалось, удивила такая бурная реакция со стороны своего товарища (шесть лет спустя он повторит комментарии по поводу мужского достоинства Мика в своей автобиографии). «Да ладно тебе, Бренда. Черт, ты что, шуток не понимаешь?»

Отношения между ними наладились только через несколько недель, когда они выступали с концертами в ходе тура. Но того же нельзя было сказать об отношениях Мика и Джерри. Когда Мик узнал, что Джерри снимается в реалити-шоу «Альфонс» на британском канале *VH1*, где за право называться ее «кавалером» спорят с десяток молодых мужчин, он вышел из себя и крикнул: «А я тогда снимусь в шоу, где буду встречаться с тридцатью шестнадцатилетними девушками!»

Джерри Холл это не впечатлило. «Мик занимается этим уже лет двадцать», – заметила она.

На самом деле, конечно, она преуменьшала – Мик занимался этим гораздо дольше, только вот в последнее время ходили слухи, что шестидесятидвухлетний ловелас уже не обходится без помощи медицинских препаратов. «Одних обаяния с вежливостью недостаточно», – говорил он в интервью журналу «Джи-Кью». «Рано или поздно приходится предъявлять кое-что еще», – добавил он лукаво, посматривая в область паха. Журналист поинтересовался, не принимает ли он «Виагру». «Нет! – резко ответил Мик. – Она мне не нужна».

Примерно в то же время фармацевтическая компания «Байер Хелс Кейр» объявила, что Джерри Холл будет рекламным лицом препарата «Левитра», предназначенного для лечения эректильной дисфункции. Доктор Криста Кройцбург, президент отделения компании в Европе и Японии, называла Джерри «идеальным представителем», потому что она «всемирно известный образ, олицетворяющий собой открытое, уверенное и смелое отношение к сексу и интимным связям между людьми».

Если вспомнить, что Мик заставил ее пережить в среднем возрасте, объяснение самой Джерри казалось более сентиментальным. «Здоровые любовные отношения не являются исключительно уделом тех, кому двадцать-тридцать лет. Они важны для людей всех возрастов». Джаггер и Лоурен никак не прокомментировали это назначение.

Принимает Мик какие-то повышающие потенцию препараты или нет, уже казалось неважным. Пресса снова смаковала подробности его любовных похождений и называла Лоурен «укротительницей чресел», намекая на то, что ей якобы удалось усмирить желание Джаггера бегать налево. Какого рода

отношения их связывали и какое влияние выросшая среди мормонов модель оказывала на Мика на самом деле – все это стало темами многочисленных спекуляций.

Ходили также слухи, что Лоурен, собиравшаяся выпускать свою модельную линию, выводила из себя других «Роллингов» советами о том, что им надевать на сцене. Что хуже, она якобы даже пыталась заставить Кита Ричардса и Ронни Вуда бросить курить. Из-за всех этих слухов Лоурен даже прозвали «Йоко Оно для „Роллингов”», потому что она якобы тоже портит отношения между музыкантами одной группы.

Мику пришлось даже выступить с отдельным заявлением по этой теме, на что он соглашался крайне редко. «Неверно предполагать, будто Лоурен послужила причиной разлада между мной и другими членами группы, – сказал он. – Все это полнейшая ерунда. У каждого из нас свой собственный стиль. Мы не спорим по поводу одежды, курения или Лоурен, но все эти слухи очень ее огорчают. У Лоурен даже и мыслей не было вмешиваться в отношения музыкантов, которые выступают вместе более сорока лет».

Наряду с этим кое-какие признаки позволяли предположить, что отношения между Миком и Лоурен выходят на новый уровень. Когда в январе 2006 года Лоурен вместе со своей подругой Викторией Бэкхем посещала парижский показ мод, она как бы невзначай показала на пальце левой руки кольцо с сапфиром и бриллиантом в десять карат. Как она застенчиво призналась, это был подарок Мика.

Как и многие женщины до нее, Лоурен периодически сопровождала Мика на гастролях, но успех «Роллингов» не мог заставить ее забыть о собственной карьере. «Лоурен очень честолюбива, – говорила ее подруга по модельному бизнесу. – Она отличается целеустремленностью и умом, хочет прославиться без помощи Мика или какого бы то ни было мужчины».

Жалуясь на то, что в ее гардеробе не хватает идеального «маленького черного платья», которое должно быть у всякой уважающей себя модницы, Лоурен создала коллекцию «Маленькое черное платье». Самым большим хитом стало так называемое «платье директрисы»: черное шерстяное платье длиной немногим ниже колен, с рукавами в три четверти и с широким белым воротником – по всей видимости, вдохновением к его созданию послужили воспоминания Мика о том, как одевались английские директрисы школ для девочек в 1950-х годах. Оно завоевало огромную популярность, и в нем представали на публике такие известные женщины, как Мадонна, Сара Джессика Паркер, Эми Адамс, Деми Мур, Риз Уизер спун,

Дженнифер Лопес, Опра Уинфри, Рене Зеллвегер, Сандра Баллок и даже первая леди США Мишель Обама. Лоурен также не стеснялась одевать Карлу Бруни, Уму Турман и Анджелину Джоли, с которыми ее связывало нечто более личное – Мик Джаггер.

Мик всегда интересовался дизайном одежды, но теперь он неизменно сидел рядом с Лоурен в первых рядах на показах мод в Нью-Йорке, Лондоне, Париже и Милане. Когда демонстрировались коллекции самой Лоурен – вскоре они охватывали не только одежду, но и сумочки, обувь, украшения и косметику, – он часто вставал, чтобы сфотографировать понравившуюся деталь или разглядеть ее поближе. «Мик всегда что-нибудь говорит о том, что я ношу или создаю, – хвалила его Лоурен. – А посмотрите, как он сам одевается! Не думаю, что в мире найдется другой такой же модный мужчина».

Лоурен старалась отблагодарить Мика, появляясь на его выступлениях, в каком бы уголке мира они ни проходили. Она была и на матче «Суперкубок XL» американской футбольной лиги 5 января 2006 года в Детройте, перед которым «Роллинги» выступали с тремя песнями. Тогда же Мику сообщили, что с новой песней *Rough Justice* («Скорый суд») возникли небольшие проблемы. Дело касалось слов: «Когда-то давно я был твоим петушком, но теперь я всего лишь один из твоих хахалей». В оригинале звучит слово cock, которое может иметь как обычное значение «петух», так и грубое – «половой член». В трансляции это слово было вырезано. «Просто смешно, представить только – сидят какие-то очень серьезные люди и думают, оставить слово cock в эфире или нет», – сказал по этому поводу Джаггер.

Представление «Роллингов» на Суперкубке посмотрели 89,9 миллиона зрителей – эти цифры Джаггер назвал «фантастически безумными». «Включаешь телевизор, а там везде ты. Ну, а потом выключаешь, и тебя нет». Две недели спустя «Роллинги» испытали похожие ощущения, когда на их бесплатный концерт на пляже Копакабана в Рио-де-Жанейро пришло 1,5 миллиона человек – без всякого сомнения, самая их большая аудитория за все время.

Из отеля, в котором остановились музыканты, до сцены был сооружен специальный мост, возвышавшийся над головами зрителей. «Приходилось едва ли не щипать себя, чтобы поверить в происходящее, – вспоминал Мик. – Всей толпы в Рио на самом деле не было видно – столько там собралось народу. Но шумели они как сотни ульев, реально очень громко».

Это гудение предвещало и неожиданно большую прибыль для группы, поскольку все расходы на организацию концерта, по сути, оплатило правительство Бразилии. Когда были подсчитаны

доходы от продажи прав на трансляцию и от продажи сувениров, то получилось, что за один вечер в Рио «Роллинги» заработали 17 миллионов.

Словно желая сделать происходящее еще более невероятным, новый бойфренд Лусианы Морад, телевизионный магнат Марсело де Карвальо, предложил ей руку и сердце прямо на концерте *Rolling Stones*. После концерта взволнованная Лусиана побежала за кулисы вместе со своим новоиспеченным женихом, чтобы сообщить эту новость Мику. «Конечно, он за меня порадовался. Но было ужасно забавно наблюдать, как он стоит там и разговаривает с Марсело».

Как только в рамках тура *A Bigger Bang* («Еще больший взрыв») закончились выступления в Азии, Мик с Чарли вернулись в Лондон, а Кит с Ронни полетели отдохнуть на частном курорте в Фиджи. Искупавшись в океане, Кит полез на невысокую пальму за кокосами. Рука его соскользнула, и он полетел на землю, ударившись головой о ствол дерева.

«Он решил поиграть в Тарзана и неудачно схватился, – вспоминал Вуд. – Не успел я отвернуться, как он уже лежал на земле. Голова разбита и вся в крови».

Умывшись, Кит почувствовал себя лучше. Но через два дня, когда он катался на лодке, у него вдруг снова сильно разболелась голова. Боль не проходила и только усиливалась, пока однажды ночью с ним не случились два приступа подряд.

Он обратился к врачам, и те обнаружили большой сгусток крови в мозгу. Кита срочно доставили в больницу в новозеландском Окленде. «Если бы этот сгусток не удалили, он бы не выжил», – говорил нейрохирург Эндрю Ло, оперировавший Кита. После операции доктор Ло признался, что когда он был маленьким, у него над кроватью висел плакат с Ричардсом. «Какое счастье, что он оказался моим фанатом!» – полушутя воскликнул Кит.

Мик, которому позвонили, когда самолет с Китом летел в Окленд, не на шутку разволновался, думая, что может потерять своего давнего товарища. «Он и в самом деле очень переживал, – вспоминала Лоурен. – Они ведь любят друг друга». Но нужно было что-то делать и с гастролями. На пресс-конференции журналистам сообщили, что Кит пережил небольшое сотрясение мозга и уже выздоравливает. Правда, остаток тура пришлось отложить до его полного выздоровления. Мику сообщили, что для этого потребуется полгода – если, конечно, вообще произойдет.

Удивительно, но всего лишь через полтора месяца Кит уже играл с «Роллингами» в Милане. «Шесть недель! – заявлял он с некоторой гордостью. – Ну, то есть неплохо для мозговой

деятельности!»

Никто так не радовался, как Джаггер, тем более что тур *A Bigger Bang* («Еще больший взрыв») мог продолжаться, как и было запланировано. «Все мы с опаской посматривали на Кита, но он играл как обычно, то есть хорошо, – говорил Мик. – Но впредь Кит не должен никуда залезать без парашюта».

Получилось так, что травма Кита стала первым эпизодом в череде ударов, которые Мику предстояло пережить в предстоящие месяцы. В конце августа он узнал, что у Марианны Фейтфул, музыкальная карьера которой пошла в гору после выхода в 1979 году ее альбома *Broken English* («Ломаный английский»), обнаружен рак груди и ей только что сделали операцию в парижской клинике.

Фейтфул спала, когда зазвонил телефон. «Привет, Мариан, дорогая, – сказал Мик. – Как поживаешь?» Он звонил из Майами.

Это был их первый разговор за тридцать пять лет. «И вот после всех этих лет он звонит мне, чтобы спросить о моем самочувствии», – удивлялась Марианна. Позже она узнала, что Мик долго названивал всем агентам и знакомым, пытаясь узнать номер ее телефона в клинике. «Пока мы разговаривали, я все время думала: „Как это мило с его стороны…“ Он так потрудился, чтобы связаться со мной. Я была очень тронута. Он хороший человек, классный парень. Если кого-то любишь, то любишь навсегда. Любовь никогда не проходит».

В ответ бывшая возлюбленная Мика поинтересовалась, как со здоровьем у него, особенно с голосом. Она читала, что на гастролях Джаггера снова одолел ларингит, из-за чего даже отменили несколько концертов.

Мик постарался собраться с силами, чтобы выступить 29 октября в довольно небольшом нью-йоркском театре «Бикон», где с запозданием проходило празднование шестидесятилетия Билла Клинтона. Поздравить бывшего президента США пришли многие звезды, а Мартин Скорсезе специально снимал выступление «Роллингов» для документального фильма о группе.

Незадолго до выхода музыкантов на сцену бывший наставник и друг Мика Ахмет Эртегюн прошел в ложу для почетных гостей, которую в шутку называли «Гнездо гремучей змеи». В суматохе восьмидесятитрехлетний основатель звукозаписывающей компании «Атлантик Рекордз» потерял равновесие, упал и ударился головой о бетонный пол.

«Роллинги» не знали о произошедшем и выступали до конца, а тем временем «скорая» увезла Эртегюна в больницу. «А где Ахмет? Что с ним случилось?» – в недоумении спрашивал Джаггер после концерта.

Узнав о несчастном случае, Мик тут же позвонил в больницу. Новости поначалу были неутешительными. Ахмет без сознания лежал в отделении интенсивной терапии, и врачи не скрывали, что он может и не пережить этой травмы. Но через неделю Ахмет уже дышал сам, без аппарата искусственного дыхания, а его самочувствие заметно улучшалось.

Мик едва оправился от этого потрясения, как ему сообщили, что Джаггер-старший упал в своем ричмондском доме со стремянки, сломав два ребра и разорвав легкое. В следующие две недели Мик намотал шестнадцать тысяч миль над Атлантикой, прилетая в Лондон, чтобы побыть рядом с отцом, и возвращаясь обратно в Америку. «У него были красные глаза, и он не сдерживал чувств, – вспоминала медсестра. – Он разговаривал с отцом, даже когда тот был без сознания. Говорил, как сильно любит его. Такого от Мика Джаггера не ожидали. Нас всех это очень тронуло».

Проведя восемь часов у кровати Джо в Кингстонской больнице в Суррее, Мик с Лоурен полетели на следующий концерт «Роллингов» в Лас-Вегас. Но не успел Мик выйти на сцену спортивного комплекса «Эм-Джи-Эм Гранд Гарден», как ему сообщили о смерти отца от пневмонии. Мик не стал отменять выступления. «Это было настоящее потрясение для него, и он, очевидно, пребывал в шоке. Вы бы видели его лицо, – вспоминал один из распорядителей. – Но на сцену обычно выходишь на автопилоте и просто исполняешь свою работу».

Трудно выразить словами, до какой степени Мик Джаггер преклонялся перед своими родителями, особенно перед отцом, которому он, неутомимая рок-звезда с мировым именем, был обязан многим в своей жизни. «Его физическая форма, выносливость, сила, которые поддерживали его все эти годы, – все это дал ему отец», – говорил Дик Тэйлор, товарищ Джаггера по Дартфордской школе и бывший член *Rolling Stones*. С ним соглашался Рэй Коннолли, английский журналист, обучавшийся в Лондонской школе экономики в то же время, что и Джаггер: «Мик всегда отличался дисциплиной. Без его усердия «Роллинги» не достигли бы такой славы. А это качество он унаследовал от отца».

Так или иначе, Мик тяжело переживал эту утрату. «Все мы с тоской вспоминаем беззаботное детство, и Мик не исключение. Он был просто очень привязан к своим родителям», – добавил Дик Тэйлор.

Это был переломный момент в жизни Мика Джаггера, и те, кто знал его хорошо, понимали, как на самом деле сильно он страдает. Поддержать Мика на похоронах приехали Лоурен, Джерри Холл, Бьянка и Марша Хант. На службе в часовне

колледжа Святой Марии в Туикенеме присутствовали все дети Мика, за исключением Лукаса, который остался со своей матерью Лусианой в Бразилии. На этот раз Мик казался еще более взволнованным, чем во время прощания с матерью. Когда прихожане запели любимое песнопение его отца, *Morning Has Broken* («Утро настает»), которое исполнялось и на похоронах Евы Джаггер, по щекам Мика потекли слезы, и Лоурен с дочерьми стали его успокаивать. «Он был мне очень хорошим отцом. Очень хорошим отцом», – сказал Мик собравшимся.

Но на этом трагические события года, к сожалению, не закончились. Состояние Ахмета Эртегюна резко ухудшилось, он впал в кому и скончался от травм, полученных при падении во время выступления «Роллингов» на дне рождения Билла Клинтона.

Целая вереница несчастных случаев – рак горла у Чарли, сотрясение мозга у Кита, рак груди у Марианны, смерти Ахмета Эртегюна и Джо Джаггера – привела Мика в состояние мрачной меланхолии.

В Рождество скончался «крестный отец соула» Джеймс Браун, творчество которого сильно повлияло на становление Джаггера-музыканта. «Как там королева назвала год, в который едва не сгорел Виндзорский замок? *Annus horribilis* – „ужасный год“? – грустно вопрошал Мик. – Так вот, у нас тоже был такой год».

«Когда я начинал, было другое столетие, и это чувствуется. Но жизнь-то продолжается».

Мик

«Как и у большинства людей, мои моральные ценности – довольно гибкая штука».

Мик

Глава десятая
Президент Франции ревнует

Президент Франции ревновал – ревновал к Мику Джаггеру. Николя Саркози думал, что длившаяся восемь лет интрига его жены с Миком давно закончена, но в ее доме, который располагался в фешенебельном районе «Вилла Монморанси» в парижском шестнадцатом округе и который она не спешила продавать, до сих пор стояла фотография в серебряной рамке, где они с Миком обнимаются на пляже. Неужели она до сих пор любит его? А он любит ее?

У обоих мужчин было немало общего. Каждый обладал неординарным характером, каждый поддерживал неплохую физическую форму и каждый считался своего рода секс-символом. Каждый ставил под сомнение общепринятые нормы и производил неоднозначное впечатление. Некогда их считали бунтовщиками против существующего порядка, а теперь они стали образцом благополучия и престижа. Их имена были известны во всех уголках света. Об их похождениях с представительницами противоположного пола писали в газетах. После двух неудачных браков и бесчисленных связей (вторая жена Саркози Сесилия, также бывшая модель, назвала его «бабником» и «дешевкой») оба они влюбились в одну и ту же женщину.

Предмет их воздыханий не сидел сложа руки те несколько лет, что прошли после «обмена любезностями» с Джерри Холл. При поддержке Мика Карла в 1997 году выступила как певица, очаровав публику своим слегка хрипловатым голосом. Ее первый альбом стал хитом во франкоязычных странах и разошелся в Европе более чем в двух миллионах экземпляров.

Личную жизнь Бруни тем временем можно было уподобить трассе Гран-При в Монте-Карло с ее крутыми поворотами и неожиданными виражами. В начале двухтысячных она встречалась с актерами Венсаном Пересом и Шарлем Берленом, режиссером Лео Каракасом, адвокатом Арно Кларсфельдом (который работал вместе с будущим президентом Саркози в бытность того министром внутренних дел) и даже с бывшим премьер-министром Франции Лораном Фабиусом.

В 2001 году она переехала к известному французскому интеллектуалу Жану-Полю Энтовену и влюбилась в его сына, преподавателя философии Рафаэля Энтовена. В то время Энтовен-младший был женат на французской писательнице

Жюстин Леви. Эта связь привела к разводу, и в том же 2001 году Карла родила от него сына Орельена. В 2004 году Леви написала роман «Ничего серьезного», где изображена некая Паула, которая сравнивается с «самкой богомола» с «улыбкой Терминатора», уводящая мужа главной героини.

Все это время Карла, казалось, не видела никаких причин оправдываться за свою связь с Миком и не считала себя виноватой в том, что он развелся с Джерри Холл. «У Мика было много других женщин, – говорила она. – Я стала всего лишь одной из четырех тысяч и никогда не чувствовала себя виноватой… Мне кажется, он этакий Дон Жуан. Я привыкла к этому, потому что в Италии мужчины очень любят женщин».

Всего лишь за несколько месяцев до встречи со своим будущим мужем Карла признавалась, что они с Миком были очень «близки» и что она не думает, будто ее связь с Джаггером повредила ее репутации. «Этим можно даже гордиться, – говорила она. – Я ведь встречалась не с генералом Пиночетом и не с Муссолини». Кроме того, добавила она, «когда у тебя с кем-то роман, то он становится для тебя просто мужчиной. Конечно, если он талантлив, тем лучше. Но мужчина, в конце концов, это всего лишь мужчина».

В ноябре 2007 года, вскоре после того, как Карла порвала с Рафаэлем, и всего лишь через месяц после второго развода Саркози, рекламный магнат Жак Сегела познакомил Бруни и президента Франции на приеме в своем парижском доме. Как вспоминал Сегела, Бруни с Саркози в тот вечер говорили о Мике. «В том, что касается папарацци, вы еще любитель, – шутила Карла. – Я восемь лет держала в тайне свою связь с Миком. Мы вместе ездили по разным странам, но нас ни разу не сфотографировали вместе».

Саркози, похоже, это не впечатлило, и он предпочел пройтись по внешнему виду Мика. «Как вы могли восемь лет встречаться с кем-то, у кого такие смешные ноги?»

Через некоторое время Саркози пригласил Бруни прогуляться по садам Елисейского дворца. «Он показывал мне разные цветы – он знает все их латинские названия, всякие подробности про тюльпаны и розы, – вспоминала она. – А я говорила себе: „О боже, я просто должна выйти замуж за этого человека. Он президент и еще все знает про цветы. Невероятно“».

Вскоре Саркози принялся ухаживать за Бруни по-серьезному, и она отвечала ему взаимностью. «Когда моя сестра кого-то хочет, она просто берет его», – сказала сестра Карлы актриса Валерия Бруни-Тедеши.

Когда стало понятно, что у президента настоящий роман с

Карлой, Мик позвонил ей и спросил про Саркози. «У него всегда просыпается дух соперничества, даже когда дело касается бывших, – сказала одна из его давних подружек. – Состязаться с рок-звездой – одно дело, но чтобы с самим президентом Франции?»

Бруни не знала, что ей говорить про свою связь с Миком. С одной стороны, она отрицала, что была влюблена в него по-настоящему, и называла их связь всего лишь «увлечением». Но ее друзья и подруги знали, что это не так. Они слышали, как однажды она сказала, что может назвать «любовью всей своей жизни» только одного мужчину – Мика.

Саркози и Бруни сочетались браком в Елисейском дворце 2 февраля 2008 года. Андре Саркози, мать жениха, не испытала особого восторга. «Достаточно с меня его невест», – сказала она. Несколько недель спустя, перед официальным визитом Саркози в Великобританию, на аукционе «Сотбис» была выставлена фотография обнаженной Бруни, которую продали за 91 тысячу долларов.

Исполняя во Франции роль самой стильной первой леди, Карла Бруни-Саркози продолжала общаться с еще одной знаменитостью, за которую некогда хотела выйти замуж. Карла с Миком регулярно разговаривали по телефону (личный помощник Карлы, Франк Демюле, утверждал, что он оставался для нее «богом»), а Саркози продолжал кипеть от ревности.

Очередной повод для ревности у французского президента появился, когда Карла, капитал которой благодаря полученному от отца наследству увеличился более чем на 35 миллионов долларов, решила подыскать себе новый дом в Париже. Официальной резиденцией Саркози конечно же был Елисейский дворец, но она всегда мечтала о месте, которое можно было бы назвать «личным убежищем».

Наконец ее внимание привлек впечатляющий дуплекс номер 55 по улице Бабилон стоимостью 15 миллионов долларов. Раньше в этом доме проживал покойный модельер Ив Сен-Лоран со своим партнером Пьером Берже. В трехэтажных апартаментах размещалась их коллекция произведений искусства, которую за несколько недель до этого продали на аукционе более чем за 600 миллионов долларов.

На первый взгляд, жилище казалось вполне подходящим. Оно располагалось на широкой улице Седьмого округа, рядом с парламентом и Елисейским дворцом, прямо напротив Сены. Саркози одобрял выбор супруги – но только до тех пор, пока ему не сообщили, что пентхауз двумя этажами выше принадлежит не кому иному, как Мику Джаггеру. Вполне понятно, что президент

постарался отменить сделку.

Поводов для беспокойств у него было предостаточно и после этого случая. Летом Карла курсировала на яхтах между Фортом де Брегансон, официальной летней резиденцией президента, и Шато-Фараги на мысе Нэгр, шикарным поместьем, принадлежавшим семье Карлы. Так вышло, что Шато-Фараги располагается совсем рядом со средиземноморской виллой Джерри Холл, где Мик проводил время с детьми.

Узнав, что Мик находится неподалеку от его супруги, Саркози стал больше времени проводить с Карлой в Шато-Фараги – как выразился один знакомый Бруни, «очевидно, чтобы не спускать с нее глаз». Для Карлы, которая хотела продолжить свою карьеру певицы после того, как ее муж оставит свой пост, поддерживать отношения с Миком Джаггером казалось вполне разумным. Но тем временем пошли разные слухи о «любовном треугольнике». «Карла – типичная итальянка. Очень театральная. Такая девушка, которая любит мутить воду», – говорила Сара Дукас, чье парижское модельное агентство некогда нанимало Карлу.

Мик это тоже понимал. Под его руководством «Роллинги» обогнали всех конкурентов и продолжали оставаться величайшей рок-группой, выступая по всему миру. До того как в рамках тура *A Bigger Bang* («Еще больший взрыв») прошло последнее выступление на лондонской «Арене О2», они успели выступить 147 раз вместе с такими видными исполнителями, как *Maroon 5, Black Eyed Peas,* Джон Майер, Кристина Агилера, *Beck, Smashing Pumpkins, Pearl Jam, Metallica,* Элис Купер, *Mötley Crüe* и *Dave Matthews Band.* Общий доход составил 558,3 миллиона долларов, что сделало *A Bigger Bang* самым доходным туром в истории.

Несмотря на активный график выступлений, Мик находил время для общения с Лоурен и своим семейством. При этом он продолжал еще и работать над фильмами. Его студия «Джаггед Филмз» выпустила ремейк классического фильма «Женщины» 1939 года по пьесе Бут Люс. В 2008 году премьеру ремейка, в котором роли Нормы Ширер, Розалинд Рассел и Джоан Кроуфорд исполняли Ева Мендес, Анетт Бенинг и Мег Райан, критики встретили отрицательными отзывами. А. О. Скотт из *New York Times* назвал его «глупой, раздражающей мешаниной», а Ричард Шикел из *Times*, недолго думая, отозвался о нем как об «одном из худших фильмов, какие я когда-либо видел».

Еще хуже ситуация складывалась с невнятным ситкомом «Рыцари процветания», который шел на канале *ABC* в США. В нем рассказывалось о неудачливых мошенниках, задумавших ограбить ряд знаменитостей, среди которых оказался и сам продюсер

сериала Мик Джаггер. Одна из серий называлась «Давайте ограбим Мика Джаггера». В ней Мик якобы проводит экскурсию по своему нью-йоркскому дому стоимостью в 25 миллионов долларов (на самом деле это были просто декорации). «Привет, я Мик. Добро пожаловать в мой дом. Он такой уютный, что мне даже не хочется из него выходить», – говорит он в камеру. Помимо других деталей обстановки, особенно впечатляли золотой фонтан в виде логотипа «Роллингов» с высунутым изо рта языком, кладовка для шляп с постоянной температурой в шестьдесят два градуса по Фаренгейту (16,6 °С – якобы идеальная температура для хранения шляп) и внутренний бассейн, предназначенный исключительно для четырех собак, потому что сам Мик «не любит мокнуть». Через девять недель руководство *ABC* отменило показ сериала.

Неудачи компенсировал успех документального фильма Мартина Скорсезе «Да будет свет» *(Shine a Light)*, в котором было показано выступление «Роллингов» в театре Бикон на торжестве в честь шестидесятилетия Билла Клинтона двумя годами ранее. Перед зрителями представали снятые крупным планом кадры суматохи за кулисами перед концертом, препирательства музыкантов, а также фрагменты их энергичного выступления – все это делало фильм «Да будет свет» невероятно убедительным, и у зрителей складывалось впечатление, что они едва ли не стоят рядом с исполнителями. С молчаливого согласия участников Скорсезе не пытался скрывать их возраст и специально не редактировал эпизоды, чтобы слегка «подправить» их внешность. Они предстают живыми людьми, с морщинами на лице, со шрамами, но этим только подчеркивают свое «благородство старых львов», как выразился журналист Дэвид Гриттен из лондонской газеты *Daily Telegraph*.

В 2008 году Мику исполнилось шестьдесят пять, но он, подобно другим «Роллингам», не собирался устранять морщины при помощи косметической хирургии. Вопрос о подтяжке лица даже не поднимался, а когда один пластический хирург сделал странное предложение увеличить коллагеном и без того пухлые губы Мика, тот отказался. (Джо Джаггер, утверждавший, что Мик унаследовал «большой рот Джаггеров» от него, в свое время предупреждал сына, что с возрастом его губы станут тоньше). «Тщеславия может быть лишь столько, сколько есть, – сказал он. – А если будешь упорствовать, то покажешься смешным».

Таким образом, все эти модные операции с ботоксом пока что откладывались. Но это вовсе не значило, что он не заботился о своем внешнем виде. Мик никогда не переставал экспериментировать с кремами, увлажнителями для лица и

мазями; когда же ему перевалило за шестьдесят, интерес к профилактической косметике только усилился. Он регулярно посещал центр здоровья и фитнеса «Олимпус» в лондонском отеле «Клэридж» и приобретал дорогую линейку косметических средств «Ла Прэри». Особенно ему нравился крем для лица из икры с зародышами пшеницы и водорослями ценой 390 долларов за одну банку весом 150 граммов.

Ходили слухи, что теперь, с возрастом, он наконец-то угомонится и остановит свой выбор на какой-то одной женщине. Лоурен показывала кольцо с сапфиром и бриллиантом, но не сообщала, подарено ли ей оно в знак помолвки или нет. «Прекрасное кольцо, и это все, что я могу сказать». А Мик тем временем не переставал твердить свою мантру: «Моногамия не для меня».

Тем не менее за шесть лет рок-звезда и модель из Юты успели привыкнуть друг к другу и очень сблизиться. «Они визжат от смеха над одним и тем же, – говорил их друг, модельер Ники Хэлсем. – Им нравятся одна и та же еда, одни и те же украшения, одни и те же люди. Из всех его партнерш она ближе всех к нему, она разделяет его вкусы и отношение к жизни… Она очень чуткая и мудрая женщина, а он это обожает».

После смерти отца Мик, пожалуй, впервые в жизни серьезно задумался о духовности и в лице Лоурен нашел верную сподвижницу. Вместе они совершили паломническую поездку в Индию, где останавливались в 374-комнатном дворце махараджи Джодхпура, а также посещали ашрамы и фестивали народной музыки. Перед тем как уехать, Мик сообщил махарадже Гаджу Сингху II, что хочет стать спонсором международного фестиваля в Джодхпуре. Восхищаясь индийской музыкой, которую он назвал «огромной мозаикой стилей», Мик сказал, что больше всего его в Индии поражают контрасты – «парень на повозке с верблюдом перед торговым центром. Просто поразительно».

Из Индии он вернулся с браслетом из красной нитки вокруг запястья – это был не каббалистический знак, который ему некогда предложила носить Джерри Холл, а священный раджастанский амулет, призванный отпугивать злых духов. Теперь Мик интересовался йогой и медитацией, а по утрам читал буддистские молитвы.

Были и другие признаки того, что Мик становится более цельной личностью. К большому облегчению Джерри, он наконец съехал из Ричмонда. В 2008 году Мик за 18 миллионов долларов приобрел особняк семнадцатого века в Челси, выходящий окнами на Темзу, а потом потратил еще несколько миллионов на его реставрацию. Новыми особенностями дома стали оранжерея в

георгианском стиле, плавательный бассейн, солнечные панели на крыше и отдельные гардеробные, причем мужская гардеробная была в два раза больше женской.

Закончив отделку особняка в Челси, Мик принялся расширять свои владения и на Мустике, купив виллу по соседству со «Старгроувз» и назвав ее «Пеликаньим пляжем». Никогда не упуская возможности заработать деньги, Мик во время своего отсутствия сдавал «Старгроувз» и «Пеликаний пляж» соответственно за 22 тысячи и 7 тысяч долларов в неделю.

В составе сотни почетных гостей Мик с Лоурен в августе 2008 года посетили сорокалетний юбилей компании «Мустик» – фирмы, основанной владельцами недвижимости на острове. На фоне остальных гостей выделялись принц Уильям со своей подругой Кейт Миддлтон («Платье: белое с серебром»). Принц провел пять недель на борту корабля королевского флота, и это была его самая долгая разлука с Кейт. Теперь пара остановилась на вилле «Гибискус», в обнесенном каменной стеной поместье на холме, выходящем на пляж «Макарони».

Тем вечером в баре «Бэйзилс» сэр Мик пел *Satisfaction, Jumpin' Jack-Flash* («Джек-попрыгунчик») и *Brown Sugar* («Коричневый сахар»), а будущая королевская чета танцевала на площадке. Сам Джаггер тоже станцевал с Кейт, но даже он не смог произвести впечатление на женщину, покорившую сердце Уильяма.

Привлекательная сестра Кейт, Пиппа, впрочем, попала под его очарование. Последующие два года Миддлтоны – и родители Кейт, и Кэрол с Майклом, и Пиппа с младшим братом Джеймсом – все они часто посещали остров Мустик, ставший для них своего рода летней резиденцией. Гости и жители острова часто видели Мика и Пиппу вместе, и это породило неизбежные слухи о том, что он опять принялся за старое. Примечательно и то, что Пиппу Миддлтон (которая почти затмила Кейт на бракосочетании, после чего появился даже целый международный клуб поклонников ее «филейной части») впоследствии засыпали предложениями сменить дочь Мика, Джорджию Мэй, в качестве рекламного «лица» джинсов «Хадсон».

Некоторых соседей Миддлтонов по Мустику пригласили на бракосочетание Уильяма и Кейт, но Мика среди них не было. «Элтон и я?» – иронически вопрошал Мик, узнав о том, что его имени нет в списке гостей. Мик был разочарован, но, как сказал один его друг: «Было бы гораздо хуже, если бы они пригласили Пола Маккартни». Пола тоже не пригласили.

Британская пресса особенно смаковала тот факт, что шестидесятипятилетний Мик по законам может теперь официально считаться пенсионером и что ему, помимо всего

прочего, полагается бесплатный проезд на автобусе. Но продолжали выходить и статьи о его связях с женщинами гораздо моложе его.

За год до этого, летом на фестивале на острове Уайт, Мик впервые выступил дуэтом с Эми Уайнхаус. Они так задорно танцевали и толкали друг друга на сцене под классический хит группы *Temptations, Ain't Too Proud to Beg* («Не слишком горд, чтобы умолять»), что следующие несколько месяцев ходили слухи о том, что Мик и Уайнхаус, тоже любительница погулять на стороне, часто встречаются и за пределами сцены. «Эми боготворила Мика, – говорил один из ее знакомых музыкантов. – Она ужасно радовалась, даже если он просто находился рядом». Сам же Мик предсказывал трагический финал Уайнхаус: «Эми – прекрасная исполнительница, но боюсь, она может умереть, если продолжит вести такой образ жизни». Он говорил это по личному опыту. «Я мог бы закончить так, как Эми, много лет назад. Просто однажды решил, что не хочу умирать молодым».

Были слухи и о его связях с другими женщинами, в частности с дочерью его старого знакомого, красивой аристократкой Молли Миллер Манди, которой исполнилось двадцать три года.

Тем не менее главной женщиной в жизни Мика продолжала оставаться Лоурен, хотя даже обычно спокойная Лоурен изрядно поволновалась, когда на коктейльной рождественской вечеринке 2010 года в новом особняке Мика появилась его бывшая возлюбленная.

Под предлогом, что ей нужно забрать тринадцатилетнего сына Габриэля, Джерри Холл ворвалась через парадную дверь и тут же направилась прямиком к Лоурен. В помещении воцарилась тишина, так как гости понимали, что эти женщины встречаются лицом к лицу впервые. Как сказал один из гостей: «Зная Джерри, мы ожидали, что она, чего доброго, даст Лоурен хорошего пинка». К счастью для всех, Холл только вежливо представилась и сказала, что ей нравятся дизайнерские находки Лоурен. Мик, до этого осторожно наблюдавший за сценой со стороны, пожелал Джерри счастливого Рождества, и другие тридцать гостей вздохнули с облегчением и захлопали в ладоши.

Джерри пребывала в миролюбивом настроении и говорила, что до сих пор считает Мика «хорошим человеком» и «чудесным отцом». При этом она не преминула добавить, что, по ее мнению, проблема заключается только в том, что Мик «переспал почти с каждой подвернувшейся ему на пути девчонкой. Было очень утомительно доставлять его домой и следить, как бы он не закадрил кого по дороге».

С такой задачей Лоурен справлялась неплохо, хотя Мик до

сих пор уклонялся от разговоров о браке. В тот же день, когда состоялась та рождественская вечеринка, в газете *New York Times* вышла статья, в которой цитировались его слова о том, что он не верит в брак. «Я не говорю, что это плохо и что люди не должны вступать в брак, но это не для меня… Мне просто кажется, что на деле брак – совсем не такой, каким его представляют. Я думаю, что это большой всеобщий миф».

Такой уж был у него характер. Если Мик и испытывал к кому-то длительную привязанность, так только к Киту. Несмотря на все споры и ссоры с хлопаньем дверями, несмотря на взаимные оскорбления, «мерцающим близнецам» всегда удавалось уладить разногласия и вернуться к совместной творческой работе. Однако после публикации мемуаров Ричардса под названием «Жизнь», которые тут же стали бестселлером, над их отношениями нависла серьезная угроза.

Еще до выхода книги Кит показывал Мику некоторые неотредактированные наброски. Особое внимание Мика привлекли те места, где Кит говорит, что Мик пользовался услугами специалиста по постановке голоса, и он попросил удалить эти фрагменты. Ричардс отказался. «Странно, но почему-то он попросил удалить только это… Да все и так об этом знали!» – вспоминал позже Кит.

И только когда в октябре 2010 года части книги стали достоянием прессы, Мик понял, что друг его серьезно подставил. Кит не только называл человека, с которым был знаком почти полвека, «невыносимым» и «причиняющим боль», ему еще и доставляло удовольствие величать своего товарища и коллегу «Брендой» и «Ее величеством». Ричардсу также нравилось сравнивать Мика с «вечно трещащей сорокой», и он утверждал, что после всех этих лет совершенно не представляет, что это за человек. «Иногда у меня возникает ощущение, что я скучаю по своему давнему другу. И думаю – куда же он делся?»

Но это были еще цветочки. Самым большим оскорблением, перед которым меркли остальные, был его комментарий по поводу мужского достоинства Мика. Он уже говорил об этом в 2005 году, но сейчас решил повторить. Согласно Киту, когда Марианна Фейтфул спала с Миком, «она не получала никакого удовольствия от его маленького краника. Я знаю, яйца у него огромные, но это не особо помогает».

«Покойся с миром, группа *Rolling Stones,* погубленная завистью одного человека», – заявил журналист из *Daily Mail,* Рэй Конноли. «Опубликованные вчера мемуары Кита Ричардса содержат сексуальные насмешки над Джаггером и унижают его», – писал он в своей статье. Джерри поспешила прийти на

выручку Мику. «Кит просто завидует его пенису, – утверждала она. – В его словах нет ни капли правды. Они все время задирают друг друга, как подростки. У Мика очень даже приличное хозяйство, уж я-то знаю, ведь я жила с ним двадцать три года. Кит просто завидует».

В защиту Мика выступила и Памела Де Барр. «Я не согласна с Китом по поводу сексуальности их ведущего вокалиста, – говорила бывшая супергрупи. – Я несколько раз имела возможность проверить это сама и осталась довольна всем, в том числе и размерами». Было что сказать даже старому приятелю Мика Питу Таунсенду: «Думаю, это печально, если мы запомним книгу Кита только из-за того, что он написал о размере гениталий Мика. А это полнейшая чушь, говоря по правде. Я видел их и могу утверждать, что размер что надо».

В своей книге Кит еще и ссылался на Марианну, передавая ее слова, будто она осталась недовольна «краником» Мика. Правда это или нет? «Не совсем, – сказала Марианна, – но близко к истине».

Но она тут же добавила, что хотела бы, чтобы Кит «не отзывался так ужасно о Мике. Мне кажется, это слишком». Марианна призналась, что редакторы давно старались вытянуть из нее подробности об их с Миком отношениях, но она отказывалась делиться воспоминаниями, даже когда ей обещали «много денег» и когда она работала над своими автобиографическими книгами.

Что касается денег, то на 2012 год был запланирован новый тур «Роллингов», посвященный их пятидесятилетию. Точные цифры предполагаемой прибыли не назывались, но она должна была стать крупнейшей в истории. Промоутеры между собой шептались, что после того как тур *U2* в 2009–2011 годах принес 720 миллионов прибыли, тур «Роллингов» должен был превысить планку в миллиард долларов.

До выхода книги «Роллинги» в частных беседах признавались, что с нетерпением ожидают этого тура, но теперь, когда Кит высмеял Мика, над будущими планами нависла неопределенность.

Кит первым поспешил дать задний ход и пойти на примирение. «Он слишком болезненно реагирует на некоторые вещи, но мы с Миком до сих пор большие друзья и все еще хотим работать вместе. Я искренне люблю этого человека. Я до сих пор его товарищ».

Мик же так не считал, и его вполне можно было понять. В разговорах с Лоурен и с близкими друзьями в Лондоне и Нью-Йорке он говорил, что его действительно очень оскорбляют

многие высказывания Ричардса в его адрес. Кит часто повторял фразу: «Мне кажется, у Мика нет проблем с тем, чтобы признать правду», но, как оказалось, он ошибался.

Несколько недель Мик придерживался тактики, которая раньше всегда выводила Кита из себя: он полностью игнорировал Ричардса, не отвечал на его звонки и не делал никаких заявлений о книге. Кое-что он сказал лишь через два месяца, и то обиняками: «Лично я считаю, что ворошить прошлое скучно. По большей части люди это делают лишь из-за денег». Когда-то он и сам едва не попался на этот крючок, в 1980 году согласившись на предложение английского издателя Вейнденфельда написать свою книгу мемуаров за 5 миллионов долларов. Он даже получил деньги, но вернул их через восемь лет, поклявшись никогда больше не писать автобиографий. «Не хочу превращаться в старого футболиста, сидящего в пабе и вспоминающего, кто там выиграл кубок 1964 года», – сказал он про книгу Кита.

Уж Мик-то точно не собирался становиться старым занудой. Он решил тихо подождать в сторонке, пока Кит волновался и раздумывал, не сорвал ли он предстоящий тур в честь пятидесятилетия группы. А тем временем имя Джаггера вновь было у всех на устах.

Несмотря на свой возраст, рокер с копной темных волос и с талией в шестьдесят девять сантиметров до сих пор излучал юношеский задор и энергию, которым позавидовали бы исполнители и в три раза моложе его. Если и оставались сомнения, что аудитория тинейджеров до сих пор считает Мика богом рока, то они развеялись после выхода дебютного сингла *Ke $ha, TiK ToK,* ставшего поистине глобальным явлением: только в 2010 году было продано 12,8 миллиона копий, что сделало его самым продаваемым хитом года. И вовсе не удивительно, что в нем были такие строчки: «Мы даем ему пинка, если он не выглядит как Мик Джаггер».

Английская певица Шер Ллойд пошла дальше и выпустила свой сингл под названием *Swagger Jagge*r («Кураж Джаггера»), придавший популярности новой жаргонной фразе, которая, согласно «Городскому словарю», означает «дерзкую самоуверенность, с какой расхаживает по сцене Мик Джаггер».

Сам Мик провел настоящий телевизионный мастер-класс такой походки, выступив на церемонии награждения премии «Грэмми» 13 февраля 2011 года, в дань памяти великого блюзмена Соломона Берка. Кстати сказать, это было первое выступление «Роллинга» на церемонии «Грэмми».

Сначала Джаггер стоял к аудитории спиной, а потом резко повернулся и сбросил плащ под оглушительные овации зрителей,

собравшихся в лос-анджелесском «Стейплз-Центре». Его заводное выступление никого не оставило равнодушным и завершилось воплями восторга.

Ведущий вокалист группы *Maroon 5* Адам Левин и Кристина Агилера также воспользовались образом Джаггера, сделав себе тем самым неплохую рекламу. Их дуэт *Moves Like Jagger* («Двигается как Джаггер») стал первой за четыре года песней *Maroon 5*, попавшей в ведущую десятку хитов, а для Кристины Агилеры это был первый хит после сингла *Lady Marmalade,* записанного за десять лет до того. *Moves Like Jagger* регулярно крутили по радио несколько месяцев, а позже выдвинули на «Грэмми».

В современной поп-музыке наблюдаются и другие аллюзии на Джаггера, чему немало способствует рифмовка его фамилии со словом swagger: в песне *Heart and Soul* («Сердце и душа») группы *Jonas Brothers* есть такая строчка: «Это неважно, если ты можешь куражить, как старина Мик Джаггер»; в песне *The Time* («Время») группы *Black Eyed Peas* – «Все эти девочки любят мой кураж, они называют меня Миком Джаггером»; и в песне *Swagger Like Us* («Задавай кураж, как мы») Канье Уэста – «Мой кураж – это Мик Джаггер».

Понимая, насколько важно сохранять популярность среди молодых поклонников, Джаггер не решался публично критиковать их кумиров. Сам он в частных беседах не раз признавался, что не считает рэп и хип-хоп настоящей музыкой. Но теперь, когда даже рэпер Канье Уэст назвал его «чумовым бодряком», Джаггер охотно включил его в круг своих друзей, наряду с Пи Дидди и Джей-Зи.

Еще одним неожиданным фанатом Джаггера оказался кумир девочек-подростков, Джастин Бибер, опубликовавший в «Твиттере» сообщение: «Мик Джаггер – это модная тема. Почему? Мик Джаггер – это Чувак, и он был в моде еще задолго до „Твиттера“. Настоящая легенда».

Джаггер снисходительно принял эту похвалу без лишних слов. «Мне кажется, ему не хватает духу сказать что-то неприятное такому миленькому мальчику, как Бибер, хотя я уверен, что Мик находит его песни тошнотворными. Большой сюрприз!» – сказал один руководитель звукозаписывающей компании, знакомый с ними обоими.

А вот в своей похвале Бейонсе Мик Джаггер, по всей видимости, был искренен. Он говорил, что был «впечатлен, действительно впечатлен. Она – такая очень современная версия Тины Тёрнер». Заодно он отозвался и о Леди Гаге как о «хорошем музыканте, хорошей исполнительнице, хорошо играющей на

фортепьяно». В его устах это звучало большой похвалой.

Сама же Леди Гага призналась, что Мик Джаггер – один из ее кумиров и образец для подражания. В детстве она росла в обычной среде, в благополучной семье, но решила, что если хочет стать знаменитой певицей, то ей нужно заняться чем-то «диким». Подражание Уорхолу, Боуи и Мику было ее частью «поисков художественного самовыражения, стремлением ухватить момент».

Что касается самовыражения, то Джаггер никогда не останавливался на достигнутом и всегда находил новые способы «ухватить момент». Сейчас он вынашивал планы снять фильм «Таблоид» и сыграть в нем главную роль. Фильм должен был стать «триллером для взрослых», посвященным «одному медиамагнату с сомнительными моральными принципами». Интерес к будущему фильму подогревал тот факт, что журналисты с Флит-стрит в течение многих лед преследовали самого Джаггера и шпионили за ним – особенно это касалось репортеров печально известной *News of the World.*

На музыкальном поприще он решил заняться совершенно новым проектом, договорившись о создании новой супергруппы со своим давним приятелем Дейвом Стюартом, английской соул-певицей Джосс Стоун, младшим сыном Боба Марли, Дамианом Марли, и композитором Алла Ракха Рахманом, получившим «Оскар» за музыку к фильму «Миллионер из трущоб». Название группе было придумано вполне подходящее – *SuperHeavy*, намекающее на то, что в ней участвуют настоящие «тяжеловесы».

Чтобы запись первого альбома супергруппы проходила в обстановке строжайшей секретности, один из основателей «Майкрософт», Пол Аллен, предоставил музыкантам свою 126-метровую яхту «Октопус», на борту которой размещались два вертолета, две подводные лодки и была еще площадка для гидроциклов. Мик Джаггер зарегистрировался в корабельном журнале под псевдонимом Мистер Гибсон 3,3. Музыканты из *SuperHeavy* работали над своим альбомом, пока яхта курсировала между Ямайкой, Калифорнией, Турцией, Италией, Грецией и Флоридой.

Джосс Стоун, как и другие, поклялась хранить молчание и не проболталась даже своим друзьям. «Я об этом не сообщила даже принцу Уильяму и Кейт. Они хорошие люди, им интересно, чем я занимаюсь, но об альбоме я ничего не говорила».

Первый альбом группы *SuperHeavy* с одноименным названием *(SuperHeavy)* содержал композиции в разных стилях, от соул-баллад до индийских песен на языке урду. Критики встретили его с восторгом, да и сам Мик, всегда готовый заняться чем-то выходящим за пределы своего обычного репертуара, был доволен.

«Эта группа, этот проект – все получилось очень хорошо», – говорил он.

Тем не менее внимание всего мира было приковано к другой группе, с которой неразрывно было связано его имя. Поклонников волновала судьба *Rolling Stones.* „Роллинги" в западном обществе – культовые фигуры, – говорил Стинг, выражая мнение миллионов. – Надеюсь, они прекратят свои ссоры. Я хотел бы еще увидеть, как они выступают».

Понимая, что пятидесятилетие группы не за горами, 1 декабря 2011 года Кит вылетел в Лондон, чтобы принять участие в импровизационной записи вместе с Ронни Вудом и Чарли Уоттсом. Такие встречи давно стали частью творческого процесса «Роллингов». Вскоре к ним присоединился бывший «Роллинг» Мик Тэйлор, и говорили, что Билл Уаймэн тоже приедет.

Но настоящей целью этой встречи было убедить Мика оставить все разногласия позади. «Мика всегда ждут с распростертыми объятиями, – сказал Кит. – Я уверен, что он появится». И он действительно появился на третий день, чему, как признался Кит, «все ужасно обрадовались». «Просто я все устроил так, что эта встреча стала для него магнитом…» – объяснял Кит.

«Все мы надеемся на примирение, – добавил Вуд, неоднократно бывший свидетелем ссор между двумя „Роллингами", хотя не многие из них были так серьезны, как эта. – Мне кажется, оно уже происходит, пока мы разговариваем, но для примирения требуется время. Так или иначе, дело должно чем-то закончиться. Мы с Чарли поможем… Пожелайте нам удачи!»

В начале 2012 года у Мика было немало поводов отвлечься от подготовки к предстоящему юбилею. 21 февраля он впервые выступал в Белом доме, выйдя на сцену после таких звезд, как Би Би Кинг и Бадди Гай. Под взглядом восхищенной Лоурен Джаггер заставил подняться со своих мест президента и первую леди, Мишель Обаму, которые старались танцевать под его песни *I Can't Turn You Loose* («Не могу отпустить тебя») и *Miss You* («Скучаю по тебе»). Как выразился сам Джаггер, это была «немыслимая фантастика», особенно когда он передал микрофон президенту и тот пропел несколько тактов *Sweet Home Chicago* («Милый дом, Чикаго»).

Несколько недель спустя, когда в Карнеги-холле проходил концерт в честь *Rolling Stones*, многие звезды на сцене и за сценой задавали вопросы о будущем группы; особенно всех волновали отношения между Миком и Китом. Но поклонникам не стоило переживать – как это бывало и прежде, «мерцающие близнецы»

поссорились, разошлись по разным углам, но в конце концов помирились и снова сошлись ради общего дела.

Они строили планы записать новый альбом, а также заявляли о назначенном на осень 2012 года выходе еще одного документального фильма про *Rolling Stones*, на этот раз снятого Бреттом Моргеном, получившим «Оскар» за фильм «Ребенок остается в картине», посвященный жизни яркого голливудского продюсера Роберта Эванса. Морген пообещал, что его новая лента «бросит вызов условностям и создаст звуковую ткань, которая перенесет зрителей в мир *Rolling Stones*».

Ничего иного, кроме как надеяться на «звуковую ткань» Моргена, поклонникам группы пока что не оставалось, поскольку после долгих раздумий было решено не устраивать большой тур в 2012 году. «Невозможно просто так вот выйти и выступить, – сказал Мик после концерта в Белом доме. – Нужно репетировать. Я вот сейчас в себе уверен. Не хочу показаться слишком самонадеянным, но так и есть. Если готовишься, то можешь позволить себе некоторое самодовольство».

В конце концов юбилейный тур в честь пятидесятилетия группы был перенесен на 2013 год вовсе не из-за обиды Мика на Ричардса, позволившего себе высказать острые замечания в адрес товарища. Мик, как всегда, находился в прекрасной форме и был готов выехать куда угодно и выступить где угодно. По некоторым сведениям, тур отложили из-за опасений по поводу здоровья самого Ричардса, который, кроме того что перенес операцию на мозге в 2006 году, еще и страдал от артрита кистей. «Роллинги» решили немного передохнуть и не отправляться в длительные гастроли по нескольким континентам, а ограничиться мини-туром.

То, что первое выступление *Rolling Stones* прошло в лондонском клубе «Марки» 12 июля 1962 года, никто не отрицал, но Ричардс заявил, что лично он считает – группа по-настоящему родилась в 1963 году, когда к ней присоединился Чарли Уоттс. Как сказал Ричардс: «1962 год – это год зачатия „Роллингов”. Настоящий пятидесятилетний юбилей будет в следующем году».

А что до Мика, то он по-прежнему устремлен в будущее и не желает оглядываться назад. «Я живу настоящим. У меня даже не бывает таких мыслей, вроде: „Невероятно! Не могу поверить, что до сих пор этим занимаюсь!“ Просто занимаюсь – и все. Просто делаю свое дело. И я не думаю: „Как быстро летит время“, потому что для меня все это продолжается».

Благодарности

Когда Мика спросили, что он думает по поводу моей книги «Джаггер. Неавторизованная биография», вышедшей в 1993 году, он ответил: «Я думаю, что моя репутация осталась незапятнанной». То же самое скорее всего он скажет и об этой книге. Впрочем, она еще больше подтверждает его репутацию – человека, который всю жизнь пытался выйти за пределы социальных условностей и расширить границы дозволенного, и можно сказать, что в чем-то он даже перестарался.

Мне выпала честь быть невольным свидетелем его жизни начиная с печально известного рок-фестиваля в Алтамонте в 1969 году, куда меня послали как начинающего корреспондента газеты *Time*. Позже я писал о фантасмагорических вечеринках в «Студии 54»; затем, как уже старший редактор журнала *People*, присутствовал на посвящении Мика Джаггера в рыцари в 2003 году. Поскольку к тому времени я выпустил пять бестселлеров о королевской семье, то подумал, что как никто другой подхожу на роль автора, освещающего это событие.

Для составления любой биографии требуется провести немало исследований, и особенно это верно в отношении биографии Мика Джаггера. По сути, я начал работу над этой книгой, стоя на холме в Северной Калифорнии и наблюдая за тем, как песня *Jumpin' Jack Flash* («Джек-попрыгунчик») заводит почти полмиллиона человек. Этот день был запечатлен в эпохальном документальном фильме «Дай мне укрытие» и упомянут Доном Маклином в песне *American Pie* («Американский пирог»).

Год за годом я расспрашивал друзей, знакомых, членов семьи, коллег-музыкантов, продюсеров, бывших учителей, одноклассников, наставников, протеже и фотографов, а также писавших о Мике Джаггере журналистов и конечно же его жен и любовниц. Некоторые из моих собеседников просили не упоминать их имен, и я выполняю их просьбу.

Изначально Мик попросил нескольких особо близких к нему людей, среди которых был и основатель «Атлантик Рекордз» Ахмет Эртегюн, не беседовать со мной. Тем не менее беседа состоялась, только с условием не использовать полученные сведения в книге. Сотни других говорили открыто и публично, даже не утруждаясь спрашивать разрешения у Джаггера.

И снова я многим обязан редактору рукописи, талантливому и преданному своему делу Митчеллу Иверсу. Также я благодарен сотрудникам издательства «Саймон и Шустер», особенно Луизе

Берк, Кэролайн Рейди, Дженнифер Бергстром, Дженнифер Робинсон, Эрику Рэйману, Фелис Джавит, Джин Энн Роуз, Лизе Кейм, Джессике Чин, Филипу Бэйшу и Наташе Саймонз.

В двадцать восьмой раз за много лет я благодарю Эллен Левин за ее мудрые советы и за дружбу. Также хотелось бы поблагодарить всех из «Трайдент Медиа Груп», особенно моих коллег Эллен Клэр Робертс, Монику Вудз и Аланну Рамирес.

За воодушевление, поддержку и терпение я благодарю свою жену Валери, которая вот уже более сорока лет щедро изливает на меня свою любовь. Наши дочери Кейт и Келли, умные и многого достигшие женщины, помогли мне посмотреть на тему моей книги с точки зрения более молодого поколения и понять, что Мик Джаггер интересует людей разных возрастов.

Также я благодарю: агента Крисси Шримптон, Эндрю Олдэма, Бьянку Джаггер, Джереда Манковиц, Биби Бьюэлл, Анджелу Боуи, Ахмета Эртегюна, Кристофера Гиббса, Марианну Фейтфул, Кита Олтхэма, Джона Данбара, Дика Тэйлора, Дика Кэветта, Мэй Панг, Барри Майлза, Фила Мэй, Питера Джоунса, Дика Кларка, Эрла Макграта, Брайана Найта, Сэма Катлера, Грега Филлинейнза, Джеффа Брэдфорда, Карло Литтла, Ли Блэка Чайлдерза, Родни Бингенхеймера, Николаса Роуга, Джерри Шацберга, Тома Макгиннеса, Виктора Бокриса, Стива Тёрнера, Харольда Пенделтона, Джона Мичела, Сэнди Либерсона, Артура Коллинза, Тревора Черчилля, Криса О'Доннела, Стефани Блустоун, Джорджио Гомельскиого, Дэвида Маккафа, Кристофера Макоса, Дэнни Филдза, Пэта Хакетта, Патришу Лоуфорд Стюарт, Элли Уиллис, Дэниела Стюарта, Кевина Кана, Алана Хамильтона, Валери Уотсон Данн, Тони Бренна, Нору Дарвен, Уэйна Дарвена, Фреда Хауптфюрера, Ричарда Кея, Фреда Хьюза, Стефани Мэнсфилд, Риту Дженретт, Викторию Балфур, Жуэ Моро, Элену Бренна, Ланса Луда, Руби Мазура, Майкла Гросса, Гаэл Лав, Брайана Морриса, Чаки Старра, Кенни Валента, Тома Фримана, Хейзел Сутэм, Джойса Уонсли, Питера Гиллмана, Лени Гиллман, Питера Фрейма, Венди Ли, Стивена Картена, Уильяма Уилкинсона, Дика Аллена, Уолтера Беннета, Артура Пейджа, Дэвида Херрингтона, Джона Уилкинсона, Тони Смита, Винни Зуффанте, Рассела Туриака, Мэри Бун, Майкла Хоровица, Роберта Литтмана, Эрику Белл, Трумэна Капоте, Холстона, Марвина Митчелсона, Стива Рубелла, Рой Кон, Крэнстона Джоунса, Малкольма Форбса, Джесс Бернбаум, Билла Грэма, Донну Миллер, Бобби Зарема, Сьюзан Кримп, Питера Арчера, Барбару Левин, Бэрд Джоунс, Эйприл Тодд, Розмари Макклюр, Венди Ротман, Питера Ньюкоума, Мэри Веспа, Мэри Бет Уэлан, Брука Мейсона, Кендру Кабасель, Криса Диненна, Шантель Берджесс,

Энн Ди Паскуале, Линдзи Смит; персонал Дартфордской грамматической школы в Дартфорде, графство Кент, а также Лондонской школы экономики, сотрудников библиотеки Центра изобразительных искусств имени Линкольна, Национальной академии искусства и науки звукозаписи, Зала славы рок-н-ролла, Нью-Йоркской публичной библиотеки, Библиотеки имени Сайласа Бронсона, библиотеки Личфилда, Мемориальной библиотеки Ганна; работников клуба «Лэндсоун», клуба «Гаррик», клуба «Реформ» и клуба «Лотос»; сотрудников аукциона *Sotheby's,* сотрудников таких изданий, как лондонская *Times, Daily Mail, New York Times,* агентств Reuters, *Bloomberg, Associated Press, Rex USA, BEImages, Retna, Getty Images, Alpha Photos* и *Globe Photos.*

Источники

Следующие примечания к главам призваны дать общее представление об источниках, которыми я пользовался при написании книги, но это вовсе не полный список. Автор уважает желание многих собеседников оставаться анонимными и поэтому согласился не называть их имен здесь и в тексте книги. Разумеется, Мику Джаггеру и группе *Rolling Stones* были посвящены тысячи статей и публикаций, выходивших за последние полвека, многие из которых стали источником информации для данной книги. Эти статьи печатались в таких изданиях, как *Times, New York Times, Time, Newsweek, Life, Vanity Fair, People, Rolling Stone, New Yorker, Los Angeles Times, Paris Match, Guardian, Daily Mail, Le Monde, Esquire, Entertainment Weekly, Spin, USA Today, Forbes, Economist u Wall Street Journal;* их передавали агентства *Reuters, Bloomberg, Gannett, United Press International* и *Associated Press;* они также публиковались на многих ведущих новостных веб-сайтах, от *Yahoo! News* и *Google News* до *Huffi ngton Post.*

Главы 1-3

При написании этих глав автор опирался на сведения, полученные, помимо прочего, в беседах с Крисси Шримптон, Эндрю Олдэмом, Марианной Фейтфул, Джоном Данбаром, Диком Тэйлором, Китом Олтхэмом, Фил Мэй, Каро Литтлом, Кристофером Гиббсом, Брайаном Моррисом, Уильямом Уилкинсоном, Диком Алленом, Уолтером Беннеттом, Артуром Пейджем, Джоном Уилкинсоном, Дэвидом Херрингтоном, Тони Смитом, Валери Уотсон Данн, Джорджио Гомельским, Крисом О'Доннеллом, Виктором Бокрисом, Полом Джоунсом, Джеффом Брэдфордом, Брайаном Найтом, Питером Джоунсом, Харольдом Пендлтоном, Томом МакГиннессом, Майклом Хоровицем, Джоном Майоллом и Стивом Тёрнером.

Редландский скандал – одно из самых известных дел по обвинению в хранении наркотиков, о котором писали во всех ведущих новостных изданиях, включая *Times, Guardian, New York Times, Time, Newsweek, Der Spiegel, Paris Match,* и даже в газете «Правда». Автор также просматривал копию судебного протокола. Источником сведений о похождениях Джаггера в Марокко послужили в основном дневники Сесила Битона.

Главы 4-6

Информация этих глав основана, в частности, на беседах с Николасом Роугом, Биби Бьюэлл, Грейсом Сликом, Грэмом Парсонсом, Диком Картером, Биллом Грэмом, Сэмом Катлером, Сэнди Либерсон, Барри Майлзом, Стефани Блустоун, Джередом Манковицем, Джоном Данбаром, Линдзи Смит, Элли Уиллис, Грегом Филлингейнзом, Эрлом Макгратом, Родни Бингенхеймером, Робертом Литтманом, Китом Олтхэмом, Джерри Шацберг, Питом Фреймом, Тревором Черчиллем, Руби Мазур, Лансом Лудом, Кристофером Макосом, Джоном Марионом, Артуром Коллинзом, Пэт Хакетт, Гаэлом Лавом, Труманом Капоте, Мэри Бун, Холстоном, Кенни Валентом, Мелвином Белли, Венди Ли, Джоанн Бобровиц, Фредом Хьюзом и Розмари Макклюр.

Автор просмотрел более 130 судебных документов, включая копии судебных протоколов и письменные показания под присягой по делу о разводе между Бьянкой и Майклом Филиппом Джаггерами, рассматриваемого судом высшей инстанции Лос-Анджелеса (Дело номер D 985 336).

Главы 7-10

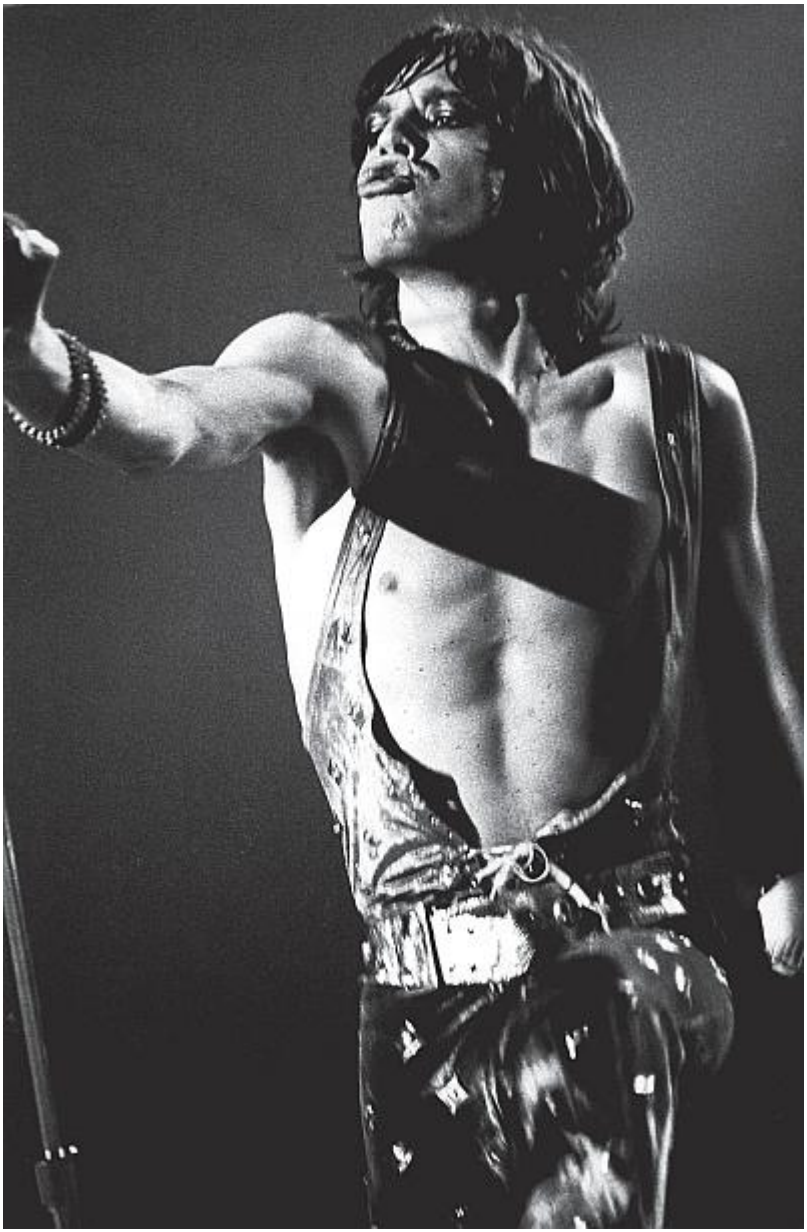
Дик Каветт, Анджела Боуи, Мэй Пэнг, Трумэн Капоте, Лиз Дерринджер, Ахмет Эртегюн, Марвин Митчелсон, Малькольм Форбз, Стив Рубелл, Джордж Плимптон, Руби Мазур, Аллен Кляйн, Патриша Нил, Ли Блэк Чайлдерз, Кевин Кан, Ричард Кэй, Рита Дженретт, Барбара Левин, Сьюзан Кримп, Питер Арчер, Жуэ Моро, Ги Пелли, Патриша Лоуфорд, Фред Хауптфюрер, Стефани Мэнсфилд, Эйприл Тодд, Рой Кон, Эндрю Хамильтон, Кит Олтхэм, Алан Хамильтон, Виктор Бокрис, Бобб Зарем, Дэвид Маккаф, Рассел Туриак, Пэт Хакетт, Дэниэл Стюарт, Ли Уолферт, Винни Зуффанте, Виктория Балфур и Биби Бьюэлл.

Иллюстрации

Фотографии предоставлены:

IPOL-Globe Photos: 1; Alpha/Globe Photos: 3, 37; Dezo Hoffmann/Rex USA/BEImages: 4, 5, 7, 8, 12; Rex USA/BEImages: 6, 15, 16, 34; Popper-foto/Getty Images: 9; Richard Polak-Globe Photos: 10; Everett Collection/Rex USA/BEImages: 11, 13, 14; Retna: 17; AFP/Getty Images: 18; Getty Images: 19, 22, 24, 39, 41; Adam Scull/ Globe Photos: 20; Richard Young/Rex USA/BEImages: 21; WireImage: 23; News Ltd./Newspix/Rex USA/BEImages: 25; Time & Life Pictures/ Getty Images: 26; Dave Lewis/ Rex USA/BEImages: 27; Adam Hollingsworth/Newspix/Rex USA/BEImages: 28; Richard Young/Rex USA/BEImages: 29; Bernadette Lou/Rex USA/BEImages: 30; Omedias-Globe Photos: 31; PIXPLANETE/Globe Photos: 32; Pazzazz.GB.com/ Globe Photos: 33; Dave Benett/Globe Photos: 35; MURRAY/MCKAY/ Rex USA/BEImages: 36; Mark Large/Daily Mail/Rex/Rex USA/ BEImages: 38; Richfoto.com/Globe Photos: 40; FilmMagic, Inc.: 42; Ken Babolcsay-Globe Photos: 43; Sonia Moskowitz-Globe Photos: 44; Anthony Harvey-Allstar-Globe Photos: 45.

Фотография на обложке: © Gijsbert Hanekroot



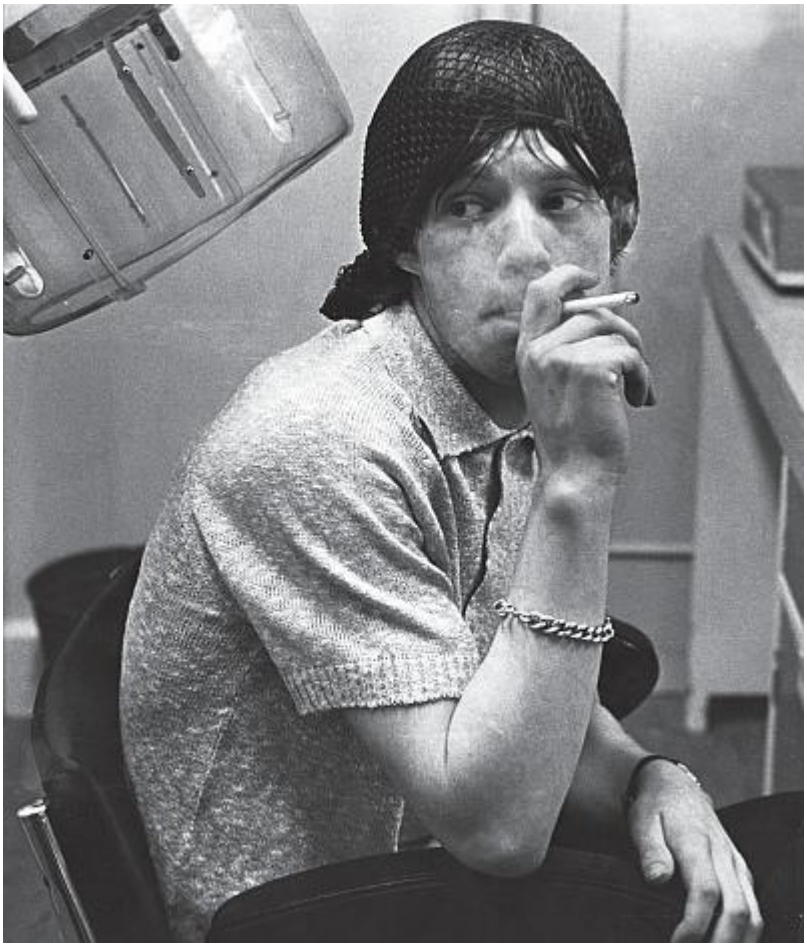
Майкл Филипп Джаггер (на фотографии справа ему два года) рос в семье самого что ни на есть среднего класса, в лондонском пригороде Дартфорде, и был капитаном баскетбольной команды Дартфодской школы.

Однажды, столкнувшись на поле с другим игроком, Джаггер (на нижней фотографии стоит справа) откусил себе кончик языка, что и стало причиной своеобразного произношения.

В грядущие пятьдесят лет судьбы Мика и Кита переплетутся теснейшим образом. Даже жены будут называть их отношения своеобразным «супружеством».

Один из первых снимков еще не агрессивных «Роллингов». Задний ряд, слева направо: Билл Уаймен, Чарли Уоттс, Иэн Стюарт. Передний ряд: Брайан Джонс, Мик и на удивление скромный Кит Ричардс. В скором времени Стюарт, внешний вид которого сочтут неподходящим, покинет группу.

Мика осаждают поклонники в лондонском аэропорту Хитроу. Музыкант стал звездой по обе стороны Атлантики еще до того, как «Роллинги» в 1964 году в первый раз ступили на американскую землю.



Мик прихорашивается перед концертом со знанием дела – его мать распространяла продукцию *Avon*, и он с детства стал экспертом по косметике, прическам и костюмам.

Мик и Марианна Фейтфул в 1967 году, до того как она пристрастилась к героину.

Мика в наручниках доставляют в тюрьму после скандально знаменитого разбирательства по делу о хранении наркотиков в Редландсе, породившего бурные дискуссии во всем цивилизованном мире.

В одной из сцен фильма «Представление» Мик снимался в ванной вместе с актрисой Мишель Бретон и Анитой Палленберг, бывшей в то время любовницей Кита. Интрижка Мика и Палленберг вызвала очередную вспышку гнева со стороны Ричардса.

Мик и Марианна Фейтфул снова в суде – летом 1969 года, семь месяцев спустя, после того как у Марианны случился выкидыш, их в очередной раз обвинили в хранении наркотиков.

Мик на сцене во время выступления «Роллингов» в Гайд-парке в июле 1969 года, всего лишь через два дня после загадочной гибели Брайана Джонса. На концерте в память о музыканте собралось более 250 тысяч зрителей.

Пять месяцев спустя почти в два раза больше поклонников собралось на печально знаменитом выступлении в Алтамонте. Мрачные события того концерта, закончившегося поножовщиной и убийствами, запечатлены в документальном фильме «Дай мне укрытие».

Пока Мик снимался в Австралии в роли бандита Неда Келли, Марианна стала второй женщиной в его жизни, попытавшейся покончить с собой.

У Бьянки, напротив, не было склонности к суициду. Однажды она даже наставила пистолет на Мика, придя в бешенство от его многочисленных любовных интриг.

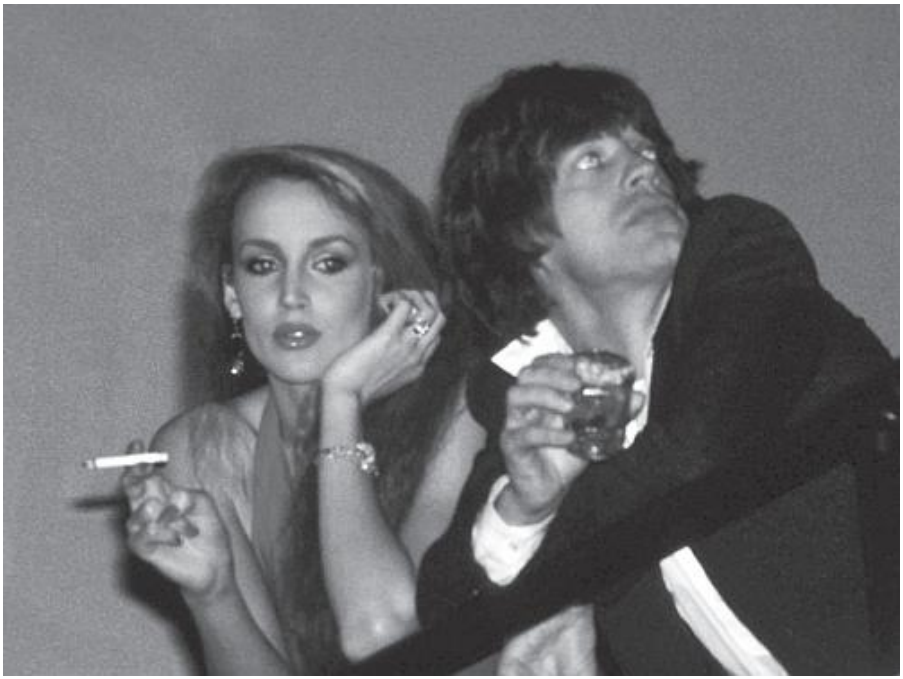
После многолетних судебных разбирательств Марша Хант, на тот момент жившая на пособие, наконец-то заставила Мика признаться в отцовстве ее дочери Карис.

Мик с покрытыми лаком ногтями с Дэвидом Боуи и Лу Ридом в лондонском кафе «Ройяль» в 1973 году – одна из сцен, подчеркивающих его андрогинный образ.

В королевском дворце и за его пределами всегда искоса смотрели на слишком тесную дружескую связь Мика и принцессы

Маргарет, единственной сестры Елизаветы II.

Мик с легендой музыкальной индустрии Ахметом Эртегюном в 1976 году. Тридцать лет спустя Мик будет шокирован известием о неожиданной смерти давнего друга в результате несчастного случая за кулисами.



Мик и Джерри Холл в нью-йоркской «Студии-54».

«Никто больше него не знает о моде и красоте», – однажды сказала Джерри о Мике, который часто помогал ей прихорашиваться перед выходом на подиум.

Пол Маккартни с женой Линдой за кулисами на выступлении Мика в 1978 году.

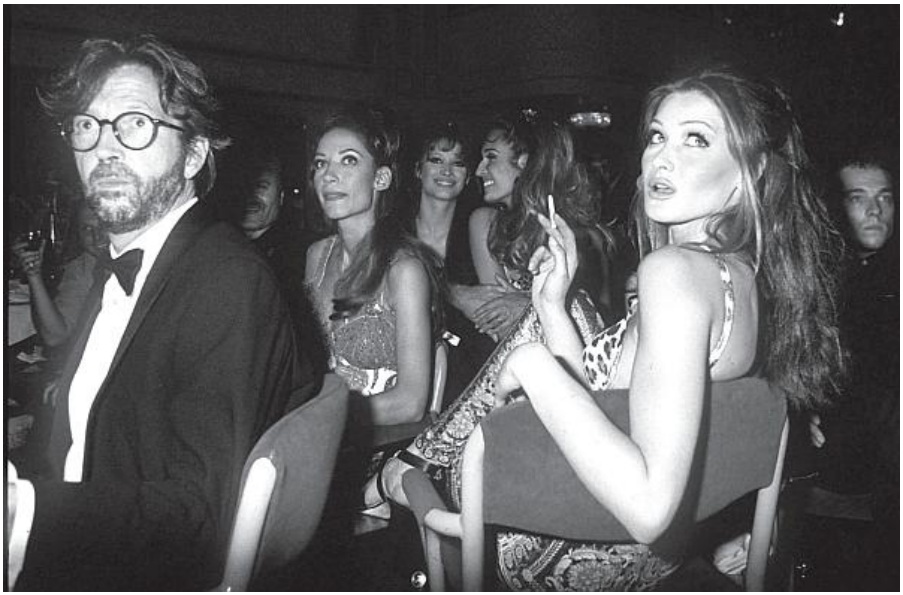
Мик поддерживал приятельские отношения со всеми «Битлами», но самым близким другом из них считал Леннона.

Мик и Тина зажигательно исполняют свой вариант песни *It's only Rock'n'Roll* («Это только рок-н-ролл») на концерте *Live Aid* 1985 года.

В том же году композиция Джаггера *Dancing in the Street* («Танцуя на улице»), которую он исполнил вместе с Дэвидом Боуи, стала таким хитом, что они даже думали сняться в римейке фильма «Некоторым нравится погорячее».

Мик вместе с Джорджем Харрисоном и Брюсом Спрингстином на церемонии в «Зале славы рок-н-ролла» в 1988 году.

Четыре женщины из четырех с лишним тысяч: Дженис Дикинсон, Анджелина Джоли, Лусиана Морад, Софи Даль.

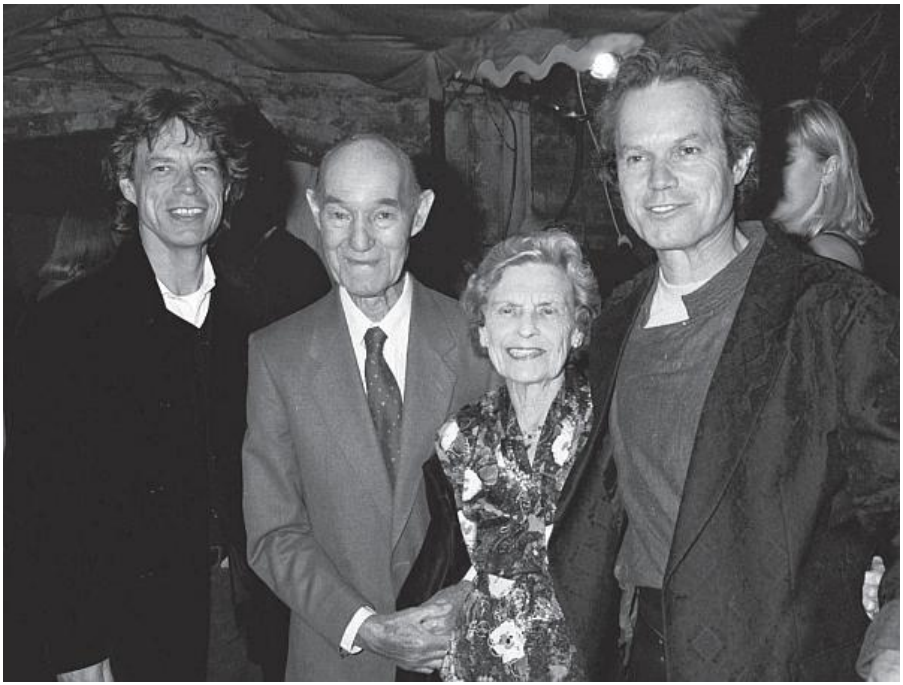


Карла Бруни, впоследствии первая леди Франции, некогда была очарована Эриком Клэптоном, у которого ее увел Мик.

Их неустойчивые отношения с расставаниями и примирениями закончились только после того как Карла в 2008 году вышла замуж за президента Франции Николя Саркози.

Окончательно расставшись после 22 лет совместной жизни (последней каплей для Джерри стало рождение ребенка Мика и Лусианы Морад), Мик и Джерри сохранили дружеские отношения и вместе заботились о своих детях.

Мик на прогулке с Лусианой Морад и их сыном Лукасом в Ричмонде, в графстве Суррей.



Мик с младшим братом Крисом и родителями, Евой и Джо Джаггерами, в 1999 году. Мик утверждал, что именно родители привили ему любовь к дисциплине, необходимой для достижения успеха в жизни.

Мик не скрывал слез на поминках своей матери Евы, скончавшейся в возрасте 87 лет.

Принц Чарльз, Мик и его дочь Лиза на премьере фильма «Энигма».

Джо, Карис, Лиззи и сэр Мик сразу после посвящения в рыцари 12 декабря 2003 года. Церемония запомнилась отсутствием королевы, которая никогда не была поклонницей Мика.

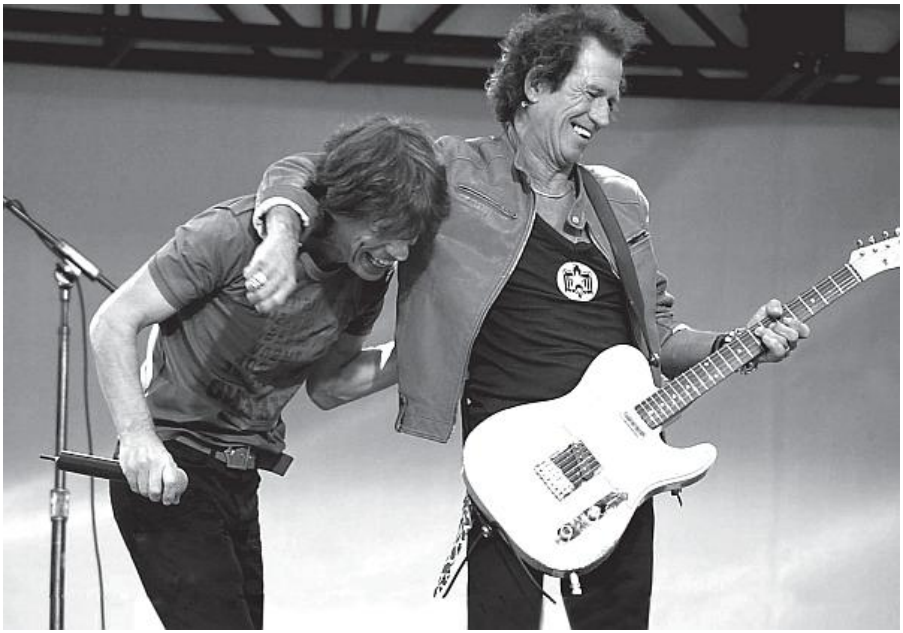
Редакторы трансляции вырезали некоторые слова из песни «Роллингов», но Мик все равно привел в восхищение 111-миллионную телеаудиторию «Суперкубка» 2006 года.

Мик, Ронни, Чарли и Кит снова вместе на лондонской премьере документального фильма Мартина Скорсезе «Да будет свет» в 2008 году.

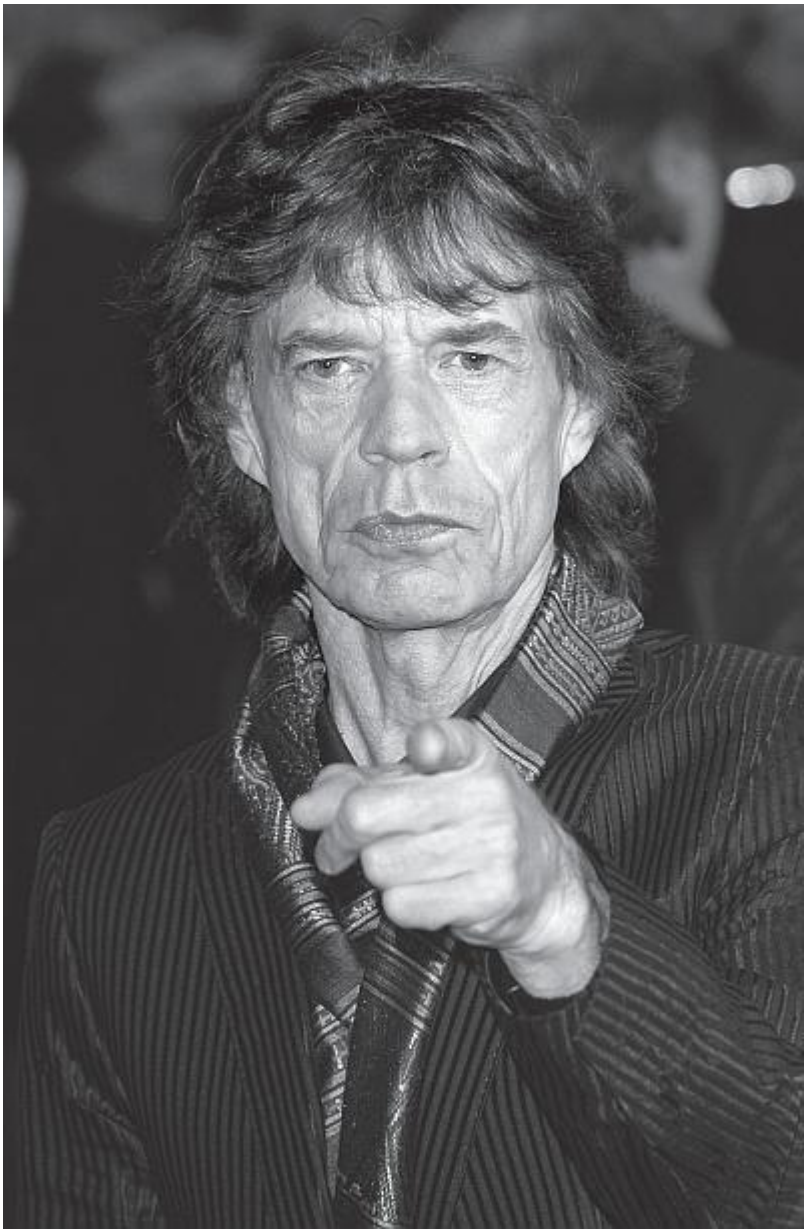
В 2007 году Мик вместе с Эми Уайнхаус спел песню *Ain't Too Proud to Beg (*«Не слишком горд, чтобы умолять») и предсказал преждевременную смерть певицы.

Мик «двигается как Джаггер» на «Грэмми» 2011 года.

Два самых важных человека в жизни Мика: Лоурен…



… и конечно же Кит.



notes

Примечания

1

Препарат для снятия менструальных болей. – *Примеч. пер.*

2

Faithful – верная *(англ)*. – *Примеч. пер.*

3

Словосочетание *«loosing streak»* – «проигрышная» или «черная полоса» – на британском сленге того времени означало еще и «месячные», хотя сейчас многие даже англоязычные слушатели этого не понимают. – *Примеч. пер.*

4

Или «Повелителем шпионов» *(Lord of the Spies)*, аллюзия на роман Голдинга «Повелитель мух» *(The Lord of the Flies)*. – *Примеч. пер.*

5

«Won’t you give us a glimmer?» Glimmer – проблеск, намек *(англ.)*. *– Примеч. пер.*

Jade – нефрит *(англ.)*. – *Примеч. пер.*